

*Решением президиума Высшей аттестационной комиссии
Министерства образования и науки Российской Федерации журнал включен
в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий,
выпускаемых в Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени доктора и кандидата наук*

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

УДК 001:331.102.312
ББК 72.6 (2Рос.Ады)
В 38

ВЫПУСК 2

2013

Учредители: Адыгейский государственный университет,
Адыгейское региональное межотраслевое
отделение РАЕН

Рецензируемый, реферируемый научный журнал АГУ

ВЕСТНИК Шэныгъэгъуаз

АДЫГЕЙСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия «Экономика»

Майкоп 2013

Вестник Адыгейского государственного университета. Серия «Экономика».
— Майкоп: изд-во АГУ, 2013. — Вып. 2 (120). — 250 с.

«Вестник Адыгейского государственного университета» — рецензируемый, реферируемый научный журнал, освещающий вопросы естественных и гуманитарных наук. Издается Адыгейским государственным университетом на основании решения Ученого совета АГУ и Свидетельства о регистрации средства массовой информации Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций ПИ №ФС77-49223 от 04 апреля 2012 г. Основные направления научных исследований представлены пятью сериями, каждая из которых ориентирована на освещение актуальных вопросов теории и практики современной науки, а также проблем преподавания основных дисциплин в вузе.

Научный журнал «Вестник Адыгейского государственного университета» включен в Перечень научных журналов и изданий, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ для публикации основных результатов докторских и кандидатских диссертаций.

В предлагаемом читателю втором выпуске журнала «Вестник Адыгейского государственного университета» за 2013 год публикуются научные статьи и обсуждаются результаты научных исследований в области экономических наук.

Материалы размещены по разделам и отраслям науки в соответствии с Государственным рубрикаторм научно-технической информации.

ISSN 2074-1065

Свидетельство о регистрации ПИ №ФС77-49223 от 04 апреля 2012 г.

*According to the decision of Presidium of the Higher Attestation Commission
of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation
the journal is included in the List of the leading reviewed scientific
journals and editions issued in the Russian Federation
which publish the basic scientific results of Dissertations
for a Doctor's and Candidate's degree*

MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE
OF RUSSIAN FEDERATION

УДК 001:331.102.312
ББК 72.6 (2Рос.Ады)
В 38

ISSUE 2

2013

The founders: Adyghe State University,
Adyghe Regional Interbranch Department
of the Russian Academy of Natural Sciences

Peer-reviewed scientific journal of Adyghe State University

BULLETIN

Шэныгъэгъуаз

ADYGHE
STATE
UNIVERSITY

Series "Economics"

Maikop 2013

The Bulletin of the Adyghe State University. Series “Economics” — Maikop: Publishing House “Adyghe State University”, 2013, Issue 2.— 250 p.

“The Bulletin of the Adyghe State University” is a peer-reviewed scientific journal dealing with questions of natural sciences and the humanities. It is published by the Adyghe State University on the basis of the decision of Academic Council and the Certificate on Registration of Mass Media of Federal Agency of Supervision in Sphere of Telecommunication, Information Technologies and Mass Communications No.77-36596 of 08 June, 2009. The basic directions of scientific researches are presented in five series, each being focused on elucidation of actual questions of the theory and practice of a modern science and teaching in the basic disciplines in higher school.

Journal “Bulletin of the Adyghe State University” is included in the List of journals and editions recommended by the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation for the publication of the basic results of Doctor’s and Candidate’s dissertations.

This issue of the peer-reviewed scientific journal “The Bulletin of the Adyghe State University”, 2013, publishes papers and discusses results of scientific researches in the field of economic sciences.

Materials are placed in sections in accordance with the State Rubrics of the Scientific and Technical Information.

ISSN 2074-1065

Certificate on Registration of Mass Media of Federal Agency of Supervision in Sphere of Telecommunications, Information Technologies and Mass Communications No. FS 77-49223 от 04 April 2012

Редакционная коллегия:

Главный редактор: *Р.Д. Хунагов*, ректор АГУ, доктор социологических наук, профессор кафедры философии и социологии;

Зам. главного редактора: *А.В. Шаханова*, проректор по научной работе, доктор биологических наук, профессор, зав. кафедрой физиологии;

Ответственный редактор: *А.А. Керашев*, доктор экономических наук, профессор, декан экономического факультета.

Редакционная комиссия:

Экономические науки:

А.А. Керашев, доктор экономических наук, профессор, декан экономического факультета;

Е.Н. Захарова, доктор экономических наук, зав.каф. экономики и управления;

А.Ш. Хуажева, доктор экономических наук, профессор кафедры учета и финансирования;

И.В. Сугаилова, доктор экономических наук, профессор кафедры учета и финансирования;

А.А. Тамов, доктор экономических наук, профессор кафедры управления персоналом;

А.А. Апишев, доктор экономических наук, профессор кафедры экономики и управления, председатель Адыгейского регионального отделения РАЕН.

Редакционный совет

Председатель:

Хунагов Р.Д., ректор АГУ, доктор социологических наук, профессор (Майкоп).

Члены редакционного совета:

Афасижев Т.И., доктор социологических наук, профессор (Майкоп);

Герасимов Г.А., доктор медицинских наук, профессор (Москва);

Данилов А.А., доктор исторических наук, профессор (Москва);

Дмитриев А.В., доктор философских наук, профессор, член-корреспондент РАН (Москва);

Залиханов М.Ч., доктор физико-математических наук, профессор, академик РАН (Нальчик);

Ермоленко А.А., доктор экономических наук, профессор (Краснодар).

Фабле Д., доктор педагогических наук, профессор Парижского университета 10 (Нантерр, Франция);

Кнезель П., доктор права, Университет прикладных наук (Потсдам, Германия);

Лях В.И., доктор педагогических наук, профессор (г. Краков, Польша);

Совински Я., доктор права, Университет им. Палацкого (г. Оломоуц, Чехия).

Editorial Board:

Editor-in-chief: *R.D. Khunagov*, Rector, Doctor of Sociological Sciences, Professor of Philosophy and Sociology Department;

Deputy Editor-in-Chief: *A.V. Shakhanova*, Pro-rector on Scientific Work, Doctor of Biological Sciences, Professor, Head of Physiology Department;

Editor-in-chief: *A.A. Kerashev*, Doctor of Economic Sciences, Professor, Dean of Economic Faculty.

Editorial Commission:

Economics:

A.A. Kerashev, Doctor of Economic Sciences, Professor, Dean of Economic Faculty;

E.N. Zakharova, Doctor of Economic Sciences, Head of Economy and Management Department;

A.Sh. Khuazheva, Doctor of Economic Sciences, Professor of Accountancy and Finance Department;

I.V. Sugaipova, Doctor of Economic Sciences, Professor of Accountancy and Finance Department;

A.A. Tamov, Doctor of Economic Sciences, Professor of Personnel Adminstrating Department.

A.A. Apishev, Doctor of Economic Sciences, Professor of Economy and Management Department, Chairman of the Adyghean Regional Division of RAEN.

Editorial Council:

Chairman:

R.D. Khunagov, Rector, Doctor of Sociology, Professor (Maikop)

Members of Editorial Council:

T.I. Afasizhev, Doctor of Sociology, Professor (Maikop);

G.A. Gerasimov, Doctor of Medicine, Professor (Moscow);

A.A. Danilov, Doctor of Historical Sciences, Professor (Moscow);

A.V. Dmitriev, Doctor of Philosophy, Professor, Academician of RAN (Moscow);

A.A. Ermolenko, Doctor of Economic Sciences, Professor (Krasnodar);

M.Ch. Zalikhanov, Doctor of Physics and Mathematics, Professor, Academician of RAN (Nalchik).

D.Fablet, Doctor of Pedagogy, Professor, University Paris 10 (Nanterre, France);

P. Knosel, Doctor of Law, University of Applied Sciences (Potsdam, Germany);

V.I. Lyakh, Doctor of Pedagogy, Professor (Cracow, Poland);

J. Sovinsky, Doctor of Law, Palacké University (Olomouc, Czech Republic).

СОДЕРЖАНИЕ

ФИНАНСОВЫЕ РЫНКИ

В.В. Бондаренко	Таргетирование инфляции в условиях рецессии	11
------------------------	---	----

РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

А.В. Гладилин, Е.В. Омельченко	Необходимость совершенствования инструментария для исследования параметров устойчивости развития регионов	16
А.А. Джаримов, А.Р. Попов, Р.А. Попов	Развитие производительных сил в условиях ужесточения конкуренции: региональный срез проблемы	23
А.Г. Добровольский	Стратегические приоритеты развития Республики Адыгея и механизмы преодоления ее отставания в социально-экономическом пространстве Южного макрорегиона	28
Ю.А. Долгих	Диверсификационные возможности бюджетно-дефицитного региона	33
А.А. Керашев, А.А. Мокрушин, Н.А. Королева	Способы взаимодействия мега-корпораций и региональных экономических систем современной России	38
Х.А. Константиныди	Стратегия симметричной интеграции развития Южного макрорегиона России	48
Н.А. Королева, В.С. Маницкий	Воспроизводство интеллектуальных услуг во взаимодействии мега-корпорации и региональной экономической системы	54
Т.В. Мартышина	Устойчивое развитие как концептуальная форма проявления динамической устойчивости региона	60
Т.В. Мартышина, О.А. Корба	Основные элементы системы региональной устойчивости и их оценка	67
В.В. Прохорова, Н.А. Хилько	Стратегическая траектория становления «экономики, основанной на знаниях» на мезо-уровне современной России	74
Е.В. Смирнова, Ф.В. Шутилов	Управление экономическим развитием санаторно-курортных комплексов региона	80
Н.В. Тимошенко	Государственное регулирование как основа прогрессивного развития региональной экономики	85
О.Н. Устюжина, С.В. Хусаинова	Анализ подходов и методов оценки инвестиционной привлекательности регионов	92
Н.А. Хилько	Субрегиональные сети в хозяйственном развитии территории	100
Р.Д. Хунагов, Р.А. Попов	Информатизация пространства и новые подходы к развитию и застройке территорий	105

ЭКОНОМИКА АПК

Ю.И. Бершицкий, К.Э. Тюпаков, Н.Р. Сайфетдинова	Методика оценки трансфертной эффективности мер государственной поддержки агропроизводителей	111
А.А. Мокрушин, К.М. Панеш	Проблемы и перспективы структурной модернизации АПК региона на основе механизмов корпоративной интеграции	122
П.Г. Чернышов	Генезис агропродовольственного рынка и рыночной инфраструктуры	129

ЭКОНОМИКА СЕРВИСА

О.Г. Гисина, Т.Г. Тлюстен	Реализация предпринимательского потенциала как инструмент обеспечения эффективного функционирования учреждения высшего образования	137
Е.А. Кобец, А.В. Ханина	Генезис и тенденции развития сферы жилищно-коммунального хозяйства	145
Т.А. Макареня, С.В. Сташ	Определение нормативной потребности в ресурсах на услуги водоснабжения	153
В.М. Матюнин	Тенденции развития туристической сферы в России: проблемы и перспективы	161
Я.А. Налесная	Зарубежный опыт функционирования предприятий сферы ЖКХ	169

МЕНЕДЖМЕНТ

Н.В. Иванча	Проблемы внедрения системы контроллинга на промышленном предприятии	175
Б.А. Кумпилова, С.А. Хатукай	Современные формы организации управления на предприятиях малого и среднего бизнеса: развитие безъядерных структур	182
С.В. Малков	Средства управления предпринимательскими рисками виртуального предприятия	188
К.В. Смицких, Т.В. Терентьева	Оценка влияния факторов на эффективность деятельности предприятий стройиндустрии	193

НАЛОГИ И НАЛОГООБЛОЖЕНИЕ

М.П. Владимирова	Современные реалии применения офшоров как метода международного налогового планирования	202
-------------------------	---	-----

УЧЕТ, АНАЛИЗ И АУДИТ

М.П. Владимирова, Г.Н. Курбанов	Современные подходы к начислению амортизации горно-подготовительных работ в системе совершенствования учетной политики и аудита	208
--	---	-----

УПРАВЛЕНИЕ ИННОВАЦИЯМИ

Е.А. Гурова	Активизация информационного ресурса инновационно ориентированной организации	216
Е.Ю. Дерюгина	Государственно-частное партнёрство как организационная форма внедрения системных инноваций на предприятиях угольной промышленности	224
И.В. Чистникова, Е.В. Никулина	Формирование инновационной стратегии развития производства в регионе	234

TABLE OF CONTENTS

FINANCIAL MARKETS

V.V. Bondarenko	Targeting the inflation in the period of recession	11
------------------------	--	----

REGIONAL ECONOMY

A.V. Gladilin, E.V. Omelchenko	The need to improve tools to study parameters of stability of the region development	16
A.A. Dzharimov, A.R. Popov, R.A. Popov	Development of productive forces in the conditions of competition toughening: regional cut of a problem	23
A.G. Dobrovolsky	Strategic priorities of the Republic of Adyghea and mechanisms bringing it up in the socio-economic environment of the Southern macroregion	28
Yu.A. Dolgikh	Diversification opportunities of the budgetary-deficit region	33
A.A. Kerashev, A.A. Mokrushin, N.A. Koroleva	The ways of interaction of mega-corporations with regional economic systems in contemporary Russia.	38
Kh.A. Konstantinidi	Balanced integration of development strategy in Southern Macroregion of Russia	48
N.A. Koroleva, V.S. Manitskiy	The reproduction of intellectual services in the interaction between mega- corporation and the regional economic system	54
T.V. Martyshina	Sustainable development as a conceptual form of manifestation of dynamic stability of the region	60
T.V. Martyshina, O.A. Korba	Basic elements of system of regional stability and their assessment	67
V.V. Prokhorova, N.A. Khilko	Strategic trajectory of the development of «economy, based on knowledge» at meso level of modern Russia	74
E.V. Smirnova, F.V. Shutilov	Management of economic development of sanatorium complexes of the region	80
N.V. Timoshenko	State regulation as a basis for the progressive development of the regional economy	85
O.N. Ustyuzhina, S.V. Khusainova	Analysis of approaches and methods of the evaluation of investment attractiveness of regions	92
N.A. Khilko	The sub-regional net systems in the economical evolution of territory	100
R.D. Khunagov, R.A. Popov	Informatization of space and new approaches to developmentand erecting buildings on territories	105

ECONOMY OF AGRARIAN-INDUSTRIAL COMPLEX

Yu.I. Bershitsky, K.E. Tyupakov, N.R. Sayfetdinova	Technique of an assessment of transfer efficiency of measures to support agrarians by the state	111
A.A. Mokrushin, K.M. Panesh	Problems and prospects of structural development of regional AIC on the basis of mechanisms of corporative integration	122
P.G. Chernyshov	The genesis of the agricultural and food market and market infrastructure	129

SERVICE ECONOMY

O.G. Gisina, T.G. Tlyusten	Realization of enterprise potential as a tool of ensuring effective functioning of higher education institutions	137
E.A. Kobets, A.V. Khanina	Genesis and tendencies in development of housing and communal services	145
T.A. Makarenya, S.V. Stash	Determination of regulatory requirements for water resource services	153
V.M. Matyunin	Trends in the development of tourist industry in Russia: problems and prospects	161
Ya.A. Nalesnaya	Foreign experience in functioning of the enterprises of the housing and communal services	169

MANAGEMENT

N.V. Ivancha	Problems of introducing a controlling system at an industrial plant	175
B.A. Kumpilova, S.A. Khatukay	Modern forms of the organization of management in small and medium-sized business: the development of non-core structures	182
S.V. Malkov	Management facilities of entrepreneurial risks of virtual enterprises	188
K.V. Smitskikh, T.V. Terentyeva	Assessment of factor influence on the efficiency of construction enterprises	193

TAXES AND TAXATION

M.P. Vladimirova	Modern realities of application of the offshore business as a method of the international tax planning	202
-------------------------	--	-----

THE ACCOUNT, AUDIT AND THE CONTROL

M.P. Vladimirova, G.N. Kurbanov	Modern approaches to depreciation charge of mountain preparatory work in improvement system of accounting policies and audit	208
--	--	-----

MANAGEMENT OF INNOVATIONS

E.A. Gurova	Information resource activation of innovatively focused organization	216
E.Yu. Deryugina	Public-private partnership as the organizational form of introduction of system innovation at enterprises in the coal industry	224
I.V. Chistnikova, E.V. Nikulina	Formation of innovative strategy to develop industry in the region	234

ФИНАНСОВЫЕ РЫНКИ

FINANCIAL MARKETS

УДК 336.711
ББК 65.262.100
Б 81

В.В. Бондаренко

Доктор экономических наук, профессор кафедры экономики и финансов Краснодарского филиала Финансового университета при Правительстве РФ, г. Краснодар. Тел.: (861) 268 16 95 (доб. 118), e-mail: v_bondarenko@kubunibank.ru

Таргетирование инфляции в условиях рецессии (Рецензирована)

Аннотация. В статье обосновывается необходимость действенных мер Центрального банка России по таргетированию инфляции в условиях наступившей в 2013 году экономической рецессии. В целях повышения контроля за инфляцией и управления ею предлагается внести изменения в действующую денежно-кредитную политику, своевременно корректировать ключевые ставки Центрального банка в зависимости от темпов инфляции и экономического роста в базовых отраслях, а также создать механизм общественного контроля для оценки эффективности действий Банка России, направленных на таргетирование инфляции.

Ключевые слова: таргетирование инфляции, денежно-кредитная политика, темпы экономического роста.

V.V. Bondarenko

Doctor of Economics, Professor of the Economy and Finance Department, Krasnodar Branch of Financial University at the Russian Federation Government, Krasnodar. Ph.: (861)268-16-95 (add. 118), e-mail: v_bondarenko@kubunibank.ru

Targeting the inflation in the period of recession

Abstract. The paper justifies decisive measures of Central Bank of Russia for targeting the inflation in the period of actual economic recession in 2013. In order to increase the control and management of inflation, it is proposed to change the actual monetary policy, to correct timely the key rates of Central Bank depending on inflation and economic growth in basic industries, as well as to establish a mechanism of public control to estimate the effectiveness of Bank of Russia measurements for targeting the inflation.

Keywords: targeting the inflation, monetary policy, rate of economic growth.

Замедление темпов экономического роста в России наблюдалось уже в течение всего 2012 года, хотя и правительство, и Центральный банк придерживались сдержанного оптимизма и не приветствовали критические оценки. Но когда за первые два месяца 2013 года объём промышленного производ-

ства по сравнению с соответствующим периодом предыдущего года сократился на 1,5 %, как всегда, для всех это оказалось неприятным сюрпризом. После 2009 года такого ещё не было. Ситуация на правительственном уровне названа рецессией или, по крайней мере, стагнацией, и теперь правительству

совместно с Центральным банком поручено в срочном порядке разработать комплекс мер по сдерживанию экономического спада при безусловном выходе на заявленный в прогнозах на 2013 год таргетируемый уровень инфляции 5-6 % [1]. Новому главе Центрального банка Эльвире Набиуллиной в непродолжительном взаимодействии с министром финансов Антоном Силуановым придётся в ближайшем будущем обозначить новые подходы к решению старых проблем. И первая среди них и наиболее тревожная для Центрального банка это инфляция.

Экономические проблемы не возникают из ниоткуда и не исчезают в никуда. Поэтому посмотрим повнимательнее на 2012 год. На первый взгляд он оказался достаточно удачным для российской экономики. ВВП увеличился на 3,4%, оборот розничной торговли возрос на 5,9%, инвестиции в основной капитал увеличились на 6,7%. Федеральный бюджет исполнен практически с нулевым дефицитом, платёжный баланс России в 2012 году оставался сильным (хотя сальдо текущего счёта несколько сократилось: с 99 млрд. долл. в 2011 году до 80 млрд. долл. США в 2012 году). Чистый отток частного капитала из России сократился на треть (с 80 до 56 млрд. долл. США). Особенно порадовал, согласно официальной статистике, уровень безработицы, который опустился до рекордно низкого за последние 20 лет уровня (во втором полугодии 2012 года средний уровень безработицы с устранённой сезонностью составлял 5,3%). В 2012 году продолжилось замедление роста денежной массы. Денежный агрегат М2 вырос только на 12%, тогда как в 2011 году его рост составил 22%. Логично было предположить, что медленный рост денежной массы в обращении создаёт благоприятные условия для дальнейшего планомерного снижения уровня инфляции с фактических 6,6% в 2012 году до 5-6% в 2013 году и 4-5% в 2014, что, собственно, официально и прогнозировалось. Более того, в условиях фактического применения механизма плавающего валютного ко-

ридора для стоимости бивалютной корзины (кстати, в 2012 году коридор расширили до 7 рублей, повысив его подвижность) Центральный банк России объявил о планах полного перехода к началу 2015 года к режиму таргетирования инфляции, который, как известно, предполагает использование режима свободного плавления валютного курса.

Тем не менее, уже в IV квартале 2012 года началось сначала слабое, а потом лавинообразное сокращение производства в базовых сырьевых отраслях российской экономики; темпы падения выпуска продукции в I и II кварталах 2013 года нарастают геометрически. Резко замедляется внешняя торговля (экспорт товаров в долларовом выражении в 2012 году вырос всего на 1,4%, импорт — на 3,6%); с начала 2013 года внешний спрос на основные виды продукции металлургии, угольной, химической, целлюлозно-бумажной промышленности заметно снижается.

В этой связи Агентство Standard&Poors (S&P) понизило прогноз роста ВВП России на 2013 год с 3,4 до 3,0%. Это существенно лучше ожиданий Минэкономразвития, чей базовый прогноз теперь откорректирован до 2,4%, а консервативный — до 1,7%. Того же мнения придерживается и Европейский банк реконструкции и развития (ЕБРР), который понизил свой прогноз роста российской экономики с 3,5 до 1,8%. Пока S&P подтверждает стабильный рейтинг России в иностранной валюте на уровне ВВВ\А-2, но предупреждает, что сам факт внезапного падения в апреле 2013 года цены нефти марки Brent до уровня ниже 100 долл. США за баррель — это напоминание о серьёзной уязвимости российской системы госфинансов: падение цен на нефть до 80 долл. США приведёт к снижению суверенного рейтинга России. По прогнозу Международного энергетического агентства баррель нефти марки Brent в 2013 году будет стоить столько же, сколько и в 2012 году — 109 долл. США, в 2014 году — 105 и в 2015 году — 100 долл. США. В российском бюджете на 2013

год заложена средняя цена нефти марки Urals 105 долл. США за баррель. Правда нельзя не отметить, что у России есть «подушка безопасности», которую можно временно задействовать при угрожающем ухудшении конъюнктуры сырьевых рынков: её золотовалютные резервы составляют 520,4 млрд. долл. США. Тем не менее, по оценкам S&P общий уровень заимствований России в 2013 году составит 61,0 млрд. долл. США, это означает, что уже в начале 2014 года Россия может превратиться в нетто-должника.

Очевидно, что поддержать экономику страны в условиях фактической рецессии призваны стимулирующие меры денежно-кредитной политики Центрального банка. Однако Сергей Игнатьев, уходя, проявляет осторожность: завершается II квартал 2013 года, никаких активных действий со стороны Центрального банка не видно: на последнем заседании ЦБ оставил ключевые ставки неизменными (ставка рефинансирования — 8,25%, репо — 5,5%, по депозитным операциям — 4,5%) и незначительно снизил ставки по долгосрочным операциям. Центральный банк устами С. Игнатьева заявляет о своей решимости «добиться снижения инфляции по итогам 2013 года до уровня не выше 6%» [2], тем временем уровень инфляции в стране стабильно повышается: 6,1% в 2011 году, 6,6% в 2012 и на май 2013 года уже 7,2%.

Что касается эффективности денежно-кредитной политики, справедливости ради надо признать, что политика Центрального банка в выборе предпочтительного режима антиинфляционных мер на протяжении последних двадцати лет не просматривалась. Это подтверждает хотя бы тот факт, что показатели инфляции никогда не попадали в запланированные интервалы, и Банк России всегда находился в роли пассивного наблюдателя. Инструменты, которыми он оперировал, были неэффективными и слабо реагировали на те негативные импульсы, которые диктовала экономика.

Напомним, что основной задачей Центрального банка любой страны

является поддержание стабильности (устойчивой покупательной способности) эмитируемых им наличных денег. Соответственно, Центральные банки всех стран формируют денежно-кредитную политику, исходя из этой приоритетной задачи, используя имеющиеся и создавая новые модели монетарного устройства страны. Под монетарным устройством мы понимаем такой монетарный механизм Центрального банка, который позволяет осуществлять прогнозирование, контроль динамики и регулирование выбранных и законодательно установленных целевых показателей инфляции в стране на средне- и долгосрочных временных интервалах. Другими словами, монетарный механизм представляет собой процесс выбора — процесс таргетирования (от англ. target — цель) — Центральным банком целевых показателей инфляции и их цифровых значений для контроля за инфляцией и управления ею. При этом понятно, что таргетирование, в отличие от других механизмов управления инфляцией, предусматривает систематическую оценку того уровня инфляции, которого она может достигнуть в прогнозируемом периоде, и регулирование существующего уровня инфляции в соответствии с поставленной целью.

В настоящее время в мировой практике существует несколько режимов монетарного устройства в стране, среди них прежде всего выделяют: монетарное таргетирование, таргетирование валютного курса и таргетирование инфляции [3].

При монетарном таргетировании в качестве промежуточной цели денежно-кредитного регулирования принимается один из денежных агрегатов — чаще всего «широкая» денежная масса (M2 или M3). Таким образом, монетарное таргетирование предполагает контроль за динамикой соответствующего денежного агрегата и его влияние на уровень инфляции.

При таргетировании валютного курса в качестве целевого показателя инфляции устанавливается либо фиксированный валютный курс, либо валютный коридор, либо привязка к устойчивой

валюте другой страны. Это обусловлено тем, что валютный курс, как соотношение паритетов покупательной способности двух валют, является индикатором покупательной способности национальной валюты по отношению к сопоставляемой иностранной валюте. Таким образом, при прямой котировке рост валютного курса иностранной валюты означает падение покупательной способности национальной валюты.

При таргетировании инфляции в качестве целевого показателя инфляции (что обычно называют «уровнем инфляции») чаще всего берется индекс потребительских цен (ИПЦ) либо его производная — базовая инфляция.

Под базовой инфляцией понимается ИПЦ, скорректированный на цены тех товаров в потребительской корзине, которым присущи серьезные колебания, прежде всего, сезонного, конъюнктурного и даже политического характера. Например, в базовую инфляцию не включаются:

- потребительские товары, цены которых резко колеблются в зависимости от сезона (молоко, яйца, фрукты и овощи летнего ассортимента);

- энергоносители, цены на которые могут резко отклоняться от реальных цен под влиянием политических событий;

- косвенные налоги;

- процентные платежи по ссудам, предоставленным на покупку жилья или жилищное строительство, величина которых может отклоняться в ту или другую сторону под влиянием ожиданий домашних хозяйств;

- прочие компоненты потребительской корзины, цены на которые имеют существенные колебания, зависящие от внешних и внутренних ценовых потрясений.

Таким образом, основной целью таргетирования инфляции является снижение инфляционных ожиданий населения и всех хозяйствующих субъектов путем повышения их доверия к монетарной политике Центрального банка.

Нельзя не отметить ряд позитивных черт, которые априори несёт в себе таргетирование инфляции:

- установление номинального якоря денежно-кредитной политики, наиболее соответствующего ценовой стабильности;

- появление ясного для общест­венности критерия деятельности органов денежно-кредитного регулирования и стабилизация инфляционных ожиданий населения;

- гибкость в выборе инструментов денежно-кредитной политики, позволяющая органам денежно-кредитного регулирования выбирать те способы достижения целевых показателей, которые являются наиболее подходящими в конкретной ситуации и макроэкономической среде.

С другой стороны, применительно к экономике России следует иметь в виду и ряд сложностей:

Во-первых, таргетирование инфляции рассчитано на долгосрочную перспективу и базируется на долговременном опыте низкой инфляции. Опыт развитых стран показывает, что эффективное применение целевого ориентира инфляции возможно только при устойчивых темпах экономического роста, отсутствии крупных диспропорций в воспроизводстве, низких темпах инфляции в базовых отраслях экономики в течение длительного времени. В России же опыт экономического развития в условиях стабильно низких темпов инфляции отсутствует.

Во-вторых, на практике инфляция представляет собой сложный и иногда противоречивый процесс, а меры денежно-кредитной политики оказывают воздействие на экономику со значительным отставанием. Во всяком случае в промышленно развитых странах, где сложились исторические традиции низкой инфляции, этот процесс подвержен огромной инерции.

В-третьих, таргетирование инфляции не означает формирование политики в соответствии с текущими фактическими темпами инфляции, поэтому решающее значение приобретают прогнозы, от достоверности которых во многом зависит правильность принятия решений в области денежно-кредитной политики. В условиях России

инфляционные ожидания очень часто возникают и возрастают в зависимости от непрогнозируемых политических событий, поэтому достоверность прогнозов нарушается, а следовательно, они не всегда могут рассматриваться в качестве основы для принятия решений в области монетарной политики.

Решением этой проблемы может стать формулирование и публичное объявление Центральным банком России «правила денежно-кредитной политики», устанавливающего связь процентной политики с инфляцией и экономическим ростом [4]. Должны подлежать публичному обоснованию случаи пересмотра коэффициентов правила, а прецеденты масштабных отклонений должны публично комментироваться регулятором. Целесообразно обязать Центральный банк разрабатывать и заявлять ежегодно прогноз диапазона ключевой регулируемой Банком России ставки на предстоящий год в увязке с возможными диапазонами инфляции и экономического роста.

Нам представляется необходимым и актуальным создать экспертную группу, состав которой утверждается президентом России, для постоянного мониторинга исполнения правила денежно-кредитной политики в стране. Подобный механизм общественного контроля должен предполагать

ежеквартальные заседания, посвящённые оценке соблюдения Центральным банком выработанного им правила и предложениям по корректному применению данного правила — с обязательным участием в таких заседаниях руководства ЦБ и публикацией отчёта по итогам заседания на сайте Центрального банка.

Таким образом, в России действительно назрела необходимость в проведении эффективной денежно-кредитной политики на основе таргетирования инфляции, при которой регулирующие действия Центрального банка будут признаны позитивными, а намеченная цель — публично заявленный уровень инфляции — в соответствии с прогнозом будет предсказуемо достигаться. Однако проведение такой политики должно быть обусловлено двумя принципами: во-первых, наличием у Центрального банка полной свободы в выборе инструментов денежно-кредитной политики для планомерного воздействия на экономику с целью создания условий, способствующих развитию реального сектора экономики и росту реальных доходов населения, и, во-вторых, эффективным механизмом общественного контроля за действиями Центрального банка России, направленными на планомерное таргетирование инфляции.

Примечания:

1. Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2013 г. и период 2014 и 2015 г.г. // Вестник Банка России. 2012.
2. Выступление Председателя банка России С.М. Игнатьева на XXIV съезде Ассоциации российских банков 3 апреля 2013 г. // Вестник Банка России. 2013. No.22.
3. Свирина Е.М. Зарубежный опыт таргетирования инфляции и перспективы его использования в России: дис. ... д-ра экон. наук. М., 2012.
4. Солнцев О., Сухарева И., Дешко А. Как распутать проблемные узлы // Эксперт. 2013. №14 (846). С. 18.

References:

1. The main directions of the national monetary policy for 2013 and the period of 2014-2015. // Vestnik of Bank of Russia. 2012.
2. The speech of Chairman of Central Bank of Russia Mr. Ignatiev S.M. at the 24th Congress of Association of Russian Banks, April 3, 2013 // Vestnik of Bank of Russia. 2013. No. 22.
3. Svirina E.M. A foreign experience in targeting the inflation and prospects of its implementation in Russia. Dissertation for Doctor of Economics. M., 2012.
4. Solntsev O., Sukhareva I., Deshko A. The way to frighten the problem units // Expert, 2013. No. 14 (846). P. 18.

РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

REGIONAL ECONOMY

УДК 338.24
ББК 65.050.22
Г 52

А.В. Гладилин

Доктор экономических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры экономики и технологии управления Северо-Кавказского федерального университета, г. Ставрополь. Тел.: (909) 769 29 29, e-mail: Katarina1983@mail.ru

Е.В. Омельченко

Соискатель Северо-Кавказского федерального университета, г. Ставрополь. Тел.: (909) 769 29 29, e-mail: Katarina1983@mail.ru

Необходимость совершенствования инструментария для исследования параметров устойчивости развития регионов

(Рецензирована)

Аннотация. В настоящее время существует актуальная необходимость совершенствования методики расчета динамики устойчивости развития регионов посредством оценки факторов, определяющих эту динамику, и разработки механизмов повышения устойчивости региональных систем. Статья посвящена проблеме совершенствования методического инструментария для проведения оценки и прогнозирования устойчивости регионального развития.

Ключевые слова: регион, устойчивое развитие, факторы, прогнозирование, уровень, интегральные показатели.

A.V. Gladilin

Doctor of Economic Sciences, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Professor of the Department of Economy and Technologies of Management, North-Caucasus Federal University, Stavropol. Ph. (909) 769 29 29, e-mail: Katarina1983@mail.ru

E.V. Omelchenko

Applicant for Candidate's degree of the North-Caucasus Federal University, Stavropol. Ph. (909) 769 29 29, e-mail: Katarina1983@mail.ru

The need to improve tools to study parameters of stability of the region development

Abstract. At the present time there is an urgent need to improve the methodology for calculating the dynamics of sustainability in the development of regions through an assessment of the factors determining the dynamics and the development of mechanisms to improve the sustainability of the regional systems. The paper is devoted to a problem of improvement of methodological tools for assessment and forecasting the sustainable regional development.

Keywords: region, sustainable development, factors, forecasting, the level, integral indicators.

Проблемы устойчивости обсуждаются в работах многих зарубежных и отечественных экономистов. Тем не менее, остается немало вопросов, не всегда в исследованиях учитываются объективные экономические законы. Многие авторы рассматривают устойчивость в региональной экономике как категорию, касающуюся только данной сферы, игнорируя систему социальных, экологических, технологических и прочих отношений, которые оказывают существенное влияние на процессы развития пространственных образований. Остаются малоизученными методика расчета динамики устойчивости развития регионов; оценка факторов, определяющих эту динамику; разработка механизмов повышения устойчивости региональных систем, предвидения и прогнозирования в условиях кризиса. Указанные обстоятельства обуславливают актуальность разработки методологических основ прогнозирования параметров устойчивого комплексного развития регионов.

Регион выступает как целостная система, обладающая иерархической структурой, функционирующая в соответствии с определенными принципами и функциями, обладающая устойчивыми связями с внешней средой и взаимосвязями собственных подсистем, традициями, культурой, что и определяет особенности условий и уровня жизни населения [1, 2].

Регион как систему характеризуют:

- разнообразие взаимосвязанных подсистем различных типов с локальными целями;
- поликонтурность управления;
- иерархичность структуры;
- значительное запаздывание координирующих воздействий при высокой динамичности элементов;
- неполная определенность состояний элементов.

Это приводит к нарушению устойчивости функционирования региона. Устойчиво развивающийся регион должен иметь для этого все необходимые предпосылки и являться конкурентоспособным, что определяет устойчивость сбалансированного развития государства

в целом как в краткосрочном периоде, так и на долгосрочную перспективу.

Устойчивость региональной социально-экономической системы существенно отличается от прочих форм и видов устойчивости, поскольку главными характеристиками в ней выступают не некоторое сбалансированное, устойчивое состояние системы, а ее способность достигать такого состояния в случае внешних (или внутренних) возмущающих воздействий при сохранении запланированных сценарных траекторий [3, 4].

В целом устойчивость комплексного развития региона — это способность поддерживать и эффективно использовать факторы, определяющие положительную траекторию, а также способность социально-экономической системы региона возвращаться в равновесное состояние при возникновении разнообразных угроз.

Научные результаты работ в этом направлении стали идеологической платформой настоящего исследования, фундаментом для обобщения факторов, в совокупности оказывающих определяющее влияние на процессы устойчивого развития пространственных социально-экономических систем региона. Так, внешние факторы трудно контролируемы, но подвержены прогностическим оценкам. Они обязательно должны анализироваться для обоснования стратегии управления рисками устойчивого развития региональных социально-экономических систем. Факторы цикличности развития приобретают сегодня особое значение, поскольку служат предпосылками для структурной трансформации практически всех сфер жизнедеятельности современного социума.

Являясь интегральной категорией, устойчивость региональной экономики зависит от ряда факторов:

1) системы управления, позволяющей при минимальных затратах принимать эффективные управленческие решения;

2) деловой активности хозяйствующих субъектов региона, т.е. их способности:

— поддерживать и увеличивать объемы деятельности;

— занимать и удерживать определенную долю рынка;

— сохранять непрерывность финансово-хозяйственных операций;

3) инвестиционной привлекательности региона;

4) инновационной восприимчивости региона.

Проблемы перехода субъектов Российской Федерации к устойчивому и безопасному развитию во многом определяются состоянием экономической, социальной, экологической и пр. подсистем. Одной из актуальных в последние годы стала проблема резкой дифференциации в социально-экономическом развитии между отдельными субъектами РФ по уровню развития. Выявление оптимальных форм и методов реализации принципов современной социально-экономической политики должно базироваться на результатах диагностики причин возникновения таких диспропорций [5].

В системе управления эффективностью развития субъекта важную роль играет рациональное использование его экономического потенциала, в связи с чем целесообразным является выделение совокупности ресурсов, имеющихся для развития, и способности региона к эффективному использованию имеющихся ресурсов. Природно-ресурсный фактор играет значительную роль в повышении темпов развития региона [6]. Природно-ресурсный потенциал — это предпосылка региональной дифференциации территорий и субъектов СКФО.

Северо-Кавказский федеральный округ имеет благоприятные условия для развития. Однако до сих пор естественные преимущества остаются нереализованными, поскольку регион по-прежнему не обладает инвестиционной привлекательностью в силу нестабильности экономической и социально-политической обстановки. Основными проблемами для устойчивого социально-экономического развития субъектов СКФО являются высокий уровень безработицы и бедности. Они служат сдерживающими факторами

экономического роста, препятствуют реализации эффективной экономической политики, отрицательно влияют на общественно-политическую обстановку в регионе. В ряде субъектов данного федерального округа сохраняется явно выраженная агропромышленная специализация. При этом для достижения высокого уровня эффективности его функционирования необходимо:

— поднять уровень механизации (износ действующего парка сельскохозяйственных машин в отдельных субъектах составляет 70 %);

— развивать лизинг сельскохозяйственной техники и применять новые технологии в производстве.

Приоритетным направлением развития субъектов СКФО является становление курортно-туристического и рекреационного комплексов, для чего необходимо:

— модернизация материально-технической базы учреждений данной сферы в соответствии с современными требованиями;

— повышение привлекательности для привлечения частных инвесторов в связи со слабой развитостью инфраструктуры.

Использование регионального прогнозирования на различных уровнях является важным инструментом государственного планирования социально-экономического развития как страны в целом, так и отдельных ее регионов. С помощью прогнозирования обеспечивается выявление приоритетных направлений и сценариев развития региональной экономики, направленных на сглаживание межрегиональных противоречий и роста благосостояния населения [7].

Прогнозирование интегральных показателей устойчивости развития субъектов макрорегиона осуществляется в три основных этапа. На первом этапе выявляют и обосновывают закономерности динамики оценочных показателей, отражающих основные факторы, влияющие на структуру и условия функционирования региональных социально-экономических систем. На втором этапе выбирают методы

прогнозирования, на основе которых на третьем этапе делают прогнозные оценки групповых и обобщающих показателей устойчивости пространственно-динамического развития регионов [8, 9].

Оптимальный выбор метода определяет качество прогноза. Развитие информатики и средств вычислительной техники значительно расширяет возможность использования методов прогнозирования и их совершенствования. Методическая основа разработки прогнозов устойчивости — аналоговые, расчетно-конструктивные, функциональные и регрессионные методы, статичная диалектическая экстраполяция, экономико-математическое моделирование экономических ситуаций. Прогнозы должны быть ориентированы по преимуществу на интервальные оценки, поскольку они более соответствуют уровню современных экономических знаний и состоянию нормативной базы [10].

Полученные результаты анализа свидетельствуют о неравномерном развитии регионов, что затрудняет выбор универсальных (одинаковых для всех) методов регионального прогнозирования применительно к конкретной территории. Но при этом общие принципы прогнозирования остаются одинаковыми для всех субъектов независимо от их социально-экономического состояния. Обычно составление прогноза предполагает конструирование моделей размещения и пространственных взаимосвязей. Региональные системы отличаются сложными взаимосвязями, и без математических моделей практически невозможно установить то влияние, которое оказывают отдельные факторы на оценочные для интегральной рейтинговой оценки показатели как на региональном, так и макроэкономическом уровне.

Главный инструмент оценки стратегии регионального развития — прогнозирование параметров устойчивости и сбалансированности развития территорий в рамках инновационных преобразований для создания новых и технологической модернизации старых кластеров. Таким образом, можно сделать вывод о том, что региональное

прогнозирование является важным инструментом стратегического регулирования регионального развития. Посредством прогнозирования обеспечивается выбор доминантных направлений оздоровления экономики, сглаживания межрегиональной поляризации и роста благосостояния населения, независимо от места его проживания по всей территории страны [11].

Для прогнозирования параметров устойчивости и сбалансированности регионального развития необходимо учитывать следующие положения.

1. Научное обоснование прогнозов должно базироваться на учете действия законов и закономерностей социально-экономического развития народного хозяйства, прежде всего законов цикличности.

2. В прогнозировании следует учитывать требования, предъявляемые к показателям устойчивости: заблаговременность прогнозов; выделение тех тенденций, которые обнаруживаются в отдельных отраслях и регионах при изменении техники, технологии, организации производства, обмена, распределения, потребления.

3. Процесс разработки прогнозов должен базироваться на прогностических моделях, учитывающих многообразие факторов, определяющих общие условия устойчивости развития субъектов макрорегиона.

Кроме того, необходимо определить факторы и ограничения, которые в прогнозном периоде способны оказывать существенное влияние на динамику устойчивости развития региона в целом (природные, экономические, социальные).

На основании выявленных закономерностей, а также особенностей наиболее используемых в прогнозировании методов, нами разработана и апробирована многоаспектная методика прогнозирования комплексной оценки устойчивости пространственно-динамического развития территорий.

Методика базируется на одновременном применении комплекса методов: сценарного прогнозирования, трендового, корреляционно-регресси-

онного, имитационного моделирования, расчета коэффициентов эластичности. Особенность ее состоит в том, что прогнозные оценки осуществляются с использованием специализированного пакета прикладных программ для обработки статистической информации IBMSPSSStatisticsv.20, что позволя-

ет оперативно получать достоверные и многовариантные результаты.

Весь процесс построения прогнозов многомерных оценок уровня развития территорий различного уровня разбит на восемь стадий, последовательность и содержание которых схематически представлено на рисунке 1.

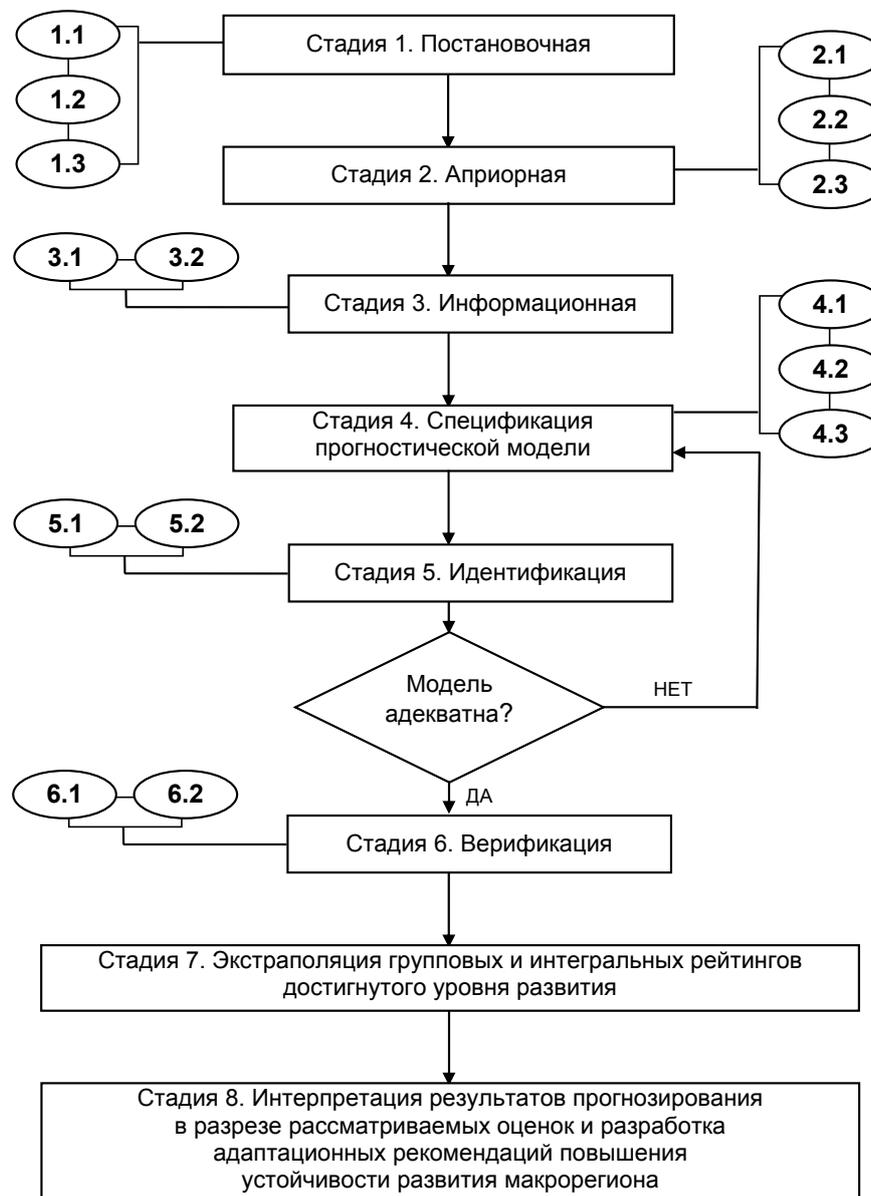

Рисунок 1. Алгоритм прогнозирования комплексной оценки устойчивости пространственно-динамического развития территорий

Алгоритм представляет собой последовательность конкретных процедур в рамках каждого из них, где: 1.1 — Формулирование цели прогностического исследования; 1.2 — Конкретизация прикладных задач прогнозирования обобщающих оценок пространственно-

динамического развития; 1.3 — Обоснование предмета исследования; 2.1 — Формализация системы оценочных показателей, подлежащих экстраполяции с целью расчета рейтинга; 2.2 — Обоснование оптимального метода для получения прогностической оцен-

ки; 2.3 — Выбор периода упреждения; 3.1 — Определение объекта исследования; 3.2 — Формирование исходной базы исследования; 4.1 — Выбор оптимальной математической формы модели; 4.2 — Введение ограничений (в случае необходимости) на значения параметров и результаты моделирования по данным моделям; 4.3 — Оценка параметров эконометрических моделей; 5.1 — Оценка качества параметров синтезированной прогностической модели; 5.2 — Оценка качества модели в целом; 6.1. — Точечный прогноз оценочных показателей по модели (соответствует инерционному варианту прогноза); 6.2 — Построение доверительных интервальных оценок (верхняя граница соответствует оптимистическому варианту прогноз, нижняя граница — пессимистическому).

Как отмечалось выше, прогноз предполагается осуществить в разрезе трех возможных сценариев: инерционный, пессимистический и оптимистический.

Пессимистический сценарий предполагает сохранение (или незначительное сокращение) складывающейся под воздействием внутренних и внешних факторов динамики развития исследуемого объекта, некоторое повышение инвестиционной привлекательности, улучшение условий в социальной сфере, мобилизацию имеющихся резервов, а также реализацию целевых ком-

плексных программ федерального и регионального уровней.

Инерционный сценарий предусматривает активизацию инвестиционной деятельности, повышение технологического уровня производства путем его модернизации и технического перевооружения, улучшение инвестиционного климата, осуществление институциональных преобразований, продолжение реализации национальных проектов (образование, здравоохранение, АПК), а также долгосрочных программ развития ключевых секторов экономики. В целом параметры развития этого сценария не обеспечивают должного роста уровня качества жизни населения, а инвестиционные ресурсы не работают в полной мере на развитие человеческого капитала [12].

Оптимистический сценарий предполагает повышенные темпы прироста инвестиций в основной капитал, обеспечивающие усиление инновационной компоненты экономического роста. Данный сценарий предполагает инвестирование в человеческий капитал, увеличение доли потребления в бюджете, приоритетное развитие науки, образования и здравоохранения, наращивание ресурсного потенциала, развитие сферы услуг. Этот сценарий является наиболее предпочтительным, поскольку его реализация предполагает выход экономики к 2020г. на траекторию динамичного экономического роста.

Примечания:

1. Региональные особенности развития пространственных социально-экономических систем. Монография / С.А. Левченко, А.Н. Герасимов, Е.И. Громов, О.И. Шаталова. Ставрополь: АГРУС, 2012.

2. Жуков Б.М., Булатова О.В. Формирование системы эффективного управления субрегиональными экономическими локалитетами // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 5, Экономика. 2011. №3. С. 59-66.

3. Левченко С.А., Герасимов А.Н. Проблемы функционирования и развития, региональных социально — экономических систем // Экономика и предпринимательство. 2012. №2 (25).

4. Захарова Е.Н. О когнитивном моделировании устойчивого развития социально-экономических систем // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 1, Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2007. №1. С. 223-229.

5. Куценко Е.И. Организационно-экономический механизм устойчивого развития региона: монография. Оренбург: Изд-во ОГУ, 2008. 222 с.

6. Прохорова В.В. Интенсификация развития региональной экономической системы в условиях нестабильности // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2010. №36. С. 64.

7. Тамов А.А. Методические основы оценки стратегического потенциала региональных среднесрочных программ // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 5. Экономика. 2009. №1. С. 54-58.

8. Дьяченко Е.Г., Громов Е.И., Герасимов А.Н. Стратегическое управление социально-экономическим развитием Северо-Кавказского федерального округа. Ставрополь: АГРУС, 2013.

9. Руссов А.С., Жуков Б.М. Системообразующие факторы и степень их воздействия на экономический рост и развитие региона // Экономика и предпринимательство. 2012. №5. С. 71-75.

10. Дьяченко Е.Г., Громов Е.И., Герасимов А.Н. Системная диагностика пространственно-динамического развития региональной экономики: научное издание. Ставрополь: АГРУС, 2011.

11. Попов Р.А. Экономика региона: теория, методология, методика: монография. М.: Вузовская книга. 2012. 432 с.

12. Агаркова Л.В., Гурнович Т.Г., Безлепко А.С. Проблемы обеспечения устойчивого развития аграрной сферы // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 5, Экономика. 2010. №3. С. 103-107.

References:

1. Regional features of development of spatial social and economic systems. Monograph / S.A.Levchenko, A.N.Gerasimov, E.I.Gromov, O.I.Shatalova. Stavropol: AGRUS, 2012.

2. Zhukov B.M., Bulatova O.V. Formation of system of effective management of subregional economic localities // Bull. Adyghe State University. Economics. 2011. No.3. P. 59-66.

3. Levchenko S.A. Gerasimov A.N. Problems of functioning and development of regional social — economic systems // Economy and Business. 2012 . No.2 (25).

4. Zakharova E.N. On cognitive modeling of a sustainable development of social and economic systems // Bull. Adyghe State University, Region Studies: Pphilosophy, History, Sociology, Law, Political Science, Cultural Science. 2007 . No.1. P. 223-229.

5. Kutsenko E.I. Organizational and economic mechanism of a sustainable development of the region: monograph. Orenburg: OSU Publishing House, 2008. 222 pp.

6. Prokhorova V.V. Intensification of development of regional economic system in the conditions of instability // National interests: priorities and security. 2010. No. 36. P. 64.

7. Tamov A.A. Methodical bases of an assessment of strategic potential of regional medium-term programs // Bull. Adyghe State University. Economics. 2009 . No.1. P. 54-58.

8. Dyachenko E.G. Gromov E.I., Gerasimov A.N. Strategic management of social and economic development of North Caucasus Federal District. Stavropol: AGRUS, 2013.

9. Russov A.S. Zhukov B.M. System-forming factors and extent of their impact on economic growth and development of region // Economy and Business. 2012. No.5. P. 71-75.

10. Dyachenko E.G. Geromov E.I. Gerasimov A.N. System diagnostics of spatial and dynamic development of regional economy: scientific edition. Stavropol: AGRUS, 2011.

11. Popov R.A. Economy of the region: theory, methodology and technique: monograph. M.: Vuzovskaya Kniga. 2012. 432 pp.

12. Agarkova L.V. Gurnovich T.G., Bezlepko A.S. Problems of providing a sustainable development of the agrarian sphere // Bull. Adyghe State University. Economics. 2010 . No.3. P. 103-107.

УДК 338.24
ББК 65.050.22
Д 40

А.А. Джаримов

Доктор экономических наук, профессор кафедры управления персоналом Адыгейского государственного университета, г. Майкоп. Тел.: (8772) 59 39 53.

А.Р. Попов

Кандидат экономических наук, старший преподаватель кафедры автомобильного туризма и сервиса Московского государственного автомобильного института, г. Москва. E-mail: popovra51@gmail.com

Р.А. Попов

Доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой технологии, организации, экономики строительства и управления недвижимостью Кубанского государственного технологического университета, г. Краснодар. E-mail: popovra51@gmail.com

Развитие производительных сил в условиях ужесточения конкуренции: региональный срез проблемы

(Рецензирована)

Аннотация. В условиях ужесточения конкуренции, обусловленной углублением мирохозяйственных связей, усложняются проблемы развития и размещения производительных сил на новой экономико-технологической основе. Одной из форм консолидации усилий и средств хозяйственных организаций городов и сельских районов может выступать формирование территориально-производственных кластеров, распространяющих свою деятельность на территории в радиусе суточной миграции населения.

Ключевые слова: производительные силы, регион, муниципалитет, промышленность, территориально-производственный кластер, трудозанятость населения.

A.A. Dzharimov

Doctor of Economics, Professor of Personnel Management Department, Adyghe State University, Maikop. Ph.: (8772) 59 39 53.

A.R. Popov

Candidate of Economic Sciences, Senior Teacher of Automobile Tourism and Service Department, Moscow State Automotive Institute, Moscow. E-mail: popovra51@gmail.com

R.A. Popov

Doctor of Economics, Professor, Head of Department of Technology, Organization, and Economy of Construction and Management of Real Estate, Kuban State University of Technology, Krasnodar. E-mail: popovra51@gmail.com

Development of productive forces in the conditions of competition toughening: regional cut of a problem

Absrtract. In the conditions of the competition toughening caused by deepening of world economic communications, problems of development and placement of productive forces on a new economical and technological basis become complicated. Formation of the territorial and production clusters extending their activity to the territories within the daily migration of the population can act as one of the forms of consolidation of efforts and means of the economic organizations in the cities and rural areas.

Keywords: productive forces, region, municipality, industry, territorial and production cluster, employment of the population.

К настоящему времени в Краснодарском крае и Республике Адыгея, как и в целом по России, сложилась ситуация, когда актуализируется проблема целенаправленного развития производительных сил на основе технологий, имманентных постиндустриальной технической цивилизации. Это обусловлено, с одной стороны, возрастающими требованиями населения к росту уровня жизни, что может быть обеспечено главным образом путем повышения эффективности его трудоузанности, с другой — исчерпанием ресурса экстенсивного экономического роста и возникновением производственных технологий, базирующихся на информационных системах и новых методах получения продукции и услуг. Поскольку одним из основных ограничителей производственного роста выступает реализация товара, то достижение конкурентных преимуществ в производственной деятельности становится в число главных требований к производственным предприятиям [1]. Современная мировая и российская практика свидетельствуют о том, что наибольших успехов в экономической конкуренции добиваются крупные хозяйственные структуры, сформированные по типу сетевых организаций.

Территориально-хозяйственный комплекс, проявляющийся в гармоничном сочетании и взаимодействии производственных структур Краснодарского края и Республики Адыгея, представляет собой одно из высокоразвитых и довольно своеобразных экономических формирований современной России. Он глубоко адаптирован в мирохозяйственные процессы как в организационно-технологическом, так и в коммерческом отношении. Высокая степень открытости экономики Краснодарского края и Республики Адыгея, с одной стороны, сообщает преимущества участника международного сотрудничества, с другой, — повышает требования к технологическим и ценовым характеристикам продукции, поставляемой на рынок различными хозяйствующими субъектами, и в случае неуспеха это может негативно отражаться на тех-

нологическом имидже и коммерческой репутации данных административных регионов.

Тем не менее, следует отметить наличие у хозяйственных комплексов как Краснодарского края, так и Республики Адыгея набора качеств, характерных для депрессивных экономических систем. К таковым относятся: несоответствие структуры занятости реальным нуждам регионального хозяйства; отсутствие в хозяйственных организациях эффективных собственников, которые были бы на деле заинтересованы в технико-экономическом прогрессе; преобладание традиционного типа управления в субрегиональных системах, подлежащих модернизации; оппортунистическое поведение значительной части менеджеров, управляющих и администраторов; разрастание территориально-хозяйственных организаций до масштабов, которые не поддаются управленческим решениям [2, с. 43-44].

Названные выше обстоятельства формируют предпосылки к активизации административно-экономического начала в целенаправленном развитии и размещении производительных сил на основе использования энергии и *творчества местных сообществ* в сочетании с *инициативой коммерческих организаций*, направляемой программными мероприятиями управленческих структур региональных администраций.

В условиях ужесточения конкуренции, вызванной глобализацией экономических процессов, вступлением России во Всемирную торговую организацию, усложняется проблема перехода от сырьевой экономики к экономике промышленно-технической. В то же время без развития производительных сил с акцентом на углубление переработки сырья трудно рассчитывать на повышение уровня трудовой занятости населения и соответствующее повышение его культуры и уровня жизни.

Историческая практика и современные примеры свидетельствуют о том, что крупные технологические сдвиги могут осуществляться лишь крупными промышленно-производственными

формированиями. Это обусловлено потребностями в значительных капиталовложениях, наличии определенного производственно-технического опыта, а также высокой технической культуры работников, на достижение которой требуется значительное время. Как в Краснодарском крае, так и в Республике Адыгея промышленно-производственные мощности распылены на значительной территории, что не позволяет многим из них в одиночку решать задачи технической модернизации. Если в административно-распределительной экономике развитием таких предприятий занимались отраслевые министерства и ведомства, то в современной системе хозяйства они оказались в одиночестве. У муниципалитетов на них нет ни времени, ни средств, и в то же время как бы интересно расширение производства в части повышения занятости населения. Региональные администрации в целом заинтересованы в развитии производства, но заниматься отдельными предприятиями непосредственно у них не хватает управленческих ресурсов [3].

В такой ситуации дальнейшее развитие производительных сил может оказаться эффективным по линии выделения *многоотраслевых территориально-производственных комплексов с радиусом действия в пределах суточной миграции населения (30—40 км)*, организационно упорядоченных посредством кластерной структуризации. При таком подходе на территории каждой группы сопредельных муниципальных образований на договорно-экономической основе может создаваться единый *территориально-производственный кластер (ТПК)* с соответствующей дирекцией, подотчетной собранию учредителей и президиуму из представителей муниципалитетов.

В числе *основных функций дирекции предлагаемого ТК* могли бы быть следующие:

- мониторинг состояния производительных сил на определенной в зоне её влияния территории и разработка мероприятий инициирования и поддержки развития производительных сил;

- подготовка совместно с заинтересованными организациями инвестиционных предложений по созданию и обновлению производственных мощностей и поиск инвесторов;

- непосредственное взаимодействие с муниципалитетами в вопросах производственного освоения территорий и патронирование соответствующих инвестиционных проектов;

- взаимодействие с заинтересованными министерствами и департаментами Краснодарского края и Республики Адыгея в вопросах развития и размещения производительных сил территории функционирования кластера;

- разработка программ развития предприятий, входящих в ТК, и осуществление их постоянной организационной поддержки;

- координация хозяйственной практики входящих в ТК организаций в направлении обеспечения эффективной трудозанятости на территории и развития конкурентоспособного производства (объединенные планы развития производства, новой техники; развитие объединенной инфраструктуры; энергообеспеченность; утилизация отходов; экология; организация сбыта и т.п.).

С учетом современной территориально-хозяйственной специфики в ракурсе интенсификации развития производительных сил можно бы выделить в территориально-хозяйственном комплексе Краснодарского края и Республики Адыгея следующие многоотраслевые территориально-производственные кластеры:

- Абинский ТК (Абинский и Северский районы);

- Армавирский ТК (г. Армавир, Курганинский, Лабинский, Отрадненский, Новокубанский и Гиагинский районы);

- Гулькевичский (Гулькевичский и Кавказский районы, г. Кропоткин);

- Краснодарский (г. Краснодар, Динской, Красноармейский и Тахтамукайский районы);

- Майкопский (г. Майкоп, Майкопский, Мостовской и Белореченский районы);

— Новороссийский (г. Новороссийск, Анапа, Геленджик, Крымский район)

— Сочинский (Сочи, Туапсе);

— Темрюкский (Темрюкский и Славянский районы);

— Тихорецкий (Тихорецкий, Крыловский, Куцевский и Павловский районы).

Предлагаемые территориальные группировки хозяйствующих организаций в форме ТПК в сочетании с объединительными усилиями соответствующих муниципальных образований могут создать благоприятные предпосылки к комплексному развитию производительных сил территорий с использованием общей производственной и социальной инфраструктуры, технологических наработок и организационно-управленческих механизмов.

В качестве объединительных центров в ТПК могли бы выступить наиболее крупные строительно-монтажные организации, промышленные предприятия, транспортные конторы.

Отличается определенной специфической формированием укрупненных производственных структур в агропромышленной сфере. Развитие перспективных инновационных форм взаимодействия малого и крупного бизнеса в АПК мезо-уровня заключается в создании новых форм и моделей совместной деятельности, максимально полно учиты-

вающих особенности территориальной локализации взаимодействия разных по величине субъектов экономической деятельности [4, с. 105].

По данным Департамента труда и занятости Краснодарского края, проведенное в 2012 году обследование 11,6 тысячи хозяйствующих субъектов с числом работающих 851,4 тысячи человек (58,8% от числа занятых по полному кругу организаций по данным Краснодарстата) показало на предстоящие 6 лет потребность в квалифицированных кадрах около 50 тыс. человек ежегодно; к этому добавляются 7–8 тыс. неквалифицированных рабочих. С учетом аналогичных процессов в Республике Адыгея потребность в кадрах в разрезе выше названных ТПК может составить ежегодно примерно следующее: Абинский ТПК — 1,5 тыс. чел.; Армавирский ТПК — 4,1 тыс. чел.; Гулькевичский ТПК — 1,5 тыс. чел.; Краснодарский ТПК — 17,3 тыс. чел.; Майкопский — 2 тыс. чел.; Новороссийский ТПК — 5,2 тыс. чел.; Сочинский ТПК — 11,1 тыс. чел.; Темрюкский ТПК — 2,2 тыс. чел.; Тихорецкий ТПК — 2,9 тыс. чел.

Целям изучения инициативы снизу в развитии производства могло бы способствовать проведение *на уровне поселений* опроса из расчета осуществления двухлетней программы развития и размещения производительных сил по следующей форме:

Поселение	Действующее предприятие	Основная продукция, услуги	Число работников	Объем реализ. продукции, услуг	План развития производства			
					Число новых рабочих мест	% роста объема реализ. прод.	Новые мощности (цеха, участ.)	Необходимые капиталовложения
1	2	3	4	5	6	7	8	9

По результатам такого опроса и соответствующего технико-экономического анализа можно выстроить приоритеты в развитии производственных мощностей, определить источники финансирования с акцентом на субсидиарные формы инвестиционных проектов с участием региональных и федеральных властей, а также местного населения.

В системе ТПК представляется удобным решать вопросы профессио-

нальной учебы, управления кадровыми процессами, осуществления технологических новаций. На такие ТПК можно бы возложить и реализацию крупных межрайонных проектов (мелиорация; межхозяйственные откормочники, комбикормовые заводы, маслозаводы; энергетические объекты; коммуникации и т.п.).

Применительно к задачам комплексного развития сельских терри-

торий представляется перспективным формированием агрокластеров. При этом важно учитывать, что кластер представляет собой определенную группу объектов, обладающих свойствами плотности, дисперсией, отделимостью от других кластеров формой и размером. Для их создания необходимо наличие предпринимательских структур, заинтересованных в кооперации для улучшения доступа к инвестиционным ресурсам [5, с. 163].

Организация системы территориально-производственных кластеров улучшит управляемость процессом развития производительных сил в региональном масштабе, поскольку позволит соответствующим региональным администрациям управлять соответствующими процессами посредством взаимодействия с руководством таких кластеров на договорно-экономической основе в форме государственно-частного партнерства.

Примечания:

1. Жуков Б.М., Осин А.А. Регулятивные функции государства в обеспечении интегральной конкурентоспособности регионов // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 5, Экономика. 2012. №2. С. 78-89.
2. Задоя А.А. Новейшая экономика и депрессивные экономические системы. // Феномен рыночного хозяйства: от истоков до наших дней: материалы междунар. науч.-практ. конф. по экономике / под ред. Я.С. Ядгарова и др. Краснодар: Изд-во НИИ экономики Южного федерального округа, 2013.
3. Жуков Б.М., Булатова О.В. Формирование системы эффективного управления субрегиональными экономическими локалитетами // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 5, Экономика. 2011. №3. С. 59-66.
4. Керашев А.А., Шекультирова М.М. Перспективные формы взаимодействия малых форм агробизнеса с корпоративными структурами в АПК мезо-уровня // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 5, Экономика. 2012. Вып. 1 (96).
5. Захарова Е.Н., Бровкина Л.И. Формирование агрокластеров как перспективный инструмент инвестиционного развития регионального АПК // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. Экономика. 2011. Вып. 3 (83).

References:

1. Zhukov B.M., Osin A.A. Regulating functions of the state in ensuring integrated competitiveness of regions // Bull. Adyghe State University. Economics. 2012. No. 2. P. 78-89.
2. Zadoya A.A. New economy and depressive economic systems // Phenomenon of a Market Economy: from sources up to now: materials of Intern. Sci. Conf. on Economy / Eds. Ya.S.Yadgarov, etc. Krasnodar: Publishing House of Scientific Research Institute of Economy of the Southern Federal District, 2013.
3. Zhukov B.M., Bulatova O.V. Formation of system of effective management by subregional economic localities // Bull. Adyghe State University. Economics. 2011. No. 3. P. 59-66.
4. Kerashev A.A., Shekultirova M.M. Promising forms of interaction of small forms of agrobusiness with corporate structures in the agrarian and industrial complex of meso — level // Bull. Adyghe State University. Economics. 2012. Iss. 1 (96).
5. Zakharova E.N., Brovkina L.I. Formation of agroclusters as a promising tool in investment development of the regional agrarian and industrial complex // Bull. Adyghe State University. Economics. 2011. Iss. 3 (83).

УДК 338.24(470.621)
ББК 65.050.22(2Рос.Ады)
Д 56

А.Г. Добровольский

Соискатель кафедры экономики и управления Адыгейского государственного университета, г. Майкоп. Тел.: (918) 454 00 68, e-mail: e-914me@mail.ru

Стратегические приоритеты развития Республики Адыгея и механизмы преодоления ее отставания в социально-экономическом пространстве Южного макрорегиона

(Рецензирована)

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые аспекты проблемы обоснования приоритетных направлений социально-экономического развития Республики Адыгея, реализация которых призвана обеспечить постепенное преодоление ее отставания от более развитых регионов Юга России. Особое внимание уделено механизмам реализации стратегических приоритетов регионального развития.

Ключевые слова: макрорегион, бюджетно-дефицитный регион, межрегиональные социально-экономические различия, системный подход, стратегическое управление, стратегия, приоритеты, целевая программа.

A.G. Dobrovolsky

Applicant for Candidate's degree of Economy and Management Department, Adyghe State University, Maikop. Ph.: (918) 454 00 68, e-mail: e-914me@mail.ru

Strategic priorities of the Republic of Adyghea and mechanisms bringing it up in the socio-economic environment of the Southern macroregion

Abstract. This paper discusses some aspects of the study areas of social and economic development of the Republic of Adyghea, the implementation of which is designed to ensure the gradual elimination of its backlog from more developed regions of the South of Russia. Particular attention is paid to the mechanisms for implementing the strategic priorities of regional development.

Keywords: macro-fiscal-deficit region, inter-regional socio-economic differences, a system approach, strategic management, strategy, priorities, target program.

Процесс обоснования стратегических перспектив социально-экономического развития Республики Адыгея как бюджетно-дефицитного региона должен базироваться, с одной стороны, на методических положениях, учитывающих специфику современных условий функционирования бюджетно-дефицитных регионов Юга России и региональные особенности самой республики, с другой стороны, — на использовании основных подходов и методов, наработанных региональной экономической наукой в сфере стратегического управления.

Как один из бюджетно-дефицитных регионов Республика Адыгея находится

в зоне активной политики федеральных властей по содействию региональному саморазвитию. В то же время принадлежность Республики Адыгея к бюджетно-дефицитным регионам Юга России детерминирует наличие в ней многих масштабных, в том числе структурных, бюджетно-инвестиционных, институциональных проблем, сдерживающих динамику регионального развития. Указанные особенности обусловлены недостаточным уровнем развития отраслей, производящих продукцию с высокой добавленной стоимостью, и сферы услуг, низкой инвестиционной привлекательностью республики, слабой восприим-

чивостью ее экономики к инновациям. Наряду с высокой дотационностью бюджета Адыгеи, составляющей более 50%, республика располагает значительными по ее масштабам пространственно-локализованными агропродовольственными, туристско-рекреационными и минерально-сырьевыми ресурсами. Эффективное вовлечение этих ресурсов в хозяйственный оборот вследствие непосредственного встраивания исследуемого региона в систему взаимоотношений мирового хозяйства является важным условием его динамичного развития. Указанные обстоятельства способствуют формированию в Республике Адыгея субрегиональных локалитетов туристско-рекреационного, агропромышленного и других типов с их специфическими локальными преимуществами посредством использования уникальных ресурсов и создают благоприятные предпосылки для опережающего развития образующих ее территорий и, как следствие, — региона в целом [1, 2, 3].

Региональные особенности Республики Адыгея оказывают стимулирующее и сдерживающее влияние на структурно-динамические процессы ее экономики. Региональная специфика указанных процессов предопределена, прежде всего, структурными характеристиками и долговременными тенденциями развития экономики Адыгеи, а также анклавным характером позиционирования республики в социально-экономическом пространстве Краснодарского края. В связи с этим следует отметить, что экономика Республики Адыгея на протяжении десятилетий формировалась как часть народнохозяйственного комплекса СССР и экономики Краснодарского края, в который она входила на правах автономной области. Специализацию экономики Адыгеи в решающей мере определяли агроклиматические и лесные ресурсы, на основе которых в пределах Краснодарского края формировались цепочки переделов от исходного сырья до розничной продажи готовой продукции. Таким образом, как приоритетные подсистемы экономики региона сформировались агропромышленный и лесопромышленный комплексы.

Что касается анклавного позиционирования Адыгеи в территориальном пространстве Краснодарского края, то оно способствует сохранению в ней стабильности в социально-политической сфере, что важно для повышения инвестиционной привлекательности республики, стимулирует развитие межрегиональных и межмуниципальных экономических связей. Эти особенности позитивно влияют на экономическое развитие близлежащих к Краснодару трех ее муниципальных образований. В то же время нахождение в «экономической тени» мощного соседнего региона создает угрозу «перехвата» потенциальных инвесторов, стимулирует усиление оттока из Адыгеи квалифицированных кадров и молодежи в Краснодар, деформирует региональный рынок потребительских товаров, что в целом негативно отражается на структурно-динамических процессах в экономике республики (рис. 1) [4].

Наметившаяся за последние годы тенденция растущего отставания экономики Адыгеи от более развитых регионов Юга России обуславливает необходимость перехода республики к системе стратегического управления. Его ключевым элементом является обоснование региональной стратегии, которая призвана определять приоритеты на долгосрочную перспективу и перечень конкретных задач, направленных на устранение существующих диспропорций и решение проблем выхода экономики региона на траекторию динамичного и устойчивого развития.

Стратегические приоритеты развития экономики региона представляют собой инструмент структурных, ассортиментных и качественных сдвигов, способствующих росту эффективности ее функционирования. Эта общая характеристика приоритетов получает более конкретное выражение в зависимости от исходного состояния региональной экономики (уровня развития, степени сбалансированности его структуры, уровня эффективности); от фактора времени, т.е. длительности периода, на который определяются приоритетные звенья [5, 6].

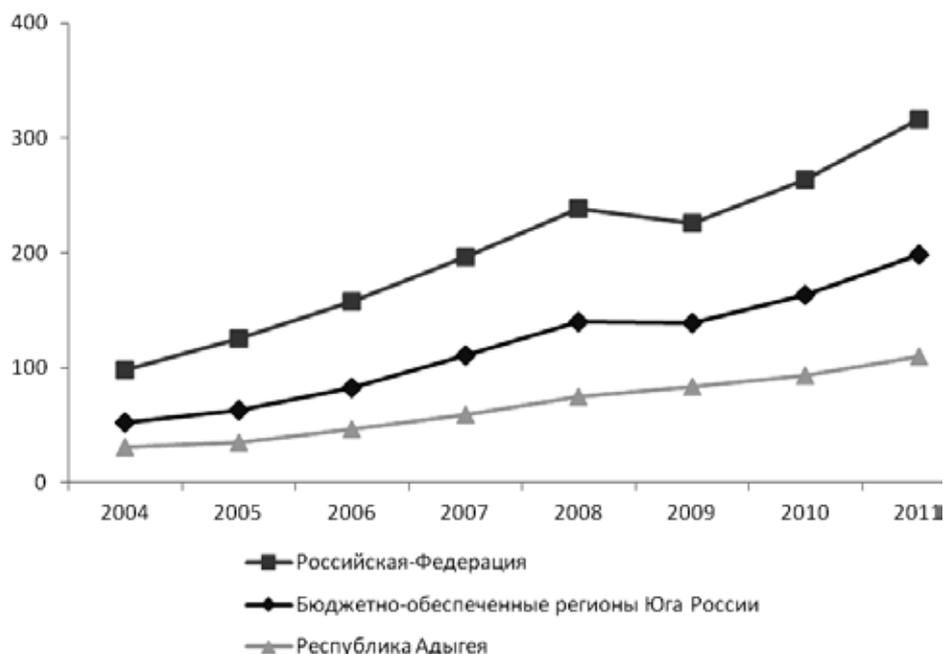

Рисунок 1. ВРП в расчете на душу населения в среднем по регионам Российской Федерации, бюджетно-обеспеченным регионам Юга России и Республике Адыгея в 2006-2011 гг., тыс. руб.

В процессе определения стратегических приоритетов целесообразно использовать возможности SWOT-анализа, позволяющего выявить и в последующем системно представить основные факторы и явления, влияющие на развитие региональной экономики, на сильные и слабые стороны, возможности и угрозы. Этот инструмент особенно полезен тем, что позволяет учесть наиболее существенные аспекты возможного влияния региональных особенностей на стратегическое развитие отдельных секторов экономики.

Главным итогом проведенного нами SWOT-анализа, позволяющим синтезировать ключевые факторы успеха, является определение стратегических приоритетов развития экономики Республики Адыгея, причем в русле магистральных направлений ее модернизации (табл.1).

Основными инструментами стратегического управления как региональной экономикой, так и ее подсистемами являются: миссия объекта управления, сценарий его развития, концепция развития, социально-экономическое прогнозирование, целевые комплексные программы [7].

Специфика региональных приоритетов, вытекающая из сущности при-

оритетов как важнейших направлений развития, такова, что на их реализации следует сконцентрировать лучшие силы и средства региона. При этом региональные администрации должны в комплексе задействовать весь арсенал методов стратегического, среднесрочного и текущего управления, в числе которых программно-целевой метод занимает особое место [8].

Целевые среднесрочные программы служат наиболее эффективным инструментом стратегического управления региональной экономикой, поскольку их использование позволяет осуществить централизацию действий при формировании стратегии социально-экономического развития региона, концентрацию его ресурсов на решение приоритетных задач. В последнем качестве комплексные программы могут использоваться органами регионального управления как средство целенаправленного воздействия на структурно-динамические процессы независимо от форм собственности, позволяющее ориентировать коммерческие интересы хозяйствующих субъектов на реализацию единой региональной цели.

Преимущества программно-целевого метода управления обусловлены следующими его принципиальными

Таблица 1
Стратегические приоритеты развития Республики Адыгея с учетом ее региональных особенностей

Магистральные направления модернизации экономики региона	Региональные особенности, стимулирующие и сдерживающие развитие экономики Республики Адыгея в русле магистральных направлений ее модернизации	Стратегические приоритеты развития экономики Республики Адыгея
Активизация интeгpационного взаимодействия в межрегиональной и межмуниципальной сферах	<i>Стимулирующие интеграционное взаимодействие:</i> пространственная совмещенность Республики Адыгея с Краснодарским краем; наличие в регионах смежных групп муниципальных образований, имеющих общие природные условия, особенности экономики и перспективы развития. <i>Сдерживающие интеграционное взаимодействие:</i> недостаток финансово-устойчивых субъектов в экономике Республики Адыгея.	Создание межрегиональных интегрированных структур с участием хозяйствующих субъектов Адыгея и Краснодарского края.
Активизация привлечения в экономику региона инвестиций	<i>Стимулирующие приток инвестиций в регион:</i> Анклавное положение региона; структурный дисбаланс между мощностями по переработке и сырьевым обеспечением, между производством скоропортящихся продуктов питания и погрешностями местного населения. <i>Сдерживающие приток инвестиций в регион:</i> Незначительный инвестиционный потенциал, инвестиционные риски.	Формирование субрегиональных кластеров агропромышленного, туристического и торгово-транспортно-логистического типов в экономике Адыгеи.
Активизация инновационных процессов в экономике региона	<i>Стимулирующие инновационные процессы в экономике региона:</i> наличие в Адыгее ряда финансово-состоятельных предприятий; ее анклавное положение, создающее возможность активно использовать инновационные разработки Краснодарского края. <i>Сдерживающие инновационные процессы в экономике региона:</i> отсутствие в экономике Адыгеи стратегической ориентации на инновационные процессы; недостаток квалифицированных кадров, ограниченные финансовые и материально-технические ресурсы.	Создание в Адыгее региональных инновационных систем с активным вовлечением научно-технического потенциала Краснодарского края

особенностями: индикативным характером программы; системным характером целей и задач программы по решению сложных комплексных проблем развития; способностью концентрировать материальные и финансовые ресурсы на решение приоритетных задач; возможностью использовать эффект мультипликатора при целевом использовании ограниченных бюджетных ресурсов региона за счет дополнительно-

го привлечения внебюджетных средств; возможностью эффективно сочетать в процессе регионального управления программно-целевой метод управления с методами регионального прогнозирования и индикативного планирования; потенциальной возможностью обеспечения действенного общественного контроля при формировании целей и задач программ и использовании финансовых ресурсов при их реализации.

Примечания:

1. Агаркова Л.В., Гурнович Т.Г., Безлепка А.С. Проблемы обеспечения устойчивого развития аграрной сферы // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 5, Экономика. 2010. №3. С. 103-107.

2. Жуков Б.М., Булатова О.В. Формирование системы эффективного управления субрегиональными экономическими локалитетами. // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 5, Экономика. 2011. №3. С. 59-66.

3. Захарова Е.Н., Жукова Т.В. Инструменты анализа хозяйственных кластеров в регионах // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 5, Экономика. 2010. Вып. 4. С. 44-51.

4. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2012: стат. сб. / Росстат. М., 2012. 996 с.

5. Керашев А.А., Захарова Е.Н. Ключевые компетенции как ведущий фактор обеспечения конкурентоспособности АПК региона // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 5, Экономика. 2009. №1. С. 184-194.

6. Жуков Б.М., Дианова В.А. Идентификация ресурсного потенциала развития региона. // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 5, Экономика. 2012. №2. С. 68-77.

7. Тамов А.А., Апишев А.А. Методологические аспекты обоснования стратегических приоритетов развития АПК проблемного региона в посткризисных условиях // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 5, Экономика. 2012. №1. С. 130-134.

8. Маликов Р.И., Гришин К.Е. Влияние неформальной компоненты взаимодействия власти и бизнеса на эффективность региональной инвестиционной политики // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2012. №3. С.17-23.

References:

1. Agarkova L.V., Gurnovich T.G., Bezlepko A.S. Problems of providing a sustainable development of the agrarian sphere // Bull. Adyghe State University. Economics. 2010 . No. 3. P. 103-107.

2. Zhukov B.M., Bulatova O.V. Formation of system of effective management by subregional economic localities // Bull. Adyghe State University. Economics. 2011 . No. 3. P. 59-66.

3. Zakharova E.N. Zhukov T.V. Tools of the analysis of economic clusters in regions // Bull. Adyghe State University. Economics. 2010 . No. 4. P. 44-51.

4. Regions of Russia. Socio-economic indexes. 2012: statistical collection / Rosstat. M., 2012. 996 pp.

5. Kerashev A.A., Zakharova E.N. Key competences as a leading factor to ensure competitiveness of agrarian and industrial complex of the region // Bull. Adyghe State University. Economics. 2009 . No. 1. P. 184-194.

6. Zhukov B. M., Dianova V.A. Identification of resource potential of development of the region // Bull. Adyghe State University. Economics. 2012 . No. 2. P. 68-77.

7. Tamov A.A., Apishev A.A. Methodological aspects of justification of strategic priorities of the agrarian and industrial complex development in the problem region in post-crisis conditions // Bull. Adyghe State University. Economics. 2012 . No. 1. P. 130-134.

8. Malikov R.I., Grishin K.E. Influence of informal component of interaction of the power and business on efficiency of regional investment policy // Economy and Management: Scientific — Practical Journal. 2012 . No. 3. P. 17-23.

УДК 338.24
ББК 65.050.22
Д 64

Ю.А. Долгих

Соискатель кафедры экономики и управления Адыгейского государственного университета, г. Майкоп. Тел.: (918) 488 00 88, e-mail: maju 8888 @ mail.ru

Диверсификационные возможности бюджетно-дефицитного региона (Рецензирована)

Аннотация. В статье рассматривается ряд аспектов проблемы использования диверсификации экономики как одного из основных инструментов управления устойчивым и динамичным развитием бюджетно-дефицитных регионов в современных условиях. Особое внимание уделено факторам, определяющим диверсификационные возможности бюджетно-дефицитных регионов Юга России.

Ключевые слова: бюджетно-дефицитный регион, диверсификация, структура, структурные изменения, потенциал, стратегия, приоритеты.

Yu.A. Dolgikh

Applicant for Candidate's degree of Economy and Management Department, Adyge State University, Maikop. Ph.:(918) 488 00 88, e-mail: maju 8888 @ mail.ru

Diversification opportunities of the budgetary-deficit region

Abstract. The paper discusses a number of aspects of the use of economy diversification as a key tool for the management of sustainable and dynamic development of the budgetary-deficit regions in the current conditions. Particular attention is paid to the factors that determine the diversification opportunities of the budgetary-deficit regions in the South of Russia.

Keywords: budgetary-deficit region, diversification, structure, structural changes, potential, strategy, priorities.

Необходимость диверсификации экономики современных региональных систем обусловлена объективными потребностями субъектов хозяйствования в распределении рисков, обеспечении устойчивости функционирования и развития. Однако мировой и отечественный опыт не дает готовых управленческих решений по использованию многофункциональных возможностей этого инструмента. Применительно к каждому региону необходимо искать свой сценарий диверсификации, учитывая стартовые условия и механизмы, которые сложились в его экономике, а также особенности решаемых стратегических и текущих задач социально-экономического развития.

Следует отметить, что большинство авторов рассматривают диверсификацию как деятельность хозяйственных систем на микроуровне, т.е. в рамках предприятия, фирмы или группы компаний. При этом, как правило, диверсификация, рассматриваемая как базовая экономическая стратегия развития корпоративного капитала или производства, противопоставляется другим основополагающим экономическим стратегиям, включая специализацию, дифференциацию и концентрацию.

Очевидно, что понятие «диверсификация» является более многогранной экономической категорией, требующей научного определения не только на корпоративном уровне, но на всех уровнях хозяйственно-управленческой вертика-

ли. Эта категория достаточно глубоко исследована на корпоративном уровне и макроуровне. В то же время на региональном и субрегиональном уровнях аспекты диверсификации, несомненно, требуют дальнейшей проработки.

Диверсификация экономики региона — это процесс, нацеленный на умножение количества различных бизнес-процессов, снижение хозяйственных рисков и гибкое использование всей совокупности ресурсов, находящихся в региональном хозяйственном пространстве. Ключевыми задачами диверсификации структуры российских регионов, встроенной в общий контекст структурного реформирования отечественной экономики, являются преодоление сложившейся ориентации экономики на экспорт сырья, модернизация технологического базиса промышленного производства, формирование эффективной по своим функциям и структуре модели региональной экономической системы, направленной на обеспечение адекватного вклада регионов в повышение общей конкурентоспособности национальной экономики.

Важным мотивом для активизации процессов диверсификации в бюджетно-дефицитных регионах может служить необходимость осуществления прогрессивных структурных изменений и повышения устойчивости региональной экономики и, как следствие, — роста эффективности вовлеченных в хозяйственный процесс факторов производства. Применительно к хозяйственным системам указанных регионов диверсификация способствует решению следующих задач ее развития:

- формированию новых функций указанных систем, специфицированных применительно к задачам диверсификации экономики региона;

- защите от рисков и угроз, возникающих в пространстве интеграционного взаимодействия регионов;

- эффективному позиционированию бюджетно-дефицитных регионов в рамках экономики страны;

- формированию конкурентной среды в экономическом пространстве каждого региона;

- получению синергетического эффекта, обусловленного комбинированием различных элементов, формирующих потенциал развития хозяйственных систем бюджетно-дефицитных регионов.

Эффективное управление процессом диверсификации в региональной хозяйственной системе предполагает определение ее места в экономике региона, четкое разграничение основных видов рисков и исследование структурных особенностей региональной экономики.

Целенаправленный процесс диверсификации экономики региона базируется на диверсификационном потенциале. Последний обусловлен сбалансированным и динамичным взаимодействием всех составляющих региональных подсистем, включая природно-географические, ресурсные, технологические, социально-экономические, кадровые, политические, экологические и прочие подсистемы. Чем выше диверсификационный потенциал региона, тем больше у него возможностей для гармоничного включения в общую структуру региональной экономики большого разнообразия производств из различных отраслей и видов деятельности, качественного расширения состава бизнес-процессов, в которые вовлечены соответствующие субъекты. Между тем, бюджетно-дефицитные регионы Юга России в современных условиях значительно отстают от соседних более развитых регионов по диверсификационным возможностям (табл.1).

Отставание бюджетно-дефицитных регионов Юга России от более развитых соседних регионов по диверсификационным возможностям экономики формируется под воздействием и некоторых других факторов, идентификация которых возможна с применением определенных групп показателей, включая инновационный потенциал, управленческий потенциал, инфраструктурный потенциал, кадровый потенциал, а также такие трудно формализуемые факторы, как системность и стратегическая ориентированность региональной и муниципальных администраций в регулировании диверсификационных процессов [2, 3].

Таблица 1

Факторы, определяющие диверсификационные возможности бюджетно-дефицитных и бюджетно-обеспеченных регионов Юга России, 2012 год [1]

Факторы	Показатели	Республики	Края и области
Ресурсный потенциал и уровень регионального производства	Валовой региональный продукт, тыс. руб. на душу населения	86,5	176,6
Инвестиционная обеспеченность региона	Инвестиции в основной капитал, тыс. руб. на душу населения	30,3	72,8
Предпринимательский потенциал региона	Оборот малого бизнеса региона, тыс. руб. на душу населения	38,9	109,4

Возрастание роли диверсификации экономики в динамичном социально-экономическом развитии бюджетно-дефицитных регионов Юга России обусловлено различными обстоятельствами, важнейшими из которых являются следующие:

— потребность в совершенствовании структуры экономики регионов, основные характеристики которой сложились в условиях планово-директивной экономики;

— активизация процессов встраивания бюджетно-дефицитных регионов Юга России в мирохозяйственную систему и, как следствие, — рост интереса крупного капитала, в том числе и иностранного к их природно-ресурсному потенциалу;

— стратегическая ориентация бюджетно-дефицитных регионов Юга России на саморазвитие, предполагающее повышение их конкурентоспособности, обеспечение необходимых территориальных пропорций в региональной экономике, недопущение чрезмерной внутрирегиональной социально-экономической дифференциации.

Значительный вклад в активизацию диверсификационных процессов в экономике бюджетно-дефицитных регионов вносит предпринимательство [4].

Применительно к бюджетно-дефицитным регионам Юга России в современных условиях особо следует выделить роль малого и среднего предпринимательства, поскольку в преобладающей части территорий этих ре-

гионов бизнес представлен в основном малым и средним предпринимательством, несущим значительный инновационный потенциал.

В диверсификации экономики этих регионов исключительно важной составляющей является стимулирование и поддержка предпринимательской активности. Вследствие этого власти всех уровней объективно заинтересованы в постепенном устранении барьеров, сдерживающих предпринимательскую активность, включая упрощение получения разрешений на начало бизнеса; создание прозрачной и понятной системы таможенного регулирования и таможенного контроля, снижение вплоть до нуля таможенных ставок на ввоз технологического оборудования, упрощение таможенных процедур; либеральную систему валютного регулирования; создание эффективной производственной инфраструктуры с соответствующими транспортными и информационными коммуникациями, доступностью энергоресурсов; необременительную налоговую систему, стимулирующую инвестиционную активность, инновационную деятельность, расширение экспорта товаров.

В целом методические аспекты проблемы определения диверсификационных возможностей региона и обоснования приоритетных направлений их повышения еще недостаточно проработаны, поэтому в процессе управления важно остро чувствовать момент возможного перехода экономически

допустимой грани свертывания старого производства и организации новых производств, так как экономические последствия подобных преобразований могут породить проблемы не только на микро- и мезо-, но и на макроэкономическом уровне, в частности, кризис перепроизводства продукции [5].

На практике существует довольно широкий арсенал инструментов, повышающих диверсификационные возможности экономики региона, которые во многом зависят от реализуемой им стратегии социально-экономического развития. К наиболее востребованным инструментам следует отнести:

- диверсификационно-ориентированную стратегию социально-экономического развития региона;
- целевые среднесрочные программы развития региона и субрегиональных локализаций, включая муниципальные образования, в которых

активизация процессов диверсификации экономики выделяется в качестве одной из ключевых задач;

- региональные и муниципальные среднесрочные программы поддержки и развития малого и среднего предпринимательства;

- субрегиональные кластеры в наиболее перспективных периферийных локализациях региона [6, 7].

Диверсификация экономики региона может иметь как позитивные, так и негативные последствия [8]. К позитивным последствиям можно отнести увеличение конкурентоспособности и устойчивости региональной экономики; улучшение качества человеческого капитала; создание эффективной системы управления регионом. В то же время серьезные издержки при освоении новых производственных направлений могут значительно уменьшить рентабельность капитала.

Примечания:

1. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2012: стат. сб. / Росстат. М., 2012. 996 с.
2. Захарова Е.Н., Гурнович Т.Г., Долгиев М.М. Концептуальные основы обеспечения энергетической безопасности региона в условиях формирования инновационной экономики // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 5, Экономика. 2012. №1. С. 42-50.
3. Жуков Б.М., Дианова В.А. Идентификация ресурсного потенциала развития региона // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 5, Экономика. 2012. №2. С. 68-77.
4. Маликов Р.И. Проектирование эффективной предпринимательской среды: институциональный подход // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2011. №5. С. 107-113.
5. Керашев А.А., Мокрушин А.А. Организационно-экономическая составляющая внутригрупповых взаиморасчетов в рамках вертикально-интегрированных корпоративных структур // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 5, Экономика. 2009. №1. С. 40-47.
6. Тамов А.А. Методологические основы оценки стратегического потенциала региональных среднесрочных программ // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 5, Экономика. 2009. №1. С. 54-58.
7. Жуков Б.М., Булатова О.В. Формирование системы эффективного управления субрегиональными экономическими локалитетами // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 5, Экономика. 2011. №3. С. 59-66.
8. Попов Р.А. Системология регионального хозяйства: монография. Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2009.

References:

1. Regions of Russia. Socio-economic indexes. 2012: statistical collection / Rosstat. M., 2012. 996 pp.
2. Zakharova E.N. Gurnovich T.G., Dolgiyev M.M. Conceptual bases to ensure energy security of the region in the conditions of formation of innovative economy // Bull. Adyghe State University. Economics. 2012. No. 1. P. 42-50.
3. Zhukov B.M., Dianova V.A. Identification of resource potential of the region development // Bull. Adyghe State University. Economics. 2012. No. 2. P. 68-77.
4. Malikov R.I. Design of the effective business environment: institutional approach // Economy and Management: Scientific — Practical Journal. 2011. No. 5. P. 107-113.

5. Kerashev A.A., Mokrushin A.A. Organizational and economic component of intra group mutual settlements within the vertically integrated corporate structures // Bull. Adyghe State University. Economics. 2009 . No. 1. P. 40-47.

6. Tamov A.A. Methodical bases of an assessment of strategic potential of regional medium-term programs // Bull. Adyghe State University. Economics. 2009 . No.1. P. 54-58.

7. Zhukov B.M., Bulatova O.V. Formation of system of effective management by subregional economic localities // Bull. Adyghe State University. Economics. 2011 . No. 3. P. 59-66.

8. Popov R.A. Systemology of regional economy: monograph. Rostov-on-Don: YuFU Publishing House, 2009.

УДК 332.1(470)
ББК 65.049(2Рос)
К 36

А.А. Керашев

Доктор экономических наук, профессор, проректор по непрерывному образованию и инновационной деятельности, г. Майкоп. Тел.: (8772) 57 07 63, e-mail: kerasev@mail.ru

А.А. Мокрушин

Доктор экономических наук, профессор кафедры экономики и управления Адыгейского государственного университета, г. Майкоп. Тел.: (8772) 59 39 52, e-mail: mokrushin_alex@inbox.ru

Н.А. Королева

Кандидат философских наук, докторант кафедры экономики и управления Адыгейского государственного университета, г. Майкоп. Тел.: (918) 383 22 34, e-mail: koroleva-agu@mail.ru

Способы взаимодействия мега-корпораций и региональных экономических систем современной России

(Рецензирована)

Аннотация. В статье определена роль мега-корпораций в модернизации хозяйственного пространства современной России, в развитии региональных экономических систем; выделено шесть групп экономических отношений, соответствующих различным способам взаимодействия мега-корпораций и региональных экономических систем; раскрыто содержание основных способов взаимодействия мега-корпораций и региональных экономических систем.

Ключевые слова: мега-корпорации; региональные экономические системы; хозяйственное пространство; экономические отношения; способы взаимодействия.

A.A. Kerashev

Doctor of Economics, Professor, Vice-rector for continuing education and innovation activities, Adyghe State University, Maikop. Ph.: (8772) 57 07 63, e-mail: kerasev@mail.ru

A.A. Mokrushin

Doctor of Economics, Professor of Economy and Management Department, Adyghe State University, Maikop. Ph.: (8772) 593-952, e-mail: mokrushin_alex@inbox.ru

N.A. Koroleva

Candidate of Philosophy, Doctoral Candidate of Economy and Management Department, Adyghe State University, Maikop. Ph.: (918) 383 22 34, e-mail: koroleva-agu@mail.ru

The ways of interaction of mega-corporations with regional economic systems in contemporary Russia

Abstract. The paper shows the role of mega-corporations in modernization of commercial space and in the development of regional economic systems in contemporary Russia. Six groups of economic relations that correspond to different ways of interaction between mega-corporations and regional economic systems are identified. Contents of the main ways of interaction between mega-corporations and regional economic systems are revealed.

Keywords: mega-corporations; regional economic systems; commercial space; economic relations; ways of interaction.

Для мезо-уровня организации хозяйственного пространства России характерно активное развитие взаимодействия глобальных по своей природе, относящихся к мега-уровню, корпоративных организаций и региональных экономических систем, что выражается в инвестиционной экспансии корпораций во внутреннюю среду регионов, преобразовании локальных рынков, совместном формировании новых объектов территориальной инфраструктуры, перспективных субрегиональных локализаций. Некоторые из мега-корпораций имеют российские корни, что придает указанному процессу особые черты. Динамичное развертывание глобальной интеграции хозяйственных отношений и постиндустриальных преобразований обуславливает растущую значимость взаимодействия мега-корпораций и региональных экономических систем, формирует потребность в его системном исследовании.

За два десятилетия рыночных преобразований и интеграции национальной экономики в мировое хозяйство был накоплен значительный опыт формирования и развития межсистемных связей между мега-корпорациями и регионами-субъектами России. Оценивая указанный опыт, необходимо учитывать, что среди мега-корпораций, обладающих статусом субъектов глобальной экономики, присутствуют как ТНК, сформировавшиеся во внешней среде («BP», «Philip Morris» и др.), так и компании, имеющие российские корни («Газпром», «Роснефть» и др.). Следует также принимать во внимание феномен региональной поляризации хозяйственного пространства, существенно влияющий на характер и результаты указанного взаимодействия. Правомерно предположить, что в пространстве современной России существует определенное многообразие способов организации связей между мега-корпорациями и регионами [1].

Следует выделить несколько *групп экономических отношений*, соответствующих различным способам указанного взаимодействия. При этом исходим из экономической оценки его

конечного результата применительно к региональной экономической системе — приращения ее конкурентоспособности. В данном контексте в качестве основных факторов конкурентоспособности следует отметить:

— географическое положение региона — благоприятная или неблагоприятная позиция в мировом хозяйстве, близость или удаленность от основных центров мирового и национального развития; отметим, что позиция Краснодарского края в данном отношении весьма благоприятна, поскольку регион обладает рядом активно используемых транспортных коридоров (Север–Закавказье и Малая Азия, Восток–Средиземное море и др.);

— природная ресурсная база — представительность имеющихся материальных возможностей обеспечения различных видов бизнеса, а также масштабы природной ресурсной кладовой; в данном отношении следует принимать во внимание стратегическую ориентацию национальной экономики России на добычу, первичную переработку и экспорт сырьевых и топливно-энергетических ресурсов, что превращает регионы, обладающие значительными запасами соответствующих ресурсов, в потенциально богатые и интересные для развития взаимодействия с мега-корпорациями ТЭК и ряда других отраслей. Вместе с тем, такое взаимодействие обрекает региональные экономические системы на моноотраслевую структуру экономики и ослабляет устойчивость их развития;

— потенциал человеческого фактора, то есть масштабы, состав данного фактора и уровень его развития, в особенности в той части, которая относится к постоянному населению территории; в данном отношении в стратегическом выигрыше оказываются те региональные экономические системы, которые располагают наиболее развитым, насыщенным ключевыми компетенциями человеческим фактором; отсюда — значимость своевременного и масштабного инвестирования развития человеческого фактора со стороны обоих взаимодействующих системных субъектов.

Первая из указанных выше групп отношений между мега-корпорацией и региональной экономической системой представляет собой отношения вовлечения ресурсов территории в экономический оборот корпорации без формирования сложных механизмов взаимной ответственности и создания органов совместного управления результатами взаимодействия. По всей видимости, это простейший способ взаимодействия, для которого характерна выраженная асимметрия: если ресурсы предоставляются в основном региональной экономической системой, то результаты взаимодействия присваиваются в основном мега-корпорацией, обеспечивая потребности ее развития.

Вторая группа отношений заключается в столкновении мега-корпорации и региональной экономической системы в обычной конкурентной среде. Происходит конкуренция за ресурсы, человеческий фактор, элементы инфраструктуры; при этом региональная экономическая система практически сводится к корпорации. Выделим один из аспектов такого сведения пространственной системы к коммерческой организации — редукцию конкуренции. Имеет место сведение более сложной формы пространственной конкуренции к более простой форме коммерческой конкуренции обычных участников рынка. В случае с региональной экономической системой мы имеем дело с более сложным феноменом конкурентоспособности, поскольку к величине издержек и параметрам качества конечной продукции добавляются синтетические характеристики:

— общей привлекательности территории для инвесторов и населения, что обеспечивает приток инвестиций и человеческого фактора;

— доходной обеспеченности, что обеспечивает создание инфраструктуры и наполнение потребностей материальной жизни;

— уровней развития экономической и общей культуры, что принципиально важно для создания новых видов бизнеса и развития новых институтов территории;

— уровня развития инновационной деятельности, что обеспечивает потребности модернизации и последующего инновационного развития.

Третья группа отношений заключается в разграничении функции мега-корпорации и региональной экономической системы по отношению к объектам, которые участвуют в их воспроизводственных процессах. Выделим в данном отношении объекты территориальной инфраструктуры, природные ресурсы и человеческий фактор, находящиеся на данной территории, но используемые как региональной экономической системой, так и мега-корпорацией. По существу, речь идет о некоем кондоминиуме, создаваемом независимыми экономическими субъектами, участвующими в совместной деятельности. При этом могут быть использованы следующие режимы обеспечения интересов участников межсистемного взаимодействия:

— распределение издержек на воспроизводство используемых объектов пропорционально полученным от использования результатам с учетом общественной (стоимостной) оценки таких результатов;

— относительно равномерное распределение издержек без количественного соизмерения полученных результатов;

— создание совместных организаций, которым поручено обеспечивать воспроизводство объектов, вовлеченных в оборот мега-корпорации и региональной экономической системы.

Оценивая продуктивность указанных режимов, следует учитывать реальное соотношение экономических возможностей мега-корпорации и региональной экономической системы.

Четвертая группа отношений состоит в совместном участии мега-корпорации и региональной экономической системы в реализации инвестиционных проектов различного рода. Указанные проекты могут быть инициированы одним из участников взаимодействия или созданным ими партнерством, федеральными органами управления, третьей стороной. Важен

уровень реализуемого проекта, в какой мере он обеспечивает потребности развития участвующих системных субъектов, что он дает для приращения их конкурентоспособности. При доминировании одной из сторон (например, мега-корпорации) результаты реализации проекта распределяются асимметрично, что создает основу для накопления потенциала социально-экономических конфликтов.

Инвестиционное взаимодействие обуславливает формирование потребностей в создании органов управления развитием взаимодействия мега-корпорации и региональной экономической системы, институтов, обеспечивающих согласование интересов, а также запуск более сложных способов взаимодействия указанных системных субъектов.

Пятая группа отношений состоит в осуществлении институционально-хозяйственных преобразований в региональном пространстве, инициированных либо совместно участниками данного взаимодействия, либо третьими сторонами (федеральными органами управления, международными экономическими организациями, другими региональными экономическими системами, мега-корпорациями и др.).

Шестая группа отношений заключается в последовательном развитии интеграционного взаимодействия обеих систем, что предполагает сращивание их воспроизводственных процессов, формирование общих имущественных комплексов и сложных, интегрированных отношений собственности, создание органов совместного управления; в итоге оба системных субъекта движутся в направлении создания некоей интегрированной системы отношений, или мета-системы. Однако при этом глубокие различия между мега-корпорацией и региональной экономической системой не преодолеваются до конца, а сохраняются внутри складывающейся мета-системы.

Оценивая сложившиеся способы взаимодействия мега-корпорации и региональной экономической системы, необходимо принимать во внимание

значимость процесса модернизации и ускорения постиндустриальных преобразований для региональной экономики современной России. В научной литературе получила наибольшее распространение позиция, согласно которой модернизация в современной России есть системное преодоление отсталости, то есть применительно к региональной экономике:

— выведение из активного оборота хозяйственной практики и территориальной экономической политики изживших себя функций, способов структурной организации и институциональных форм, замещение их актуальными функциями, способами структурной организации и институциональными формами, что предполагает глубокие преобразования во всех аспектах региональной экономики;

— приведение стратегий и инструментов территориального управления (в особенности, стратегического управления) и региональной экономической политики в соответствие с императивами современного этапа развития; в данном отношении не характерны принятые российскими регионами Стратегии социально-экономического развития на период до 2020 г., в которых за основу взята пролонгация ранее существовавших тенденций развития;

— формирование во внутренней среде региональных экономических систем перспективных зон инновационного роста (кластеров, особых экономических зон, функциональных подсистем и др.) [2, 3].

Модернизация региональной экономики выдвигает особые требования к взаимодействию мега-корпорации и региональной экономической системы. С одной стороны, модернизация на мезо-уровне актуализирована усилиями ряда крупных корпораций и сетевых организаций, поскольку их инвестиции и коммерческая деятельность существенно ускоряет эволюцию региональных экономических систем современной России. «Заход» в российские регионы крупных корпоративных и сетевых структур, концентрирующих в своих руках крупные капиталы,

современный менеджмент, сетевые технологии, создает совершенно новую ситуацию в межрегиональной конкуренции, выводя ее в формат макроэкономической, глобальной [4]. Если принять данную позицию, то деятельность мега-корпораций ускоряет преобразовательные процессы на мезо-уровне; но это лишь одна сторона проблемы.

С другой стороны, деятельность многих крупных корпораций превращает региональную экономику в полностью подконтрольное корпоративному капиталу пространство; ресурсная база регионов начинает обеспечивать воспроизводственный процесс корпорации, а человеческий фактор и инфраструктура — обслуживать его. Принося с собой ценную для региона совокупность новых технологий и ключевых компетенций человеческого фактора, крупные корпорации вместе с этим продуцируют новые риски и масштабные угрозы территориальному развитию [5].

Мега-корпорации обладают здесь уникальными возможностями усиления негативного воздействия на развитие территории. Выделим в данном отношении следующие угрозы, формируемые ими:

— монополия трансформация отношений внутренней среды, подавление или существенное ослабление сил конкуренции;

— нерациональное, ориентированное только на интересы мега-корпорации, а порой и просто хищническое использование природных ресурсов территории, порождающее новые экологические проблемы;

— усугубление прежних и формирование новых социальных проблем территории, стремление использовать конфликты в своих интересах.

Результаты качественного анализа способов взаимодействия указанных системных субъектов приведены в таблице 1.

Обобщение результатов анализа данных, приведенных в таблице 1, позволяет установить основные способы взаимодействия мега-корпорации и региональной экономической системы.

Основными способами взаимодействия мега-корпорации и региональной экономической системы являются:

А. Использование ресурсов региональной экономической системы в обороте мега-корпорации, что зачастую ведет к установлению экономического господства корпорации, снижению субъектного потенциала региональной системы и формированию модели «отраслевого региона», детально описанной в исследованиях А. Воруа. В оценке данного способа взаимодействия необходимо принимать во внимание один из важнейших уроков глобального финансового кризиса. Речь идет о том, что кризис сфокусировал внимание исследователей и практиков на проблеме диверсификации региональной экономики. Течение рецессии и выход из нее выпукло представили, что те региональные экономические системы, которые относятся к диверсифицированному типу, обладают значительно большим потенциалом устойчивости, быстрее выходят из рецессии, а также располагают дополнительными возможностями для модернизации своей внутренней среды, где востребован потенциал обновления [6].

В свою очередь, в «отраслевых регионах», где развитие региональной экономики всецело зависит от результатов очень узкого по составу портфеля бизнесов, возможности осуществления эффективных функциональных и структурных преобразований значительно меньше; соответственно, здесь распространены различного рода дисфункции, образующиеся в региональных экономических системах в процессе взаимодействия с мега-корпорациями. Под дисфункциями мы понимаем результаты устойчивого искажения нормальных функций под влиянием ряда кризисных явлений, накопления рисков; дисфункции весьма характерны для регионов, развитие которых полностью подчинено интересам одной господствующей корпорации.

Дисфункция финансового иждивенчества во взаимодействии экономической системы Волгоградской области и корпоративной бизнес-группы «Север-

Таблица 1

**Установление способов взаимодействия мега-корпорации
и региональной экономической системы**

Основные цели взаимодействия	Характер влияния на систему региона	Институциональные результаты взаимодействия	Способы взаимодействия
Доступ мега-корпорации к элементам ресурсной базы региона	Рост неустойчивости регионального развития	Асимметрия использования ресурсов и распределения результатов	Использование ресурсов региона в обороте мега-корпорации
Обретение конкурентного преимущества одного из системных субъектов над другим	Усиление центральных сил во внутренней среде региона, ослабление системных связей	Коммерциализация региональной системы, сведение ее к обычному субъекту рынка	Конкурентное взаимодействие на рынках факторов производства
Разделение деятельности, ответственности и полномочий в пространстве взаимодействия	Снижение трансакционных издержек во взаимодействии с мега-корпорацией	Упорядочивание инфраструктуры межсистемного взаимодействия	Разграничение функций по отношению к объектам совместного использования
Расширение финансово-инвестиционной базы развития обоих системных субъектов	Ускорение экономического роста системы региона	Расширение поля контрактного взаимодействия, закрепление новых функций в составе региональной политики	Совместное участие в реализации инвестиционных проектов различного рода
Осуществление эволюционного прорыва, выход на новые рубежи развития обоих системных субъектов	Модернизация системы региона, ускорение в ней процесса постиндустриальных преобразований	Перенос институтов из внешней среды, выраживание новых институтов во внутренней среде мега-корпорации и системы региона	Осуществление институционально-хозяйственных преобразований в региональном пространстве
Сращивание обоих системных субъектов в систему более высокого уровня организации	Глубокая реорганизация отношений внутренней среды, создание над-региональных органов власти и управления	Изменения в институциональном статусе субъектов взаимодействия, усиление взаимной зависимости	Интеграционное взаимодействие обеих систем

сталь» (ОАО «Северсталь»), результаты анализа которой представлены в таблице 2, заключается в том, что региональная экономика ориентирована не на наращивание собственных доходов,

а на извлечение своеобразной «статусной ренты» от своего депрессивного состояния. При этом региону можно рассчитывать как на бюджетную, так и на корпоративную поддержку.

Таблица 2

**Дисфункция финансового иждивенчества во взаимодействии
экономической системы Вологодской области и ОАО «Северсталь»**

Показатели	2003г.	2005г.	2007г.	2009г.
Доля федеральной финансовой поддержки в составе доходов территориального бюджета, %	26,8	29,3	32,9	42,8
Доля холдинга ОАО «Северсталь» в формировании доходов территориального бюджета, %	24,2	25,1	26,3	19,7
Доля холдинга ОАО «Северсталь» в инвестициях в систему региона	37,1	38,9	40,1	29,8
Доля холдинга ОАО «Северсталь» в ВРП, %	35,2	36,4	38,4	32,4

В этом случае взаимодействие с регионом превращается для мега-корпорации в типичную институциональную ловушку, поскольку:

— ресурсы корпорации все больше втягиваются в процесс финансовой поддержки региона, не способного обеспечить финансовую самодостаточность;

— в конечном счете издержки «хозяйского» распоряжения ресурсами региональной экономической системы, которые вначале казались мега-корпорации небольшими, резко возрастают и становятся значительными, что перекрывает ее первоначальную выгоду.

Б. Конкурентное взаимодействие на рынках факторов производства, то есть борьба за наиболее ценные элементы человеческого фактора, технологии, финансовые ресурсы, что сводит региональную экономическую систему к обычному рыночному субъекту, сужая ее возможности и уродливо трансформируя рассмотренное выше концептуальное представление. Следует отметить, что региональная экономическая система не условно, в рамках концептуального моделирования, а реально, практически сводится к обычному рыночному субъекту. Раскроем некоторые важные последствия такого сведения:

— превращение процесса «извлечения доходов» в главный процесс жизнедеятельности региональной экономической системы, то есть финансовая трансформация ее;

— редукция или полное отчуждение от целей деятельности региональной экономической системы социальных аспектов (развития личности населения, оказания социальной поддержки тем, кто в ней нуждается и т.п.);

— возврат к остаточному финансированию объектов территориальной инфраструктуры и др.

В. Разграничение функций по отношению к объектам совместного использования, что обуславливает снижение издержек обоих субъектов межсистемного взаимодействия и создает условия для инфраструктурного обеспечения совокупности потребностей данного процесса. Выделим в данном отношении задачу формирования такой инфраструктуры взаимодействия мега-корпорации и региональной экономической системы, которая системно обеспечит потребности развития данного процесса.

Взаимодействие двух системных субъектов нуждается в адекватном — системном — инфраструктурном обеспечении. Если мега-корпорация заинтересована в формировании специальной инфраструктуры, обеспечивающей совместные потребности всех хозяйственных звеньев данной интегрированной экономической системы, то региональная экономическая система, напротив, ориентирована на создание общей территориальной ин-

фраструктуры, оставляя другие направления рыночным субъектам. Разрешение указанного противоречия лежит в плоскости объединения усилий обоих системных субъектов в целях формирования полноценной инфраструктурной платформы, комплексно обеспечивающей потребности исследуемого взаимодействия [7].

При этом под инфраструктурной платформой взаимодействия мега-корпорации и региональной экономической системы следует понимать организованную совокупность объектов инфраструктурного обеспечения данного процесса, которая соответствует следующим требованиям:

— входящие в инфраструктурную платформу элементы не обособлены друг от друга, а обладают системным качеством взаимодействия;

— функции инфраструктурной платформы охватывают весь спектр соответствующих потребностей в инфраструктурных услугах мега-корпорации и региональной экономической системы в условиях активизации постиндустриальных преобразований;

— данная платформа обеспечивает извлечение искомого синергетического эффекта во взаимодействии мега-корпорации и территории.

Г. Совместное участие в реализации инвестиционных проектов развития инфраструктуры, человеческого фактора, технологий, организационных механизмов и др. Отметим, что в том случае, когда такие проекты разрабатываются на основе стратегических соглашений, возникают плацдармы для развития более сложного — интеграционного — способа взаимодействия [8]. Однако наличие стратегических соглашений между мега-корпорацией и региональной экономической системой не стало нормой исследуемого взаимодействия; в большинстве случаев речь идет о следующих спонтанных сценариях взаимодействия системных субъектов формирования и реализации инвестиционных проектов:

а) инвестиционный проект инициирован мега-корпорацией и обусловлен потребностями развития ее отношений

на глобальном рынке, а региональная экономическая система вовлекается в данный проект «явочным порядком», то есть без заключения каких-либо специальных соглашений; при этом заключаются краткосрочные соглашения о ресурсном обеспечении, использовании элементов инфраструктуры, человеческого фактора территории;

б) инвестиционный проект формируется в глобальном хозяйственном пространстве без субъектного участия мега-корпорации и региональной экономической системы, в различные составляющие проекта втягиваются только элементы их объектных структур, что исключает активное воздействие указанных систем на реализацию инвестиционного проекта;

в) инвестиционный проект формируется и реализуется с активным участием государства, а мега-корпорация и региональная экономическая система входят в его реализацию на разных этапах, что и создает основу для их дальнейшего взаимодействия; данный сценарий реализуется, в частности, в глобальном проекте подготовки и проведения Олимпийских игр в Сочи в 2014 г., что обусловило вовлечение в данный проект экономической системы Краснодарского края и организаций холдинга «Газпром».

Д. Осуществление институционально-хозяйственных преобразований в региональном пространстве, что означает фокусирование внимания на создании новых организационных механизмов, институтов, то есть на изменении траектории и характера собственного развития. Данный, достаточно высокоразвитый способ взаимодействия предполагает более активное и глубокое взаимодействие мега-корпорации и региональной экономической системы. В то же время он может вырасти из менее развитого способа взаимодействия — например, из обычного вовлечения ресурсов региональной экономической системы депрессивного типа в оборот мега-корпорации, когда дисфункции и разрастающиеся издержки мега-корпорации побуждают ее к поиску способов преобразования системы

депрессивного типа в целях снижения издержек.

Другой сценарий осуществления институционально-хозяйственных преобразований в региональном пространстве предполагает вовлечение мега-корпорации и региональной экономической системы в глобальный инвестиционный проект, к участникам которого предъявляются определенные требования. В этом случае участие в проекте предполагает осуществление институционально-хозяйственных преобразований, причем как во внутренней среде региона, так и во внутренней среде мега-корпорации. Преобразования проходят под давлением факторов внешней среды.

В обоих сценариях региональная экономическая система занимает пассивную позицию, не иницилируя преобразований и не привлекая для их осуществления ресурсы мега-корпорации. Активизация в данном отношении предполагает выполнение по крайней мере двух условий:

— расширение ресурсной базы развития региональных экономических систем — в существующих условиях концентрации практически всех ресурсов развития на федеральном уровне территории не могут планировать и осуществлять глубокие институционально-хозяйственные преобразования;

— модернизация системы региональной экономической политики России, которая в теперешнем своем состоянии практически исключает планирование и реализацию региональными экономическими системами указанных глубоких преобразований. Во всяком случае, они даже не предусмотрены в действующей модели региональной Стратегии социально-экономического развития, разработанной Минрегионразвития РФ.

Е. Интеграционное взаимодействие, обеспечивающее формирование ряда позитивных синергетических эффектов, что создает условия для приращения продуктивности взаимодействия и обеспечивает рост конкурентоспособности обоих системных субъектов. При этом интеграция экономических

отношений соединяет между собой, комбинирует как элементы еще только формирующейся качественно новой системной целостности и переплетает в составе продуктивного комплекса те хозяйственные единицы, которые были отделены друг от друга, взаимодействуя между собой внешним образом. В итоге интеграции складывается новая в двойном отношении — расширенная по своим масштабам и наполненная другими участниками — организация хозяйственного пространства. Таким образом, создаются дополнительные возможности для развития взаимодействия, в нашем случае — взаимодействия двух системных субъектов.

Представляется, что интеграция обеспечивает разрешение основного противоречия исследуемого взаимодействия. С одной стороны, глобальный капитал — и мега-корпорация как его воплощение — не знает никаких границ, в том числе региональных границ, поскольку его природа предполагает постоянное, ничем не ограниченное расширение возможностей приложения данного капитала. Если придерживаться данной позиции, то субъекты глобального капитала относятся ко всем необходимым для обеспечения его воспроизводственного процесса факторам и ресурсам как неограниченно доступным; им надо только определиться с ценой этих факторов и ресурсов [9].

С другой стороны, региональная экономическая система обладает определенным богатством: ресурсной базой, которая составляет основу ее существования; человеческим фактором, обеспеченным некоторыми компетенциями; инфраструктурой, связывающей между собой различные территориальные хозяйственные процессы. В данном отношении территориальное богатство локализовано, относительно обособлено в глобальном хозяйственном пространстве.

Интеграционное взаимодействие следует квалифицировать как наиболее высокоразвитый способ взаимодействия мега-корпораций и региональных экономических систем современной

России. Следует исходить из того, что конечный результат интеграционного взаимодействия — сращивание указанных субъектов; при этом возникает сложная мета-система. Однако на пути такого сращивания — множество препятствий, важнейшим из которых следует назвать глубокие организационные и институциональные различия между субъектами исследуемого взаимодействия, что обуславливает высокие издержки данного процесса.

Примечания:

1. Аношкина Е.Л. Регионосозидание: институционально-экономические основы. М.: Академический проект, 2006.
2. Мамедов О.Ю. Модернизация — девиантная модель экономического роста? // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2010. Т. 8, №1.
3. Полтерович В.М. Элементы теории реформ. М.: Экономика, 2007.
4. Овчинников В.Н., Колесников Ю.С. Силуэты региональной экономической политики на Юге России. Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2008.
5. Мокрушин А.А., Суслов А.И. Корпоративный потенциал структурной модернизации региональных агропродовольственных систем современной России // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 5, Экономика. 2012. Вып. 1.
6. Ворус А.М. Экономика отраслевых регионов. М.: Изд-во МГУ: ТЕИС, 2000.
7. Клейнер Г.Б. Системная экономика. М.: ЦЭМИ, 2013.
8. Керашев А.А. Функциональное содержание и принципы управления макрорегиональным хозяйственным комплексом как интеграционным образованием. Ростов н/Д: СКНЦ ВШ, 2005.
9. Мокрушин А.А. Способ структурной организации взаимодействия вертикально интегрированных корпораций с региональными экономическими системами Южного федерального округа // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2011. №5. С. 151-152.

References:

1. Anoshkina E.L. Region-building: the institutional and economic framework. M.: Academic Project, 2006.
2. Mamedov O.Yu. Is modernization the deviant model of economic growth? // Economic Bulletin of the Rostov State University. 2010. V.8. No. 1.
3. Polterovich V.M. The elements of the reform theory. M.: Economy, 2007.
4. Ovchinnikov V.N., Kolesnikov Yu.S. Silhouettes of regional economic policy in the South of Russia. Rostov-on-Don: YuFU Publishing House, 2008.
5. Mokrushin A.A., Suslov A.I. Corporate potential of structural modernization of regional agro-food systems in contemporary Russia // Bull. Adyghe State University. Economics. 2012. No. 1 (96).
6. Vorus A.M. The economy of industry regions. M.: MGU Publishing House: TEIS, 2000.
7. Kleiner G.B. The system economics. M.: CEMI, 2013.
8. Kerashev A.A. Functional content and principles of management of macro-regional economic complex as an integrated formation. Rostov-on-Don: NCSC HS, 2005.
9. Mokrushin A.A. The way of structural organization of interaction of vertically integrated corporations with regional economic systems of the Southern Federal District // Izvestia of Kabardino-Balkar Scientific Centre of RAS. 2011. No.5. P. 151-152.

УДК 338.24
ББК 65.050.22
К 65

Х.А. Константи́ниди

Кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента и маркетинга Финансового университета при Правительстве РФ (филиал в г. Краснодаре), г. Краснодар. Тел.: (918) 217 90 71, e-mail: kx81@mail.ru

Стратегия симметричной интеграции развития Южного макрорегиона России

(Рецензирована)

Аннотация. В статье выявлена существенная и устойчивая асимметрия между вертикальной и горизонтальной компонентами процесса интеграционного взаимодействия региональных систем в расширенном пространстве Южного макрорегиона, раскрыта взаимосвязь доминирующей роли федерального центра в формировании макрорегионов как новых структурных звеньев пространственной организации России с административной парадигмой управления системой макрорегиона; проанализированы направления смены существующей парадигмы управления развитием макрорегиональной пространственной системы.

Ключевые слова: стратегия, пространственные системы, симметричная интеграция, расширенное пространство, макрорегиональный уровень, парадигма управления развитием.

Kh.A. Konstantinidi

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of Management and Marketing Department, Financial University under the Government of the Russian Federation (Branch in Krasnodar), Krasnodar. Ph.: (918) 217 90 71, e-mail: kx81@mail.ru

Balanced integration of development strategy in Southern Macroregion of Russia

Abstract. The paper reveals significant and persistent asymmetry between vertical and horizontal components of the integration interaction of regional systems in the extended space of the Southern macroregion. The author discloses the relationship between the prevailing role of the federal government in the formation of macroregions as new structural units of the spatial organization of Russia and the administrative management paradigm of the macroregion system. An analysis is made of the directions of the change of existing management paradigm aimed at development of macroregional spatial system.

Keywords: strategy, spatial systems, symmetric integration, expanded space, macro-regional level, the management paradigm of development.

Анализ факторов, обуславливающих стратегическую ориентацию Южного макрорегиона России, позволяет сделать вывод о наличии в его расширенном пространстве существенной и устойчивой асимметрии между вертикальной и горизонтальной компонентами процесса интеграционного взаимодействия региональных систем.

Такая асимметрия обусловлена действующей парадигмой управления развитием данной территориальной системы, которая правомерно квалифицирована А. Керашевым как административная парадигма. Поясним смысл данной парадигмы применительно к управлению развитием пространственной системы ЮМР.

Изначально расширение хозяйственного пространства имело место в рамках специфически административного процесса — создания федеральных округов, объединивших в своем составе соседние регионы-субъекты РФ. Однако возможности дальнейшего развития макро- региональных хозяйственных систем, сложившихся в пределах расширенного пространства федеральных округов, ограничены действующей административной парадигмой управления их развитием [1].

На смену существующей парадигме управления развитием макро- региональной системы должна прийти качественно новая парадигма, которую А. Керашев квалифицирует как интеграционно-воспроизводственную.

Предлагаемая парадигма предполагает радикальное изменение самого способа стратегического управления данным пространственным объектом. Можно выделить следующие основные параметры указанного способа управления:

А. Формирование институционального поля интеграционного процесса, адекватного имеющимся возможностям макро- региональной системы отношений. Это — исходный пункт всех необходимых преобразований. До настоящего времени правовой основой существования и развития макро- региональных систем выступает Указ Президента РФ о создании федеральных округов. Пока макро- региональные системы не «прописаны» в Конституции и иных нормативных актах России, они не обладают необходимым уровнем легитимности, а следовательно, не могут претендовать на роль субъектов бюджетного, инвестиционного, воспроизводственного и иных социально-экономических процессов.

Б. Реализация в макро- региональном пространстве властных возможностей федерального центра, сбалансированная с экономическими интересами регионов-субъектов РФ. Необходимо уяснить, что данное пространство по своей природе предназначено для интеграционного вза-

имодействия, в котором следует ограничивать две ветви:

— вертикальную интеграцию, в которой складываются новые линии экономической власти, а, следовательно, велика роль вертикали государственной политической власти;

— горизонтальную интеграцию, в которой складываются новые эффективные линии трансакций, обеспечивается снижение рыночных издержек, осваиваются новые технологии и т.п.

В. Ахполова приходит к совершенно верному выводу о том, что ветвь вертикальной интеграции в пространстве ЮМР (как, впрочем, и в других макро- региональных системах) господствует над ветвью горизонтальной интеграции и подавляет ее. В итоге в макро- региональном пространстве утверждается асимметричный механизм интеграционного взаимодействия, который не приспособлен для согласования экономических интересов регионов-субъектов РФ: «Необходимо отметить, что указанные интересы изначально не обладают необходимыми механизмами и формами согласования; напротив, на начальном этапе интеграционного взаимодействия регионов эти интересы дифференцируются друг от друга и обретают формы активного противостояния [2]. Интеграция «провоцирует» все возможные несогласия субъектов социально-экономических отношений, представляющих различные региональные системы. При этом формирование мета- системного качества делает консолидацию интересов необходимым условием успешного осуществления интеграционного взаимодействия регионов в расширенном пространстве».

Если указанное мета- системное качество не складывается, то макро- региональное пространство превращается в арену сугубо конкурентного взаимодействия регионов под маской направляемого федеральным центром интеграционного процесса.

В. Разграничение двух различных, хотя и тесно связанных между собой феноменов:

— федерального округа как административного образования;

— макро- региональной системы как социально-экономического образования.

Представляется правомерным определение федерального округа как внешней, административно-политической формы макро- региональной системы отношений. Форма, как известно, активна и способна существенно видоизменять свое функциональное содержание, вплоть до его деформации. Если указанная форма господствует над функциональным содержанием, то интересующая нас пространственная система сводится к одной лишь административно-политической оболочке [3].

При этом сохраняются и устойчиво воспроизводятся все препятствующие действительному интеграционному взаимодействию барьеры между региональными системами, сложившиеся в формально расширенном пространстве федерального округа, в том числе:

— специфически административные барьеры, которые обусловлены деятельностью института государственной власти на региональном уровне (в пространственной системе России каждый регион-субъект отражает или прямо копирует федеральный уровень власти, стремясь к созданию квази- атрибутов «региональной независимости» — региональные границы, пункты контроля, посты, разрешения и запреты на перемещение ресурсов и результатов хозяйственного процесса, ограничения для въезда и проживания населения, прибывающего из-за пределов региона и т.п.);

— специфически рыночные трансформационные барьеры, которые обусловлены либерализацией хозяйственного пространства и временным ослаблением в нем регионального уровня института государственной власти (выделим в данном отношении характерный для многих регионов передел прав собственности, формирование и локализацию региональных рынков, формирование новых региональных центров «силы» в пространстве, создаваемых мощными экономическими субъектами и т.п.).

Макро- региональная система тогда и только тогда оправдывает свое создание, когда она способствует снижению и преодолению указанных межрегиональных барьеров [4].

Г. Нацеленность на обеспечение нового качества организации воспроизводственного процесса в интеграционном пространстве. Существующие в расширенном пространстве региональные системы обладают своим обособленным экономическим потенциалом:

- ресурсной базой;
- функционирующим капиталом;
- человеческим фактором;
- социально-экономической инфраструктурой и др.

Если элементы указанного потенциала не выходят за пределы существующих в расширенном пространстве региональных систем, то задача интеграционного взаимодействия не решается. Макро- региональная система утверждает себя по мере утверждения единого интегрального воспроизводственного процесса, ориентированного на расширенное пространство взаимодействия.

Такому новому качеству организации воспроизводственного процесса соответствуют и качественно новые формы организации экономических субъектов в расширенном пространстве макро- региональных отношений [5]. В чем особенность таких субъектов? Представляется, что она соответствует интеграционному характеру процессов в анализируемом пространстве. Речь идет о создании мета- субъектов, к которым следует отнести:

— макро- региональные корпорации, функционирующие с выходом за пределы отдельных регионов и использующие все возможности расширенного пространства макро- регионального характера;

— субъектов не корпорированного малого и среднего бизнеса, активно использующих расширение возможностей для взаимодействия в макро- региональном пространстве;

— так называемых «глобальных игроков» (ТНК, международных организаций, гипер- корпораций, стремя-

щихся перейти на уровень ТНК и др.), которые создающих в пространстве макро- региональной системы свои филиалы, представительства, осуществляют масштабные инвестиции;

— частно — государственных партнерств (ЧГП), которые создаются специально для соединения экономического потенциала государства и бизнеса в расширенном пространстве) [6].

Д. Ориентация на получение синергетического эффекта от переплетения потенциалов участников процесса интеграции. Речь идет о конечном результате всего интеграционного процесса, без которого усилия по расширению пространства взаимодействия не будут оправданы.

В расширенном пространстве ЮМР масштабы указанного синергетического эффекта существенно ограничены за счет наличия множества изношенных, морально устаревших и бесперспективных элементов капитала, человеческого фактора и социально-экономической инфраструктуры. Дело могли бы поправить целевые инвестиционные программы федерального и макро- регионального уровня. Однако федеральные программы ориентированы не на инновационную модернизацию хозяйственного пространства, а программы собственно макро- регионального уровня просто отсутствуют.

Многочисленные корректировки ФЦП «Юг России» не обеспечили решения приоритетных задач развития ЮМР, поскольку:

— программа реально ориентируется только на некоторое сокращение существующих различий в социально-экономическом развитии регионов, входящих в состав ЮФО;

— по масштабам инвестиционного участия в развитии макро- региональной системы ЮМР ФЦП «Юг России» в 4 раза уступает региональной программе развития Республики Татарстан, в два раза — соответствующей региональной программе развития Республики Башкортостан; если же сравнивать ее с аналогами, действующими в других макро- региональных системах, то она на 35% меньше, чем

ФЦП «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Забайкалья» — и это при том, что ЮМР официально отнесен к наиболее проблемным и нуждающимся в срочной модернизации пространственным образованиям России;

— в составе ФЦП «Юг России» доминируют не меры по инновационной модернизации, нацеленные на интенсивное развитие социально-экономических отношений, а обычные меры затратного характера, которые ближе к прежним «капиталовложениям», нежели к инвестициям. Особо отметим, что доля финансирования НИ-ОКР в последнем варианте ФЦП «Юг России» вообще не обозначена. И это не индивидуальная черта данной инвестиционной программы, поскольку большинства ФЦП РФ характерны такие же затратные подходы к «освоению» бюджетных ресурсов. Можно сделать вывод о том, что ФЦП РФ в их современном виде отчуждены от процесса развития пространственных систем;

— участие средств федерального бюджета в финансово-инвестиционном обеспечении развития ЮМР последовательно снижается от одного варианта ФЦП «Юг России» к другому. Данное обстоятельство с учетом сохранения прежних параметров формирования региональных бюджетов фактически означает перекладывание бремени инвестиционного обеспечения интеграционного взаимодействия региональных систем на частный бизнес, причем без проведения необходимых согласований интересов и установления степени готовности субъектов бизнеса к такому переложению.

Выше была выделена такая характеристика стратегического управления развитием ЮМР, как устойчивая асимметрия между вертикальной и горизонтальной компонентами процесса интеграционного взаимодействия региональных систем. Она означает:

— во-первых, способствует торможению эволюционного процесса в пространстве Южного макрорегиона;

— во-вторых, препятствует утверждению в нем инновационного типа вос-

производства, что, в свою очередь, вызывает необходимость в стратегической коррекции развития пространственной системы Южного макрорегиона.

Указанная коррекция может быть осуществлена с помощью специальной стратегии симметричной интеграции развития системы Южного макрорегиона России, цели которой состоят в следующем:

А. Обеспечение устойчивой соразмерности между вертикальной и горизонтальной компонентами интеграционного взаимодействия в макро-региональном пространстве. Вертикальная компонента интеграционного взаимодействия инициируется, инвестируется и контролируется федеральным центром, который превращает пространство макро-региональной системы в средство укрепления и развития вертикали государственной власти. Горизонтальная компонента интеграционного взаимодействия инициируется, инвестируется и контролируется самими регионами, заинтересованными в создании общих органов регулирования, совместных предприятий, реализации межрегиональных инвестиционных проектов и т.п.

Принципиально важна сбалансированность и динамическая соразмерность двух указанных компонент. В противном случае односторонняя ин-

теграционная активность федерального центра по вертикали власти оборачивается администрированием в расширенном пространстве федерального округа и превращением органов макро-регионального управления в избыточную надстройку над устойчивым базисом региональных воспроизводственных процессов [7]. По сути дела, макро-региональной системы не будет — ее подменят административная оболочка федерального округа и совокупность разобщенных региональных систем.

Б. Смена административной парадигмы управления развитием на интеграционно — воспроизводственную парадигму, ориентированную на две взаимосвязанные и интеграционные по своей природе цели:

— использование субъектного потенциала интеграционного взаимодействия регионов;

— формирование системного качества воспроизводственного процесса в масштабах макро-региональной системы.

В. Создание условий для утверждения инновационного типа воспроизводства как доминирующего в расширенном пространстве Южного макрорегиона России. Данная цель должна быть отнесена к «вершине» дерева целей всего процесса макро-региональной интеграции.

Примечания:

1. Ахполова В.Б. Механизм интеграционного взаимодействия региональных социально-экономических систем в пространстве макрорегиона. Ростов н/Д: СКНЦ ВШ, 2007.

2. Керашев А.А. Функциональное содержание и принципы управления макрорегиональным хозяйственным комплексом как интеграционным образованием. Ростов н/Д: СКНЦ ВШ, 2005.

3. Болов А.В. Формирование региональной социально-экономической политики в условиях выхода из трансформационного кризиса. Краснодар: ЮИМ, 2006.

4. Воротилов В.А. Территориальная интеграция и региональная экономика в России // Региональная экономика. 2001. №11.

5. Грани интеграции: сб. науч. ст. / сост. Е.Г. Русскова. Волгоград: Волгоград. науч. изд-во, 2005.

6. Керашев А.А, Мокрушин А.А. Стратегическое управление взаимодействием вертикально интегрированных корпораций и региональных экономических систем Юга России // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. Экономика. 2011. Вып. 3 (83).

7. Попов Р.А. Экономика региона: теория, методология, методика: монография. М.: Вузовская книга. 2012. 432 с.

References:

1. Akhpolova V.B. The mechanism of integration interaction of regional social and economic systems in macroregion space. Rostov-on-Don: NCSC HS, 2007.

2. Kerashev A.A. Functional contents and principles of management of a macroregional economic complex as an integration unit. Rostov-on-Don: NCSC HS, 2005.
3. Bolov A.V. Formation of regional social and economic policy in the conditions of an exit from transformational crisis. Krasnodar: YuIM, 2006.
4. Vorotilov V.A. Territorial integration and regional economy in Russia // Regional Economy. 2001. No. 11.
5. Integration sides: collection of scientific articles / compiler E.G. Russkova. Volgograd: Volgograd. Sci. Publishing House, 2005.
6. Kerashev of A.A., Mokrushin A.A. Strategic management of interaction of vertically integrated corporations and regional economic systems in the South of Russia // Bull. Adyghe State University. Economics. 2011. No. 3 (83).
7. Popov R.A. Economy of the region: the theory, methodology and technique: monograph. M.: Vuzovskaya Kniga. 2012. 432 pp.

УДК 330
ББК 65.011.15
К 68

Н.А. Королева

Кандидат философских наук, докторант кафедры экономики и управления Адыгейского государственного университета, г. Майкоп. Тел.: (918) 383 22 34, e-mail: koroleva-agu@mail.ru

В.С. Маницкий

Аспирант Кубанского института международного предпринимательства и менеджмента, г. Краснодар. Тел.: (903) 411-66-55

**Воспроизводство интеллектуальных услуг
во взаимодействии мега-корпорации
и региональной экономической системы**
(Рецензирована)

Аннотация. Способность воспроизводить новое знание становится важнейшей характеристикой взаимодействия системных субъектов на мезо-уровне организации экономических отношений в условиях постиндустриальных преобразований. Интеграция на мезо-уровне дополнительно актуализирует потребность в разработке новых механизмов управления воспроизводством интеллектуальных услуг, адаптированных к процессу взаимодействия мега-корпораций и региональных экономических систем. В данной статье представлены подходы к разработке указанных механизмов.

Ключевые слова: воспроизводство; мега-корпорация; интеллектуальные услуги; регион.

N.A. Koroleva,

Candidate of Philosophy, Doctoral Candidate of Economy and Management Department, Adyghe State University, Maikop. Ph.: (918) 383 22 34, e-mail: koroleva-agu@mail.ru

V.S. Manitskiy,

Post-graduate student of the Kuban Institute of International Business and Management, Krasnodar. Ph.: 8 (903) 411-66-55

**The reproduction of intellectual services
in the interaction between mega- corporation
and the regional economic system**

Abstract. The potential to reproduce new knowledge have become dominative feature of interaction between system subjects at the mezzo-level of organization of economy relations in the post industrial transformation. The integration at the mezzo-level makes greater the actuality of producing the new management mechanisms of reproduction of intellectual services, which are adapted to the process of interaction between mega-corporations and regional economic systems. This paper presents the main approaches to elaboration of these mechanisms.

Keywords: reproduction; mega corporation; intellectual services; region.

В условиях постиндустриальных преобразований существенно преобразуется содержание процесса взаимодействия сложных системных субъектов, обладающих значительным потенциа- лом развития; на первый план здесь выходит способность наполнить воспроизводственные процессы элементами нового знания. Именно воспроизводство закрепляет и утверждает в каче-

стве объективных законов повторяющиеся взаимосвязи между отдельными элементами, фазами, циклами хозяйственного процесса. К. Маркс отмечал, что «...всякий общественный процесс производства, рассматриваемый в постоянной связи и в непрерывном потоке своего возобновления, является в то же время процессом воспроизводства» [1, с. 578]. В экономике современной России воспроизводственные процессы претерпели значительную деформацию, потеряли необходимые внутренние связи, а вместе с ними — и необходимую продуктивность, обеспечивающую конкурентоспособность системных субъектов. Указанное обстоятельство придает дополнительную актуальность процессу наполнения воспроизводственных процессов элементами нового знания.

Одним из способов такого наполнения выступает продуцирование и обмен интеллектуальными услугами, многообразие которых обеспечивает формирование особого сектора в структуре экономики сервиса. В условиях постиндустриальных преобразований интеллектуальные услуги оказывают все возрастающее воздействие на все стороны функционирования современного общества, что обуславливает интерес к исследованию процессов их продуцирования, обмена, потребления и результирующего воздействия данных услуг на конкурентоспособность экономических субъектов.

Уточним, что следует понимать под интеллектуальными услугами. Представляется, что данный вид услуг обладает следующими конституирующими признаками:

— во-первых, продуцирование интеллектуальных услуг предполагает использование определенных комбинаций элементов научного знания;

— во-вторых, данные услуги обеспечивают существенное обновление применяемых факторов хозяйственного процесса (технологического, человеческого, организационного, институционального и др.), благодаря чему достигается прорывной эффект в результативности хозяйственного процесса;

— в-третьих, единство процессов создания и освоения таких услуг обуславливает продуцирование элементов нового знания во взаимодействии субъектов, предоставляющих интеллектуальные услуги, и субъектов, заказывающих и потребляющих их.

Феномен интеллектуальных услуг достаточно нов для экономики современной России; первые опыты в данной сфере следует отнести к началу 90-х гг. XX века (консалтинговые услуги, разработка финансово-инвестиционных схем, разработка и внедрение информационных систем и систем автоматизированного управления, конструирование роботов и др.). Вместе с тем, необходимо отметить преобразования в секторе интеллектуальных услуг, в частности, динамичную дифференциацию и расширение перечня предоставляемых услуг, повышение их социальной и инновационной направленности, опережающее развитие по сравнению с другими секторами сферы услуг. В рамках данных процессов возрастает роль сложных системных субъектов, опирающихся на мощную ресурсную базу, использующих в своем обороте масштабный капитал и тяготеющих к активному взаимодействию в каком-то локальном пространстве хозяйственного развития. К таким субъектам, в частности, относятся мега-корпорации и региональные экономические системы [2].

В современной России взаимодействие мега-корпораций и региональных экономических систем, как правило, ориентировано на добычу, первичную переработку и продажу природных ресурсов, что обусловлено стратегическим вектором развития национальной экономики. Характерным примером здесь может служить взаимодействие ОАО «Газпром» и практически всех регионов-субъектов России. В пространстве одних регионов указанная мега-корпорация добывает газ, в пространстве других — ведет геологическую разведку; вместе с тем, все регионы получают от нее услуги подключения к газовым сетям и услуги предоставления определен-

ных объемов газа. При этом указанное взаимодействие выходит за рамки, очерченные исходной хозяйственной задачей ресурсного обеспечения; в его оборот вовлекаются различного рода продукты, в том числе, интеллектуальные услуги.

Для постиндустриальных преобразований характерно быстрое изменение акцентов экономического развития, выход на первый план тех ресурсов, факторов и целей, которые в условиях предшествующего хозяйственного уклада казались второстепенными. Стратегическая ориентация взаимодействия ОАО «Газпром» и региональных экономических систем современной России на разработку, переработку, продажу и потребление газовых энергетических ресурсов подвергается глубокой переоценке в свете тех изменений, которые характерны для современных рынков, что было продемонстрировано в ходе глобальной рецессии 2008 — 2009 гг. Революция в области энергетического обеспечения побуждает участников указанного взаимодействия к динамичной диверсификации, ориентированной на наращивание доли высоко востребованных продуктов инновационного характера — инновационных нематериальных активов, человеческого капитала, интеллектуальных услуг [3].

Оценивая перспективные изменения, которые происходят в указанном взаимодействии, отметим, что здесь необходимо исходить из способа пространственного распределения экономических отношений и переплетения многих хозяйственных и институциональных аспектов. Прежде всего, региональные экономические системы и мега-корпорации представляют собой разветвленные системы отношений, для которых существенен пространственный аспект. Поэтому зона продуцирования интеллектуальных услуг в данном случае, так или иначе, распределяется в хозяйственном пространстве (локализуется, выходит за пределы локализации, концентрируется, претерпевает диффузию, изменяет пространственную конфигурацию, вхо-

дит в интеграционное взаимодействие с другими пространственными локализациями и др.).

Для взаимодействия мега-корпорации и региональной экономической системы на современном этапе развития России свойственны следующие характеристики:

— во-первых, расширение субъектного состава, поскольку в данный процесс постепенно входят население территории, хозяйственные организации и индивидуальные предприниматели, общественные организации, собственники инфраструктурных объектов, потенциальные инвесторы, держатели финансовых резервов, органы местного самоуправления и органы государственной власти территории и др.; отметим, что такое расширение субъектного состава усложняет согласование интересов участников взаимодействия и вызывает потребность в предоставлении особого рода интеллектуальных услуг в области координации взаимодействия, поиска компромиссных вариантов и формирования перспективных капитальных комбинаций;

— во-вторых, социализация процесса взаимодействия, поскольку в нем все сильнее проявляются специфически социальные аспекты, на каждом конкретном направлении хозяйственного взаимодействия динамично формируется и получает развитие социальный компонент; отметим, что такая социализация актуализирует потребность в предоставлении широкого спектра социальных услуг дополнительного образования, рекреации, отдыха, которые насыщаются дополнительным знанием и, соответственно, приобретают качество интеллектуальных услуг;

— в-третьих, в процессе интеллектуализации услуг, продуцируемых и предоставляемых участниками исследуемого взаимодействия, развивается особое рода конкуренция, которую неправомерно относить к «мягким» видам конкуренции; напротив, для многих видов интеллектуальных услуг (консалтинг, аудит, финансовое проектирование, информатика и др.) харак-

терна высокая острота конкурентного взаимодействия и использование изоциренных механизмов борьбы за доли рынка и потоки доходов [4].

Учитывая приведенные выше положения, правомерно сделать вывод об актуализации потребности в разработке новых механизмов продуцирования интеллектуальных услуг во взаимодействии мега- корпорации и региональной экономической системы. Выделим возможностей, которые целесообразно реализовать в процессе разработки указанных механизмов.

Первая возможность заключается в использовании форм структурной организации внутренней среды региона, что позволяет эффективно локализовать ресурсы и факторы продуцирования интеллектуальных услуг. Выделим в данном отношении такие формы структуризации внутренней среды региона, как кластер, особую экономическую зону и функциональную подсистему региона. В современной экономической литературе указанные формы, как правило, рассматриваются под углом зрения институционального упорядочивания и обеспечения управляемости внутренними процессами территориального хозяйства, однако в ряде работ правомерно делается акцент на роль таких форм в ускорении постиндустриальных преобразований, обеспечении потребности региона в продуцировании новых знаний, развитии образования и др.

Вторая возможность заключается в том, что современные мега — корпорации обладают высоким уровнем диверсификации, их отношения по необходимости разветвлены, что, в свою очередь, формирует адекватную потребность в обеспечении устойчивого развития, координации различных бизнес процессов в рамках одной корпоративной структуры и стратегическом планировании. Соответственно, мега- корпорации вынуждены продуцировать или приобретать различного рода интеллектуальные услуги. Отсюда — потребность в функциональном взаимодействии с региональными экономическими системами в созидании и

использовании указанных услуг. Отметим в данном отношении, что развитие потребности в интеллектуальных услугах позволяет преодолеть традиционный для индустриальной эпохи «отраслевой» подход крупных корпораций к развитию территории, поскольку продуцирование интеллектуальных услуг, в первую очередь, опирается на созидательный потенциал социальной сферы, игнорируемый в рамках «отраслевого» подхода.

Третья возможность состоит в том, что мега- корпорации сосредоточивают у себя наиболее ценные ресурсы и формируют соответствующие конкурентные преимущества, выступая в качестве закономерных лидеров современного эволюционного процесса. Но здесь востребована сбалансированность партнеров. Если территориальные экономические системы сведены к убогим «ресурсным» площадкам для поддержки корпоративных воспроизводственных процессов, то мы получаем искусственно обедненную, асимметричную модель взаимодействия богатой корпорации и бедного региона, для которой характерна низкая эффективность и неустойчивость. Помимо этого, мы теряем в развитии указанного взаимодействия продуктивные механизмы активизации воспроизводства интеллектуальных услуг с использованием ценных бумаг, социального менеджмента, регулирования связей с внешней средой и др. .

Оценивая потенциал взаимодействия мега- корпорации и региональной экономической системы в воспроизводстве интеллектуальных услуг, следует учитывать феномен конкуренции между территориями и корпорациями за следующие приоритетные позиции: распределение средств развития; обеспечение наибольшей инвестиционной привлекательности; развитие общей и специальной инфраструктуры; накопление перспективных инновационных нематериальных активов и элементов человеческого капитала; приток творчески ориентированного и экономически активного населения [5]. Такая конкуренция продуцирует опре-

деленный уровень издержек, который может оказаться неприемлемым для участников взаимодействия. Соответственно, анализ взаимодействия региона и мега-корпорации в конкурентной среде приводит нас к концептуальному представлению указанного процесса в качестве процесса поиска эффективного механизма согласования интересов, что создает потребность в воспроизводстве соответствующих интеллектуальных услуг.

В настоящее время до 60-70% региональных экономических систем России относятся к депрессивному типу, что означает регулярное наращивание объема совокупного регионального долга, формирование устойчивой зависимости от средств финансовой поддержки, дефицит экономической активности и слабые позиции социальной сферы, где формируются основные ресурсы для создания интеллектуальных услуг. Приведенные характеристики обуславливают существенные затруднения для эффективного взаимодействия между мега-корпорациями и региональными экономическими системами в целях воспроизводства интеллектуальных услуг [6]. Существуют ли в регионах депрессивного типа скрытые ресурсы для активизации исследуемого взаимодействия и в каких субъектах воплощены такие ресурсы?

В поисках ответа на данный вопрос целесообразно исходить из той части наследия прежней централизованной экономики, которая еще не растрочена в ходе трансформационных процессов и не принесена в жертву нескончаемому процессу перераспределения прав собственности. Речь идет о высшем звене системы образования — организациях ВПО и, прежде всего, классических университетах, которые еще сохранили потенциал продуцирования качественных образовательных и научно-образовательных услуг [7, 8].

Необходимо иметь в виду, что реализация указанных созидательных ресурсов предполагает радикальную перестройку государственной политики в сфере науки и образования, отказ от квази-научных «дорожных карт» и копирования западной модели организации образования, выросшей на совершенно ином фундаменте и опирающейся на другие институты. Активизация роли региональных классических университетов в расширении воспроизводства качественных образовательных и научно-образовательных услуг предполагает расширение государственной поддержки данного звена образовательного процесса и продуктивное взаимодействие между университетами и мега-корпорациями в рамках стратегических контрактов.

Примечания:

1. Маркс К. Капитал. Т. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 23. М.: Госполитиздат, 1955.
2. Конкуренентоспособность регионов: теоретико-прикладные аспекты / под ред. Н.Я. Калужновой. М.: ТЕИС, 2003.
3. Ермоленко А.А. Потерянное пространство России // Научная мысль Кавказа. 2012. №4.
4. Чернявская С.А. Дифференциация и интеграция в хозяйственном пространстве современной России // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 5, Экономика. 2012. №2.
5. Попов Р.А. Системология регионального хозяйства. М.: Высшая школа, 2010.
6. Прохорова В.В. Субрегиональные структуры территориальной экономической системы // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 5, Экономика. 2010. №4.
7. Ермоленко А.А., Ермоленко Анд. А. Человеческий капитал // Научная мысль Кавказа. 2008. №3.
8. Афасижев Т.И., Жуков Б.М., Новиков В.С. Виртуальные отношения в сфере услуг: факторы и перспективы глобализации // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 5, Экономика. 2012. №1. С. 176-187.

References:

1. Marx K. Capital. V.1 / Marx K., Engels F. Compositions. 2nd edition. V.23. M.: Gospolitizdat, 1955.
2. Competitiveness of regions: theoretical-applied aspects / Ed. N.Ya. Kalyuzhnova. M.: TEIS, 2003.
3. Ermolenko A.A. The lost space of Russia // Scientific Thought of the Caucasus. 2012. No. 4.
4. Chernyavskaya S.A. Differentiation and integration in economic space of modern Russia // Bull. Adyghe State University. Economics. 2012. No. 2.
5. Popov R.A. Systemology of regional economy. M.: The Higher School, 2010.
6. Prokhorova V.V. Subregional structures of territorial economic system // Bull. Adyghe State University. Economics. 2010. No. 4.
7. Ermolenko A.A., Ermolenko And. A. Human capital // Scientific Thought of the Caucasus. 2008. No. 3.
8. Afasizhev T.I., Zhukov B.M., Novikov V.S. The virtual relations in a service sector: factors and globalization prospects // Bull. Adyghe State University. Economics. 2012. No.1. P.176-187.

УДК 338.24
ББК 65.050.22
М 29

Т.В. Мартышина

Соискатель кафедры экономики и управления Адыгейского государственного университета, г. Майкоп. Тел.: (8772) 59 39 52.

Устойчивое развитие как концептуальная форма проявления динамической устойчивости региона

(Рецензирована)

Аннотация. В статье представлены различные подходы к понятию устойчивости региональной экономической системы; указана совокупность признаков динамической устойчивости как первоосновы устойчивого развития региона; показано, что задача устойчивого развития региона как формы проявления его динамической устойчивости может быть решена на основе так называемого гомеостатического принципа.

Ключевые слова: социо-эколого-экономическая система, регион, устойчивое развитие региона, динамическая устойчивость, гомеостатический принцип.

T. V. Martyshina

Applicant for Candidate's degree of Economy and Management Department, Adyge State University, Maikop. Ph.: (8772) 59 39 52.

Sustainable development as a conceptual form of manifestation of dynamic stability of the region

Abstract. The paper presents various approaches to the concept of stability of regional economic system. The author shows a set of indicators of dynamic stability as fundamental principles of a sustainable development of the region. The problem of a sustainable development of the region as the form of manifestation of its dynamic stability can be solved on the basis of the so-called homeostatic principle.

Keywords: social-ecologic-economic system, region, sustainable development of the region, dynamic stability, homeostatic principle.

Экономическое развитие представляет собой динамический процесс перехода из одного типа экономического равновесия в другой. Циклические схемы исторического процесса являются моделями функционирования общества, они ограничены определенными временными горизонтами и выбором тех или иных подсистем и аспектов (экономики, культуры и т.д.). При этом повторяемость и цикличность задают ритм пульсаций в пространстве состояний экономической системы и являются источником ее развития, в то же время, иллюстрируя его неустойчивость.

Постоянно усиливающаяся нестабильность внешней среды обуславливает все более возрастающее внимание, которое уделяют экономические субъекты

проблематике обеспечения их движения по траектории, обеспечивающей достижение стоящих перед ними стратегических целей и задач. Данные обстоятельства актуализируют исследование различных аспектов обеспечения устойчивости экономических субъектов.

При этом в отношении самой дефиниции «устойчивость» существует большой спектр разнообразных точек зрения. Так, А.И. Муравых трактует устойчивость как способность системы противостоять процессу разрушения, под которым он понимает распад системы на части, неспособные обеспечивать достижение целевой установки системы [1]. Отметим, что автор говорит о полном распаде системы, но не рассматривает ситуацию ухудшения

некоторых параметров ее развития. С точки зрения В.Н. Цытичко, устойчивость представляет собой способность сохранения качественной определенности при изменении структуры системы и функций ее элементов [2]. Таким образом, акцент ставится на сохранении качественных характеристик системы.

Общее определение устойчивости применительно к экономическим системам было сформулировано Л.Л. Тереховым. В соответствии с ним устойчивость — это способность системы функционировать в состояниях, близких к равновесному, в условиях постоянных внешних и внутренних возмущающих воздействий [3].

В полной мере данное положение относится и к территориальным системам различного уровня, в том числе — к региональным социально-экономическим системам.

По мнению И.И. Кохановской, региональная устойчивость — это постоянное, прочное положение системы, обеспечиваемое существующими механизмами саморегуляции и управления [4]. С.Н. Ключко и Н.С. Школина трактуют устойчивость региональной экономической системы как ее способность функционировать в рамках заданных ресурсных ограничений в условиях постоянных внешних и внутренних возмущающих воздействий [5].

Для обеспечения устойчивости в условиях нестабильной внешней среды региональная социально-экономическая система должна иметь определенный потенциал развития по наиболее значимым параметрам, рассматриваемым в системном единстве. Как универсальное свойство территориальных социально-экономических систем устойчивость проявляется в их способности эффективно выполнять внутренние и внешние функции, несмотря на негативное воздействие экзогенных и эндогенных факторов [6, 7].

Устойчивое существование любой региональной системы, прежде всего, связано с наличием у нее некоторой неизменной инвариантной основы, которая служит уровнем отсчета при количественной оценке устойчи-

вости. В качестве такой основы может выступать структура системы, определяемая совокупностью устойчивых, эффективных и сбалансированных связей элементов региональной социально-экономической системы. При этом в качестве элементов региональной социально-экономической системы должны рассматриваться не только ее вещественные составляющие (подсистемы), но и процессы, формирующие структуру системы. Данное обстоятельство привело к определению социально-экономического ландшафта как внешней составляющей региональной устойчивости [8].

В.Н. Лексин к признакам региональной устойчивости относит длительность существования потенциала территории (ее социальной, природно-ресурсной, экологической, хозяйственной и других составляющих) в режиме сбалансированности и эколого-социальной ориентации [9].

По мнению ряда специалистов, устойчивость региональной системы достигается в результате преодоления действия различных негативных факторов, не являясь данностью на продолжительное время. В этой связи отметим, что можно выделить два подхода к формулированию сущности и оценке региональной устойчивости: статический и динамический. В рамках статического подхода устойчивость трактуется как свойство индикаторов состояния региональной социально-экономической системы слабо отклоняться от своих трендовых траекторий в процессе развития системы, в то время как динамическая устойчивость понимается как свойство данных индикаторов стремиться к своим трендовым траекториям в процессе регионального развития [10].

При этом колеблемость и устойчивость рассматриваются как противоположные по экономическому содержанию категории — с ростом колеблемости устойчивость понижается и наоборот. Размах вариации (амплитуда колебаний) представляет собой разницу между максимальным и минимальным значениями варьируемого показателя. В этой связи, по мнению Н.К. Васильевой,

совокупность ключевых показателей устойчивости можно сгруппировать в следующие подсистемы [11]:

— показатели устойчивости уровня (абсолютная колеблемость; относительная колеблемость; размах колебаний уровней; коэффициент устойчивости);

— показатели устойчивости роста (коэффициент устойчивости роста; доля положительных (отрицательных) изменений в общем числе цепных абсолютных изменений; коэффициент устойчивости изменений);

— показатели устойчивости тенденции (критерии устойчивости уровней).

Некоторые исследователи выделяют близкую к динамической устойчивости по своей сути категорию динамического равновесия региональной системы, которая определяет такое ее состояние, когда она может выйти из присущего ей состояния под влиянием внешних воздействий и вернуться в качественно лучшее состояние. Это означает, что система, развиваясь, постоянно изменяет количественные и качественные показатели и, тем не менее, внутренне остается равновесной, вопреки любым влияниям внешних факторов.

Отметим, что специалисты выделяют такие категории, как устойчивое равновесие и подвижное равновесие. Устойчивое равновесие характеризуется неизменностью параметров системы и процессов, протекающих в ее рамках. Подвижное равновесие более близко к динамическому равновесию и наблюдается в условиях, когда под влиянием возмущающих факторов происходят изменения параметров системы, вызывающие трансформацию процессов ее развития.

В целом, разделяя подобную трактовку, все же отметим, что, по нашему мнению, для адекватной трактовки динамических процессов, происходящих в социально-экономической сфере региона, более приемлемым представляется использование дефиниции «динамическая устойчивость», а не «динамическое равновесие», так как равновесие выступает как одна из характеристик устойчивости. При этом динамическая устойчивость, по нашему мнению,

представляет собой первооснову для устойчивого регионального развития.

Понятие «устойчивое развитие», как отмечает Л.И. Иванкина, представляет собой синтез идеи изменений и идеи устойчивости, выражая реальные диалектические противоречия, а также тенденцию к их гармонизации [12]. Онтологический характер данных противоречий определяется тем, что происходящие изменения имеют определенные рамки, определяемые тем, что данные изменения опасны, если они выходят за пределы устойчивости социальных и природных систем.

По мнению В.А. Коптюга и его соавторов, устойчивое развитие системы представляет собой сложное динамическое свойство класса управляемости, сочетающее в себе требования [13]:

— попадания траектории развития объекта в течение определенного времени в целевое множество состояний;

— ее нахождения на прогнозном интервале времени в некотором множестве безопасных состояний;

— почти монотонного возрастания некоторых показателей развития на определенном временном отрезке с последующим сохранением их в заданных интервалах допустимых значений;

— асимптотической устойчивости (стабилизируемости) программной траектории;

— гармонизации интересов сторон [6].

Процесс устойчивого развития можно представить как последовательность циклов эволюционного изменения состояний системы со скачкообразным переходом состояний в конце цикла на новый качественный уровень. Таким образом, устойчивое развитие предполагает положительное изменение качеств системы. В этой связи региональная социально-экономическая система должна обладать такими инструментами, с помощью которых она видоизменяется в условиях трансформации внешней и внутренней среды, обеспечивая свою динамическую устойчивость.

Необходимо отметить, что, хотя понятие устойчивого развития возникло под определяющим влиянием поиска ре-

шений проблем экологического характера, обеспечение стабильного социально-экономического развития региона сохраняет свою первостепенную значимость. В частности, как отмечает А.Ф. Никольский, «проблемы воспроизводства экологических условий — это всего лишь часть более общих проблем социально-экономического развития» [14].

При этом, по мнению ряда исследователей, приоритетность регионального уровня для реализации основных положений концепции устойчивого развития обуславливается следующими обстоятельствами:

— регионы являются наиболее управляемой структурой, занимающей равноудаленное положение в управленческом пространстве страны;

— регионам присущ характер наиболее устойчивых территориаль-

ных образований, которым присущи обособленные социумы, характеризующиеся определенными национально-этническими признаками;

— сопоставимые по своим параметрам с большинством стран мира, регионы предстают наиболее оптимальной структурой для позиционирования на внешнеэкономическом пространстве;

— на региональном уровне накоплен значительный опыт совмещения практики стимулирования рыночных преобразований с политикой регулирования социально-экономических процессов.

Кроме того, совокупность элементов, системно наполняющих содержание понятие «регион» (рис. 1), позволяет отнести их к экономическим, социальным и экологическим характеристикам.

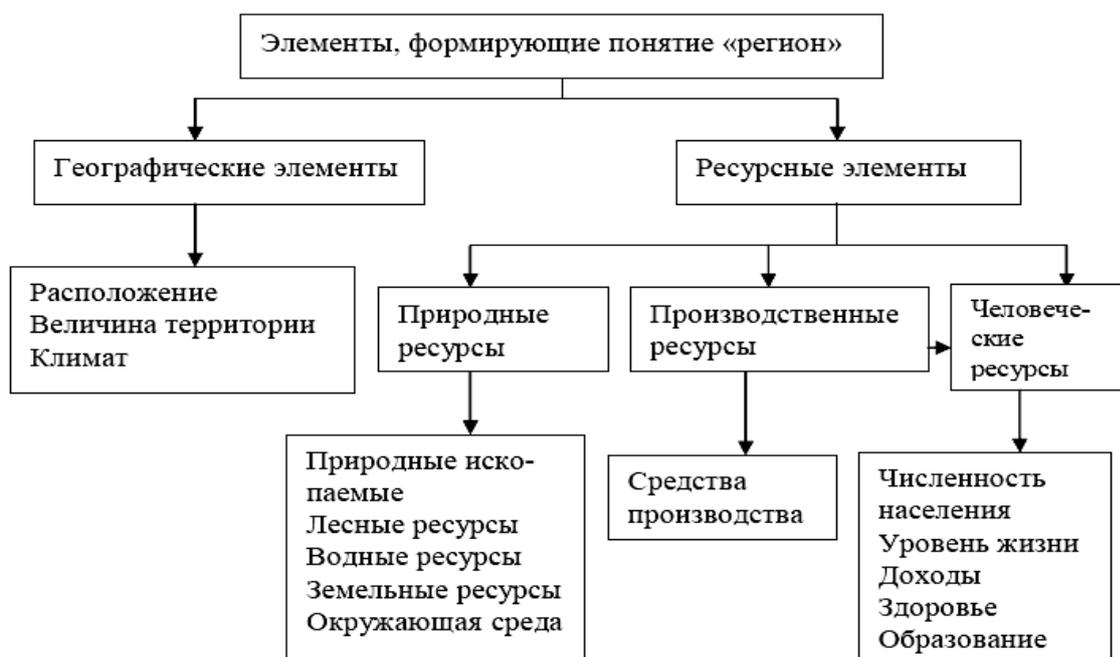

Рисунок 1. Совокупность элементов, формирующих понятие «регион» [15]

Таким образом, в рамках концепции динамической устойчивости регион рассматривается как постоянно трансформирующаяся социо-эколого-экономическая система, подверженная разностороннему влиянию факторов внешней среды. При этом комплекс индикаторов состояния региональной социально-экономической системы дополняется параметрами, от-

ражающими экологические аспекты регионального развития и состояние внешней среды региона [16].

Само же понятие «динамическая устойчивость» должно обладать набором определенных свойств для того, чтобы стать первоосновой регионально устойчивого развития. Совокупность этих свойств иллюстрирует таблица 1.

Таблица 1

**Совокупность признаков динамической устойчивости
как первоосновы регионального устойчивого развития [17]**

Признак	Содержание
Равновесие	Достижение состояния динамического равновесия региональной системы
Сбалансированность	Достижение оптимального соотношения качественных и количественных характеристик региональной системы
Гармоничность	Взаимозависимость между социальной, экономической и экологической сферами региона
Стабильность	Поддержание на протяжении возможного срока положительных параметров развития региональной системы
Конкурентоспособность	Активизация потенциальных возможностей региона по наращиванию и эффективному использованию конкурентных преимуществ
Безопасность	Использование потенциала региональной системы, способность к самовоспроизведению и недопущению действия дестабилизирующих факторов

При этом региональное устойчивое развитие предполагает достижение экономической, экологической и социальной устойчивости региона. Что касается экономической устойчивости, то данное понятие можно определить как особое состояние хозяйственной системы в сложной рыночной среде, гарантирующей целенаправленность ее движения в настоящем и прогнозируемом будущем. В свою очередь, социальная устойчивость определяется как стабильность развития социальной структуры через решение проблем образования, здравоохранения, занятости и т.д., а также возможность каждого человека реализовать в рамках экономической системы свои гражданские права. Наконец, под экологической устойчивостью подразумевается способность рационально использовать природные ресурсы, применять ресурсосберегающие и энергосберегающие технологии, снижать негативное воздействие на окружающую среду [18].

Таким образом, схематически процесс регионального устойчивого развития можно отразить в виде следующей зависимости:

$$UR_{рег} = \{Ud_{экон}; Ud_{соц}; Ud_{экол}\},$$

где $Ud_{экон}$ — экономическая динамическая устойчивость региона, $Ud_{соц}$ — социальная динамическая устойчивость

региона, $Ud_{экол}$ — экологическая динамическая устойчивость региона.

Задача устойчивого развития региона как формы проявления его динамической устойчивости может быть решена на основе так называемого гомеостатического принципа, который базируется на следующих основных положениях:

— система будет в состоянии динамической устойчивости, если находится в балансе двух противопоставленных факторов и имеется третий фактор, который осуществляет динамическое регулирование этого противодействия;

— для устойчивого развития между входными и выходными параметрами системы должно наблюдаться взаимодействие, для которого определяются оптимальная, опасная и критическая зоны.

При этом, по нашему мнению, в качестве двух противопоставленных факторов, определяющих развитие региональной системы, в современных условиях выступают ее экономические и экологические компоненты, а социальная компонента является фактором, осуществляющим их взаимодействие. В этой связи социальная устойчивость приобретает функции ключевого фактора обеспечения устойчивого регионального развития.

Примечания:

1. Муравых А.И. Экологический менеджмент: системно-институциональный подход. М.: Изд-во РАГС, 2000. С. 10.
2. Цытичко В.Н. Руководителю о принятии решения. М.: Инфра-М, 1996. С. 75.
3. Терехов Л.Л. Социально-экономическое прогнозирование. Ростов н/Д.: Изд-во РГПУ, 1995. С. 21.
4. Кохановская И.И. Задачи управления устойчивостью региональной социально-экономической системы // Вестник Башкирского университета. 2006. №4.
5. Ключко С.Н., Школина Н.С. Региональный менеджмент устойчивости экономической системы // Балтийский экономический журнал. 2010. №1. С. 66.
6. Захарова Е.Н. О когнитивном моделировании устойчивого развития социально-экономических систем // Вестник Адыгейского государственного университета. 2007. №1. С. 223-229.
7. Горелова Г.В., Захарова Е.Н., Радченко С.Н. Исследование слабоструктурированных проблем социально-экономических систем: когнитивный подход. Ростов н/Д: Изд-во РГУ, 2006. 334 с.
8. Горелова Г.Н., Захарова Е.Н., Гинис Л.Н. Когнитивный анализ и моделирование устойчивого развития социально-экономических систем. Ростов н/Д: Изд-во РГУ, 2005. 262 с.
9. Лексин В.Н. Государство и регионы. Теория и практика государственного регулирования территориального развития. М.: УРСС, 2003. С. 180.
10. Мифтахова М.Э. Оценка устойчивости региональной социально-экономической системы // Вестник Казанского государственного аграрного университета. 2010. №2. С. 39.
11. Васильева Н.К. Теория и методология формирования системы устойчивости развития аграрного сектора региона: дис. ... д-ра экон. наук. Ставрополь, 2007.
12. Иванкина Л.И. Модель устойчивого развития как модель управляемой социальной устойчивости // Теория и практика общественного развития. 2012. №7. С. 19.
13. Новая парадигма развития России (комплексные проблемы устойчивого развития) / под ред. В.А. Коптюга, В.М. Матросова, В.К. Левашова. М.: Изд-во МГУК, 1999. С. 53-54.
14. Никольский А.Ф. Геоэкономический воспроизводственный процесс: основы теории и принципы управления. Иркутск: Изд-во Института географии СО РАН, 2004. С. 56.
15. Дугар-Жабон Р.С., Черников А.П. Кластерный подход к устойчивому развитию региона. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2010. С. 24.
16. Горелова Г.В., Верба В.А., Захарова Е.Н., Карелин В.П. Когнитивный подход к исследованию условий развития региональной системы // Известия Южного федерального университета. Технические науки. 2004. Т. 44. №9. С. 110-122.
17. Рожкова А.Ю. Устойчивое развитие региона как предмет исследования // Вестник Таганрогского института управления и экономики. 2011. №1. С. 15.
18. Тумин В.М., Михалина О.М., Чмель С.Ю. Теоретические и методологические основы управления экологической устойчивостью корпорации // Известия высших учебных заведений. Сер. Экономика, финансы и управление производством. 2011. №1. С. 82.

References:

1. Muravykh A.I. Ecological management: system and institutional approach. M.: RAGS Publishing House, 2000. P. 10.
2. Tsytychko V.N. To the head about decision-making. M.: Infra-M, 1996. P. 75.
3. Terekhov L.L. Social and economic forecasting. Rostov-on-Don: RGPU Publishing House, 1995. P. 21.
4. Kokhanovskaya I.I. Problems related to management of stability of regional social and economic system // Bull. of Bashkir University. 2006. No. 4.
5. Klochko S.N., Shkolina N.S. Regional management of stability of economic system // Baltic Economic Journal. 2010. No. 1. P. 66.
6. Zakharova E.N. On cognitive modeling of a sustainable development of social and economic systems // Bull. of Adyghe State University. 2007. No. 1. P. 223-229.
7. Gorelova G.N., Zakharova E.N., Radchenko S.N. Research of semistructured problems of social and economic systems: cognitive approach. Rostov-on-Don: RGU Publishing House, 2006. 334 pp.
8. Gorelova G.N., Zakharova E.N., Ginis L.N. Cognitive analysis and modeling of a sustainable development of social and economic systems. Rostov-on-Don: RGU Publishing House, 2005. 262 pp.

9. Leksin V.N. State and regions. Theory and practice of state regulation of territorial development. M.: URSS, 2003. P. 180.
10. Miftakhova M.E. Assessment of stability of regional social and economic system // Bull. of Kazan State Agrarian University. 2010. No. 2. P. 39.
11. Vasilyeva N.K. Theory and methodology to form a system of sustainable development of agrarian sector of the region: Dissertation of Dr. of Economic Sciences. Stavropol, 2007.
12. Ivankina L.I. A model of a sustainable development as a model of operated social stability // Theory and Practice of Social Development. 2012 . No. 7. P. 19.
13. New paradigm of development of Russia (complex problems of a sustainable development) / Eds: V.A.Koptyug, V.M. Matrosov, V.K. Levashov. M.: MGUK Publishing House, 1999. P. 53-54.
14. Nikolsky A.F. Geoeconomic reproduction process: bases of the theory and principles of management. Irkutsk: Publishing House of Institute of Geography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 2004. P. 56.
15. Dugar-Zhabon R.S., Chernikov A.P. Cluster approach to a sustainable development of the region. Irkutsk: BGUEP Publishing House, 2010. P.24.
16. Gorelova G.V., Verba V.A., Zakharova E.N., Karelin V.P. Cognitive approach to research of conditions of regional system development // Izvestiya of the Southern Federal University. Technical Sciences. 2004 .V. 44. No. 9. P. 110-122.
17. Rozhkova A.Yu. Sustainable development of the region as an object of research // Bull. of Taganrog Institute of Management and Economy. 2011. No. 1. P. 15.
18. Tumin V.M., Mikhailina O.M., Chmel S.Yu. Theoretical and methodological bases of management of corporation ecological stability // Izvestiya of Higher Educational Institutions. Ser. Economy, Finance and Production Management. 2011. No. 1. P. 82.

УДК 338.24
ББК 65.050.22
М 29

Т.В. Мартышина

Соискатель кафедры экономики и управления Адыгейского государственного университета, г. Майкоп. Тел.: (8772) 59 39 52.

О.А. Корба

Старший преподаватель кафедры креативно-инновационного управления и права Пятигорского государственного университета, г. Пятигорск. Тел.: (961) 49 77 333.

Основные элементы системы региональной устойчивости и их оценка *(Рецензирована)*

Аннотация. В статье рассмотрены основные элементы системы устойчивого развития региона; выделяется ряд ключевых форм опасности для устойчивого развития; представлены важнейшие качественные характеристики ключевых типов регионального развития; обосновано использование динамического интегративного показателя и сбалансированной системы показателей для оценки уровня региональной устойчивости.

Ключевые слова: регион, устойчивое развитие региона, экономическая устойчивость, экологическая устойчивость, социальная устойчивость, типы регионального развития, интегративный показатель региональной устойчивости.

T.V. Martyshina

Applicant for Candidate's degree of Economy and Management Department, Adyge State University, Maikop. Ph.: (8772) 59 39 52.

O.A. Korba

Senior teacher of Department of Creative and Innovative Management and Law, Pyatigorsk State University, Pyatigorsk. Ph.: (961) 49 77 333.

Basic elements of system of regional stability and their assessment

Abstract. The paper discusses basic elements of system of a sustainable development of the region. A number of key forms of danger to a sustainable development are allocated. The authors show the most important qualitative characteristics of key types of regional development. A justification is made of the use of a dynamic integrative indicator and the balanced system of indicators to assess level of regional stability.

Keywords: region, sustainable development of the region, economic stability, ecological stability, social stability, types of regional development, integrative indicator of regional stability.

Для обеспечения устойчивости систем устойчивость проявляется в условиях нестабильной внешней среды региональная социально-экономическая система должна иметь определенный потенциал развития по наиболее значимым параметрам, рассматриваемым в системном единстве. Как универсальное свойство территориальных социально-экономических систем устойчивость проявляется в их способности эффективно выполнять внутренние и внешние функции, несмотря на негативное воздействие экзогенных и эндогенных факторов. При этом, по мнению В.Г. Загуляева, под устойчивостью понимается комплексное свойство объекта управления, характеризующее совокупностью

характеристик, к основным из которых относятся [1]:

1) живучесть, выступающая как способность объекта выполнять поставленные задачи в условиях воздействия негативных факторов внешней среды;

2) помехоустойчивость, представляющая собой способность объекта выполнять поставленные задачи в условиях возмущающих воздействий;

3) надежность, характеризующая способность объекта выполнять поставленные задачи, сохраняя нормальный уровень своих функциональных характеристик в течение заданного периода времени.

Отметим, что в настоящее время можно выделить два подхода к формулированию сущности и оценке региональной устойчивости: статический и динамический. В рамках статического подхода устойчивость трактуется как свойство индикаторов состояния региональной социально-экономической системы слабо отклоняться от своих трендовых траекторий в процессе развития системы, в то время как динамическая устойчивость понимается как свойство данных индикаторов стремиться к сво-

им трендовым траекториям в процессе регионального развития [2].

При этом региональная устойчивость предполагает достижение устойчивого состояния экономической, экологической и социальной сфер развития региона, что позволяет схематически отобразить ее в следующем виде (рис. 1). В этой связи рассмотрим сущностные характеристики указанных составных элементов региональной устойчивости.

Что касается экономической устойчивости, то В.И. Захарченко трактует ее как комплекс свойств организационной, инновационной, логистической, производственной, финансово-кредитной деятельности с учетом их взаимовлияния и взаимодействия [3]. А.С. Барканов определяет рассматриваемое понятие как наличие инновационного потенциала устойчивого развития и его эффективное использование для нейтрализации внешних воздействий и факторов дестабилизации [4]. А.Н. Фоломьев характеризует экономическую устойчивость как особое состояние хозяйственной системы в сложной рыночной среде, гарантирующей целенаправленность ее движения в настоящем и прогнозируемом будущем [5].

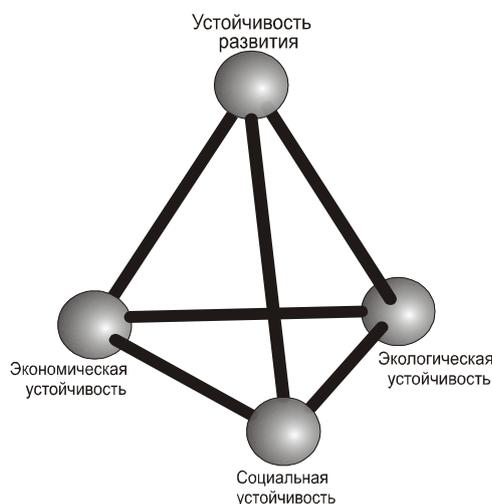

Рисунок 1. Основные элементы системы региональной устойчивости [6]

Социальная устойчивость определяется как стабильность развития социальной структуры через решение проблем образования, здравоохранения, занятости и т.д., а также возможность каждого человека реализовать в рамках экономической системы свои граж-

данские права. Необходимо учитывать, что благодаря инерционности социальных систем, обусловленной наличием сознательной деятельности и социальной памяти, любое кризисное состояние в общественной сфере не является абсолютно неустойчивым. При этом

целевая функция социальных систем заключается в следовании определенному направлению развития, приводящему к динамически устойчивому состоянию системы [7].

Основными принципами обеспечения социальной устойчивости регионального развития являются [8]:

- доступность и гарантированность общественных благ;
- партнерство бизнеса и государства в решении социальных задач;
- ориентация на достижение социальных стандартов уровня жизни высокоразвитых стран;
- социализация экономического развития, согласованная с ресурсными возможностями ее обеспечения;
- социальное измерение экономического развития;
- ориентация экономики на инновационное развитие.

Наконец, под экологической устойчивостью подразумевается способность рационально использовать природные ресурсы, применять ресурсосберегающие и энергосберегающие технологии, снижать негативное воздействие на окружающую среду [9, 10]. С точки зрения экологической устойчивости к организации региональной экономической системы предъявляются следующие требования [11]:

- 1) приоритет получают высокотехнологичные обрабатывающие и инфраструктурные отрасли с минимальным воздействием на окружающую среду;
- 2) существенное значение приобретают экологические условия жизни населения и их обеспечение;
- 3) снижается загрязнение окружающей среды;
- 4) уменьшается удельный вес сырьевого сектора в экономике;
- 5) радикально повышается эффективность использования природных ресурсов, что отражается в снижении показателей природоёмкости.

Региональная устойчивость, с одной стороны, базируется на зависимости территориальной системы от нестабильной внешней среды, а с другой стороны, — на ее относительной независимости. Это противоречивое единство возникает в ре-

зультате активной адаптации к неблагоприятным возмущениям внешней среды и впитыванию из нее всего того, что способствует развитию самой региональной системы и позволяет ей противостоять факторам неустойчивости [12, 13].

Под факторами неустойчивости понимаются события и тенденции, потенциально несущие и в определенной ситуации проявляющие в отношении конкретного региона свою негативную природу. При этом в настоящее время обычно указывают на ряд основных групп источников неустойчивости, к которым относятся природные явления, элементы техногенной сферы, отдельные индивидуумы и их сообщества.

В соответствии с направленностью и природой возникновения выделяется ряд ключевых форм опасности для устойчивого развития:

- вызов — проявление обстоятельств, не всегда несущих за собой конкретные угрозы, однако предполагающих наличие обязательной реакции на их наличие;
- риск — потенциальная возможность формирования и проявления отрицательных последствий функционирования самого субъекта;
- угроза — явственно проявляющаяся форма опасности, возникающая вследствие целенаправленной деятельности враждебных по отношению к субъекту сил.

Ключевую роль в противодействии неустойчивости играет управление риском. Если на этом этапе опасность не будет локализована и устранена полностью, но хотя бы законсервирована в форме вызова, риск не переходит в форму угрозы устойчивости с вытекающими из этого последствиями неблагоприятного сценария развития события для конкретного региона.

В соответствии с природой возникновения различают следующие виды рисков:

- 1) в основе риска лежат объективные вероятности, непосредственно не зависящие от региональных особенностей;
- 2) в основе риска лежат субъективные вероятности, характеризующие конкретный регион;

3) в основе риска лежат как объективные, так и субъективные вероятности.

В этой связи для минимизации потерь, обусловленных наличием риска, следует в обязательном порядке определить ключевые для региона виды рисков и факторы их возникновения, приемлемый их уровень, а также методы измерения и минимизации риска. Выбирая определенный инструментальный снижения существующих рисков, необходимо основываться на совокупности принципов, к которым относятся следующие:

1) уровень риска должен соотноситься с величиной имеющихся финансовых ресурсов;

2) уровень риска должен быть оправдан планируемыми результатами регионального развития;

3) необходимо просчитывать возможные последствия изменения величины риска.

Таким образом, организация механизма регионального риск-менеджмента имеет в качестве своей цели разрешение неопределенности в условиях необходимости выбора, предполагающего количественную и качественную оценку возможности достижения региональной устойчивости [14, 15, 16]. При этом типы регионального развития можно в общих чертах обозначить следующими характеристиками (табл. 1).

Таблица 1

Важнейшие качественные характеристики ключевых типов регионального развития [6]

Региональная подсистема	Деструктивный	Неустойчивый	Динамический	Устойчивый
Экономическая	Общая тенденция к снижению воспроизводства экономических ресурсов	Дотационность региона, снижение значений основных показателей регионального развития	Рост показателей эффективного развития территории	Стабильно высокие значения показателей развития территории
Социальная	Высокая доля населения за чертой бедности, отсутствие уверенности в будущем	Способность удовлетворить первичные социальные потребности населения	Выравнивание уровня жизни населения, рост значений социальных показателей	Социальная стабильность в настоящем и уверенность в будущем
Экологическая	Масштабные экологические проблемы	Неустойчивая экологическая ситуация, недостаточно полный экологический мониторинг	Улучшение экологической ситуации	Экологическая устойчивость экосистемы, достижение экологического равновесия

По мнению ряда исследователей, приоритетность регионального уровня для реализации основных положений концепции устойчивого социо-эколого-экономического развития обуславливается следующими обстоятельствами:

— регионы являются наиболее управляемой структурой, занимающей равноудаленное положение в управленческом пространстве страны;

— регионам присущ характер наиболее устойчивых территориальных образований, которым присущи обособленные

социумы, характеризующиеся определенными национально-этническими признаками;

— сопоставимые по своим параметрам с большинством стран мира, регионы предстают наиболее оптимальной структурой для позиционирования на внешнеэкономическом пространстве;

— на региональном уровне накоплен значительный опыт совмещения практики стимулирования рыночных преобразований с политикой регулирования социально-экономических процессов.

В условиях нестабильности внешней среды задача регионального риск-менеджмента состоит в том, чтобы максимизировать число факторов риска, которые он может контролировать, и минимизировать набор факторов, которые он контролировать не в состоянии. В этой связи одной из важнейших задач в процессе обеспечения региональной устойчивости становится стимулирование экологически и социально ответственного поведения субъектов экономики региона.

Что касается измерения уровня региональной устойчивости, то отметим, что можно выделить два основных направления его организации [17,18]:

1) построение системы частных индикаторов, оценивающих отдельные аспекты региональной устойчивости;

2) конструирование интегративного показателя устойчивости региональной социально-экономической системы.

Следует подчеркнуть, что второе из указанных направлений представляется наиболее перспективным. Интегративный показатель региональной устойчивости можно представить в виде координат точки сбалансированности, параметры которой характеризуются определенным набором характеристик экономической (Y), социальной (X) и экологической устойчивости (Z) (рис. 2).

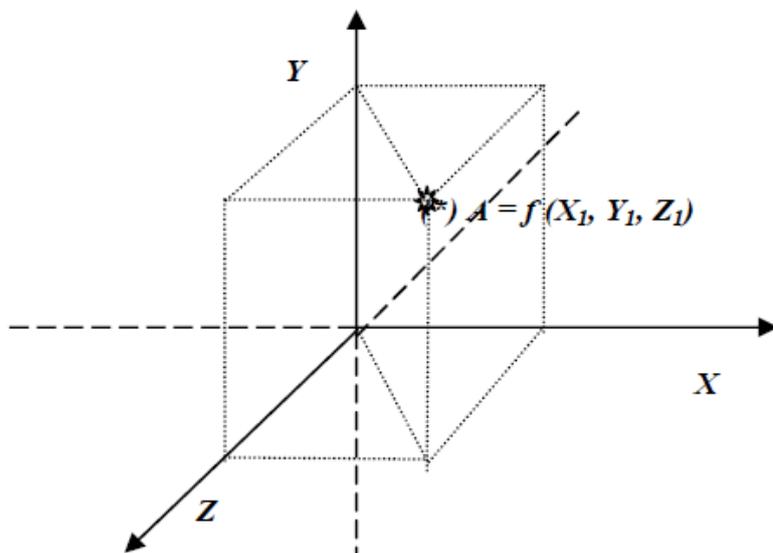

Рисунок 2. Интегративный показатель региональной устойчивости [19]

По нашему мнению, целесообразным представляется использование динамического интегративного показателя региональной устойчивости, рассчитываемого по формуле:

$$I = \left(\sum_{i=1}^n \frac{P_{i1}}{P_{i0}} \right) / n,$$

где P_{i1} — значение i -го показателя в текущем периоде, P_{i0} — значение i -го показателя в предыдущем периоде, n — количество учитываемых параметров.

При этом в процессе определения набора параметров, учитываемых при определении значения интегративного показателя региональной устойчивости, перспективным представляется использование методологии «сбалан-

сированной системы показателей» на основе задействования равного ограниченного числа оценочных параметров для характеристик экономической, социальной и экологической устойчивости на региональном уровне [20].

При этом количество и набор используемых показателей может варьироваться в зависимости от важности тех или иных аспектов региональной устойчивости конкретной территории [21].

Таким образом, устойчивость регионального развития оценивается с позиции способности социально-экономической системы региона эффективно использовать доступные ресурсы без нарушения сбалансированного состояния системы.

Таблица 2

**Сбалансированная система показателей
для оценки уровня региональной устойчивости**

Аспект региональной устойчивости	Показатели
Экономический	Валовой региональный продукт на душу населения
	Доля инновационно активных предприятий в их общем количестве
	Уровень самообеспечения продовольственной продукцией
	Средняя заработная плата по региону
Социальный	Уровень зарегистрированной безработицы
	Доля расходов на здравоохранение, образование и социальное обеспечение в региональном бюджете
	Уровень преступности в регионе
	Доля населения, живущего за чертой бедности
Экологический	Выбросы загрязняющих веществ в атмосферу региона
	Доля нарушенных земель в общей площади региона
	Объем оборотной и последовательно используемой воды
	Величина инвестиций природоохранного характера

Примечания:

1. Загуляев В.Г. Устойчивость и конкурентоспособность социальных систем // Вестник Удмуртского университета. 2005. №6-1. С. 71.
2. Мифтахова М.Э. Оценка устойчивости региональной социально-экономической системы // Вестник Казанского государственного аграрного университета. 2010. №2. С. 39.
3. Захарченко В.И. Экономическая устойчивость предприятия в переходной экономике // Машиностроитель. 2002. №1. С. 10.
4. Барканов А.С. Оценка экономической устойчивости строительного предприятия // Экономика строительства. 2005. №8. С. 38.
5. Фоломьев А.Н. Устойчивость предприятий в рыночном хозяйстве // Экономика и организация рыночного хозяйства. М.: Прогресс, 1995. С. 135.
6. Васенко В.Е. Индикаторы и способы оценки и прогнозирования устойчивого развития системы региона (на материалах Краснодарского края): автореф. дис. ... канд. экон. наук. Майкоп, 2013.
7. Иванкина Л.И. Модель устойчивого развития как модель управляемой социальной устойчивости // Теория и практика общественного развития. 2012. №7. С. 19.
8. Поподько Г.И. Концепция управления социальной устойчивостью региональной экономической системы // Фундаментальные исследования. 2012. №6. С. 512.
9. Тумин В.М., Михалина О.М., Чмель С.Ю. Теоретические и методологические основы управления экологической устойчивостью корпорации // Известия высших учебных заведений. Сер. Экономика, финансы и управление производством. 2011. №1. С. 82.
10. Захарова Е.Н., Барташевич А.А. Управление эколого-экономическими рисками в системе инструментов регионального устойчивого развития // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 5, Экономика. 2011. Вып. 4 (87). С. 158-166.
11. Бобылев С. Экологическая устойчивость и несырьевое будущее // Вестник Института экономики РАН. 2008. №1. С. 45.
12. Овсянникова Т.А. Факторы устойчивости региональной экономической системы // Новые технологии. 2013. №1. С. 190.
13. Жуков Б.М. Управленческая гибкость как фактор поддержания инновационной активности предприятия // Бизнес в законе. 2012. №1. С. 304-306.
14. Клейнер Г.Б. Предприятие в нестабильной экономической среде: риски, стратегии, безопасность. М.: Перспектива, 1997.
15. Руссов А.С., Жуков Б.М. Системообразующие факторы и степень их воздействия на экономический рост и развитие региона // European Social Science Journal = Европейский журнал социальных наук. 2012. Т. 2, №9. С. 448-457.
16. Захарова Е.Н. О когнитивном моделировании устойчивого развития социально-экономических систем // Вестник Адыгейского государственного университета. 2007. №1(25). С. 223-229.

17. Ключко С.Н., Школина Н.С. Региональный менеджмент устойчивости экономической системы // Балтийский экономический журнал. 2010. №1. С. 69.
18. Горелова Г.В., Верба В.А., Захарова Е.Н., Карелин В.П. Когнитивный подход к исследованию условий развития региональной системы // Известия Южного федерального университета. Технические науки. 2004. Т. 44. №9. С. 110-122.
19. Ханалиев Г.И. Устойчивость, пропорциональность и адаптивность развития региональной системы // Социально-экономические явления и процессы. 2011. №8. С. 147.
20. Тлехурай-Берзегова Л.Т., Гурнович Т.Г. Современные интеграционные образования и функции взаимодействия региональных систем // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 5, Экономика. 2012. №1. С. 78-82.
21. Попов Р.А. Императивы территориального хозяйствования в условиях глобализации // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 5, Экономика. 2011. Вып. 3 (83).

References:

1. Zagulyaev V.G. Stability and competitiveness of social systems // Bull of Udmurt University. 2005. No. 6-1. P. 71.
2. Miftakhova M.E. Assessment of stability of regional social and economic system // Bull. of Kazan State Agrarian University. 2010. No. 2. P. 39.
3. Zakharchenko V.I. Economic stability of the enterprise in a transitional economy // Mechanician. 2002. No. 1. P. 10.
4. Barkanov A.S. Assessment of economic stability of the construction enterprise // Construction Economy. 2005. No. 8. P. 38.
5. Folomyev A.N. Stability of the enterprises in a market economy // Economy and the Organization of a Market Economy. M.: Progress, 1995. P. 135.
6. Vasenko V.E. Indicators and ways of an assessment and forecasting a sustainable development of system of the region (based on materials of Krasnodar Territory): Author's Summary of Dissertation of Candidate of Economic Sciences. Maikop, 2013.
7. Ivankina L.I. Model of a sustainable development as a model of operated social stability // Theory and Practice of Social Development. 2012. No. 7. P. 19.
8. Popodko G.I. Concept of management of social stability of regional economic system // Basic Researches. 2012. No. 6. P. 512.
9. Tumin V.M., Mikhailina O.M., Chmel S.Yu. Theoretical and methodological bases of management of corporation ecological stability // Izvestiya of Higher Educational Institutions. Ser. Economy, Finance and Production Management. 2011. No. 1. P. 82.
10. Zakharova E.N., Bartashevich A.A. Management of ecologic-economic risks in system of tools of a regional sustainable development // Bull. of Adyghe State University. Economy. 2011. No. 4 (87). P. 158-166.
11. Bobylev S. Ecological stability and non-oil future // Bull. of Institute of Economy of the Russian Academy of Sciences. 2008. No. 1. P. 45.
12. Ovsyannikova T.A. Factors of stability of regional economic system // New Technologies. 2013. No. 1. P. 190.
13. Zhukov B.M. Administrative flexibility as a factor of maintenance of innovative activity of the enterprise // Business in the Law. 2012. No. 1. P. 304-306.
14. Kleyner G.B. The enterprise in the unstable economic environment: risks, strategy, safety. M.: Perspektiva, 1997.
15. Russov A.S., Zhukov B.M. System-forming factors and extent of their impact on economic growth and development of the region // European Social Science Journal. 2012. V. 2, No. 9. P. 448-457.
16. Zakharova E.N. On cognitive modeling of a sustainable development of social and economic systems // Bull. of Adyghe State University. 2007. No. 1(25). P. 223-229.
17. Klochko S.N., Shkolina N.S. Regional management of stability of economic system // Baltic Economic Journal. 2010. No. 1. P. 69.
18. Gorelova G.V., Verba V.A., Zakharova E.N., Karelin V.P. Cognitive approach to research of conditions of regional system development // Izvestiya of the Southern Federal University. Technical Sciences. 2004. V. 44. No. 9. P. 110-122.
19. Khanaliyev G.I. Stability, proportionality and adaptability of the development of regional system // Social and Economic Phenomena and Processes. 2011. No. 8. P. 147.
20. Tlekhuray-Berzegova L.T., Gurnovich T.G. Contemporary integration managing subjects and functions of interaction of regional systems // Bull. of Adyghe State University. Economy. 2012. No. 1. P. 78-82.
21. Popov R.A. Imperatives of territorial managing in the conditions of globalization // Bull. of Adyghe State University. Economics. 2011. No. 3 (83).

УДК 330
ББК 65.011.15
П 84

В.В. Прохорова

Доктор экономических наук, профессор кафедры производственного и регионального менеджмента Кубанского государственного технологического университета, г. Краснодар. Тел.: (918) 355 08 80.

Н.А. Хилько

Кандидат экономических наук, доцент Российского государственного социального университета (филиал в г. Анапа). Тел.: (918) 417 97 01.

**Стратегическая траектория становления «экономики,
основанной на знаниях»
на мезо-уровне современной России**
(Рецензирована)

Аннотация. В статье раскрыты возможности формирования стратегической траектории становления «экономики, основанной на знаниях», которые создаются с участием вертикально интегрированных корпораций и сетевых организаций в хозяйственном пространстве региональных экономических систем современной России; оценен потенциал вклада указанных субъектов в процесс модернизации региональных экономических систем.

Ключевые слова: сетевые системы, корпорации, регион, мезо-уровень, стратегия.

V.V. Prokhorova

Doctor of Economics, Professor of Production and Regional Management Department, Kuban State Technological University, Krasnodar. Ph.: (918) 355 08 80.

N.A. Khilko

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Russian State Social University (Branch in Anapa). Ph.: (918) 417 97 01.

**Strategic trajectory of the development
of «economy, based on knowledge»
at meso level of modern Russia**

Abstract. The paper shows the opportunities of forming a strategic trajectory of the development of «the economy based on knowledge» which are created with participation of vertically integrated corporations and network organizations in economic space of regional economic systems of modern Russia. The authors give an assessment of potential of a contribution of the specified subjects to the process of modernization of regional economic systems.

Keywords: network systems, corporations, the region, meso level, strategy.

В условиях ускорения постиндустриальных преобразований и интеграции экономики России в состав мирового хозяйства складываются новые возможности формирования плацдармов «экономики, основанной на знаниях» во внутренней среде региональных экономических систем, что предпола-

гает поиск адекватных стратегических траекторий развития на мезо-уровне. В данном отношении востребована активизация взаимодействия региональных экономических систем, вертикально интегрированных корпораций и сетевых организаций, обладающих значительными потенциалами постин-

дустриальных преобразований. Переплетение и интеграционное взаимодействие указанных потенциалов позволит сформировать и реализовать значительный синергетический эффект, в том числе в сфере стратегического управления плацдармами «экономики, основанной на знаниях» на мезо-уровне.

Оценим некоторые возможности активизации взаимодействия региональных экономических систем, вертикально интегрированных корпораций и сетевых организаций, имеющиеся на мезо-уровне современной России. Известно, что на данном уровне доминируют вертикально интегрированные корпорации, концентрирующие свои усилия на разработке, первичной переработке и продажах (в основном — экспортных) сырья и топливно-энергетических ресурсов, что обусловлено устойчивой стратегической ориентацией национальной экономики, закрепленной в институциональном отношении и обладающей значительной инерцией [1].

Сетевые организации представлены на мезо-уровне, как правило, двояким образом:

— как сети продвижения традиционных товаров, дополняющие и обеспечивающие в сервисном отношении массив связей, продуцированных развитием сырьевой и топливно-энергетической сферы; в основном это торговые сети, использующие соответствующие принципы организации отношений в пределах прежнего, индустриального уклада общественно-хозяйственной жизни;

— как сети формирования и продвижения качественно новых, насыщенных элементами вновь добытого знания, виртуальных продуктов, продуцированных развитием инновационных территориальных локализаций; в основном это сети коммуникации, финансово-инвестиционного сервиса и продвинутых услуг образовательного, консультационного, интеллектуально-преобразующего характера, где сетевые принципы используются уже за пределами индустриального уклада [2].

Для сетей постиндустриального характера характерен феномен виртуализации складывающихся здесь отношений,

что означает продуцирование многочисленных отраженных форм, насыщенных новым знанием, информативных для субъектов, которые в них вовлекаются, и обладающих способностью к ускоренному росту без существенного увеличения спроса на природные ресурсы. Соответственно, формирование во внутренней среде региональных экономических систем постиндустриальных сетевых локализаций выступает в качестве мощного фактора ускорения модернизации и изменения существующей стратегической ориентации территориального развития [3].

Оценим имеющиеся в данном отношении возможности. Характеризуя траектории современного развития, отметим, что изменения, вызванные постиндустриальными преобразованиями, предъявляют новые требования к институтам. Если для традиционного общества, в котором организация экономики и уклад жизни не менялись веками и даже тысячелетиями, ценнее всего было поддерживать стабильность, сохранять порядок и традиции, то для периода постиндустриальных преобразований институциональными приоритетами стали гибкость норм и контрактов, способность генерировать и использовать инновации, позволяющие обществу адаптироваться к условиям быстро меняющейся внешней среды [4].

Рост экономики современной России на всех уровнях организации ее отношений определяется факторами внешней торговли и природными факторами — экономические субъекты извлекают природные ресурсы, продают их за рубеж, однако вырученные средства, как правило, не реализуются в процессе обновления своих воспроизводственных процессов и формирования плацдармов постиндустриального развития. Это относится и к вертикально интегрированным корпорациям, и к сетевым организациям, и к региональным экономическим системам.

Изменение действующей стратегической траектории предполагает, прежде всего, понимание того факта, что во взаимодействии интересующих нас системных субъектов сформировалась следующая стратегическая развилка:

— пролонгация ранее установившейся траектории развития чревата быстрой потерей всеми системными субъектами своих позиций в глобальном хозяйственном пространстве, отбрасыванием их на периферию современного эволюционного процесса и подчинением их ресурсных баз потребностям развития чужих воспроизводственных процессов;

— смена данной стратегической траектории предполагает фокусирование взаимодействия региональных экономических систем, вертикально интегрированных корпораций и сетевых организаций на формировании продуктивных постиндустриальных локализаций во внутренней среде региональной экономики (кластеров, новых промышленных районов, функциональных подсистем), способных обеспечить устойчивую конкурентоспособность указанных субъектов в условиях динамичных преобразований [5].

Выделим важный компонент процесса формирования интересующих продуктивных постиндустриальных локализаций — интеллектуальные услуги, продуцируемые «продвинутыми» сетевыми организациями, обладающие следующими свойствами:

— интеллектуальные услуги обеспечивают глубокое изменение состава и структуры воспроизводственного цикла; при этом они принимают форму управленческих услуг, исследовательских услуг, проектных услуг, консультационных услуг и др. В каждом случае интеллектуальная услуга отличается от соответствующих стандартных видов деятельности (управления, исследований, проектирования и др.) использованием уникального потенциала компетенций, то есть человеческого капитала;

— для интеллектуальных услуг характерно симметричное распределение элементов знания, свободный доступ к ним и партнерское взаимодействие в использовании данных элементов, прозрачность (открытость и постоянная доступность процесса для участников сделки), отсутствие пространственных и отраслевых барьеров для развития отношений;

— интеллектуальные услуги обеспечивают для субъектов, кто их приобре-

тает, снижение различных видов издержек воспроизводственного процесса, как трансформационных, так и трансакционных издержек, что, в свою очередь, обеспечивает рост продуктивности воспроизводственного процесса, снижение барьеров входа для новых экономических субъектов и развитие конкуренции на существующих локальных рынках, что особенно важно для региональной экономики России [6].

Благодаря быстрому развитию постиндустриальных локализаций во внутренней среде региональной экономики могут сложиться и получить развитие особые формы пространственной организации общественно-хозяйственных отношений — мезо-уровневые локалитеты «экономики, основанной на знаниях». Для закрепления таких локалитетов одни лишь силы рынка явно недостаточны, здесь востребована фокусированная поддержка государства.

Выделим некоторые материальные предпосылки, имеющиеся на мезо-уровне, для реализации указанной стратегической траектории. В последние годы XX века доминирующим процессом стало развитие особых «симулятивных» технологий, создающих виртуальную реальность. В результате создания нового программного обеспечения, увеличения оперативной памяти и роста скорости обработки данных компьютерами возникают качественно новые формы передачи и обработки данных, достигается все большее сходство между работой на компьютере и управлением реальными объектами, а также сходство коммуникаций в режиме online общением в реальном пространстве и времени. Коммуникационный сектор региональной экономики несет в себе существенные возможности активизации инновационных процессов и диверсификации региональной экономики современной России. Отметим, что соответствующий позитивный опыт накоплен в преобразовании региональной экономики Индии, Бразилии, Китая, Южной Африки.

В региональных системах современной России существуют своеобразные локализации научно-исследовательского

профиля — так называемые «наукограды», сформировавшиеся еще в советский период и получившие особый статус в конце первого десятилетия рыночных преобразований. К сожалению, основное внимание государство уделяет статусу «наукограда», а не характеру его развития. Правительство РФ вправе досрочно прекратить статус наукограда в случае исключения из числа государственных приоритетных направлений развития науки, технологии и техники РФ установленных для данного наукограда направлений деятельности, но не ранее чем по истечении пяти лет с момента присвоения этого статуса.

Можно предположить, что изменение условий, критериев и порядка присвоения статуса наукограда в новом законодательстве будет способствовать оптимизации количества наукоградов и соответственно позволит сконцентрировать финансовые ресурсы на государственную поддержку по приоритетным направлениям развития науки и технологий.

Для активизации еще сохранившегося потенциала «наукоградов» востребована особая структура — опорный каркас территориальной структуры хозяйства [6]. Приведем необходимые пояснения. Ведущую роль в интеграции обособленных компонентов территориальной структуры хозяйства играет особый опорный каркас, который представляет собой сочетание главных фокусов (центров) хозяйственной, социальной и культурной жизни страны, а также соединяющих их социально-экономических линий. Аналогичный каркас — связи «наукоградов» друг с другом и с важнейшими экономическими системами регионов страны — востребован и в данном случае. Конкретизируем данное положение: каркас — это специально создаваемые «места крепления» экономического пространства регионов, на которые кристаллизуется организационный потенциал развития территорий. Отметим, что, помимо опорного экономического каркаса территории, ключевое значение в пространственном развитии имеют «каркасные структуры», которые, при-

менительно к «экономике, основанной на знаниях», включают в себя следующие компоненты:

- природную среду и климатическую привлекательность региона для множества людей, обладающих высоким потенциалом и соответствующими потребностями;

- материальную часть инфраструктуры научного труда и инфраструктуры мест проживания исследователей;

- институциональные и культурно-исторические традиции территории, приспособленность ее среды к развитию интеллектуально насыщенных локализаций.

Любая локализация постиндустриального характера рассматривается нами как проектируемый объект, для которого актуально институциональное упорядочивание:

- определение экономических границ и легализация властями региона (региональные власти признают факт существования в своем хозяйственном пространстве какой-то субрегиональной локализации и начнут выстраивать с ней отношения только в том случае, когда такое признание будет выгодно региону);

- приведение функционального содержания и структурной организации региональной политики в соответствие с получившими признание субрегиональными локализациями; отметим, что речь не идет об административных границах и новом уровне администрирования; в данном отношении структуризация внутренней среды региона отделена от соответствующего процесса по вертикали власти;

- принятие необходимых правовых актов регионального уровня, официально закрепляющих существование ряда субрегиональных локализаций;

- формирование адекватных институтов государственной поддержки структур субрегионального уровня (ГЧП, курирование представителями губернатора и др.);

- заключение стратегических соглашений между регионом и субрегиональными локализациями о развитии взаимодействия.

Выделим в данном отношении наиболее перспективное направление концентрации еще сохранившегося территориального научного потенциала на важнейших направлениях постиндустриальных преобразований. Речь идет о «модели тройной спирали», в основу которой положена идея о том, что инновационное развитие наиболее эффективно в процессе активного взаимодействия государства, бизнеса и научного сообщества. В результате наука в современном обществе выходит за рамки вида деятельности, имеющего отношение только к профессиональным ученым; имеет место последовательная «сайентификация» множества хозяйственных процессов, для чего и востребовано указанное взаимодействие [7].

В России развитие стратегической траектории «тройной спирали» замедляет ресурсная зависимость. Для рентоориентированной страны характерно раздвоение указанной модели на две пары отношений: с одной стороны, «государство — бизнес», с другой стороны, «государство — наука». При этом негативной специфической характеристикой российской науки является изолированность научных институтов не только от бизнеса, но и друг от друга. Такая разорванная на две обособленные пары отношений модель не обеспечивает необходимой результативности и «прозрачности» общественно-хозяйственного развития. Трансформация способа государственного участия в развитии территории является важнейшим условием формирования инновационного способа движения территориальной экономической системы. Роль государства социализируется, то есть расширяется до активного посредничества между человеческими потребностями, целями исследований и поставщиками ресурсов, т.е. наукой, образованием, технологиями и территориальным сообществом. Инновация в такой стратегической траектории становится «бесконечным переходом» по спирали вверх.

Для регионов-субъектов современной России характерен достаточно острый дефицит рыночных возможностей генерации интеллектуальных услуг, а также

рынков финансовых услуг; в основном здесь представлены локальные рынки с высокими межрегиональными барьерами, характеризующиеся сравнительно стабильным числом участников и предоставляемых услуг. Вместе с тем, наибольшие возможности несет с собой развитие рынков цифрового контента и информационных ресурсов, обеспечивающих необходимую платформу для последующей масштабной модернизации всего регионального воспроизводства [8, 9, 10].

Устанавливающейся «экономике, основанной на знаниях» требуются качественно новые опорные субъекты — гибкие, адаптируемые, способные быстро изменить свою организационную форму, сохраняя присущие им конкурентные преимущества. Сеть обеспечивает такую гибкость во внутренней среде региона, связывая отдельные хозяйственные единицы в систему оперативного перераспределения ресурсов, дающую возможность сконцентрировать их на решающих направлениях развития. При этом каждый субъект сетевой структуры нацелен на эффективность и устойчивость всей структуры, что превращает отношения собственности в сетевые отношения, оставляя участникам сети определенные «пучки» элементов присвоения.

Во внутренней среде региона сетевые структуры, ориентированные на постиндустриальное развитие, существуют в особом поле сил притяжения и отталкивания; они определенным образом локализованы. Речь идет о гибких формах локализации, выходящих далеко за пределы известных корпоративных механизмов связи. Здесь востребована особая форма пространственной организации отношений — сетевая субрегиональная система, для анализа которой востребован эвристический потенциал современной теории контрактов, а также теории сетевых организаций.

Подведем итоги статьи. Поле стратегий интенсивного развития территориальных экономических систем современной России задано следующими императивами эволюционного процесса:

— модернизации функционирующего капитала и территориальной инфраструктуры, создания инфраструктурной платформы для инновационного развития;

— ускоренного формирования и накопления во внутренней среде тер-

риториальной системы человеческого капитала как доминирующего фактора «экономики, основанной на знаниях»;

— создания качественно новых механизмов управления хозяйственными процессами на основе сил интеграционного взаимодействия.

Примечания:

1. Ермоленко А.А. Потерянное пространство России // Научная мысль Кавказа. 2012. №4.
2. Стратегия социально-экономического развития Южного федерального округа на период до 2020 года. М., 2010.
3. Кондратьев Н.Д. Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения. М.: Экономика, 2002.
4. Ткачева Е.Н. Методы обеспечения эффективности функционирования виртуальных организаций в информационной экономике. Краснодар: Изд-во ЮИМ, 2010.
5. Керашев А.А, Мокрушин А.А Стратегическое управление взаимодействием вертикально интегрированных корпораций и региональных экономических систем Юга России // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 5, Экономика. 2011. Вып. 3 (83).
6. Колосовский Н.Н. Избранные труды. Смоленск: Ойкумена, 2006.
7. Дежина И.Г., Киселева В.В. Государство, наука и бизнес в инновационной системе России. М.: ИЭПП, 2008.
8. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам создания бюджетными научными и образовательными учреждениями хозяйственных обществ в целях практического применения (внедрения) результатов интеллектуальной деятельности: Федеральный закон РФ №217-ФЗ от 02.08.09 // Российская газета. 2009. №246.
9. Афасижев Т.И., Жуков Б.М., Новиков В.С. Виртуальные отношения в сфере услуг: факторы и перспективы глобализации // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 5, Экономика. 2012. №1. С. 176-187.
10. Гурнович Т.Г., Торопцев Е.Л. Системная устойчивость и экономические циклы // Российское предпринимательство. 2004. №6. С. 60-63.

References:

1. Ermolenko A.A. The lost space of Russia // Scientific Thought of the Caucasus. 2012. No.4.
2. Strategy of social and economic development of the Southern Federal District for the Period till 2020. M., 2010.
3. Kondratyev N.D. Big cycles of an environment and anticipation theory. M.: Economy, 2002.
4. Tkacheva E.N. Methods of ensuring efficiency of functioning of the virtual organizations in information economy. Krasnodar: YuIM Publishing House, 2010.
5. Kerashev of A.A, Mokrushin A.A Strategic management of interaction of vertically integrated corporations and regional economic systems of the South of Russia//the Messenger of the Adygei state university. It is gray. 5, Economy. 2011 . Vyp. 3 (83).
6. Kolosovsky N.N. Selected Proceedings. Smolensk: Oykumen, 2006.
7. Dezhina I.G., Kiselyova V.V. The state, science and business in innovative system of Russia. M.: IEPP, 2008.
8. On modification of separate legislative acts of the Russian Federation concerning creation by the budgetary scientific and educational institutions of economic societies for practical application (introduction) of results of intellectual activity: Federal law of the Russian Federation No. 217-FZ of 02.08.09 // Russian Newspaper. 2009. No. 246.
9. Afasizhev T.I., Zhukov B.M., Novikov V.S. The virtual relations in a service sector: factors and globalization prospects // Bull. of Adyghe State University. Economics. 2012. No. 1. P. 176-187.
10. Gurnovich T.G., Toroptsev E.L. System stability and business cycles // Russian Business. 2004. No. 6. P.60-63.

УДК 338.24
ББК 65.050.22
С 50

Е.В. Смирнова

Кандидат экономических наук, доцент кафедры производственного и регионального менеджмента Кубанского государственного технологического университета, г. Краснодар. Тел.: (861) 259 63 33.

Ф.В. Шутилов

Кандидат экономических наук, доцент кафедры производственного и регионального менеджмента Кубанского государственного технологического университета, г. Краснодар. Тел.: (906) 432 66 92.

Управление экономическим развитием санаторно-курортных комплексов региона

(Рецензирована)

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы развития санаторно-курортного комплекса, региональной социально-экономической политики, предложен организационно-экономический механизм управления формированием интегрированных санаторно-курортных комплексов на основе кластерного подхода, предложен алгоритм формирования кластеров.

Ключевые слова: агрегат, санаторно-курортный комплекс, кластеры, оздоровление, структура.

E. V. Smirnova

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Kuban State University of Technology, Krasnodar. Ph. 8 (861) 259-63-33.

F. V. Shutilov

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Kuban State University of Technology, Krasnodar. Ph. 8 (906) 432-66-92

Management of economic development of sanatorium complexes of the region

Abstract. The paper discusses the development of a sanatorium complex and the regional social and economic policy. The authors propose the organizational and economic mechanism of management of formation of the integrated sanatorium complexes on the basis of cluster approach, as well as the algorithm of formation of clusters.

Keywords: unit, sanatorium complex, clusters, health improvement, structure.

Отечественный санаторно-курортный комплекс переживает сложный период своего социально-экономического развития. Упрощение централизованных методов управления, которые складывались на протяжении всего советского периода, и реакция рыночных механизмов управления настоящего периода негативно отразились на развитии санаторно-курортных комплексов в регионах, представляющих в истекшие годы мощную основу российских курор-

тов. За годы реформ значительно изменилась структура экономики санаторно-курортного комплекса [1], существенно снизился материально-технический потенциал оказания услуг лечения и оздоровления, более чем в 2 раза сократилось число санаторно-оздоровительных учреждений, которые сегодня могут обслужить не более 8,5 млн. человек в год. Такие показатели не отвечают потребностям населения страны в организованном многодневном отдыхе в регионах.

При этом падает заинтересованность российского потребителя в получении традиционного лечебного пакета в силу высокой его коммерциализации, но который качественно не изменился по своему содержанию, а по ряду параметров значительно уступает предложениям зарубежных санаторно-курортных комплексов. При этом повышение комфортности в санаторно-курортном комплексе ориентировано в основном на платежеспособное население с высоким уровнем дохода, и поэтому санаторно-курортное обслуживание становится недоступным широким слоям населения. В то же время отметим, что в ряде регионов России уже фиксируется угрожающий здоровью нации уровень заболеваемости — 879 случаев на 1000 человек населения. Однако аргументировано, что потенциал социально-экономической эффективности санаторно-курортного оздоровления достаточно высок. Например, комплексные лечебно-оздоровительные мероприятия в санаторно-курортном комплексе повышают уровень здоровья в 1,7 раза, использование природных лечебных факторов повышает эффективность оздоровления граждан на 25–30% и снижает затраты на лечение в условиях поликлиники и стационаров на 10–15 процентов. Таким образом, санаторно-курортный комплекс, оставаясь социальным институтом российского государства, не готов сегодня решать проблему повышения качества здоровья населения, обеспечивая массовое санаторно-курортное оздоровление россиян [2]. Вместе с тем, растущие нагрузки эмоционального, технологического, экологического характера на человека в современном мире, с одной стороны, и осознание обществом жизненно важной необходимости оздоровления разными формами и методами, — с другой стороны, обострили остроту проблемы формирования системы качественного отдыха и оздоровления в санаторно-курортной сфере, затрагивающей интересы каждого члена и социума в целом [3].

В настоящее время нерешенными являются вопросы развития социально-экономической политики управления

региональными санаторно-курортными комплексами, развития коммерческой деятельности, модернизации и реформирования санаторно-курортных комплексов и механизмы их развития и преобразования в регионах .

Региональная социально-экономическая политика формирования санаторно-курортных комплексов должна обеспечивать согласованность интересов всех участников интегрированного образования в регионе и строиться на определенных принципах. К числу организационно-методических принципов, составляющих основу социально-экономической политики формирования интегрированных санаторно-курортных комплексов в регионе, следует отнести:

— принцип экономической целесообразности интеграции по критерию сопряженности социально-экономических интересов участников;

— принцип экономической самостоятельности, т.е. самостоятельное управление своими доходами и расходами, направлениями вложения денежных средств с целью выполнения целевых функций санаторно-оздоровительных организаций и учреждений отдыха;

— принцип долговременной ориентации, заключающийся в возможности разработки стратегических планов и программ;

— принцип строгой координации функций управления отдельными санаторно-курортными комплексами без лишних ограничений их экономических интересов;

— принцип партнерства, при котором механизмы подготовки и принятия управленческих решений должны основываться на понимании общности интересов, взаимовыгодности сотрудничества, а не доминирующих предпочтениях лидеров или органов государственной власти;

— принцип объединения ключевых технологий, позволяющий участникам получать стратегические преимущества в результате интеграции;

— принцип минимизации проблемных и кризисных ситуаций, заключающийся в обеспечении своевременной необходимой и достаточной информации

для опережения и предупреждения их возникновения.

Формирование интегрированных санаторно-курортных комплексов может отклоняться от планируемой траектории в случае многообразия целей и несовпадения генеральной цели, что может приводить к снижению эффективности его развития. Вследствие этого представляется целесообразным задание стратегического целевого ориентира формирования интегрированного санаторного комплекса на основе построения кластера, который будет по вектору единой цели формировать интегрированный комплекс взаимосвязанных групп компаний в дестинации оздоровления. Дестинация оздоровления — это предшествующая кластеру форма существования функционально взаимосвязанных с санаторно-курортным комплексом предприятий в регионе. Дестинация оздоровления и кластер имеют общие характеристики: 1) территориальную общность; 2) неформальное объединение предприятий; 3) взаимосвязанность; 4) гибкую специализацию; 5) поддерживают конкуренцию; 6) стимулируют инновации; 7) дестинация оздоровления и кластер проходят сходные жизненные циклы.

Организационно-экономический механизм управления формированием интегрированных санаторно-курортных комплексов на основе кластерного подхода [4] в регионе включает следующие базовые элементы: координационное ядро кластера, ресурсы внешнего и внутреннего контура кластера (материальные, природные, финансовые, трудовые и другие), субъект и объект управления, а также технологию управления. Алгоритм формирования кластера:

1) определение внутреннего контура кластера — собственно ядро кластера — интегрированный санаторно-курортный комплекс (все учреждения на территории региона, оказывающие санаторно-оздоровительные, туристско-оздоровительные и туристско-рекреационные услуги);

2) определение предприятий-участников, которые войдут во вну-

тренний контур кластера, деятельность которых зависит от совместной деятельности с предприятиями ядра кластера (получают доход от совместной деятельности);

3) определение центра управления внутренним контуром кластера; субъект управления внутренним контуром кластера — центр, который создается на ассоциативной или корпоративной основе и учреждается всеми участниками внутреннего контура кластера для ведения согласованной совместной деятельности, для развития совместных инфраструктур, совместных проектов и стратегических программ;

4) определение предприятий-партнеров внешнего контура кластера, деятельность которых напрямую не связана с воспроизводством услуг, а взаимоотношения с предприятиями ядра кластера и предприятиями-участниками не являются основой их деятельности. Это могут быть транспортные компании, банковские структуры, образовательные учреждения, сельскохозяйственные предприятия и др. Во внешнем контуре кластера в качестве субъекта управления рассматриваются региональные администрации, которые через центр управления внутренним контуром кластера осуществляют социально-экономическую политику формирования интегрированных санаторно-курортных комплексов.

Построение системы стратегического управления формированием санаторно-курортных комплексов в регионе должно опираться на систему научных принципов, главными из которых определены принципы стратегичности, целенаправленности, системности, интегрированности, рациональности, иерархичности, открытости, инновационности и нормирования, т.к. именно на них будет базироваться система управления как единый комплекс, выражающий миссию, концепцию и алгоритм функционирования системы.

Структура системы стратегического управления формированием санаторно-курортных комплексов сформирована на основе шести саморазвивающихся агрегатов.

1 агрегат — является начальным в формировании системы стратегического управления. Специфика объекта управления — интегрированный санаторно-курортный комплекс — обуславливает приоритет функции организации как ключевого элемента системы стратегического управления. Задача функции организации состоит в том, чтобы через процессы структурных преобразований из имеющегося состава потенциальных объектов интегрирования в регионе сформировать в результате структурного преобразования новый санаторно-курортный комплекс — ядро кластера, который будет определяться сочетанием новых значений основных системообразующих параметров. Последующее развитие системы предполагает объединение всех ее звеньев в единое динамичное целое в рамках кластерной структуры. При этом должны быть определены уровни иерархии в рамках системы; распределение звеньев системы по уровням иерархии; управляющие субъекты и управляемые объекты; основные параметры управления; иерархическая субординация субъектов и объектов внутреннего и внешнего контура кластерной системы.

2 агрегат — на этом этапе конкретизируется миссия и цель формирования интегрированного санаторно-курортного комплекса в регионе в соответствии с разработанной социально-экономической политикой формирования ИСКК в регионе, далее дифференцируются цели по блокам политики на цели 2-го, 3-го и т.д. уровней.

3 агрегат — формирует основные элементы прямого программно-целевого управления: стратегическое планирование, стратегическое регулирование и контроль за осуществлением стратегического плана и стратегических программ. Многоцелевая направленность, различия по срокам и методам реализации управленческих решений по отдельным элементам ИСКК и системе в целом позволяют привлекать заинтересованных лиц к взаимодействию, координации на различных этапах управления. Программно-целевое управление позволяет интегрировать

объекты управления, а также их связи, способствуя развитию наиболее эффективных интегрированных образований (объединений) путем создания соответствующих условий (косвенное управление).

4 агрегат — формирует основные элементы косвенного управления: экономический механизм формирования санаторно-курортного комплекса, нацеленный на стратегическую перспективу, который должен проектироваться для того, чтобы в рамках системы осуществлялись те процессы, которые отражены в стратегическом плане и конкретизированы в программах; хозяйственный механизм проектируется в нормативно-правовой форме, приспособленной к данному конкретному этапу формирования организационной системы; ситуационная коррекция хозяйственного механизма позволяет влиять на экономические интересы объектов и субъектов хозяйствования, а также на процессы, на которые распространяется действие хозяйственного механизма.

5 агрегат — регулирующие меры косвенного воздействия направлены на следствия, косвенным образом вызываемые этими мерами: появление принципиально важных следствий стратегического порядка, среднесрочного порядка или значимых следствий на текущий сравнительно короткий период времени.

6 агрегат — управление формированием интегрированных санаторно-курортных комплексов в кластере требует прямого непосредственного администрирования. Характер администрирования по «контактным точкам» в кластере зависит от конкретных обстоятельств и по отношению к одним участникам может быть оптимальным, а для других совершенно недостаточным, поэтому в блоке выделены следующие элементы: прямое точечное администрирование, нацеленное на стратегические ориентиры, на осуществление целей и задач определенного этапа развития, а также на решение конкретных текущих задач.

Формирование санаторно-курортных комплексов в регионе —

это процесс, объективно необходимый; в дальнейшем все сильнее будет происходить перенос «центра тяжести» управления санаторно-курортными комплексами с государственного, ведомственного, общественного управления на уровень управления санаторно-курортными комплексами как региональными интегрированными образованиями.

Примечания:

1. Асланов Д.И. Теоретические основы формирования структуры санаторно-курортного комплекса // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. 2011. №9. URL: <http://uecs.ru/uecs-33-332011>

2. Прохорова В.В. Потенциал производственных кластеров в развитии территории // Бизнес в законе. 2010. №3. С. 326-328.

3. Жуков Б.М., Тютюнников А.С. Повышение конкурентоспособности организаций рекреационно-туристской сферы на основе гибкого управления // Экономика и предпринимательство. 2012. №2. С. 126-131.

4. Керашев А.А., Целина О.И. Инновационные кластеры как инструмент активизации развития экономической системы Республики Адыгея // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 5, Экономика. 2010. №1. С. 122-129.

References:

1. Aslanov D.I. Theoretical bases of formation of structure of a sanatorium complex // Management of economic systems: electronic scientific journal. 2011. No. 9. URL: <http://uecs.ru/uecs-33-332011>

2. Prokhorova V.V. Potential of production clusters in territory development // Business in the law. 2010. No. 3. P. 326-328.

3. Zhukov B.M., Tyutyunnikov A.S. Increase of competitiveness of the organizations of the recreational and tourist sphere on the basis of flexible management // Economy and Business. 2012. No. 2. P. 126-131.

4. Kerashev A.A., Tselina O.I. Innovative clusters as a tool of intensified development of economic system of the Adyghea Republic // Bull. of Adyghe State University. Economics. 2010. No. 1. P. 122-129.

УДК 338.24
ББК 65.050.14
Т 41

Н.В. Тимошенко

Кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и финансов Краснодарского филиала Финансового университета при Правительстве РФ, г. Краснодар. Тел.: (861) 215 63 63; (918) 027 99 52, e-mail: nt-40@mail.ru

Государственное регулирование как основа прогрессивного развития региональной экономики

(Рецензирована)

Аннотация. Данная статья посвящена вопросам государственного регулирования региональной экономики. В статье рассмотрены административные и экономические инструменты регулирования, способствующие прогрессивному развитию экономики отдельных регионов; особое внимание уделено вопросам целевого программирования и стратегического планирования. В условиях рыночной экономики данная проблематика имеет актуальный характер.

Ключевые слова: рыночная экономика, методы регулирования экономики, экономические инструменты, управление территорией, регулирование территориального развития, территориальная целевая программа, стратегическое планирование, социальное развитие.

N.V. Timoshenko

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of Economy and Finance Department, Krasnodar Branch of Financial University under the Government of the Russian Federation, Krasnodar. Ph.: (861) 215 63 63; (918) 027 99 52, e-mail: nt-40@mail.ru

State regulation as a basis for the progressive development of the regional economy

Abstract. This paper focuses on issues of state regulation of the regional economy. The paper deals with administrative and economic management tools that contribute to the progressive development of the economy of certain regions. Particular attention is paid to the targeted programming and strategic planning. In a market economy, these problems are of topical relevance.

Keywords: market economy, methods of economic regulation, economic instruments, territory management, regulation of territorial development, territorial target program, strategic planning, social development.

Обеспечение экономического и социального развития объекта экономики невозможно без управления происходящими с ним процессами. В экономической литературе встречаются разнообразные определения понятия управления. В целом они сводятся к следующему. Управление — это система сознательных, целесообразных и планомерных воздействий субъекта управления на его объекты с целью сохранения существующего состояния

объекта управления или его перевода из одного состояния в другое.

Объектом управления может выступать отрасль, предприятие, подразделение и т.д. За рубежом основным объектом управления является город. Особенно это характерно в Европе и Японии, что обуславливается сравнительно небольшими размерами их территорий.

В нашей стране объектами управления являются все социальные институ-

ты, организации, группы людей и отдельные индивидуумы, испытывающие управленческое воздействие, реагирующие на них в своей непосредственной трудовой деятельности. В качестве объекта управления, например, может рассматриваться торговля как сфера деятельности, оптовые и розничные предприятия торговли, а также подразделения этих предприятий.

Субъектом управления выступает аппарат управления отраслю, организацией, подразделением. На макроуровне непосредственным субъектом выступает государство, а присущими ему институтами — органы представительной, законодательной власти, Президент с его аппаратом и рабочие исполнительные органы власти — Правительство страны. По мере приватизации предприятий государство утратило свое непосредственное управляющее воздействие. В настоящее время оно ограничивается созданием определенных условий, необходимых для функционирования предприятий, осуществляя в основном косвенное регулирование их деятельности. Субъект и объект управления в совокупности образуют систему управления.

Прогрессивное развитие экономики невозможно без государственного регулирования. При его отсутствии вступают в действие стихийные регуляторы, которые разрушают сбалансированность развития путем спада производства, снижения покупательной способности спроса населения, значительного роста цен, безработицы и нарастания других негативных моментов. Вследствие этого для гармоничного развития экономики страны, для учета интересов государства, бизнес-сообщества и населения, особенно социально незащищенных слоев населения необходимо выполнение государственными органами регулирующей функции.

Необходимость взаимодействия рынка и централизованного руководства доказывает практика стран с развитой рыночной экономикой. Механизм взаимодействия может быть различным [1, с. 112]. Например, в США рынок реагирует через различные

экономические рычаги (налоги, кредиты, инвестиции, лицензии). В Японии рынок регулируется государством через организацию производства, планирование деятельности крупных корпораций, через управление ценами.

Во всех странах рыночной экономики механизм экономического хозяйствования дополняется инструментами государственного регулирования, соотношение которых зависит от доли государственного сектора, исторических особенностей и традиций, экономического строя, характера решаемых в данное время задач.

Специалисты Всемирного банка отмечают несостоятельность стратегии развития, опирающейся на доминирующую роль государства, и подчёркивают опасность другой крайности — сведения к минимуму влияния государства. Не может быть “чистой” рыночной или “чисто” плановой экономики. Всякая экономика является “смешанной” и обладает чертами как планового, так и рыночного хозяйства.

В случае полного отказа от государственного вмешательства в экономические процессы сложно обеспечить согласование деятельности предприятий с потребностями развития экономики страны [2, с. 44].

Под государственным регулированием в условиях рыночной экономики понимается воздействие органов управления на развитие субъекта управления экономики страны, которое, используя методы прямого (инвестиции, дотации, субвенции, цены) и косвенного регулирования (кредитная, амортизационная, налоговая политика), ориентирует различные сектора экономики (государственный, частный, смешанный) на использование в большей мере не административно-командных методов управления, а экономических регуляторов [3].

Административные инструменты включают в себя средства разрешения, запрещения, а также принуждения и основаны на силе государственной власти. В странах с развитой рыночной экономикой административные средства регулирования используются в не-

значительных объемах. Их сфера применения, как правило, ограничивается созданием оптимальных условий жизни социально незащищенных слоев населения, охраной окружающей среды и т.д. Однако в условиях кризиса их роль может увеличиваться.

Экономические инструменты включают в себя средства кредитно-денежной, бюджетной, налоговой, таможенной политики и др. **Кредитно-денежное регулирование** осуществляется государством при ведущей роли Центрального банка. Основными способами денежно-кредитной политики выступают регулирование учетной ставки, установление и изменение размеров минимальных резервов, которые финансово-кредитные институты страны обязаны хранить в Центральном банке, операции государственных учреждений на рынке ценных бумаг, такие, как эмиссия государственных обязательств, торговля ими и погашение.

Прямое государственное хозяйственное регулирование осуществляется средствами бюджетной политики через формирование доходной, а главное расходной части государственного бюджета различных уровней. Направления расходования денежных средств государством во многом определяются стратегическими целями развития, выдвигаемыми государством, приоритетными задачами развития экономики страны.

Существенным способом привлечения финансовых ресурсов для возмещения государственных расходов выступает система налогообложения. Налоги активно используются для управления деятельностью субъектов хозяйства и стабилизации социальной напряженности общества. В первую очередь, интерес представляет регулирующая роль налогов. Государственное регулирование с помощью налогов зависит от выбора налоговой системы, уровня налоговых ставок, а также видов и размеров налоговых льгот.

Одним из приоритетных направлений развития экономической деятельности страны выступает увеличение налоговых доходов государственного

бюджета и сокращение зависимости от нефтегазовых доходов государства, поэтому реформированию налоговой системы уделяется значительное внимание. С одной стороны, поступление налогов должно быть достаточным для реализации задач государства, с другой стороны размеры налогов не должны сдерживать развитие предпринимательства (особенно малого), являющегося основным источником налоговых доходов государственного бюджета.

Таможенная политика подразумевает осуществление различных мер, как экономических, правовых, так и других, направленных на обеспечение экономического развития и национальной безопасности страны. Государственное регулирование объема, структуры и соотношения импорта и экспорта товаров — мера необходимая. От того, как оно построено, во многом зависит степень развития экономики страны. Путем установления таможенных пошлин, налогов, запретов и ограничений на ввозимые и вывозимые товары государство управляет размером внешнеторгового оборота страны, оказывает влияние на динамику развития отечественных предприятий на внутреннем и внешнем рынках.

Осуществляя постоянный контроль за потоком товаров через таможенную границу, государство стремится обезопасить свои собственные интересы, интересы организаций и жителей страны.

В целом система государственного регулирования представляет собой не только методы воздействия, но и организационные структуры, правовые документы, а также процедуры их рассмотрения, принятия и контроля, то есть те элементы, которые создают условия для осуществления процесса регулирования экономики страны.

Мировой опыт показывает, что чем больше страна отстает в своем экономическом развитии, тем больше хозяйственных функций берет на себя государство. Рыночная экономика без вмешательства основного регулятора — государства не может решить многих проблем: обеспечение социальной защиты населения, проведение

фундаментальных научных исследований и т.д. Государственное регулирование экономики должно способствовать уравниванию взаимных интересов, то есть, с одной стороны, обеспечить экономический рост, используя рыночные механизмы, а с другой, — достичь справедливости в распределении доходов и ресурсов [4, с. 95].

В систему государственного регулирования экономики включается регулирование территориального развития. Под ним следует понимать специфическое воздействие межгосударственных, государственных и местных органов управления на развитие конкретных территорий через финансирование целевых программ, льготное кредитование и налогообложение, а также стимулирование регионального развития путем использования специальных бюджетных и внебюджетных фондов, заключения межгосударственных договоров для достижения конкретных социальных целей и приоритетов [5, с. 14].

Одной из форм хозяйственного регулирования является государственное управление на основе экономических программ, направленное на обеспечение сбалансированного развития экономики региона, выработку ориентиров для развития государственного и частного секторов. Региональное целевое программирование является инструментом прямого государственного воздействия на рыночную экономику той или иной территории.

Целевые региональные программы призваны выполнять в настоящее время новую роль как наиболее активный метод регулирования рыночной экономики, интеграции государственных, коллективных и индивидуальных интересов и отношений, мобилизации усилий для осуществления крупных экономических проектов, проведения успешной региональной политики государства.

Территориальную целевую программу можно определить как способ достижения поставленной государством цели производственного, социально-экономического, организационно-управленческого характера. В настоящее

время существенная часть территориальных целевых программ носит социально-экономический характер.

В ходе территориального программирования реализуются системно-увязанные мероприятия, сгруппированные по конкретным ресурсам, срокам, исполнителям, осуществление которых ставит задачей совершенствование внутритерриториальной кооперации труда, эффективное использование научно-технического и производственного потенциала, материальных, трудовых, природных и других местных ресурсов, изменение неблагоприятно сложившихся пропорций, ликвидацию узких мест в социально-экономическом развитии региона.

В 2013 г. в России утверждено и реализуется 49 федеральных целевых программ. На территории Краснодарского края действует более 50 долгосрочных краевых целевых программ общим объемом бюджетных ассигнований из краевого бюджета 39,9 млрд. руб. Наиболее внушительные из них по объему финансирования долгосрочная краевая целевая программа «Развитие образования в Краснодарском крае на 2011–2015 годы», «Дети Кубани» на 2009–2013 годы, «Обеспечение строительства олимпийских объектов и развития города Сочи как горноклиматического и бальнеологического курорта» и др. [6].

Если совсем недавно целевые программы реализовывались в условиях хаотичности, заведомой необеспеченности ресурсами, что делало их нерезультативными и далекими от смысла и принципов государственного регулирования территориального развития, то в настоящее время эти проблемы ушли в прошлое. Вместе с тем, появились новые: недостаточная обоснованность программ, нецелевое использование бюджетных средств, что снижает эффективность их использования.

Важнейшим инструментом государственного регулирования экономики выступает стратегическое планирование.

Основным смыслом стратегического планирования является разработка и реализация стратегии. Слово «стратегия»

произошло от греческого термина «strategos», означающего «искусство генерала». Среди ученых нет единого мнения по определению стратегии. По С.И. Ожегову, стратегия — это «искусство планирования руководства, основанное на правильных и далеко идущих прогнозах». По Л.Водчаку и О. Водчаковой, стратегия — «это общее направление, на котором следует искать пути достижения целей». Шамхалов И.Р. определяет стратегию как «генеральный курс действий, общую концепцию деятельности организаций». Более широкое определение дает Р. Фишер: «Стратегия — это всеобъемлющая ориентация планов и действий, которая устанавливает критическое направление и управляет распределением ресурсов организации». Обобщив все определения, можно определить стратегию как основные направления долгосрочного развития объекта управления, в которых оптимальным образом сочетаются его цели и возможности.

Таким образом, стратегическое планирование состоит в разработке варианта желаемого будущего и нахождения путей более эффективного приближения к нему. С его помощью обеспечивается согласованная целенаправленность функционирования всех звеньев хозяйственной системы общества. Для экономики России в условиях перехода к рынку государственное стратегическое планирование особенно актуально.

Политика стратегического развития государства неоднородна по отношению к отдельным регионам. Это обусловлено существенными различиями регионов в области структуры хозяйства, обеспеченности ресурсами, достигнутого уровня развития различных сфер экономики, условий вхождения в рыночную экономику, темпов трансформации форм собственности и т.д.

В настоящее время расширены полномочия регионов и увеличена их самостоятельность. На регионы возложена большая часть ответственности за результативность регионального экономического развития. Уровень их социально-экономического развития

определяется как объективно существующими факторами, такими, как положение региона в общественном разделении труда, географическое положение, макроэкономические условия, отраслевая структура, имеющиеся природные ресурсы, так и субъективными факторами, важнейшими из которых являются методы регионального управления.

Проводимые в нашей стране экономические реформы выявили тот факт, что регионы, которые применяют активные методы управления своим развитием, в меньшей мере подвергаются негативным кризисным явлениям. В условиях выхода из кризиса относительное преимущество имели те регионы, которые использовали современные инструменты управления своим развитием.

Для российской экономики характерны тенденции современного экономического развития, существующие за рубежом: опережающее развитие сферы услуг, рост инновационных разработок в производственной деятельности, развитие сетевых форм организации, появление нетрадиционных направлений социально-экономического роста, глобализация. В этих условиях все более актуальным становится поиск новых путей и решающих факторов регионального развития.

Социально-экономическое развитие региона как функция органов власти региона особенно актуально во время выхода из кризиса. Если региональная администрация активно воздействует на процессы экономического развития, используя имеющиеся местные преимущества и создавая новые, то отрицательные последствия кризиса будут сведены к минимуму. Зачастую региональные органы управления не прогнозируют степень вероятности возникновения критических ситуаций, связанных в том числе с кризисами, имеющими мировой (мировой финансово-экономический кризис) или местный масштаб (климатические катаклизмы и др.), и действуют в экстренной ситуации. Это влечет за собой значительные потери в экономической

составляющей региона, а также может привести к человеческим жертвам. Примером может являться непродуманная политика экстренного оповещения населения в случае наводнений, землетрясений и т.д.

Таким образом, стратегические вопросы социально-экономического развития регионов зачастую отодвигаются на задний план. Преодоление кризиса в любой сфере жизни региона напрямую связано с уровнем экономической активности. Вместе с тем, эффективное развитие регионов не возможно без продуманной инновационной, инвестиционной политики, которая является частью стратегического развития региона.

Уровень социального развития во многом определяется ресурсными возможностями региона, которые также зависят от степени экономического развития и других факторов. Повышая темп и динамику экономического развития, можно осуществить те или иные социальные реформы в жизни местного сообщества и поднять уровень благосостояния населения, который в итоге определяет степень успеха той или иной социально-экономической политики.

Прогрессивное развитие регионов предусматривает единение населения, власти и капитала. Как правило, это единство подразумевает выполнение текущих функций регионального управления: функционирование учреждений образования, медицинского обслуживания, состояние дорог, жилого фонда и инженерной инфраструктуры по снабжению электроэнергией, водой и теплом. При этом вопросы стратегического характера, касающиеся развития региона в долгосрочной перспективе и требующие значительных финансовых вложений, отодвигаются на второй план.

Уровень развития жилищного сектора, дорог, связи, сферы услуг, степень доступности офисных помещений, уровень преступности и обеспеченность

города квалифицированными кадрами и др. определяет имеющийся потенциал развития региона, способность инфраструктуры региона принять новые и расширять имеющиеся виды бизнеса и новых людей, быстро и эффективно приспособиться к новым условиям.

Совсем недавно традиционные факторы, способствующие развитию как стран, так и регионов (богатая ресурсная база, изобилие дешевого труда) все в меньшей степени сказываются на объемах инвестиций, в то же время более действенными стали новые факторы: развитая социальная и экономическая инфраструктура, компетентная государственная бюрократия, сильная образовательная система, устойчивая политика макроэкономического развития.

Эти факторы действуют и в регионах России, поэтому на данном этапе экономического развития страны следует исходить из нового положения, согласно которому главным фактором экономического развития региона, города или других населенных пунктов является творчество людей, человек нового типа, а основным ресурсом становятся человеческие знания [7, с. 520].

Таким образом, перспективы развития регионов в настоящее время определяются как наличием исходных преимуществ (географическое положение, климатические условия, территориальная протяженность, наличие природных ископаемых и др.), так и уровнем управления их социально-экономическим развитием. Существенное место в региональной политике отводится прогрессивным методам управления, в том числе целевым государственным программам, стратегическому управлению и др. Степень развития регионов во многом зависит от кадрового потенциала региональных администраций, их квалификационного уровня, интеллектуального потенциала.

Примечания:

1. Ходов Л.Г. Основы государственной экономической политики. М.: БЕК, 2007. 332 с.
2. Проблемы планового управления в Китае: пер. с кит.: в 2 т. Т. 1 / под общ. ред. Ю.М. Евененова. М.: Прогресс, 2009. 504 с.
3. Жуков Б.М., Осин А.А. Регулятивные функции государства в обеспечении интегральной конкурентоспособности регионов // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 5, Экономика. 2012. №2. С. 78-89.

4. Основы теории переходной экономики: учеб. пособие / под ред. Е.А. Киселевой. Киров: Кировская областная типография, 2006. 320 с.
5. Штульберг Б.М., Котилко В.В. Регулирование территориального развития в условиях рыночной экономики / Российская академия наук. М.: Наука, 2003. 150 с.
6. Федеральная служба государственной статистики. URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения 25.04.2013).
7. Региональная экономика: учебник / под ред. В.И. Видяпина, М.В. Степанова. М.: ИНФРА-М, 2007. 666 с.

References:

1. Khodov L.G. Foundations of the state economic policy. M.: BEK, 2007. 332 pp.
2. Problems of planned management in China: translated from the Chinese: in 2 v. V. 1 / Ed. Yu.M. Evenenov. M.: Progress, 2009. 504 pp.
3. Zhukov B.M., Osin A.A. Regulatory functions of the state in ensuring integrated competitiveness of regions //Bull. of Adyghe State University. Economics. 2012. No. 2. P. 78-89.
4. Bases of the theory of a transitional economy: teaching manual / Ed. E.A. Kiseleva. Kirov: Kirov Regional Printing House, 2006. 320 pp.
5. Shtulberg B.M., Kotilko V.V. Regulation of territorial development in the conditions of the market economy / the Russian Academy of Sciences. M.: Nauka, 2003. 150 pp.
6. Federal State Statistics Service. URL: <http://www.gks.ru> (date of the address 25.04.2013).
7. Regional economy: the textbook / Eds. V.I. Vidyapin , M.V. Stepanov. M.: INFRA-M, 2007. 666 pp.

УДК 330.332.5

ББК 65.263

У 83

О.Н. Устюжина

Кандидат экономических наук, старший преподаватель кафедры права и экономики Елабужского института Казанского (Приволжского) федерального университета, г. Елабуга. Тел.: (917) 289 09 34, e-mail: tsrs-com@mail.ru

С.В. Хусаинова

Кандидат экономических наук, старший преподаватель кафедры права и экономики Елабужского института Казанского (Приволжского) федерального университета, г. Елабуга. Тел.: (917) 392 32 45.

Анализ подходов и методов оценки инвестиционной привлекательности регионов

(Рецензирована)

Аннотация. В статье рассмотрены основные подходы оценки инвестиционной привлекательности регионов, получивших распространение в Российской Федерации; раскрыто содержание основных методов, используемых для диагностики условий и факторов, оказывающих влияние на развитие субъектов РФ, а также проведен их анализ и дана оценка эффективности их применения.

Ключевые слова: инвестиционная привлекательность, социально-экономическое развитие, инвестиционный потенциал, инвестиционный риск.

O.N. Ustyuzhina

Candidate of Economic Sciences, Senior Teacher of the Law and Economy Department, Yelabuga Institute of Kazan (Volga) Federal University, Yelabuga. Ph.: (917) 289 09 34, e-mail: tsrs-com@mail.ru

S.V. Khusainova

Candidate of Economic Sciences, Senior Teacher of the Law and Economy Department, Yelabuga Institute of Kazan (Volga) Federal University, Yelabuga. Ph.: (917) 392 32 45.

Analysis of approaches and methods of the evaluation of investment attractiveness of regions

Abstract. The paper describes the main approaches to the evaluation of the investment attractiveness of the regions of the Russian Federation. The authors disclose the content of the main methods used for the diagnosis of conditions and factors that influence the development of the subjects of the Russian Federation. The analysis is made and the assessment of the efficiency of their application is given.

Keywords: investment attractiveness, social and economic development, investment potential, investment risk.

Создание необходимых и благоприятных условий для интенсификации экономического роста, повышения качества жизни населения является одной из основных задач, которые стоят перед современным обществом. Выполнение поставленной задачи воз-

можно путем привлечения инвестиций в реальный сектор экономики.

Выбирая регион для вложения своих средств, инвестор руководствуется определенными характеристиками, основными из которых являются инвестиционный потенциал и уровень

инвестиционного риска, взаимосвязь которых и определяет инвестиционную привлекательность региона.

Задачами оценки инвестиционной привлекательности региона являются [1]:

— определение социально-экономического развития региона и определение факторов сглаживания различий в социально-экономическом развитии регионов РФ;

— установление влияния инвестиционной привлекательности на приток инвестиций;

— разработка путей, направленных на урегулирование инвестиционной привлекательности регионов на федеральном уровне.

Целью данной статьи является анализ существующих методов оценки инвестиционной привлекательности регионов, получивших распространение в Российской Федерации.

Так как в Российской Федерации законодательством не определены методические указания по оценке инвестиционной привлекательности регионов, в последнее время все чаще появляются различные методики расчета показателей инвестиционной привлекательности.

В рамках существующих подходов к оценке инвестиционной привлекательности регионов можно выделить ряд методов, используемых для диагностики условий и факторов, оказывающих влияние на развитие субъектов РФ. Их также можно подразделить на три большие группы: экономико-математические методы, методы факторного анализа и методы экспертных оценок.

В 60-е годы XX века в области оценки эффективности капиталовложений преобладали экономико-математические методы. В эту группу методов входят: корреляционный и дисперсионный анализы, методы оптимизации и математического моделирования, различные методы межотраслевого баланса. В настоящее время они применяются в комплексе с качественными методами, речь о которых пойдет ниже.

Факторный анализ необходим, когда исследователь имеет дело с огромным числом различного рода показателей. Суть метода заключается в составлении укрупнённых групп, состоящих из близких по смыслу показателей и называемых факторами. Дальнейшая работа ведётся не с каждым показателем в отдельности, а с укрупнённой группой — фактором.

На современном этапе одним из наиболее распространенных является метод экспертных оценок. Главное его преимущество перед другими методами заключается в том, что эксперт может пользоваться не только информацией, основанной на статистических временных показателях, но и нерегулярной, разовой информацией сугубо качественного характера. Оценка инвестиционной привлекательности региона в данном случае предполагает разносторонний анализ, основанный как на установлении количественных характеристик изучаемого субъекта, так и на аргументированных суждениях руководителей и специалистов, знакомых с состоянием дел и перспективами его развития. Принцип метода заключается в следующем: отрасли сначала анализируются пофакторно. Затем по каждому фактору даётся обоснование базы сравнения (выводят среднюю величину, или наиболее часто встречающиеся в совокупности, или срединное значение), её принимают за единицу. Остальные значения также переводят в коэффициенты в зависимости от конкретного значения и нормативной величины. Сложность данного метода анализа заключается в субъективизме установления критериальных нормативных индикаторов и взвешенности весов по факторам.

Методики факторного анализа и экспертных оценок позволяют ранжировать регионы, т.е. объединять регионы в группы со сходными условиями инвестиционной деятельности. В результате этой процедуры составляется рейтинг, то есть ряд линейных объектов, в котором по сочетанию выбранных признаков регионы располагаются на равном расстоянии друг от друга.

Каждому из них присваивается номер (ранг), соответствующий его месту в общем ряду. Наиболее предпочтительному объекту обычно присваивается первый ранг.

На основе рейтингов и абсолютных значений показателей осуществляется группировка регионов. В этом случае каждый регион относится к определенному классу (типу) объектов, выделенному экспертами по сочетанию условий инвестирования и уровню предпочтительности для инвесторов. Таким образом, решение об осуществлении инвестиционной деятельности в том или ином регионе принимается инвестором, исходя из присвоенного региону рейтинга инвестиционной привлекательности. На сегодняшний день это самый популярный способ принятия решения.

Общий анализ существующих методик выявляет присутствие им как положительные, так и отрицательные стороны. Так, например, методика экспертной оценки инвестиционной привлекательности регионов учитывает как количественные показатели, оказывающие воздействие на инвестиционный климат (социальные, политические, экономические, природные и т.д.), так и качественные (отношение к иностранным предпринимателям, степень доверия населения к региональным властям и т.д.), хотя в большинстве случаев предпочтение все же отдается анализу количественных показателей регионального развития. Привлечение к анализу опытных экспертов также определяет достоверность полученных результатов. Ранжирование регионов с помощью факторного метода проводится с использованием статистических данных, отражающих ситуацию в регионе. Кроме того, факторный метод предполагает учет взаимодействия многих факторов-ресурсов, дифференцированный подход к различным уровням экономики, регионам при определении их инвестиционной привлекательности.

В то же время существует целый ряд методологических упущений, которые снижают эффективность разрабо-

танных методов оценки инвестиционной привлекательности. Так, например, величина получаемого ранга не дает возможности определить реальную дистанцию между участниками рейтинга. Это объясняется тем, что регионы, занимающие, предположим, 29-е и 30-е места, могут иметь разницу по величине признака, положенного в основу группировки, и 0,1%, и 10,0%.

Кроме того, оценки экспертов субъективны: на них оказывают влияние разнообразные факторы, что приводит к различиям в интерпретации одних и тех же экономических индикаторов и явлений. Другими словами, в зависимости от присвоенного экспертами весового коэффициента тот или иной блок показателей становится более или менее важным по сравнению с остальными (например, при оценке инвестиционной привлекательности региона показатели эффективности регионального производства будут превалировать над показателями природно-климатических условий). Для получения более точного результата в этом случае могут использоваться два способа: вариант равной компетенции и вариант самооценки, когда эксперт по каждому вопросу оценивает свою компетенцию. Во втором случае выводы и оценки каждого эксперта при составлении коллективного мнения взвешиваются по коэффициентам компетентности, указанным ими [2, с. 42].

Далее, опубликованные обобщенные рейтинги не дают представления о системе статистических индикаторов, на основе которых формируются итоговые оценки. При этом не стоит забывать о том, что одной из наиболее проблематичных сторон региональной статистики является ее весьма невысокая оперативность, объясняемая различными возможностями комитетов государственной статистики тех или иных регионов в сборе, группировке и анализе статистической информации. Это, в свою очередь, не позволяет проверить объективность результатов рейтинга.

Еще одним существенным недостатком имеющихся методик оценки

инвестиционной привлекательности регионов является анализ преимущественно макроэкономических аспектов в ущерб аспектам микроэкономического уровня. Возможно, это является следствием попытки перенять зарубежный опыт оценки инвестиционного климата. Как правило, в зарубежных странах оценку инвестиционного климата осуществляют применительно к макроэкономической сфере. Специальные консалтинговые фирмы, эксперты банков, журналов и газет проводят анализ по разному количеству стран (от 15 до 178) в зависимости от интересов читателей, заказчиков и пр. При этом число учитываемых показателей колеблется от 9 (в журнале «Euromoney») до 381 — в работах Швейцарского института развития менеджмента.

Что касается системы показателей, используемой российскими методиками, то здесь существуют определенные противоречия. С одной стороны, несмотря на то, что методы разработаны с применением положений теории систем, а именно принципов необходимого разнообразия элементов, минимальной достаточности и их целевой ориентации, не дают полного и всестороннего представления о регионе. С другой стороны, в частности для качественного анализа применяются такие трудно оцениваемые факторы, как отношение населения к пересмотру итогов приватизации, отношение работников региональных органов к предпринимательству; отношение населения к отечественным и иностранным предпринимателям; потенциал модернизации транспортной системы, отношение региональных властей к иностранным инвесторам и т.п. На наш взгляд, эти факторы необходимо исключить из анализа.

Большинство существующих методов оценки инвестиционной привлекательности регионов, как нам кажется, недостаточно учитывают существующие отраслевые возможности региона (например, долю отрасли в добавленной стоимости региона, долю инвестиционно-активных предприятий в отрасли и др.). Это приводит к

односторонней оценке инвестиционной привлекательности субъектов РФ, а ведь отраслевая специфика также явно определяет общую инвестиционную привлекательность региона.

Вообще нужно сказать, что анализ подходов и методов оценки инвестиционной привлекательности отраслей представляется несколько затруднительным, поскольку эти методики немногочисленны и стоят особняком [3].

Их исследование позволяет, наряду с их достоинствами (использование количественных и качественных факторов, а также показателей, широко применяемых в статистической практике), выявить определенные проблемы, характерные для этой группы методов. Прежде всего, это проблема формализации или количественного выражения результатов оценки. Любая оценка по определению должна в конечном итоге выражаться в числовом выражении (цифрах, баллах, рейтинговых таблицах и т.п.), иначе смысл этой оценки будет равен нулю. Чтобы проводить сравнение, нужны определенные, количественно выраженные критерии, унифицированные для всех отраслей. При этом следует выбрать такой круг показателей, которые в силу своей специфики будут отличаться либо достаточным постоянством, либо постоянной тенденцией к изменению.

Следует также отметить, что некоторые методики оценки инвестиционной привлекательности отраслей сравнивают регионы по динамике объемов капиталовложений, объясняя это тем, что более высокая капиталоемкость (иначе — платежеспособный спрос на инвестиции) автоматически означает и более высокую инвестиционную привлекательность отрасли (так называемый метод «следования за лидером»). В основе этих методик лежит сопоставление инвестиционной привлекательности территорий без сопоставления конкретных отраслей, предприятия которых расположены на территории последних [4]. Считается, что это несколько неверно, поскольку концентрация в различных территориях производств с неодинаковой капи-

талоемкостью довольно существенно искажает их воздействие на итоговый показатель сравнительной инвестиционной привлекательности. Так, например, территория с преобладанием топливной промышленности всегда будет казаться с этой точки зрения более предпочтительной, чем территория с преобладанием, например, пищевой промышленности, даже если основной частью топливной промышленности будет вполне бесперспективная добыча угля, а основной частью пищевой промышленности — выпуск популярных полуфабрикатов.

Важно учитывать, что отраслевая дифференциация регионов на порядок меньше территориальной. Попытка сравнения регионов в зависимости от динамики объемов капиталовложений неминуемо создаст иллюзию высокой инвестиционной привлекательности неразвитых территорий, даже минимальные разовые капиталовложения в которые, осуществлённые в последнее время, в десятки раз превышают традиционный уровень инвестирования в них. Поэтому, как нам кажется, сопоставление инвестиционной привлекательности отраслей должно опираться только на показатели динамики капиталовложений без учёта показателей их объёма.

Наибольшее распространение получил подход, определяющий инвестиционную привлекательность как совокупность общественно-политических, природно-хозяйственных и психологических характеристик. В данном направлении методика оценки осуществляется с использованием интегрального показателя надёжности инвестиционного климата, для оценки которого формируется определенная совокупность частных показателей. Интегральный показатель (K) оценки состояния инвестиционного климата рассчитывается как средневзвешенная арифметическая величина значений частных показателей:

$$K = \frac{K_1 \cdot l_1 + K_2 \cdot l_2 + \dots + K_n \cdot l_n}{\sum_{i=1}^n l_i}, \quad (1)$$

где K_1, K_2, \dots, K_n — частные показатели, а именно: финансовые, экономические, политические;

l_1, l_2, \dots, l_n — веса частных показателей.

Значение K находится в интервале от 0 до 10. Чем выше значение интегрального показателя надёжности инвестиционного климата, тем более благоприятным климатом обладает регион. Данная методика имеет свои недостатки, заключающиеся в размытости оценки составляющих показателей и неоднозначности оцениваемых характеристик.

В исследованиях экономических журналов (например, в «Эксперте») часто применяется свод по сумме мест, занимаемых регионом по определенным показателям. В результате такого свода определяется рейтинговое место региона в ряду других. Недостатком данной методики для инвестора является отсутствие видимости, насколько один регион привлекательнее другого, насколько один регион рискованнее другого, так как различия между регионами, занимающими последовательные порядковые номера, могут быть как незначительные, так и весьма ощутимые.

Широкое распространение получил подход, оценивающий инвестиционную привлекательность региона на основе инвестиционного потенциала и определенных типов риска: экономического, финансового, политического, социального, экологического, законодательного. В данной методике интегральные показатели потенциала и риска рассчитываются как средневзвешенная сумма показателей частных значений, то есть каждому показателю присваивается свой коэффициент значимости. Первоначально при расчете интегральной характеристики инвестиционного климата региона все статистические показатели объединяются в группы на основе корреляционно-регрессионного анализа. В каждой из групп определяются наиболее главные показатели, рассчитываются средневзвешенные агрегированные показатели. В данном подходе все показатели приводятся к

единому виду: доля в соответствующем виде общегосударственного потенциала и относительное отклонение от среднегосударственного уровня риска.

Полученная в результате расчетов интегральная оценка инвестиционного климата региона способствует определению интегрального рейтинга региона, рассчитываемого как средневзвешенная по экспертным весам величина из значений места региона по составляющим интегрального рейтинга.

Однако в данной методике тоже есть свои недостатки. Использование экспертных оценок может вызвать высокую вероятность неточности оценки инвестиционного климата. Преимуществом данного подхода является всестороннее рассмотрение инвестиционного климата, минимально необходимый набор статистических показателей.

Еще одной, на наш взгляд, более приемлемой методикой оценки инвестиционной привлекательности может быть модель, включающая экономическую и рисковую составляющие:

$$K = k_1 \times (1 - k_2), \quad (2)$$

где K — показатель инвестиционной привлекательности региона, в долях единицы;

k_1 — экономическая составляющая, в долях единицы;

k_2 — рисковая составляющая, в долях единицы.

Экономическая составляющая представляет отношение прибыли от инвестиций к вложенным средствам:

$$k_1 = (ВРП \times (1 - Д) \times (1 - Т) - И) / И, \quad (3)$$

где $ВРП$ — валовой региональный продукт;

$Д$ — дефицит бюджета, в долях единицы (отношение дефицита госбюджета к ВРП);

$Т$ — средняя ставка налогообложения;

$И$ — объем инвестиций.

Рисковая составляющая необходима для оценки уровня совокупного риска, рассчитывается по следующей формуле:

$$k_2 = \frac{\sum_{i=1}^n P_i \times j_i}{\sum_{i=1}^n j_i}, \quad (4)$$

где n — число показателей;

P_i — характеристика показателя;

j_i — вес показателя.

На инвестиционную привлекательность оказывает влияние огромное количество факторов: политический, производственный, ресурсно-сырьевой, инновационный, социальный, кадровый, финансовый, инфраструктурный, инвестиционный, потребительский, экологический. Каждый фактор включает в себя набор показателей, определяющих воздействие на инвестиционную привлекательность.

Данная методика включает в себя как качественные, так и количественные показатели. Совокупность количественных показателей ранжируется по степени влияния на показатель объема инвестиций в основной капитал, характеризующий инвестиционную активность в регионе, выявляются наиболее значимые показатели для расчета рисков составляющей. Взаимосвязь между объемом инвестиций и показателями инвестиционной привлекательности определяется с помощью корреляционного анализа.

Для сравнения количественных и качественных показателей и использования их в дальнейших расчетах применяется балльная шкала, в соответствии с которой каждому показателю на основе метода приоритетов присваивается свой весовой коэффициент.

Регионы в зависимости от значения показателя инвестиционной привлекательности классифицируются следующим образом:

$K > 0,4$ — высокая инвестиционная привлекательность;

$0,2 < K < 0,4$ — инвестиционная привлекательность выше среднего;

$0,1 < K < 0,2$ — средняя инвестиционная привлекательность;

$0,05 < K < 0,1$ — инвестиционная привлекательность ниже среднего;

$K < 0,05$ — низкая инвестиционная привлекательность.

Преимуществом данной методики является возможность сравнения инвестиционной привлекательности разных регионов страны. Ее применение позволяет по усмотрению аналитика

изменять количество рассматриваемых параметров.

Проведенный анализ методик оценки инвестиционной привлекательности показывает, что применяемые в настоящее время подходы не позволяют учесть ряд существенных рисков, а также ряд значимых для отдельных регионов составляющих потенциала, что не позволяет использовать указанные методики в целях формирования рационального комплекса мер регионального воздействия в данной сфере, что не способствует обеспечению устойчивого развития регионов. Таким образом, для обеспечения эффективности регионального менеджмента инвестиционной привлекательности необходимо скорректировать существующие методики с учетом потребностей мезоуровневого управления. Исследование используемых в современной российской практике диагностических систем оценки инвестиционной привлекательности показало, что в наибольшей степени потребностям регионального менеджмента соответствует методика рейтингового агентства «Эксперт РА», на основе которой должна быть сформирована методика определения ин-

вестиционной привлекательности мезоуровневой социально-экономической системы при применении ее в процессах регионального менеджмента.

На основе результатов опроса представителей органов регионального управления, мезоуровневого бизнес-сообщества и домохозяйств, проведенного по методу Дельфи, было выявлено, что структура приоритетных направлений регионального воздействия в части составляющих инвестиционного риска определяется входящими в методику оценки Эксперт РА законодательным, социальным, экономическим, финансовым и управленческим рисками, а также коррупционно-криминальным, организационным и риском устойчивого развития; а в части субпотенциалов инвестиционного потенциала определяется входящими в модифицируемую методику трудовым, потребительским, производственным, финансовым, институциональным, инфраструктурным, а также научно-инновационным, природным и предпринимательским субпотенциалами.

Определенные экспертами удельные веса значимости указанных элементов представлены в таблице 1.

Таблица 1

Элементы модифицированной методики оценки инвестиционной привлекательности региона и удельные веса их значимости

№	Субпотенциал инвестиционного потенциала	Удельный вес значимости	Элемент инвестиционного риска	Удельный вес значимости
1	Трудовой	0,2	Законодательный	0,05
2	Потребительский	0,1	Социальный	0,15
3	Производственный	0,05	Политический	0,1
4	Финансовый	0,05	Экономический	0,1
5	Институциональный	0,1	Финансовый	0,05
6	Научно-инновационный	0,15	Управленческий	0,1
7	Инфраструктурный	0,15	Коррупционно-криминальный	0,15
8	Природный	0,05	Организационный	0,1
9	Предпринимательский	0,15	Устойчивого развития	0,2

Полученные в соответствии с представленным поэлементным составом оценки инвестиционного потенциала и инвестиционного риска региона позволяют определить положение последнего в матрице инвестиционный потен-

циал — инвестиционный риск. При этом сохраняется принятое в методике Эксперт РА ранжирование по уровню инвестиционного потенциала (низкий, незначительный, пониженный, средний, высокий и максимальный уровни)

и инвестиционного риска (экстремальный, высокий, умеренный и минимальный уровни). Данный подход позволит повысить точность определения структуры необходимых для обеспечения роста инвестиционной привлекательности структуры управляющих воздействий регионального менеджмента на освоение мезоуровневого потенциала и снижение рисков развития.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод о том, что необходима разработка нового, комплексного метода оценки инвестиционной привлекательности субъектов РФ, который бы учитывал все факторы и условия регионального развития (чи-

сто территориальные и отраслевые) и основывался бы на уже существующих методах. При этом очень важным моментом здесь является определение инвестиционной привлекательности региона как целостной системы с точки зрения каждого конкретного инвестора. Так как разные инвесторы используют различные пути для достижения своей главной цели — получения конечной прибыли от инвестирования, соответственно и инвестиционную привлекательность региона они будут оценивать именно со своих позиций. То, что является привлекательным для одного инвестора, может стать фактором риска для другого.

Примечания:

1. Бакитжанов А., Филин С. Инвестиционная привлекательность региона: методические подходы и оценка // Инвестиции в России. 2001. №5. С. 12.
2. Хасанов М., Юлдошев С. Методика оценки инвестиционного климата // Инвестиции в России, 2001. №5. С. 42-44.
3. Щиборщ К.В. Оценка инвестиционной привлекательности отрасли // Управление компанией. 2002. №4. С. 66-70.
4. Прохорова В.В. Интенсификация развития региональной экономической системы в условиях нестабильности // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2010. №36. С. 62-65.

References:

1. Bakitzhanov A., Filin S. Investment attractiveness of the region: methodical approaches and assessment // Investments in Russia. 2001. No. 5. P.12.
2. Chasanoff M., Yuldoshev S. Technique of an assessment of investment climate // Investments in Russia, 2001. No. 5. P. 42-44.
3. Shchiborshch K.V. Assessment of investment attractiveness of branch // Management of the Company. 2002 . No. 4. P. 66-70.
4. Prokhorova V.V. Intensification of development of regional economic system in the conditions of instability // National Interests: Priorities and Security. 2010 . No. 36. P. 62-65.

УДК 330
ББК 65.011.1
Х 45

Н.А. Хилько

Кандидат экономических наук, доцент Российского государственного социального университета (филиал в г. Анапа). Тел.: (918) 417 97 01.

Субрегиональные сети в хозяйственном развитии территории (Рецензирована)

Аннотация. В статье раскрыты возможности субрегиональных сетей, которые создаются с участием внешних инвесторов в хозяйственном пространстве региональных экономических систем современной России; оценен потенциал вклада указанных сетей в процесс модернизации региональных экономических систем.

Ключевые слова: сети, субрегиональный уровень, развитие.

N.A. Khilko

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Russian State Social University (Branch in Anapa). Ph.: (918) 417 97 01.

The sub-regional net systems in the economical evolution of territory

Abstract. The paper shows the potential of sub-regional net systems, which may have been created with the participation of outside investors inside the regional economic systems of contemporary Russia. Their potential of contribution to modernization of the regional economic systems is estimated.

Keywords: net systems, sub-regional, evolution.

На современном этапе развития региональной экономики России актуализируется поиск новых направлений ее диверсификации, выхода за пределы узкого и кризисогенного топливно-энергетического коридора, в котором был локализован эволюционный процесс на мезо-уровне организации экономических отношений. В данном отношении востребованы ресурсы двоякого рода:

- ресурсы сервисной экономики;
- ресурсы сетевой организации воспроизводственного процесса.

Оценим некоторые возможности реализации указанных ресурсов во внутренней среде региональных экономических систем современной России. Быстрый рост сферы услуг в региональной экономике России начался в 90-е годы. При этом к основным объективным факторам, обеспечившим инвестиционную и трудовую привлека-

тельность сферы услуг на мезо-уровне, можно отнести следующие:

- для оказания услуг необходим небольшой стартовый капитал (образовательные, консалтинговые, интеллектуальные услуги);

- в силу неразвитости конкуренции даже минимальные вложения в данную сферу позволяют получать сверхприбыль; выделим в данном отношении так называемые продвинутые услуги, к которым в современной России в первую очередь относятся коммуникационные и финансовые услуги [1].

Для сектора продвинутых услуг характерна виртуализация складывающихся здесь отношений, то есть продуцирование многочисленных отраженных форм, которые «заряжены» информацией и обладают определенной информационной емкостью [2]. Известно, что информация является продуктивной и ценной для воспроизводства

только тогда, когда встроена в структуру воспроизводственного процесса и опосредствована товарно-денежными отношениями. Подобное ограничение существенно и для развития виртуальной экономики, поскольку она при всей своей «отстраненности» от материального все равно сводится к реально предоставляемым товарам и услугам, удовлетворяющим различные мотивы и потребности клиентов. Данное положение получило дополнительную верификацию в условиях глобального кризиса 2008–2009 гг., когда избыточное развитие виртуальных финансовых и иных отношений обеспечило формирование рыночного «пузыря».

Выделим ряд характеристик виртуальных услуг, которые обладают высокой значимостью для решения поставленной нами научной задачи:

— виртуальные услуги обеспечивают посредством инновационного влияния изменение состава и структуры воспроизводственного цикла, поскольку научно-исследовательские, опытно-проектные и конструкторские работы органически включаются в данную структуру, обогащая ее содержание;

— для виртуальных услуг характерно сравнительно симметричное распределение информации, свободный доступ к ней и равенство партнеров, прозрачность (открытость и постоянная доступность информации для участников сделки), реальный режим времени осуществления сделок, отсутствие пространственных границ для развития отношений;

— данные услуги способствуют снижению различных видов издержек, в особенности транзакционных, а также обеспечивают рост продуктивности бизнес-процессов, снижение барьеров входа в отрасли для новых субъектов и снижение уровня монополизации существующих рынков, что особенно важно для региональной экономики России [3].

Благодаря быстрому развитию виртуального сектора региональной экономики в ее внутренней среде складывается и получает развитие особый общественно-хозяйственный феномен — виртуальная реальность, то есть отображение и имитация реальных разработок и продуктов

производства в искусственно возникшем кибернетическом пространстве, которое одновременно является и инструментом, и элементом среды.

При этом происходит симуляция экономических отношений, в том числе симуляция институционального строя общества, при которой в содержании виртуализации начинают доминировать совершенно оторванные отношения, замещающие реальные отношения. В последние годы XX века доминирующим процессом стало развитие не информационных, а симулятивных технологий — технологий создания виртуальной реальности. В результате создания нового программного обеспечения, увеличения оперативной памяти и роста скорости обработки данных компьютерами возникают качественно новые формы передачи и обработки данных, достигается все большее сходство между работой на компьютере и управлением реальными объектами, а также сходство коммуникаций в режиме online с общением в реальном пространстве и времени. Данный сектор несет с собой существенные возможности активизации инновационных процессов и, что не менее важно, процессов диверсификации региональной экономики современной России. Немаловажно, что ускоренное развитие продвинутых услуг обеспечило преобразования в региональной экономике Индии, Бразилии, Южной Африки.

Приведем весьма интересную классификацию новых рыночных возможностей развития виртуальных услуг, разработанную в современной литературе:

— стабильные закрытые рынки, характеризующиеся сравнительно стабильным числом участников и товаров-услуг (рынки интернет-провайдинга и телекоммуникационных услуг);

— виртуальные рынки реализации традиционных товаров и услуг, представляющие симбиоз виртуальной и реальной экономики;

— виртуальные биржи, фондовые и финансовые рынки, включенные в мировую электронную систему финансового обмена;

— виртуальные рынки цифрового контента и информационных ресурсов,

образующие сектора специального и массового потребления [4].

Для регионов современной России характерен достаточно острый дефицит рыночных возможностей виртуальной реализации традиционных товаров и услуг, а также виртуальных рынков финансового характера. В основном здесь представлены закрытые рынки, характеризующиеся сравнительно стабильным числом участников и товаров-услуг. Вместе с тем, наибольшие возможности несет с собой развитие виртуальных рынков цифрового контента и информационных ресурсов, обеспечивающих платформу для последующей масштабной модернизации всего регионального воспроизводства.

Раскрывая приведенные выше положения, отметим, что виртуальному способу организации бизнес-пространства соответствуют распределенный тип производства, самоуправление, информационный и в то же время логистический характер кооперации, возрастающая роль заказчика в процессе создания и производства необходимой ему продукции. Указанные ключевые факторы успеха виртуальной организации способствуют эффективной организации производства. В инновационной бизнес-модели изначально заложен новый тип производственного процесса, позволяющий заказчику становится сопроизводителем выпускаемой продукции. Работая в тандеме с потребителем, виртуальная сеть создает уникальный, персонифицированный продукт, который «оплачен» и «куплен» еще до начала своего создания. Использование ключевых компетенций предприятий-партнеров позволяет сохранять технологическое первенство в конкурентной борьбе с другими компаниями на рынке. Утрата кем-либо из членов виртуальной организации своей ключевой компетенции ведет к автоматической замене его на другого рыночного участника, обладающего всеми необходимыми для выполнения заказа качествами [5].

Ресурсы сетевой организации территориального воспроизводства специфичны в том отношении, что они тесно связаны, переплетены с ресурсами сервисной экономики. Приведем необ-

ходимые разъяснения и аргументы. В современной экономике успеха добиваются те организации, которые способны генерировать знания и эффективно обрабатывать информацию; адаптироваться к изменчивой геометрии глобальной экономики; быть достаточно гибкими, чтобы менять свои средства столь же быстро, как под воздействием быстрых культурных, технологических и институциональных изменений меняются цели; вводить инновации, так как инновация стала ключевым оружием конкурентной борьбы. В этом смысле сетевое предприятие составляет материальную основу культуры в новой экономике: оно превращает сигналы в товары, обрабатывая знания [6].

Такому изменению соответствует сдвиг в субъектной структуре отношений. Опорным субъектом индустриальной экономики была корпорация — «вечное существо», которое, как правило, переживало своих исходных инвесторов. Соответственно, индустриальной эпохе была свойственна система правил и принципов, отражающихся во всех сферах деятельности: стандартизация, «изглаживающая различия»; специализация; синхронизация (следование заданному ритму); концентрация (энергии, населения, труда, капиталов, ресурсов); максимизация (результатов труда, объема выпуска, качества, масштабов, прибыли, то есть гигантомания); централизация (власти на уровне компаний, отраслей, и экономики в целом).

Начинающейся эпохе экономики знаний свойственны иные опорные субъекты — гибкие, адаптируемые, способные быстро изменить свою организационную форму, сохраняя присутствие им конкурентные преимущества. Сеть обеспечивает такую гибкость во внутренней среде региона, связывая отдельные хозяйственные единицы в систему оперативного перераспределения ресурсов, дающую возможность сконцентрировать их на решающих направлениях развития. При этом каждый субъект сетевой структуры нацелен на эффективность и устойчивость всей структуры, что превращает отношения собственности в сетевые отношения,

оставляя участникам сети определенные «пучки» элементов присвоения.

Принципиальное отличие экономического пространства производства знаний от обычного рыночного пространства индустриального типа обусловлено, прежде всего, двумя ключевыми моментами: во-первых, в обменах, осуществляемых в рамках дискурса экономики знаний, не содержится требование эквивалентности; во-вторых, обмены, реализуемые в рамках экономического дискурсивного пространства, не сопровождаются сменой собственника интеллектуальных формализованных знаний, на движение которых налагаются конкурентные ограничения. В отличие от рыночно ориентированного продукта, знания дискурсивной сферы не отчуждаются от субъекта их создания и, следовательно, творческого способа присвоения этих знаний. Современные переходные субъекты функционируют в противоречивых условиях, в которых переплетены элементы как дискурсивного, так и рыночного способов организации экономического пространства [7].

Важнейшей формой капитала в устанавливающейся экономике знаний становится интеллектуальный капитал, который также организован противоречивым образом. Раскроем его специфическую двойственность. Интеллектуальный капитал субъекта в условиях перехода к экономике знаний делится на интеллектуальный эндогенный капитал, предназначенный для производства, актуализации и капитализации знаний в сетевых структурах, и интеллектуальный экзогенный капитал, целенаправленно используемый для коммерциализации знаний, приобретающих формализованную и овеществленную форму [8].

Во внутренней среде региона сетевые структуры определенным образом локализованы. При этом они нуждаются в гибких формах локализации, для чего не подходят хорошо известные холдинговые структуры и другие формы связи, опирающиеся на механизмы корпорации. Здесь востребованы кластерная форма, а также специфическая форма функциональной связи — субре-

гиональная подсистема [9]. Приведем необходимые пояснения и аргументы. В исследовании функциональных подсистем субрегионального уровня востребован эвристический потенциал современной теории контрактов, ключевые положения которой правомерно изложить следующим образом. Если субъекты локального рынка длительное время осуществляют совместную деятельность в рамках сети устойчивых и стратегически перспективных для них контрактов (феномен спецификации активов), то на основе регулярного воспроизводства такого взаимодействия неизбежно складывается системное качество отношений участников рынка, организационно воплощенное в некоторой функционально ориентированной подсистеме региональной экономики. Таким образом, каждая из интересующих нас подсистем создается силами рынка.

Но это лишь одна сторона интересующего нас процесса. Территориальные хозяйственные локализации складываются при активном участии соответствующих звеньев мощной вертикали государственной власти. Данное обстоятельство обусловлено способом институционального упорядочивания огромного хозяйственного пространства России. В «экономике пространства» в условиях дефицита человеческого фактора и наличия огромных и во многом не освоенных территорий государство вынуждено принимать на себя бремя общественной ответственности за создание общих условий и организацию воспроизводственного процесса. Поскольку в отечественном хозяйственном пространстве силы взаимодействия по хозяйственной горизонтали, как правило, недостаточны для обеспечения устойчивого развития регионального воспроизводства, акцент в формировании и развитии экономических систем переносится на потенциал института государственной власти; в ход идут ресурсы государственной экономической политики.

Обобщим приведенные выше положения. Исходя из двойственной природы процесса формирования и развития функциональных подсистем во внутренней среде регионов, правомерно

определить в качестве рыночной основы данного процесса силы естественного притяжения (самоорганизации) субъектов локальных рынков, устойчиво связанных друг с другом с помощью контрактов, обладающих ресурсами и факторами хозяйственного процесса. Указанные силы естественного притяжения обладают следующими свойствами:

— во-первых, они действуют лишь в отношении тех участников рынка, которые совместимы, способны к самоорганизации в рыночном пространстве;

— во-вторых, такие силы ориентированы на формирование системного качества взаимодействия субъектов

локальных рынков, то есть в конечном счете на создание в пространстве рынка продуктивных капитальных комбинаций и извлечение соответствующего синергетического эффекта.

Но это лишь одна сторона дела. Поскольку речь идет о сетевой организации экономических отношений, то здесь востребованы силы человеческого капитала, формирование и накопление которых происходит в процессе интенсивного инвестирования в развитие человеческого фактора территории. Такое инвестирование становится доминантой современного этапа развития региональной экономики России.

Примечания:

1. Ермоленко Н.Ю., Лазовская С.В. Ключевые компетенции человеческого фактора как ядро интеграционного механизма в сфере услуг // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 5, Экономика. 2012. №1.

2. Афасижев Т.И., Жуков Б.М., Новиков В.С. Виртуальные отношения в сфере услуг: факторы и перспективы глобализации // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 5, Экономика. 2012. №1. С. 176-187.

3. Новиков В.С., Шершунова Н.В. Исследование детерминант функционирования виртуальной экономики в региональной экономической системе // Экономика и предпринимательство. 2012. №2 (25).

4. Грум-Гржимайло Ю.В. Социально-экономические аспекты информационного общества: иллюзии и реальность // Информационное общество. 2010. №6.

5. Ткачева Е.Н. Методы обеспечения эффективности функционирования виртуальных организаций в информационной экономике. Краснодар: Изд-во ЮИМ, 2010.

6. Кастельс М. Информационная экономика: экономика, общество и культура / под ред. О.И. Шкаратана. М.: ГУ ВШЭ, 2000.

7. Паринов С.И. К теории сетевой экономики. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2002.

8. Мейр К., Дэвис С. Живая организация. М.: Добрая книга, 2007.

9. Чернявская С.А., Ермоленко А.А. Метод формирования продовольственной подсистемы региона // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 5, Экономика. 2011. №3.

References:

1. Ermolenko N.Yu., Lazovskaya S.V. Key competences of a human factor as a core of the integration mechanism in a service sector // Bull. of the Adyghe State University. Economics. 2012. No. 1.

2. Afasizhev T.I. Zhukov B.M., Novikov V.S. The virtual relations in a service sector: factors and globalization prospects // Bull. of the Adyghe State University. Economics. 2012. No. 1. P. 176-187.

3. Novikov V.S., Shershunova N.V. Research of determinants of functioning of virtual economy in regional economic system // Economy and Business. 2012. No. 2 (25).

4. Grum Grzhimaylo Yu.V. Social-economic aspects of information society: illusions and reality // Information Society. 2010. No. 6.

5. Tkacheva E.N. Methods of ensuring efficiency of functioning of the virtual organizations in information economy. Krasnodar: YuIM Publishing House, 2010.

6. Kastels M. Information economy: economy, society and culture / Ed. O.I. Shkaratan. M.: GU VShE, 2000.

7. Parinov S.I. On the theory of network economy. Novosibirsk: IEOPP of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 2002.

8. Meir K., Davies S. Live organization. M.: Dobraya Kniga, 2007.

9. Chernyavskaya S.A., Ermolenko A.A. Method of formation of a food subsystem of the region // Bull. of the Adyghe State University. Economics. 2011. No. 3.

УДК 338.45:69

ББК 65.31

X 98

Р.Д. Хунагов

Доктор социологических наук, профессор, ректор Адыгейского государственного университета, г. Майкоп. Тел.: (8772) 57 02 73.

Р.А. Попов

Доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой технологии, организации, экономики строительства и управления недвижимостью Кубанского государственного технологического университета, г. Краснодар. E-mail: popovra51@gmail.com.

Информатизация пространства и новые подходы к развитию и застройке территорий (Рецензирована)

Аннотация. В статье анализируются современные процессы в развитии и размещении производительных сил, застройке городов и сельских поселений. Показано, что в условиях информатизации пространства и резких научно-технических сдвигов в промышленных технологиях появляется возможность рассредоточения производств и соответствующего распределения населения по компактным новому урбанизированного типа; развивается идея полицентрической модели развития крупных городов и регионов; обосновывается тезис о возрастании значимости процессного подхода в соответствующем региональном менеджменте.

Ключевые слова: регион, строительство, городские полицентры, производительные силы, социум, управление развитием территории.

R.D. Khunagov

Doctor of Sociology, Professor, Rector of Adyghe State University, Maikop. Ph.: (8772) 57 02 73.

R.A. Popov

Doctor of Economics, Professor, Head of Department of Technology, Organization and Economics of Construction and Management of Real Estate, Kuban State University of Technology, Krasnodar. E-mail: popovra51@gmail.com.

Informatization of space and new approaches to development and erecting buildings on territories

Abstract. An analysis is made of modern processes in development and placement of productive forces and building of the cities and rural settlements. It is shown that in the conditions of informatization of space and sharp scientific and technical shifts, a possibility of dispersal of productions and the corresponding distribution of the population by compactness of the new urbanized type appears in industrial technologies. The idea is developed of multi-centric model of development of the large cities and regions. The thesis about increasing importance of process approach in the corresponding regional management is proved.

Keywords: region, construction, city multi-centers, productive forces, society, management of territory development.

Результатом рыночных реформ городов и сельских поселений. Раскрытие экономических свобод способствует росту деловой активности в хозяйствах жизни, в том числе в застройке заживотворении. Наряду с этим возрастает

необходимость внесения более активно-го регулирующего начала в размещение производительных сил на территориях; последнее обстоятельство продиктовано задачами повышения эффективности территориального разделения труда, обеспечения эффективной трудозанятости местного населения, развития социума и экологическими аспектами.

Характерная для современного этапа общественного развития высокая изменчивость условий производства, обусловленная резкими научно-техническими сдвигами в промышленных и аграрных технологиях, вынуждает к систематическим корректировкам ранее намеченных программ и планов хозяйственной деятельности, размещения и развития производительных сил, застройки территории городов и сельских поселений. Скачок в развитии информационных технологий подталкивает к превращению городов из индустриальных территорий в логистические центры с зоной непосредственного хозяйствования в радиусе 100-150 километров. Магистральные автотранспортные коридоры обретают черты планировочных осей в размещении хозяйствующих субъектов как малого предпринимательства, так и крупной промышленности. Развитие автодорог и совершенствование автомобилей увеличивают радиус суточной миграции работников, побуждая к возникновению на значительном удалении от города компактных поселений городского типа, посредством чего может комплексно решаться экологическая проблема развития производительных сил и социума. Это вызывает необходимость придания планам районных планировок и генеральным планам городов и поселений повышенной флексибельности, восприимчивости к корректировкам согласно меняющейся ситуации в экономике и технике.

Можно поддержать тезис о том, что «в условиях нарастающей конкуренции и стремительности изменений внутренней и внешней среды в соотношении «управление функционированием — управление развитием» должно доминировать второе» [1, с. 186-187]. При

этом «стратегирование» становится необходимым элементом управления как реакция на все возрастающую скорость происходящих в экономике и обществе перемен. [2, с. 4-5]. В данном ракурсе под «стратегированием» представляется возможным понимать систематическую работу региональных управленческих органов по мониторингу социально-экономического функционирования территорий и разработке корректирующих программ их целенаправленного развития с учетом быстро меняющейся ситуации, а именно: разработку предложений по реконструкции и строительству новых производственных и социальных объектов, формированию экономических механизмов мотивации бизнеса к осуществлению таких программ, вовлечению финансовых ресурсов населения и других потенциальных инвесторов к их финансированию.

Сообразно с новыми императивами, развитие территориально-хозяйственных систем должно происходить в плавных формах планируемых изменений, без коллапсов и потрясений. Повышенное в последние годы внимание мирового сообщества к проблемам устойчивого развития находит в российском региональном и муниципальном менеджменте отражение в активизации территориальной управленческой практики в направлении поступательного развития соответствующих территориально локализованных социально-экономических систем [3].

В ракурсе выше названной проблемы актуализируется задача оптимального распределения производственных систем по территории регионов согласно исторически сложившемуся расселению и наличию энергетических и материальных ресурсов для производственной деятельности (услуг). В этом контексте вряд ли можно считать целесообразным, особенно применительно к современной ситуации, строительство так называемых «соцгородов»; многие из таких поселений сегодня трудно считать благополучными.

Происходящий под влиянием организационно-экономических и технологических сдвигов процесс дивер-

сификации производства, развития предпринимательства существенным образом затрагивает использование трудового потенциала соответствующих территорий как базового элемента производственных систем. Поэтому эффективное использование материальных и трудовых ресурсов территориального хозяйствования является одним из наиболее значимых аспектов современного регионального управления, условием сбалансированного развития регионов и поселений.

Наблюдаемые в настоящее время перегруппировка промышленных предприятий, их технологическое раздробление на отдельные отраслевые блоки, миграция рабочей силы формируют в регионах новую пространственную структуру производительных сил. Оптимальное сочетание этих процессов может способствовать экономическому и социальному развитию территорий. Такие изменения обостряют проблему социально-экономического балансирования, строительства новых и реконструкции действующих производственных мощностей и объектов социальной инфраструктуры.

Протекающая под воздействием научно-технического прогресса механизация и автоматизация производства приводит, с одной стороны, к сокращению использования рабочей силы, с другой, — к развитию коммуникаций, увеличению радиуса и повышению интенсивности суточных миграций работников; происходит социально-экономическое и производственно-технологическое сближение производственных систем, объединение их в территориально-хозяйственные комплексы нового типа. Это расширяет сферу деятельности крупного, среднего и малого бизнеса, благоприятствует их взаимодействию на путях более полного использования трудовых и материальных ресурсов и извлечения соответствующего синергетического эффекта.

Глобализация информационного пространства вносит деформации в экономическую практику и социальное управление территориальных систем, преодолевая международные и меж-

региональные информационные и поведенческие границы. Приоритетами общественного внимания становятся вопросы экологии, интеллектуализированной трудозанятости, комфортности жизни. В области развития городов и сельских поселений актуализируется проблема рационального природопользования, гармоничного сочетания социальных, экономических и экологических аспектов территориального хозяйствования. Это находит отражение в экономической категории «устойчивое развитие территории». Можно согласиться с тезисом о том, что «путь устойчивого развития предполагает принципиальное разграничение понятий «рост» и «развитие»...; в отличие от процесса роста развитие основывается на качественных преобразованиях, повышении эффективности производства при постоянном или уменьшающемся количестве используемых ресурсов» [4, с. 109]. Это придает новые акценты разработке и реализации планов районных планировок, генеральных планов городов и сельских поселений: внимание их разработчиков перемещается к идее формирования «полицентров». Под последними следует понимать как множество локальных социально-экономических комплексов в границах крупных городов, так и распределенные по территории региона социально-экономические целостности активного типа с точки зрения производственной функции в территориальном разделении труда в виде сельских населенных пунктов (поселков, станиц, аулов и др.).

Для современной экономической ситуации в городах характерно то, что многие крупные промышленные предприятия сильно сжались либо прекратили существование. На их место пришли многочисленные малые предприятия, финансовые, консалтинговые и другие коммерческие и иные организации и учреждения; они и заполнили образовавшийся вакуум мест приложения труда. Данное обстоятельство снимает необходимость организованного перемещения больших масс работников к заводам и фабрикам из «спальных

районов». Поскольку основная часть трудоспособного населения, особенно женщины, предпочитает устраиваться на работу вблизи жилья, это выступает мотивом к формированию городских «полицентров», в каждом из которых сосредотачиваются основные объекты обеспечения жизнедеятельности и приложения труда проживающего населения.

В последние годы в отечественной градостроительной практике получило распространение малоэтажное строительство в периферийных зонах городской территории. «Главные причины, побуждающие население к переезду в пригороды: высокая стоимость хорошей недвижимости в городе, перенаселенность, моральный износ жилья, ухудшение экологической обстановки, а в ряде ситуаций и обострение социальных проблем» [4, с. 118]. Тем не менее, важно учитывать высокую дороговизну такого строительства для муниципалитетов в коммуникационном, культурно-бытовом отношении, а также проблемность в трудоустройстве соответствующего населения. Поскольку полагаться лишь на «рассеивающий эффект автомобильного транспорта» в решении выше названной проблемы вряд ли можно, постольку строительство подобных «урбанизированных деревень» следует осуществлять лишь при условии корректировок генеральных планов городов с проработкой компенсаторов возникающих нагрузок на жилищно-коммунальное хозяйство. В этом случае в числе первостепенных должна стоять задача организации сообществ таких поселений с деловыми и промышленными зонами города посредством скоростного пассажирского транспорта.

В отличие от специальной промзоны «в полицентрическом городе» значительная часть рабочих мест может быть сосредоточена в пригородных зонах — так называемых «субцентрах». Следует заметить, что распределению промышленных производств между городскими полицентрами и субцентрами способствует и общий процесс диверсификации российской промышленности,

возникновения компактных, экологически безопасных производств нового технологического типа. Важно и то, что периферийные селитебные зоны мегаполисов могут использовать в качестве мест приложения труда прилегающие к городской черте агропроизводства, особенно тепличного хозяйства, птицеводства, животноводства.

Перевод жилищного строительства на коммерческую основу, сокращение объемов ввода социального жилья на средства местных бюджетов придают процессу застройки городских и сельских территорий новое организационно-экономическое качество. В этих условиях фронтальная застройка жилых массивов коммерческими организациями становится возможной или на бывших промышленных территориях, или на новых землях. Во втором случае приходится затрачивать значительные средства на создание инженерной инфраструктуры. Становится экономически привлекательной (выгодной для инвестора) «точечная застройка» — возведение жилых и гражданских зданий повышенной этажности на земельных участках в центральной части города (поселка) после сноса (и соответствующей компенсации) ветхих и малоценных строений. В то же время важно учитывать и то обстоятельство, что при создании новых жилых массивов становится возможным комплексное решение проблем ЖКХ, а при точечной застройке данная задача решается лишь фрагментарно. Нередко это приводит к той ситуации, когда отдельный многоэтажный жилой дом введен, а подъехать к нему не на чем. И в первом, и во втором случае имеет место обострение транспортной проблемы: в первом случае — главным образом по линии межрайонных сообщений, а во втором — внутрирайонных дорог.

Перегруппировка промышленных предприятий, их технологическое раздробление на отдельные отраслевые подсистемы, с одной стороны, и миграция рабочей силы — с другой, создают новую пространственную структуру производительных сил регионов. Рациональное сочетание указанных

процессов может способствовать экономическому и социальному развитию территорий. Такие процессы формируют перед региональной элитой задачу совершенствования территориального хозяйства на путях оптимального использования трудового фактора как основы сбалансированного поступательного развития территорий. Новая социально-экономическая ситуация побуждает к поиску более совершенных организационных форм. В этом ракурсе представляет управленческий интерес создание в регионах структурных образований субрегионального уровня. Можно согласиться с тем мнением, что формирование субрегиональных экономических систем открывает дополнительные возможности для развития территорий в части структуризации внутренней среды территориальной экономической системы, формирования эффективных механизмов взаимодействия между региональной экономической системой и системами местного хозяйства [5, с. 115]. В этой связи представляется целесообразной разработка региональных программ развития производительных сил с учетом формирования перспективных субрегиональных локалитетов временного либо постоянного типа в зависимости от общей региональной стратегии и тактических задач.

Одним из ограничительных параметров развития производительных сил выступает энергетическая обеспеченность территорий, наличие устойчивых источников электрической и тепловой энергии. В такой постановке обостряется проблема энергетической безопасности, которая на региональном уровне связана с обстоятельствами, обусловленными спецификой состояния энергетической системы конкретного субъекта Федерации [6, с. 46]. В ракурсе поднятой проблемы для Краснодарского края и Республики Адыгея модернизация энергетики имеет стратегическое значение. Актуализируется задача активизации работ по использованию термальных водных ресурсов, которые имеют промышленное значение для современного состояния техни-

ки и технологий в значительной части предгорных районов обоих регионов. Вовлечение в хозяйственный оборот термальных водных ресурсов может существенным образом повлиять на распределение производительных сил и поселений, повысить деловую активность и соответственно — уровень обустроенности населения, особенно в отдаленных от административных центров районах.

В условиях высоко изменчивой среды оказываются эффективными лишь те хозяйственные структуры, которые обладают повышенной гибкостью, способностью быстро подстраиваться под изменения рыночной конъюнктуры. Это расширяет процессную составляющую как в корпоративном менеджменте, так и на уровне регионов и муниципальных образований. «Вертикаль экономической власти в её прежнем формате уступает свои доминирующие позиции гораздо более сложной сетевой иерархии. В данном контексте современная экономика — уже не экономика холдингов, а экономика сетей (сетевая экономика)» [7, с. 71]. Из производственных отраслей к сетевым структурам наиболее предрасположены организации, действующие в сфере капитального строительства, особенно в жилищно-гражданской сфере. Сетевое построение строительных организаций позволяет быстро и эффективно стягивать ресурсы в места крупных строек и так же быстро и безболезненно осуществлять рассредоточение строительных мощностей на этапе завершения строек. Это соответствующим образом формирует требования к конфигурации региональных и муниципальных структур, призванных обеспечивать целенаправленное наращивание производительных сил, развитие социума. Актуализируется задача формирования региональных и субрегиональных сетевых структур, склонных к взаимодействию с региональными и местными органами в строительной практике. Названные выше обстоятельства выдвигают процессный подход к управлению развитием и застройкой территорий в число базовых.

Примечания:

1. Митрофанова И.В. Стратегическое программирование развития макрорегиона. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2009.
2. Стратегическое управление: регион, город, предприятие/ Под ред. Д.С. Львова, А.Г. Гранберга, А.П. Егоршина. М.: Экономика, 2004.
3. Жуков Б.М., Булатова О.В. Формирование системы эффективного управления субрегиональными экономическими локалитетами // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 5, Экономика. 2011. №3. С. 59-66.
4. Малоян Г.А. Основы градостроительства: учеб. пособие. М.: Издательство Ассоциации строительных вузов, 2008.
5. Прохорова В.В. Субрегиональные ресурсы и инструменты развития территориальных экономических систем современной России. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2010.
6. Захарова Е.Н., Гурнович Т.Г., Долгиев М.М. Концептуальные основы обеспечения энергетической безопасности региона в условиях формирования инновационной экономики // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 5, Экономика. 2012. Вып. 1 (96).
7. Керашев А.А., Мокрушин А.А. Стратегическое управление взаимодействием вертикально интегрированных корпораций и региональных экономических систем Юга России // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 5, Экономика. 2011. Вып. 3 (83).

References:

1. Mitrofanova I.V. Strategic programming of development of the macroregion. Rostov-on-Don: Publishing House of YuNTs Russian Academy of Sciences, 2009.
2. Strategic management: the region, the city, the enterprise / Eds. D.S. Lvov, A.G. Granberg, A.P. Egorshin. M.: Economy, 2004.
3. Zhukov B.M., Bulatova O.V. Formation of system of effective management by subregional economic localities // Bull. of the Adyghe State University. Economics, 2011. No. 3. P. 59-66.
4. Maloyan G.A. Town planning bases: teaching manual. M.: Publishing House of Association of Construction Higher Education Institutions, 2008.
5. Prokhorova V.V. Subregional resources and instruments of development of territorial economic systems of modern Russia. M.: Moscow University Publishing House, 2010.
6. Zakharova E.N., Gurnovich T.G., Dolgiyev M.M. Conceptual bases of ensuring energy security of the region in the conditions of formation of innovative economy // Bull. of the Adyghe State University. Economics. 2012 . No.. 1 (96).
7. Kerashev A.A., Mokrushin A.A. Strategic management of interaction of vertically integrated corporations and regional economic systems in the South of Russia // Bull. of the Adyghe State University. Economics. 2011 . No. 3 (83).

ЭКОНОМИКА АПК

ECONOMY OF AGRARIAN- INDUSTRIAL COMPLEX

УДК 338.43
ББК 65.32-18
Б 52

Статья
не сверстана

Ю.И. Бершицкий

Доктор технических наук, кандидат экономических наук, профессор, заведующий кафедрой организации производства и инновационной деятельности Кубанского государственного аграрного университета, г. Краснодар. Тел.: (861) 221 56 64, e-mail: bershkubgau@mail.ru

К.Э. Тюпаков

Кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и внешнеэкономической деятельности Кубанского государственного аграрного университета, г. Краснодар. E-mail: tupakov@yandex.ru

Н.Р. Сайфетдинова

Кандидат экономических наук, доцент кафедры организации производства и инновационной деятельности Кубанского государственного аграрного университета, г. Краснодар. Тел.: (861) 221 59 90, e-mail: nsarifetdinova@mail.ru

Методика оценки трансфертной эффективности мер государственной поддержки агропроизводителей

(Рецензирована)

Аннотация. В статье приводится обоснование методического подхода к оценке эффективности отдельных мер государственной поддержки агропроизводителей с учетом их влияния на аллокативные решения относительно структуры и объемов задействованных в производстве ресурсов. В качестве инструментария использовались положения стандартной микроэкономической модели минимизации фирмой затрат, ориентированной на затраты функция расстояния, функции спроса на факторы производства. Влияние определенного вида субсидий на результативность производственной деятельности рассматривалось через воздействие цен на ресурсы при условии, что последние определены с учетом величины предоставляемой предприятию государственной поддержки. Дан авторский взгляд по поводу определения величины цен на ресурсы аграрных производителей.

Ключевые слова: государственная поддержка агропроизводителей, оценка трансфертной эффективности, стохастическая функция расстояния, функции спроса на факторы производства.

Yu.I. Bershitsky

Doctor of Engineering, Candidate of Economic Sciences, Professor, Head of Department of the Organization of Production and Innovative Activity, Kuban State Agrarian University, Krasnodar. Ph.: (861) 221 56 64, e-mail: bershkubgau@mail.ru

К.Е. Тюпаков

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of Department of Economy and Foreign Economic Activity, Kuban State Agrarian University, Krasnodar. E-mail: tupakov@yandex.ru

N.R. Sayfetdinova

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of Department of the Organization of Production and Innovative Activity, Kuban State Agrarian University, Krasnodar. Ph.: (861) 221 59 90, e-mail:nsaifetdinova@mail.ru

Technique of an assessment of transfer efficiency of measures to support agrarians by the state

Abstract. The paper explains the rationale of the methodical approach to evaluate the effectiveness of individual measures of the state support of agricultural producers with regard to their impact on the allocative decisions about the structure and volume of resources involved in the production. The provisions of the standard microeconomic model to minimize costs by cost-oriented distance function and the demand function for factors of production were used as a tool. The influence of certain types of subsidies on the effectiveness of industrial activity was determined through the impact of resource prices, provided that the latter are defined taking into account the amount of the state support provided to the company. The authors give their opinion on the determination of the prices for raw of agricultural producers.

Keywords: the state support of agricultural producers, a transfer efficiency rating, stochastic distance function, the demand function for factors of production.

Результативность инструментов государственного регулирования сельского хозяйства должна оцениваться по их воздействию на эффективность размещения и использования производственных ресурсов. Субсидии являются трансфертом, предоставляемым экономическому субъекту в целях финансирования его расходных обязательств [1]. Субсидии как источник капитала в своем обороте в сфере производства принимают форму тех средств и факторов производства, на финансирование которых они были предоставлены. Так как отдельные факторы производства имеют различную трансформационную способность к выпуску аграрной продукции, то эффективность государственной поддержки необходимо отслеживать по вкладу инициированных таким воздействием структурных изменений в производственных ресурсах в рост выпуска аграрной продукции. Структура предоставляемых субсидий среди аграрных производителей существенно различается, поэтому отслеживать, как влияют субсидии на рост производства, агрегируя их в одну величину, на наш взгляд, некорректно. Отдача субсидий определяется их ресурсной направленностью, технологическими и производственными возможностями сельскохозяйственных предприятий.

Нами разработана методика оценки влияния отдельных мер государственной поддержки на уровень производи-

тельности общих факторов производства посредством инициированных бюджетными трансфертами структурных изменений в производственных ресурсах [2]. Такой подход на основе аппарата производственных функций предоставляет возможность определения инструментов государственной поддержки, обеспечивающих максимальную трансфертную эффективность, под которой понимается отношение чистого прироста дохода сельскохозяйственных производителей к приросту общественных затрат, возлагаемых на налогоплательщиков и потребителей.

Вместе с тем заметим, что сложившиеся подходы [2, 3, 4] и др. рассматривают количество ресурсов и общие суммы получаемых субсидий в качестве экзогенных переменных, регрессоров, не принимая во внимание эндогенность этих переменных. Методики оставляют за границами своего рассмотрения формирование механизма влияния субсидий на аллокационные решения относительно ресурсов и видов производимой продукции. Например, субсидирование долгосрочного кредитования позволяет высвободить значительное количество затрат труда из отрасли и перенаправить денежные ресурсы на использование материалов и основного капитала, поэтому оценочные результаты, полученные с помощью обсуждаемых методик, вероятнее всего, окажутся неточными.

К тому же использование производственной функции как инструмента разложения общей продуктивности факторов производства на составляющие требует агрегации валовой продукции по подотраслям сельского хозяйства в один выпуск. Это может послужить причиной смещения оценок влияния интересующих нас факторов на изменения производственной результативности, так как аграрные подотрасли существенно отличаются в технологическом аспекте.

Преодолеть вышеуказанные затруднения возможно, используя положения стандартной микроэкономической модели минимизации фирмой затрат, концепция которой рассматривалась во многих исследованиях [5, 6, 7].

Представим разложение общей продуктивности факторов производства для технологии, множественной по видам выпусков [7], впервые осуществленное П. Бауэром, экономистом Фелдери:

$$TFP = \sum_{k=1}^m r_k \dot{y}_k - \sum_{j=1}^n s_j \dot{x}_j = \left[1 - \sum_{k=1}^m \epsilon_k^{cy}(y, w, t) \right] \dots$$

где $C(y, w, t)$ — строго определенная затратная граничная функция: $x = (x_1, \dots, x_n) \in \mathbb{R}_+^n$ $y = (y_1, \dots, y_m) \in \mathbb{R}_+^m$ — вектор ресурсов, используемый для производства продукции $v = (v_1, \dots, v_m) \in \mathbb{R}_+^m$ $w = (w_1, \dots, w_n) \in \mathbb{R}_+^n$ — вектор цен используемых ресурсов; $r_k = \frac{p_k y_k}{R}$ — удельный вес k -го выпуска в общем объеме производства; $s_j = \frac{w_j x_j}{C}$ — удельный вес j -го вида затрат в общих затратах; $\epsilon_k^{cy}(y, w, t) = \frac{d \ln C(y, w, t)}{d \ln v_k}$ — эластичность затратной функции по ресурсу k ; $s_j(Y, w, t) = \frac{d \ln C(y, w, t)}{d \ln x_j}$ — эластичность затратной функции по ресурсу j ; $\dot{C}(y, w, t) = \frac{d \ln C(y, w, t)}{dt}$ — уровень сокращения в общих затратах посредством технологического развития; $\dot{T}(y, x, t)$ — индекс производительности факторов производства; $\dot{A}(y, w, x, t)$ — индекс аллокативной эффективности.

– изменение между периодами в уровне технической и аллокативной эффективности соответственно.

Первый терм в правой части уравнения оценивает вклад в общее развитие экономии ресурсов от изменения в масштабных характеристиках отрасли, второй терм отражает влияние технического прогресса, выраженного через сокращение в издержках благодаря технологическому развитию. Следующие две составляющие разложения нацелены на определение изменения во времени уровня аллокативной и технической эффективности. Последний терм отражает эффект изменения в уровне цен на ресурсы между периодами и присутствия нерациональности в аллокации ресурсов в производственной программе. В случае же аллокативной эффективности этот терм будет равен нулю. В обратном случае наблюдаемый удельный вес определенного вида ресурса в общих затратах не равен эффективной доле $\sum_{j=1}^n \frac{w_j x_j}{C} \dot{x}_j$ в агрегированных затратах $\sum_{j=1}^n \frac{w_j x_j}{C} \dot{x}_j$. Изменения затрат в качестве весов будут использоваться доли факторов, отличные от тех, что минимизируют общие издержки. Последний терм в уравнении (1) как раз направлен на корректировку любого сдвига по вышеуказанной причине при оценке TFP на основе Дивизионального индекса. Так, вследствие недоиспользования ресурса ($s_j < s_j^*$) и роста цены между периодами $w_j > w_j^*$ оцененный вклад роста объемов использования ресурсов (экстенсивный фактор) будет занижен, а рост производительности факторов производства переоценен. При снижении цены j -го ресурса, например, через интересующий нас механизм субсидирования производства продукции и снижения стоимости привлечения заемного капитала путем возмещения части процентной ставки по кредиту в условиях недоиспользования этого фактора производства рост оцененного TFP будет ниже действительного.

Форму государственной поддержки можно считать эффективной, только если ее применение ведет к повыше-

нию общей продуктивности факторов производства, то есть рубль, переданный в производство, трансформируется в большую величину чистого дохода производителя. Поэтому нашей задачей является оценка влияния изменений в объемах субсидий на величину роста общей продуктивности факторов производства посредством различных эффектов, представленных в разложении (1).

Для построения затратной граничной функции исследователю необходимо знать цены на ресурсы каждого производителя, а в сельском хозяйстве такая информация обычно доступна только на региональном, страновом уровнях агрегации. Преодолеть указанное ограничение и осуществить представленное уравнением (1) разложение общей продуктивности факторов производства можно с использованием прямого представления производственной технологии на основе ориентированной на затраты функция расстояния, строящейся с учетом допущения, что производитель фокусируется на сокращении затрат при производстве определенных видов выпусков. Такая возможность обеспечена свойством двойственности между двумя вышеуказанными функциональными представлениями отраслевой технологии. Значение функции расстояния отражает величину скаляра, на который возможно радиально уменьшить все ресурсы в производственном процессе, сохранив при этом способность производства достигнутых уровней выпусков. Сокращения затрат позволит производителю «оперировать» на технологической отраслевой границе.

Определим стохастическую граничную функцию $D_{input}(x_n, y_m, t) = \max_{\theta: \frac{x_n}{\theta} \in L(y)}$ (2)

где $L(y)$ представляет множество всех векторов затрат, $x \in \mathbb{R}_+^n$, которое может произвести вектор $y \in \mathbb{R}_+^m$, то есть $L(y) = \{x: L(y), x \text{ может произвести } y\}$.

Функция (2) является одно-

полной в затратах, а именно. $D_{input}(\alpha x_n, y_m, t) = \alpha D_{input}(x_n, y_m, t) \forall \alpha > 0$ для всех $x \in \mathbb{R}_+^n$, поэтому выберем произвольно один вид затрат и примем величину, обратную количеству этого вида затрат, в качестве дефляционного вектора α . Рек $\ln(x_1) = \ln D_{input}\left(\frac{x_n}{x_1}, y_m, t\right) - \ln D_{input}(x_n, y_m, t)$. (3)

Величина, обратная функции расстояния $D_{input}(x_n, y_m, t)$, может быть рассмотрена как коэффициент использования ресурсов по Дебре [8]. Таким образом, член $\ln D_{input}(x_n, y_m, t)$ представляет собой случайную величину $iid^{N^+ \times N^+}(\mu_i, \sigma_i^2)$, которую можно интерпретировать в духе традиционного стохастического граничного анализа как возмущающий член u_i , равный $-\ln TE$, где TE – уровень технической эффективности.

В качестве одной из наиболее частот

(4)

Принятие допущения об осуществлении производителями выбора структуры ресурсов по критерию минимизации затрат имеет следствием возможность вариации наблюдаемого выпуска по мере изменений цен на факторы. Заметим, что цены на ресурсы производства должны включать в себя не только цену производителя, маркетинговую наценку, но и затраты на привлечение денежных ресурсов в производственный процесс, адресные бюджетные трансферты. Субсидии изменяют соотношения цен на факторы производства, влияя тем самым на принимаемые организацией решения. В такой постановке причинно-следственных связей функционирования экономических систем размеры и структура факторов производства, а

также валовой выпуск являются величинами эндогенными, определенными целевыми установками производителя, технологическими ограничениями и внешними ценовыми условиями.

Мы покажем влияние субсидий на производственные результаты через воздействие ценовых условий на решения аграриев. Влияние субсидий будет тождественно воздействию цен на ресурсы при условии, что последние определены с учетом величины предоставляемой государственной поддержки. Такая спецификация имеет преимущество, так как прогнозный эффект влияния бюджетных трансфертов может быть подсчитан даже в случае отсутствия субсидирования по определенному ресурсному направлению [9].

Задача производителя заключается в распределении ограниченных денежных средств среди переменных факторов производства таким образом, чтобы

$$\min_{L, I, M} TC = W_l \times L + W_k \times I + W_m \times M + \delta_k \times K_{t-1} \quad T(x, z, y, t) = 0$$

(5)

В качестве ограничения задачи в неявном виде выступает функция, характеризующая отраслевые производственные возможности. В многопродуктовом сельскохозяйственном производстве функция состояния $T(x, z, y, t) = 0$ позволяет функционально выразить технологические отраслевые особенности.

Предположим, что в краткосрочном периоде земельные угодья, находящиеся в распоряжении хозяйства, фиксированы на определенном уровне. Далее, представим аккумулированный производителем в текущем году капитал как величину, определяемую капиталом $t-1$ периода, амортизационной политикой и валовыми инвестициями этого периода:

$$K_t = I_t + (1 - \delta_k) \times K_{t-1}$$

(6)

Очевидно, что капитал прошлого периода является фиксированным производственным фактором, а объектом внутриорганизационного регулирования

в краткосрочный период является величина инвестиций во внеоборотные активы, зависящая от цен на ресурсы, а также от величины постоянных факторов производства.

Применяя метод множителей Лангранжа к задаче минимизации издержек, выраженной системой (5), можно записать спрос на факторы производства как систему следующих одновременных уравнений [7, 10, 11, 12]:

$$Y = X\beta + \varepsilon$$

$$IIT \times IIT \times \left(\sum_{j=1}^J k_j \right) \left(\sum_{j=1}^J k_j \right) \times IIT \times 1$$

где I — количество ресурсов в производственном процессе, равное количеству уравнений системы, $I I$ — число сельскохозяйственных производителей в выборке; $T T$ — временной период исследования, $Y Y$ — набор зависимых векторов всех уравнений; X — набор матриц независимых переменных всех уравнений; $\varepsilon \varepsilon$ — набор векторов ошибок всех уравнений; β — набор векторов параметров всех уравнений.

Исходные допущения модели:

$$E(\varepsilon_{itn} \varepsilon_{jcn} | X_{11}, \dots, X_{1c}, \dots, X_{n1}, \dots, X_{nc}) = 0$$

$$E(\varepsilon_{itn} \varepsilon_{jsn} | X_{11}, \dots, X_{1s}, \dots, X_{n1}, \dots, X_{ns}) = 0$$

для любого ii и jj , и для $t > s$ и $t < s$.

ц отсутствие временной гетероскедастичности

$$E(\varepsilon_{itn} \varepsilon_{jcn} | X_{11}, \dots, X_{1c}, \dots, X_{n1}, \dots, X_{nc}) = E(\varepsilon_{itn}, \varepsilon_{jcn}) = \sigma_{ij}$$

$$E(\varepsilon_{itn} \varepsilon_{jsn} | X_{11}, \dots, X_{1s}, \dots, X_{n1}, \dots, X_{ns}) = E(\varepsilon_{itn}, \varepsilon_{jsn}) = \sigma_{ij}$$

для любого ii , jj и t .

ц допускается присутствие в модели ненулевой ковариации между ошибками ε_{itn} и ε_{jtn} для определенного наблюдения i среди уравнений i и jj в период t т.е. $cov(\varepsilon_{itn}, \varepsilon_{jtn}) = \sigma_{ij}$

$$cov(\varepsilon_{itn}, \varepsilon_{jtn}) = \sigma_{ij}$$

$$n \neq n' cov(\varepsilon_{itn}, \varepsilon_{jtn'}) = 0$$

Подобные системы уравнений называются внешне несвязанными регрессионными моделями (SUR). Нахождение эффективных коэффициентов системы уравнений возможно с использованием обобщенного метода наименьших квадратов, итерационного обобщенного

метода наименьших квадратов, метода максимального правдоподобия [9]. Такие процедуры встроены в большинство современных эконометрических программных продуктов.

Если использовать в качестве функциональной формы функции расстояния трансцендентно-логарифмическую производственную функцию, то выведенные из оптимизационной задачи (6) функции спроса на факторы производства будут нелинейными по оцениваемым параметрам. Тем не менее, выведенная из трансцендентно-логарифмической затратной функции система уравнений, описывающая зависимости размера долей затрат на отдельные ресурсы от их цен и объемов производства, является линейной по оцениваемым параметрам. Логарифмированная форма требует, чтобы факторы в модели были выражены положительным действительным числом, что не всегда выполняется. Интерпретировать и использовать для наших целей исследования линейную зависимость между фактическими объемами ресурсов и ценами на них проще, чем между долями затрат на ресурсы и ценами их привлечения. Учитывая вышесказанное, мы считаем целесообразным в качестве функциональной формы производственных возможностей выбрать квадратическую функцию. При таком допущении выведенная из оптимизационной задачи (6) система функций спроса

$$z_i = \frac{w_i}{w_M} \frac{dM}{d(s_m, s_k)} \quad (8)$$

где z_i — фиксированные факторы производства (в нашем представлении земля (S) и капитал $t-1$ периода ($K_1(t-1)$)), w_{int} — цена на i -ый вид ресурсов n -го производителя в $t-й$ период.

Рассчитаем эластичность факторов производства по видам предоставляемых производителю субсидий от выбора

$$\frac{dM}{d(s_m, s_k)} = \beta_M \frac{\bar{w}_M}{M} \frac{dM}{d(s_m, s_k)} = \beta_M \frac{\bar{w}_M}{M} \beta_1 \frac{\bar{w}_1}{I},$$

(9)

Стохастическая функция расстояния (4) полностью описывает производственные возможности, поэтому прогнозируемое увеличение в выпусках, вызванное стимулированием производственной деятельности путем государственной поддержки, можно оценить исходя из условия

$$\ln D_i(y, x, t) + u = 0$$

Представим полный дифференциал функции

$$\frac{d \ln D_i(y_{t_0}, x_{t_0}, t_0)}{dy} = - \left(\sum \frac{\partial \ln D_i(y_{t_0}, x_{t_0}, t_0)}{\partial x} x + \frac{d \ln D_i(y_{t_0}, x_{t_0}, t_0)}{du} \right)$$

.13)

Так как нас интересует потенциальное влияние государственной поддержки на рост эффективности и конкурентоспособности аграрных производителей через различные одновременно действующие эффекты, переформулируем вышеуказанные зависимости следующим способом.

С учетом выявленного воздействия субсидий на структуру и объем производственных

$$\sum \frac{\partial \ln D_i(y_{t_0}, x_{t_0}, t_0)}{\partial x} \frac{dx}{d(s_m, s_k)}$$

Изменение уровня научно-технического прогресса в рамках представленного в работе подхода раскладывается на две составляющие: нейтральный общетраслевой компонент и компонент, связанный с изменением структуры ресурсов и выпусков. Мы неявно предположили, что композиция выпусков имеет нейтральный эф-

факт на технологическую поддержку, терм уравнения (4) может $\frac{d \ln D_i(y_{t0}, x_{t0}, t_0)}{dt}$ терм $\frac{d \ln D_i(y_{t0}, x_{t0}, t_0)}{dt}$ покажет влияние на сдвиг

$$\frac{d \ln D_i(y_{t0}, x_{t0}, t_0)}{dt} = \frac{\gamma_{it} + \frac{1}{2} \gamma_{it} t^2 + \sum_{j=1}^n [\theta_{jt} \ln(\bar{X}_j) + \beta_j \frac{w_j}{X_j}]}{(s_m, s_k)} \quad (14)$$

Результат влияния программ государственной поддержки на эффективность технологической практики можно выявить путем построения зависимости величины u_i , равной $-\ln(TE)$, от совокупности факторов x , среди которых рассмотрены группы субсидий.

$$u_i = f(x_i, \beta) \quad u_i = f(x_i, \beta)$$

Учитывая спецификацию нашей модели по влиянию субсидий через изменение $\frac{du}{ds_{m,s_k}} = \beta_{s_m, s_k} \times \frac{w_m, w_k}{TE}$.

$$\frac{du}{ds_{m,s_k}} = \beta_{s_m, s_k} \times \frac{w_m, w_k}{TE} \quad (15)$$

Субсидии мотивируют организацию, получающую поддержку, к изменению соотношений факторов производства в технологическом процессе, что может привести к аллокативной несбалансированности и снижению общей отдачи от используемых ресурсов, так как для одного и того же объема выпуска потребуется большая по совокупной стоимости величина ресурсов.

Расчет аллокативной эффективности предполагает, что исследователю известны, кроме значения функции расстояния, также величины граничной затратной функции $C(Y, w, t)$. Преодолеть эту трудность можно с помощью свойства двойственности между вышеуказанными функциями [6], котор

$$C(w_n, y_m, t) = \min_{x \in D_i(x_n, y_m, t)} \{ \frac{w^T x}{D_i(x_n, y_m, t)} \}$$

$$C(w_n, y_m, t) = \min_{x \in D_i(x_n, y_m, t)} \{ \frac{w^T x}{D_i(x_n, y_m, t)} \} \quad (17)$$

Вышеуказанное свойство ориентированной на затраты функции расстояния позволяет нам определить нормированную скрытую цену w_j^s в как

$$\frac{dD_i(x_n, y_m, t)}{dx_j} = \frac{w_j^s}{C(Y, w, t)} = w_j^s \quad (19)$$

нормированная скрытая цена n -го вида ресурсов, искомый в задаче (18) вектор этих величин делает наблюдаемый технически неэффективный вектор ресурсов аллокативно эффективным, w_n — абсолютная скрытая цена на i -й ресурс.

$$\frac{d \ln D_i(x_n, y_m, t)}{d \ln x_j} = \frac{w_j^s x_j}{C(Y, w, t)} = s_j^* \quad (20)$$

В действительности цены не совпадают со скрытыми ценами ресурсов w_j^s , величина такого отклонения определяет уровень неэффективности в распределении ресурсов. Оценить уровень неэффективности в аллокации отдельных ресурсов и подсчитать минимальные общие издержки возможно, принимая допущения, что один из видов затрат, скажем n , используется экономически эффективно, и $w_n = w_n$. В таком случае уровень аллокативной неэффективности предстанет как $A_{it} = \frac{s_{nit}}{s_j^*} A_{it} = \frac{s_{nit}}{s_j^*}$.

Изменение в уровне эффективности в формировании ресурсной базы, вызванное влиянием государственной поддержки, выразим как

$$A_{it} = \frac{s_{nit}}{s_j^*} A_{it} = \frac{s_{nit}}{s_j^*} \quad (21)$$

где — уровень аллокативной эффективности среднего по совокупности вектора затрат и выпусков в сложившихся технологических и ценовых условиях, A_{it} — уровень аллокативной эф-

фективности среднеотраслевой производственной системы с прогнозными ресурсными характеристиками, определенными с учетом воздействия отдельных мер государственной поддержки.

Наконец, структура затрат, минимизирующая общие издержки и необходимая для учета последнего составляющего разложения общей продуктивности факторов производства (1), имеет вид

$$\frac{d \ln D^j(Y, x, t)}{d \ln x_j} = \frac{s_j(Y, w, t)}{D^j(x, t)} \quad (22)$$

Кумулятивное влияние отдельной меры государственного воздействия на общую $\frac{dTFP}{ds_k s_m}$ факторов производства $\frac{dTFP}{ds_k s_m}$ оценим, подставляя отдельные количественно выраженные эффекты (16), (21), (22) в уравнение (1). Так как оценку эффективности воздействия государственной поддержки на аграрное производство мы предлагаем оценивать с использованием среднеотраслевых характеристик затраты — выпуски и других производственно-экономических показателей $\frac{dTFP}{ds_k s_m}$ то полученную величину $\frac{dTFP}{ds_k s_m}$ возможно рассмотреть как средний показатель эластичности изменения общей продуктивности факторов производства по увеличению k — ой k — ой группы субсидий на 1% от средней цены финансируемого вида ресурса, то есть на величину $0,01 \times \bar{x}_k \times \bar{w}_k$.

Прирост чистого дохода производителя от государственного трансферта обеспечен одновременным воздействием возросшей отдачи общих затрат в производственном процессе и увеличением объема производства благодаря росту потребленных ресурсов. Добавление в числитель величины, равной $0,01 \times \bar{x}_k \times \bar{w}_k$, указывает, что каждая дополнительная денежная единица, переданная производителю, трансформируется в денежную единицу его дохода.

В целом оценку трансфертной эффективности отдельного направления государственной поддержки, полученную с помощью представленной выше

$$Etr_k = \frac{\left(\bar{Y} + \frac{d\bar{Y}}{ds_k} \times \bar{Y} \right) \times \left(1 - \frac{1}{1 + \frac{dTFP}{ds_k}} \right) + 0,01 \times \bar{x}_k \times \bar{w}_k}{0,01 \times \bar{x}_k \times \bar{w}_k} \quad (23)$$

Приведем свои мысли по поводу определения величины цен на ресурсы аграрных производителей. Заметим, что индексы цен могут быть использованы наравне со стандартными данными о ценах в эконометрических исследованиях затратных и прибыльных функций агропроизводителей.

Цена привлечения инвестиций во внеоборотные активы должна учитывать стоимость используемых при этом инвестиционных ресурсов. Каждый вид капитала организации имеет свою цену, поскольку использование его для каких-либо целей означает или необходимость учесть реальные затраты, с которыми будет связано это использование, или учесть, что при этом происходит отвлечение от других направлений приложения этого капитала, приносящих определенный альтернативный доход.

В современной практике аграрные производители используют ограниченный диапазон возможных источников инвестирования капиталовложений, среди которых основными являются нераспределенная прибыль, амортизационные отчисления, кредиты банков, заемные средства других организаций и бюджетные средства.

Такую форму собственного капитала, как нераспределенная прибыль и амортизационные отчисления, сельскохозяйственный производитель обычно инвестирует в финансовые инструменты. Планируемые проценты к получению от финансовых вложений необходимо рассмотреть как цену использования собственных средств при помещении их в внеоборотные средства основной деятельности. Таким образом, цена собственных ресурсов финансирования будет определена как

$$\dots \quad (24)$$

где — размер доходности альтернативного вложения, рассчитанный как отношение поступлений процентов по долговым финансовым вложениям и

$$= \frac{\left(\bar{Y} + \frac{d\bar{Y}}{ds_k} \times \bar{Y} \right) \times \left(\frac{1}{1 + \frac{d\bar{Y}}{ds_k}} \right)}{0,01 H_n H_n} \times \left(\frac{1}{1 + \frac{d\bar{Y}}{ds_k}} \right)$$

аналогичных поступлений от долевого участия в других организациях к величине долгосрочных и краткосрочных финансовых вложений организации; $H_n H_n$ — ставка налога на прибыль (ЕСХН).

Для определения цены амортизационного фонда могут использоваться аналогичные подходы. Однако в этом случае следует учитывать влияние налога на прибыль, поскольку начисление сумм амортизации проводится в учете как издержки предприятия и тем самым уменьшается налогооблагаемая база прибыли.

Цена займов и кредитов как возмещаемых средств в составе капитала предприятия определяется величиной процентов, которые устанавливаются кредитором. При определении окончательной цены кредитных средств необходимо учесть возникающее при этом уменьшение налога на прибыль как налогового кредита [13]. Необходимо включить в оценку и аспект, связанный с возможностью получения субсидий на уплату части процентов по кредитам. Расходы, осуществленные организациями-бюджетополучателями за счет целевых субсидий, не учитываются в целях налогообложения, в таком случае определение цены займов и кредитов примет следующий вид:

(25)

Цену привлечения капиталовложений во внеоборотные активы следует выразить как средневзвешенную величину, где в качестве весов выступают доли определенных средств в структуре финансирования долгосрочных инвестиций, а взвешиваемых величин — суммы $W_i = \sum_{i=1}^N W_{ii} \times \alpha_{ii} W_i = \sum_{i=1}^N W_{ii} \times \alpha_{ii}$,

$$(26)$$

где α_{ii} — удельный вес i -го i -го вида средств в структуре финансирования долгосрочных инвестиций.

Поддержка аграриев по текущей деятельности осуществляется по двум принципиальным направлениям: субсидии на приобретение средств производства и субсидии на возмещение части затрат на уплату процентов по

краткосрочным кредитам. Учитывая вышесказанное, выразим эффективную цену материальных ресурсов по основному виду деятельности следующим уравнением:

$$W_1 M^* = W_1 M \times (1 - (\text{субсидии по операционной деятельности}))$$

$$(27)$$

Материальные затраты за определенный период мы выразили в денежной форме путем дефлирования номинальной их величины на агрегированный индекс цен. При таком подходе последний показатель можно рас

$$W_{Mt} = \sum_{n=1}^N \left(\frac{W_{nt}}{W_{ns}} \right) \frac{\left(\frac{w_{nt} M_{nt} + w_{st} M_{st}}{\sum_{n=1}^N w_{it} M_{it} + \sum_{n=1}^N w_{ns} M_{ns}} \right) M_{ns}}{2}$$

$$(28)$$

где $W_{Mt} W_{Mt}$ — индекс цен на материальные затраты производителя в t -й период; $W_n W_n$ — индекс цен на n -й вид материальных затрат производителя, $M_n M_n$ — стоимость n -го вида материальных затрат, $t t, s s$ — текущий и предшествующие ему периоды времени соответственно.

Каждый вложенный в производство рубль имеет свою цену, величина которой отражена вторым множителем уравнения (27). В качестве цены собственных ресурсов рассмотрим доходность по применяемым видам финансовых вложений. Цена заемного капитала выступит как отношение величины обслуживания краткосрочных кредитов и займов к объему привлеченных в операционную деятельность ресурсов, скорректированное на величину налогового шита и субсидий по выплате процентов за пользование займами.

В качестве цены труда целесообразно рассмотреть заработную плату за 1 отработанный человеко-час в основном производстве.

Уточненная нами методика оценки эффективности мер государственной поддержки в отличие от существующих не идет в разрез с основными положениями микроэкономической теории. Мы также смогли учесть критериальный аспект категории «экономическая эффективность мер государственной поддержки».

Примечания:

1. Нечаев В.И., Бершицкий Ю.И., Резниченко С.М. Региональные аспекты государственного регулирования агропромышленного производства: монография. СПб.: Лань, 2009. 336 с.
2. Тюпаков К.Э., Сайфетдинова Н.Р., Папахчан И.А. Методические особенности оценки эффективности государственной поддержки аграрного производства в регионе // Труды Кубанского государственного аграрного университета. №1(40). 2013. С. 39-45.
3. Эпштейн Д. Определение эффективности субсидий на основе базовых уравнений выхода продукции // АПК: экономика, управление. 2012. №5. С. 40-46.
4. Жуков Б.М., Дианова В.А. Идентификация ресурсного потенциала развития региона // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 5. Экономика. 2012. №2. С. 68-77.
5. Bauer P.W. Decomposing TFP growth in the presence of cost inefficiency, nonconstant returns on scale, and technological progress // Working paper of the Federal Reserve Bank of Cleveland, 1988. 21 p.
6. Brummer B., Glauben T., Lu W. Productivity and efficiency in Chinese agriculture: a distance function approach // 25th IAAE, Durban, South Africa, 2003. P. 941-955.
7. Fare R.A distance function approach to price efficiency // Journal of public economics. 1990. №43. P. 123-126.
8. Fare R. Measuring the technical efficiency of production // Journal of Economic Theory. 1978. №19. P. 150-162.
9. Henningsen A., Kumbhakar S., Lien G. Econometric analysis of the effects of subsidies on farm production in case of endogenous input quantities // AAEE & ACCI Joint Annual Meeting, Milwaukee, Wisconsin, July 26-29, 2009. 16 p.
10. Beasley T.M. Seemingly unrelated regression (SUR) models as a solution to path analytic models with correlated errors // Multiple linear regression viewpoints, 2008. Vol. 34(1). P. 1-7.
11. Alaba O.O., Olubusoye E.O., Ojo S.O. Efficiency of seemingly unrelated regressions estimator over the ordinary least squares // European Journal of Scientific Research. 2010. Vol. 39, №1. P. 153-160.
12. Zellner A. An efficient method of estimating seemingly unrelated regressions and tests for aggregation bias // Journal of American Statistical Association. Vol. 57, №298. P. 348-368.
13. Бершицкий Ю.И. Анализ эффективности различных способов приобретения сельскохозяйственной техники // Вестник Российской Академии сельскохозяйственных наук. 2003. №3.

References:

1. Nechaev V.I., Bershitsky Yu.I., Reznichenko S.M. Regional aspects of state regulation of agro-industrial production: monograph. SPb. : Lan, 2009. 336 pp.
2. Tyupakov K.E., Sayfetdinova N.R., Papakhchan I.A. Methodical features of an assessment of efficiency of the state support of agrarian production in the region // Proc. the Kuban State Agrarian University. No. 1(40). 2013. P. 39-45.
3. Epstein D. Determination of efficiency of subsidies on the basis of the basic equations of production issue // Agrarian and Industrial Complex: Economy and Management. 2012. No. 5. P. 40-46.
4. Zhukov B.M., Dianova V.A. Identification of resource potential of development of the region // Bull. of Adyghe State University. Economics, 2012 . No. 2. P. 68-77.
5. Bauer P.W. Decomposing TFP growth in the presence of cost inefficiency, nonconstant returns on scale, and technological progress // Working paper of the Federal Reserve Bank of Cleveland, 1988. 21 pp.
6. Brummer B. Glauben T. Lu W. Productivity and efficiency in Chinese agriculture: distance function approach//25th IAAE, Durban, South Africa, 2003. P. 941-955 .
7. Fare R.A distance function approach to price efficiency//Journal of public economics. 1990 . No. 43. P. 123-126 .
8. Fare R. Measuring the technical efficiency of production//Journal of Economic Theory. 1978 . No. 19. P. 150-162 .
9. Henningsen A. Kumbhakar S. Lien G. Econometric analysis of the effects of subsidies on farm production in case of endogenous input quantities//AAEE & ACCI Joint Annual Meeting, Milwaukee, Wisconsin, July 26-29, 2009. 16 p.
10. Beasley T.M. Seemingly unrelated regression (SUR) models as a solution to path analytic models with correlated errors//Multiple linear regression viewpoints, 2008. Vol.

34(1). P. 1-7 .

11. Alaba O.O. Olubusoye E.O. Ojo S.O. Efficiency of seemingly unrelated regressions estimator over the ordinary least squares//European Journal of Scientific Research. 2010 . Vol. 39, No. 1. P. 153-160 .

12. Zellner A. An efficient method of estimating seemingly unrelated regressions and tests for aggregation bias//Journal of American Statistical Association. Vol. 57, No. 298. P. 348-368 .

13. Bershitsky Yu.I. An analysis of efficiency of various ways of acquisition of agricultural machinery // Bull. of the Russian Academy of Agricultural Sciences. 2003. No. 3.

УДК 338.436.33: 332.1 (470)

ББК 65.32(2Рос)

М 74

А.А. Мокрушин

Доктор экономических наук, профессор кафедры экономики и управления Адыгейского государственного университета, г. Майкоп. Тел.: (8772) 59 39 52, e-mail: mokrushin_alex@inbox.ru

К.М. Панеш

Соискатель кафедры экономики и управления Адыгейского государственного университета, г. Майкоп. Тел.: (8772) 59 37 56, e-mail: panesh_kaplan@mail.ru.

**Проблемы и перспективы структурной модернизации
АПК региона на основе механизмов
корпоративной интеграции
(Рецензирована)**

Аннотация. В статье рассматриваются возможности корпоративной интеграции в структурной модернизации АПК региона. Интернализация межхозяйственных связей на основе интраэкономических механизмов трактуется в качестве ключевого фактора-императива развития АПК современной России. Раскрыты сценарии структурной реорганизации регионального АПК на основе корпоративной интеграции, возможные последствия их реализации.

Ключевые слова: корпоративная интеграция; вертикально-интегрированные корпорации; структурная модернизация; экспансия корпоративного капитала; агропромышленный комплекс.

A.A. Mokrushin

Doctor of Economics, Professor of Economy and Management Departement, Adyghe State University, Maikop. Ph.: (8772) 59 39 52, e-mail: mokrushin_alex@inbox.ru

K.M. Panesh

Applicant for Candidate's degree of Economy and Management Department, Adyghe State University, Maikop. Ph.: (8772) 59 37 56, e-mail: panesh_kaplan@mail.ru

**Problems and prospects of structural development
of regional AIC on the basis of mechanisms
of corporative integration**

Abstract. The paper discusses possibilities of corporative integration in structural modernization of regional AIC. Internalization of inter-economic connections on the basis of intra-economic mechanisms is conceived to be a key factor of AIC developing in contemporary Russia. The scenarios of structural reorganization of regional AIC on the basis of corporative integration, as well as possible consequences of its realization are revealed.

Keywords: corporative integration; vertically-integrated corporations; structural modernization; corporative capital expansion; agroindustrial complex.

Современный этап развития хозяйственных процессов в российской экономике характеризуется доминированием корпоративного сектора как на макро-, так и на мезо-уровне. Интер-

нализация межхозяйственных связей на основе корпоративных механизмов вертикальной интеграции, предполагающих имущественную взаимозависимость хозяйствующих субъектов,

выступает фактором-императивом развития АПК современной России. Вместе с тем, корпоратизация и сетизация межхозяйственных, межотраслевых связей и отношений принципиально трансформирует ресурсный потенциал АПК региона, влечет за собой институциональную реструктуризацию агропродовольственных подкомплексов мезо-уровня, реорганизацию системы управления воспроизводственными процессами, инновационную модернизацию производственно-технологической компоненты АПК региона, активизацию трансрегионального оборота ресурсов и капитала.

В пространственной системе современной России приоритетным фактором эволюции агропродовольственных подсистем становится их взаимодействие с вертикально интегрированными корпорациями, обладающими мощной вертикалью экономической власти и возможностью концентрации инвестиционных ресурсов на важнейших направлениях развития. При этом корпорация выступает в роли особой формы системной организации экономических отношений, обладающей взаимосвязанной совокупностью следующих базовых признаков: обезличенным способом участия в капитале; ограниченной ответственностью участников корпорации по результатам ее деятельности; воплощением системы корпоративных отношений в лице самой корпорации как юридического лица (интегрального субъекта); наличием устойчивой технотрактуры; противоположностью действительного и фиктивного капитала. Вертикально интегрированные корпорации предстают как активные участники инновационных преобразований в АПК мезо-уровня, обладающие богатым арсеналом инструментальных средств для изменения отношений, сложившихся в соответствующем хозяйственном пространстве:

- финансово-инвестиционными ресурсами и средствами активизации инвестиционного процесса;

- институтами корпоративного развития;

- регулятивами корпоративной культуры;

- элементами человеческого капитала и инновационными нематериальными активами, продуцируемыми и накапливаемыми в процессе воспроизводства капитала;

- административными ресурсами, формируемыми в структуре вертикали экономической власти крупной корпорации [1].

В основе формирования корпоративных отношений субъектов вертикальной интеграции в региональном АПК лежат две группы механизмов:

- механизмы консолидации собственности (взаимное участие в капитале; интеграция на основе реорганизации в форме разделения, выделения, преобразования; недружественное поглощение через банкротство);

- механизмы добровольной централизации прав управления деятельностью (посредством создания управляющих компаний с имущественными взносами в ее уставный капитал).

Консолидация собственности, необходимая для эффективного функционирования вертикально интегрированных корпораций, осуществляется следующим образом:

- приобретение имущества в собственность несколькими способами: внесение в уставный капитал; на основе купли-продажи; в счет возмездного перевода долга, принимаемого интегрированной структурой, в счет погашения долга;

- по договору безвозмездного пользования;

- по договору аренды основных средств производства.

Исходя из интересов собственников интегрируемых организаций, можно выделить следующие случаи:

1. Учредители интегрируемой сельскохозяйственной организации (в совокупности обладающие контрольным пакетом акций (долей) заинтересованы сохранить статус учредителей при включении организации в вертикально интегрированную корпорацию. В данном случае приобретение контроля над собственностью возможно следующими способами: путем присоединения интегрируемой организации к дочерне-

му предприятию интегратора либо путем приобретения контрольного пакета акций (долей) за счет вклада ресурсов в увеличение уставного капитала предприятия (приобретение акций, выпущенных интегрируемой организацией в ходе дополнительной эмиссии). Кроме того, как разновидность последнего случая возможно учреждение нового предприятия с участием интегратора и интегрируемого предприятия (с контрольным пакетом в собственности интегратора), при котором собственники интегрируемого предприятия опосредованно получают возможность участия в управлении вновь созданным предприятием.

2. Учредители организации заинтересованы стать учредителями других организаций, входящих в вертикально интегрированную агропромышленную корпорацию. Выполнение рассматриваемого условия при включении интегрируемой организации в вертикально интегрированную корпорацию возможно в случае взаимного обмена акциями. Такой вариант интеграции может быть реализован путем обмена: «акции интегрируемого предприятия на акции дочерних предприятий интегратора» и позволяет оказывать взаимное влияние на проводимую в вертикально интегрированной корпорации политику.

3. Учредители интегрируемой организации (в совокупности обладающие контрольным пакетом акций (долей) не заинтересованы сохранять статус учредителей при включении организации в вертикально интегрированную агропромышленную корпорацию. Рассматриваемое условие будет выполняться при включении интегрируемой организации в корпоративную бизнес-группу путем приобретения контрольного пакета акций (долей), путем покупки акций (долей), а также путем приобретения имущества с последующей организацией дочернего предприятия (как посредством договора купли-продажи, в том числе в ходе банкротства интегрируемой организации, так и в счет погашения кредиторской задолженности и т.д.) [2].

Анализ практики становления и развития корпоративной интеграции

в отечественном АПК показал, что одним из распространенных вариантов формирования имущества вертикально интегрированной корпорации является покупка (или передача) активов без долговых обязательств неплатежеспособных сельскохозяйственных организаций региона, которые в результате корпоративной интеграции становятся дочерними структурами холдинга (если происходит процедура выделения, преобразования) либо структурными подразделениями агрофирмы (если происходит процедура слияния, присоединения). При этом интегратором создается новое сельскохозяйственное предприятие (дочерняя структура), на баланс которого переводится приобретаемое им (передаваемое ему) имущество интегрируемых неплатежеспособных сельскохозяйственных структур региона. Этот вариант создания интегрированной собственности является одним из способов реструктуризации задолженности неплатежеспособных сельскохозяйственных предприятий. Вновь созданное юридическое лицо наделяется ликвидным имуществом при отсутствии долгов. Старое предприятие остается правопреемником долгов реформированной организации. Такая процедура дает возможность агропромышленному формированию начать свою деятельность при нормальных стартовых условиях.

Включение российских корпораций в глобальные интеграционные процессы предъявляет к их финансовой системе качественно новые требования. В данном контексте на первый план выходят следующие аспекты функционирования и развития корпоративных структур: обеспечение финансовой устойчивости развития корпоративных отношений; обеспечение глобальной конкурентоспособности отечественных корпораций; эффективный оборот корпоративных ценных бумаг; снижение инвестиционных рисков корпораций; защита корпоративной собственности; обеспечение прозрачности финансовой системы корпорации [3].

Вместе с тем вертикально интегрированные корпорации способны создать

ряд особых механизмов взаимодействия с региональными экономическими системами, для которых характерны расширенное воспроизводство рисков и угроз, а также формирование во внутренней среде региона многочисленных дисфункций и структурных диспропорций, связанных как с дисфункциональным поведением корпораций, так и внутренними (интраэкономическими) проблемами корпоративного управления.

Основные проблемы корпоративного управления в России, по мнению Г.Б. Клейнера, могут быть суммированы следующим образом:

- несбалансированность распределения прав и ответственности между участниками деятельности корпорации и для каждого участника;

- неравноправие различных групп акционеров (в том числе миноритарных и мажоритарных);

- столкновение двух видов прав: права, основанного на отношениях собственности, и права, основанного на трудовых отношениях;

- неэффективность корпоративного менеджмента;

- многоуровневая («фрактальная») внутрикорпоративная коррупция;

- фрактализация (дробление, потеря целостности) корпорации [4].

Ключевой проблемой в управлении вертикально интегрированными агропромышленными корпорациями в России остается проблема несбалансированного и неравномерного распределения прав и ответственности между участниками корпоративных бизнес-групп и заинтересованными в них лицами. Отметим, что процессы концентрации власти и образования «центров власти» на предприятиях идут самопроизвольно, поскольку характеризуются положительной обратной связью, в то время как процессы концентрации и образования «центров ответственности», распределения власти пропорционально ответственности и значимости требуют серьезных усилий и постоянного внимания.

В процессе своего функционирования вертикально интегрированные кор-

порации преобразуют функциональное содержание и структурную организацию АПК, а также перераспределяют в своих интересах имеющиеся ресурсы и факторы хозяйственного процесса, создавая в хозяйственном пространстве региона новые зоны развития и периферийные участки. Указанный процесс территориальной экспансии вертикально интегрированных корпораций осуществляется в двух измерениях:

- национальном, при котором пространство региона реорганизуется корпоративными субъектами, позиционированными на макроуровне;

- транснациональном, при котором в региональную систему приходят и преобразуют ее «глобальные игроки».

Перспективы стратегического развития регионального АПК во многом сопряжены с возможностями структурной модернизации межхозяйственного, межотраслевого взаимодействия на основе интеграционных механизмов. В данном контексте развитие межотраслевого взаимодействия, структурная модернизация в системе вертикальной интеграции направлено на:

- обеспечение стабильности, устойчивости межотраслевых связей хозяйствующих субъектов АПК региона; институциональную рационализацию межотраслевых отношений;

- увеличение рыночных позиций субъектов интеграции за счет нейтрализации рыночной власти (преодоления монопольных позиций) транзакционных структур, способствующих эквивалентности межотраслевого обмена и распределения; сокращение уровня транзакционных издержек; получение синергических эффектов при условии ограничения монополистических тенденций;

- долговременную координацию межотраслевого обмена в рамках стратегических программ территориального развития.

В результате полиаспектного анализа стратегических возможностей интеграционных моделей развития можно выделить два основных сценария структурной реорганизации АПК региона на основе интраэкономических

механизмов: а) экспансия экстерриториального корпоративного капитала (трансрегиональных вертикально интегрированных корпораций) в АПК региона; б) создание региональных корпоративных структур посредством процедур M&A, холдинговых механизмов формирования имущественной взаимозависимости.

Процесс экспансии экстерриториального корпоративного капитала (трансрегиональных вертикально интегрированных корпораций) в АПК регионов современной России является объективной закономерностью эволюционного развития межхозяйственного, межотраслевого взаимодействия в условиях глобализации, интернализации хозяйственных связей и отношений, развития рынка фиктивного капитала. Во многих региональных системах экспансия трансрегиональных корпораций формирует основной импульс структурной трансформации агропродовольственных подкомплексов (на основе генерации имущественной взаимозависимости), реструктуризации институциональной среды межотраслевого обмена ресурсов и капитала.

Экспансия экстерриториального капитала (зачастую имущего столичную прописку) в хозяйственное пространство регионов современной России ведет к кардинальной трансформации отношений собственности, ресурсного потенциала, «перекраиванию» структуры инвестиций и финансовых потоков. Глобальные бизнес-сети в большинстве своем осуществляют неэквивалентный обмен ресурсами, насаждают сырьевую экономику, закрепляют периферийность его экономики и, следовательно, способствуют росту потенциала конфликтогенности многих регионов России. Именно значительное присутствие трансрегиональных, транснациональных корпораций, сетевых структур в хозяйственном пространстве большинства российских регионов (в особенности, сырьевой ориентации) послужило причиной «диффузии» кризисогенных факторов, падения уровня финансовой устойчивости хозяйствующих структур мезо-уровня.

Одним из проявлений корпоративизации хозяйственных отношений в экономическом пространстве мезо-уровня является феномен региональной экстерриториальности корпоративного капитала, приводящий к стиранию региональных границ при движении капитала, несущий издержки территории происхождения, но проявляющий свои выигрыши на национальном уровне. Региональная экстерриториальность корпорации (корпоративного капитала) предоставляет данным интегральным субъектам особые конкурентные преимущества, проявляющиеся в следующем:

— освобождению от налогов территории происхождения и от необходимости соблюдения ее законодательства в отношении правил и норм движения, использования и наращивания капитала;

— свободе от соблюдения писаных и неписаных правил нравственного поведения в отношении территории происхождения.

В свою очередь, национальная экстерриториальность капитала стирает границы и фиксирует соотношение выигрышей-издержек в пользу или страны происхождения, или иных субъектов глобального рынка. Экстерриториальное поведение обусловлено собственно системой глобальных взаимодействий, открывающей субъектам доступ к использованию преимуществ глобального рынка. В этом смысле можно говорить об объективном характере явления экстерриториальности. Наиболее значимыми факторами, стимулирующими экстерриториальное поведение вертикально-интегрированных корпораций, являются:

— неупорядоченность прав собственности и консолидация капитала, приводящие к переориентации финансовых потоков — направлению их в управляющие структуры (материнские, экспортирующие, ведущие дочерние) за пределы регионов;

— использование трансфертного ценообразования и налоговой оптимизации в глобальном масштабе при отсутствии социальных и экономических ограничений, установленных государ-

ством; в данном отношении трансфертные цены, наряду с субвенционными схемами, выступают актуальными инструментами сокращения налоговых обязательств корпораций;

— отсутствие национальной глобально ориентированной пространственной политики, способной уменьшать издержки экстерриториальности капитала [5].

При этом именно неупорядоченность прав собственности и консолидация капитала являются усугубляющими обстоятельствами экстерриториального поведения вертикально интегрированных корпораций на мезо-уровне. Если отследить ареалы распространения крупных вертикально интегрированных корпораций в отдельном регионе, то можно увидеть, что каждая из них имеет филиалы в большом числе регионов страны, т.е. по сути они регионально экстерриториальны, а если учесть системы оффшорных владений, то возникает впечатляющая картина национальной экстерриториальности. По сути дела, сегодня все крупные собственники экстерриториальны — и в региональном, и в национальном смысле; это качество свойственно и сырьевым — коммуникационным и энергетическим — корпорациям.

Для регионов экстерриториальность капитала — явление более разрушающее и менее управляемое, чем для страны в целом, поскольку региональная власть в большинстве случаев не влияет на процесс движения капитала. Действующие механизмы и инструменты региональной политики государства пока не способны уменьшить издержки экстерриториальности капитала, существенно снижающие налоговую базу региона, уводящие ресурсную ренту из региона.

В целом большинство крупных корпоративных бизнес-групп выбирают следующие стратегии экспансии в агропродовольственные комплексы регионов России: стратегию закрепления в базовых регионах; стратегию выборочной, целевой экспансии преимущественно в новые ресурсные зоны. В настоящее время инорегиональная экс-

пансия корпоративного капитала реализуется в АПК регионов современной России следующим образом: приобретение финансово-неустойчивых сельхозпредприятий, долгосрочная аренда земельных паев (создание собственной сырьевой базы на основе холдинговой взаимозависимости); спецификация аграрно-промышленных активов корпоративной структуры; создание дочерних снабженческо-сбытовых, логистических структур (их филиалов) федеральных корпораций, мега-корпораций в регионах.

В результате реализации второго сценария структурной реорганизации регионального АПК достигается рост добавленной стоимости предприятий АПК, локализованных в регионе. Данный эффект достигается благодаря тому, что предприятия региональной корпорации заинтересованы в размещении в хозяйственном пространстве республики структурных дивизионов — центров прибыли и инвестиций. Вместе с тем, участие в капитале управляющей компании вертикально интегрированной корпорации региональной администрации позволит обеспечить регулирование стоимостных параметров межотраслевого обмена в АПК (локализации в регионе центров прибыли, формирования трансфертных цен, обеспечивающих паритет интересов субъектов интеграции).

Оценка взаимосвязей между агропродовольственными подсистемами и крупными вертикально интегрированными корпорациями современной России позволяет сформулировать следующие промежуточные выводы:

— в функциональных взаимосвязях, возникающих внутри агропродовольственных подсистем большинства регионов современной России, не учитывается принцип транспарентности — корпоративные субъекты в пространстве регионов действуют исходя лишь из собственных интересов; образно говоря, они не развивают данное хозяйственное пространство, а лишь осваивают его ресурсы (прежде всего, земельные ресурсы), вводя их в свой процесс воспроизводства; сложившуюся

ситуацию следует квалифицировать как асимметричную;

— указанные корпоративные субъекты не объединены какой-либо общей целью, которая органически связана с развитием системы региона: например, целью инновационной модернизации элементов основного капитала территории или целью повышения жизненных стандартов населения; тем самым эти субъекты отчуждены от эволюционного процесса, протекающего в региональных агропродовольственных подсистемах;

— в хозяйственном пространстве России в процессе развития вертикально интегрированных корпораций объективно доминирует стратегия интеграции, поскольку имеет место динамичный процесс вхождения национальной экономики России в состав мирового хозяйства; при этом акцент делается на вертикальную интеграцию; в частности, отмечается процесс фор-

мирования полных производственно-стоимостных цепей в региональном АПК, выход интеграционных процессов на межрегиональный уровень [6];

— региональная агропродовольственная подсистема в большинстве своем служит для крупных корпораций ресурсной площадкой, пространством набора персонала и т.п. Стратегические интересы ее развития во внимание не принимаются.

Таким образом, целесообразна реализация стратегии капитализации территориальных ресурсов, предполагающая государственное регулирование процесса включения трансрегиональных вертикально интегрированных корпораций в агропродовольственные подсистемы, повышение эффективности нормативно-правовой защиты региональных агропромышленных ресурсов от избыточного давления экстерриториального капитала.

Примечания:

1. Мокрушин А.А. Проблемы организации системы интраэкономического взаимодействия субъектов агрохолдинговых структур // Научный журнал КубГАУ, 2008. №35(1). С. 11-19.

2. Чурина Е.В. Развитие отношений собственности в АПК Алтайского края: дис. ... канд. экон. наук. Барнаул, 2006. С. 115.

3. Зубаревич Н.В. Крупный бизнес в регионах России: территориальные стратегии развития и социальные интересы. Аналитический доклад. М.: Поматур, 2005. С. 17.

4. Клейнер Г.Б. Стратегия системной гармонии экономики России // Экономические стратегии. 2008. №5-6. С. 73.

5. Пачина Т.М., Почивалова Г.П. Экстерриториальность капитала сырьевых корпораций: региональный аспект // Институциональные изменения. 2010. №1. С. 85.

6. Мокрушин А.А., Суслов А.И. Корпоративный потенциал структурной модернизации региональных агропродовольственных систем современной России // Вестник Адыгейского государственного университета. 2012. №1(96). С. 115.

References:

1. Mokrushin A.A. Problems of the organization of system of intra-economic interaction of subjects of agroholding structures // Scientific Journal of KUBGAU, 2008. No. 35(1). P. 11-19.

2. Churina E.V. Development of the relations of property in agrarian and industrial complex of the Altai territory: Dissertation of Candidate of Economic Sciences. Barnaul, 2006. P. 115.

3. Zubarevich N.V. Large business in regions of Russia: territorial strategy of development and social interests. Analytical Report. M.: Pomatur, 2005. P. 17.

4. Kleyner G.B. Strategy of system harmony of economy of Russia // Economic Strategy. 2008. No. 5-6. P. 73.

5. Pachina T.M., Pochivalova G.P. Exterritoriality of the capital of raw corporations: regional aspect // Institutional Changes. 2010. No. 1. P. 85.

6. Mokrushin A.A., Suslov A.I. Corporative potential of structural modernization of regional agrofood systems of modern Russia // Bull. of Adyghe State University. 2012. No. 1(96). P. 115.

УДК 338.43

ББК 65.32

Ч 49

П.Г. Чернышов

Аспирант кафедры экономики и финансов Северо-Кавказского гуманитарно-технического института, г. Ставрополь. Тел.: (928) 012 83 89, e-mail: chernyshov-pg@inbox.ru

Генезис агропродовольственного рынка и рыночной инфраструктуры

(Рецензирована)

Аннотация. В статье исследуется структурное построение агропродовольственного рынка как сложно сегментированного образования, особенности которого обусловлены характером предлагаемого товара, его принадлежностью к системе жизнеобеспечения и социальной направленностью. Отмечается, что повышение эффективности действия рыночного механизма невозможно без учета адресного и своевременного применения законодательных, организационных и экономических инициатив со стороны государства.

Ключевые слова: агропродовольственный рынок, рыночная инфраструктура, элементы рынка, эластичность спроса, государственное регулирование, конкуренция, механизм управления.

P.G. Chernyshov

Post-graduate student of Economics and Finance Department, North Caucasus Humanitarian-Technical Institute, Stavropol. Ph.: (928) 01 28 389, e-mail: chernyshov-pg@inbox.ru

The genesis of the agricultural and food market and market infrastructure

Abstract. The paper examines structural construction of the agricultural and food market as a complicated segmented union, the features of which depend on the nature of the goods, its membership in the life-support system and on social orientation. It is noted that the increase of the efficiency of the market mechanism is impossible not taking into account the address and timely implementation of legal, institutional and economic initiatives of the state.

Keywords: the agricultural and food market, market infrastructure, elements of the market, elasticity of demand, government regulation, competition, management mechanism.

В современных условиях экономического развития устойчивое обеспечение населения продуктами питания определяется не только уровнем сельскохозяйственного производства, но и эффективностью функционирования агропродовольственного рынка. Экономическая интерпретация категории «агропродовольственный рынок» тесно переплетается с понятиями «сельскохозяйственный рынок» и «продовольственный рынок», различаясь между собой видами представленной на рынке продукции и, как следствие, границами этого рынка.

Результатом производственной деятельности предприятий агробизнеса выступает валовая продукция, представляющая собой объем произведенной за определенный период сельскохозяйственной продукции. В натуральных показателях валовая продукция растениеводства может быть представлена отдельной культурой или группой однородных культур (зерновые культуры, овощные культуры, кормовые и др.), а в животноводстве — производством отдельных видов продукции (молоко, мясо, яйца и т.д.) [1].

По направлениям использования валовая продукция сельского хозяйства относится как к производству средств производства, так и производству предметов потребления. Та часть продукции, которая не поступает в потребление, а представляет собой сырье для промышленной переработки, относится к средствам производства. Сюда включают также семена, корма и другие виды продукции, используемые на производственные цели. Продукция, которая поступает в непосредственное потребление без предварительной переработки, относится к предметам потребления.

В зависимости от назначения валовая продукция сельского хозяйства делится на потребляемую для внутрихозяйственных нужд (семена, посадочный материал, корма, молоко для кормления телят и др.) и используемую для реализации на рынке. Именно по конечной продукции, предназначенной для реализации на рынке, и определяется реальный вклад субъекта рынка в производство валового общественного или регионального продукта [2].

Структура сельскохозяйственного рынка представлена следующими основными видами: зерно, картофель, плоды, овощи, сахарная свекла, молоко, мясо, шерсть и другие виды; приплод и прирост живой массы скота и птицы; многолетние насаждения; побочная продукция — солома, навоз и др. Специфическая особенность сельскохозяйственного рынка состоит в том, что реализуемые на нем товары, работы и услуги предназначены для использования в различных целях, в том числе и непродовольственного назначения. Часть сельскохозяйственного рынка входит в агропродовольственный рынок, через который и происходит воздействие на сферу производства и формирование соответствующего ассортимента продуктов питания. Объем производства продовольствия определяет необходимое количество ресурсов в производящих и перерабатывающих отраслях аграрной экономики.

Агропродовольственный рынок является посредником между сельским хозяйством и перерабатывающими

отраслями, а также между ними и потребителями продовольствия. Это сложно сегментированная структура, особенности которой обусловлены характером предлагаемого товара, его принадлежностью к системе жизнеобеспечения и социальной направленностью. На агропродовольственном рынке происходит обмен продуктов труда сельского хозяйства на продукты труда других отраслей [3, 4].

На рынке реализуются: зерно и продукты его переработки; картофель и плодоовощная продукция, включая переработку; сахар; молоко и молочные продукты; мясо и мясопродукты; масло растительное; рыба и рыбопродукты; яйца и др. Основой формирования и развития агропродовольственного рынка является агропромышленный комплекс, поставляющий на реализацию сельскохозяйственное сырье и продовольствие.

Сложная социально-экономическая система агропродовольственного рынка генерирует синергетический эффект от взаимодействия комплекса конкурентных преимуществ в виде создания благоприятной среды для эффективного использования факторов сельскохозяйственного производства, возможности роста объема и структуры предложения, обеспечения в формате ВТО защищенности отечественных сельхозтоваропроизводителей, которые при входе на рынок сталкиваются с экономическими и административными барьерами, в частности, в виде повышенных экологических норм, влияния неформальных связей между участниками процесса глобализации. Логистические цепи как результат вертикальной интеграции в аграрном секторе экономики обеспечивают эффективное использование факторов производства на основе создания всем участникам воспроизводственного процесса равных условий за счет оптимального распределения ресурсов предприятий-интеграторов.

Структура агропродовольственного рынка как базового компонента продовольственного рынка формируется как комплекс конкретных рынков по видам продовольствия, поставляемого

подкомплексами АПК, в отличие от присутствующих на продовольственном рынке продуктов химического и биологического синтеза. Товарный ассортимент продовольственного рынка является результатом объединения подсистем агропродовольственного рынка с рынком синтезированных продуктов (продукты, получаемые из химически синтезированных пищевых веществ, усилители вкуса и аромата, биологически активные добавки и т.п.). Продовольственная продукция неаграрного происхождения, являясь заменителем агропродовольственной продукции, создает условия для развития субституциональной конкуренции на агропродовольственном сегменте. Доля неагропродовольственных рынков в структуре пищевого потребления является весомым показателем качества жизни населения. Пищевые добавки играют двоякую роль в конкурентной борьбе. С одной стороны, они способствуют продлению сроков хранения, созданию новых видов продуктов и повышению их привлекательности. С другой стороны, потребителя беспокоит возможная угроза безопасности продуктов питания [4, 5, 6].

Формой взаимодействия рынков различных территориальных уровней — мирового, странового, регионального, интеграционного и локального — являются межрегиональные продовольственные и сырьевые связи. Надежное функционирование агропродовольственного рынка как открытой системы базируется на оптимальном построении его структурных формирований и интегрирующих элементов и эффективном взаимодействии между ними. Объективной особенностью современного этапа развития агробизнеса являются интеграционные процессы федеральных и региональных агропродовольственных структур. Страновой рынок можно рассматривать как совокупность региональных рынков, характеризующуюся суммарным объемом спроса и предложения, средними ценами. Под региональными агропродовольственными рынками понимаются рынки отдельных регионов, которые

отличаются местоположением, объемом, ассортиментом, ценами представленных на рынках товаров и рядом других параметров. Формирование рынка обусловлено территориальным размещением потребителей и объемами производства продукции. Потребителям и производителям должна быть в полной мере доступна информация об экономической ситуации в регионе, динамике параметров производства и сбыта продовольствия, на основе которой можно анализировать и прогнозировать конъюнктуру агропродовольственного рынка определяется. Локальный рынок функционирует в условиях продовольственных и сырьевых связей с участниками других рынков. В основном реализация продукции осуществляется непосредственно на месте во избежание транспортных расходов и с учетом требований к срокам реализации.

Сегменты агропродовольственного рынка в процессе взаимодействия спроса и предложения объединяют товары, являющиеся с позиции конечных потребителей товарами-заменителями, что способствует обострению субституциональной конкуренции, вызванной дифференциацией продовольственных товаров как фактора удовлетворения спроса согласно закону возвышения потребностей. Интеграция играет существенную роль в специализации одних регионов на производстве отдельных видов продукции, а других — на развитии взаимодополняющих производств, что способствует получению высоких производственных результатов и повышению конкурентных преимуществ продукции агропродовольственного рынка в целом [1, 7].

Параметры и эффективность агропродовольственного рынка определяются следующими факторами: наличие развитой инфраструктуры; действенным инструментарием рыночного регулирования; степенью развития экономической интеграции в государстве. Другой чертой исследуемых рынков является возможность их детализации с точки зрения характера рыночных отношений на рынок готовой продукции и рынок госзаказов, которые характеризуются наличием

горизонтальных связей между участниками. Формирование этих связей со стороны государства регулируется не прямо, а косвенно — с помощью налогов, кредитов, дотаций и других экономических и финансовых рычагов. Поведение субъектов и формирование цен на этих рынках регулируется законами спроса и предложения. Однако они имеют существенные отличительные особенности.

Рынок готовой продукции характеризуется неопределенностью конкретного покупателя и цены товара и конкретизацией рыночного сегмента. Рынку госзаказов присуще стремление производителей к созданию пакета заказов, гарантирующего сбыт, возмещение затрат, получение прибыли, дополнительные инвестиции, решение проблем занятости и модернизации производства, что особенно важно для обеспечения продовольственной безопасности и повышения конкурентоспособности продукции. Государство обеспечивает гарантированный объем производства предприятия, воздействует на устойчивость темпов его экономического развития и регулирует объем и структуру товарного предложения.

Рынок продовольствия выполняет стратегические функции по удовлетворению потребительского спроса качественными продуктами в соответствии с физиологическими нормами питания.

Экономические взаимоотношения между контрагентами на рынке готовой продукции осуществляются в сфере обмена, куда товар попадает из сферы производства. Заказ же, как элемент псевдораспределительной системы, предшествует фазам производства и обмена, что, с одной стороны, гарантирует сбыт и является положительной стороной данного вида экономических отношений. С другой стороны, рынок заказов ввиду наличия временного лага между заключением договора и его непосредственным выполнением сопряжен с риском изменения рыночной конъюнктуры.

Законы рынка не могут регулировать процесс размещения заказов, если они учитывают только интересы государства и игнорируют материальные

интересы производителей. Что касается госзаказов, имеющих приоритетные льготные условия и размещаемых на конкурсной основе, то они формируют реальный рынок в соответствии с требованиями закона стоимости [3, 8].

По уровню обеспеченности продукцией, реализуемой на агропродовольственном рынке, территории можно подразделить на ввозящие, самообеспечиваемые, вывозящие. По структуре вывоза (экспорта) можно выделить территории с широким и узким ассортиментом сельскохозяйственной продукции. Так, агропродовольственные рынки Ставропольского, Краснодарского краев, Ростовской области, областей Центрального Черноземья, Орловской области поставляют за пределы регионов одновременно продовольственное и фуражное зерно, продукцию технических культур, плоды и овощи. Другая подгруппа рынков, охватывающая территории Поволжья, Южного Урала, Западной Сибири, вывозит только зерно, растительное масло и ряд продуктов животноводства [9].

Рынки регионов, зависимых от поставок продовольствия, классифицируются по структуре спроса и источникам предложения продукции на три группы. Первая группа включает крупные города Московской, Ленинградской и Свердловской областей, характеризующиеся высокой плотностью населения и постоянным потребительским спросом, стимулирующим ввоз и импорт продовольствия. Ко второй подгруппе относятся агропродовольственные рынки индустриально развитых территорий (Тюменская и Кемеровская области), отличающихся ростом населения, занятого в промышленности и в этой связи недостаточным уровнем предложения продовольствия. В третью подгруппу входят регионы, отличающиеся значительными объемами ввозимого продовольствия, поскольку их агропродовольственные рынки в силу географических и природно-климатических условий, а также обеспеченности земельными угодьями, не в состоянии в полной мере удовлетворить потребности за счет собственного производства

(Север европейской части страны, Сибирь, Дальний Восток).

Логистический уровень подразделяет рынки продовольственной системы по функциональному предназначению на оптовый и розничный. На данной функциональной ступени тесно переплетаются процессы хранения, заготовки, переработки, сбыта конечному и промежуточному потребителю. Инфраструктура включает крупные оптовые рынки, мелкооптовые фирмы и магазины, мелкие частные предприятия и магазины, сеть предприятий общественного питания.

Агропродовольственный рынок представляет собой цикл производственных и товарообменных операций между его участниками в процессе производства, переработки, хранения, транспортировки и сбыта сельскохозяйственного сырья и продовольствия на основе формирования хозяйственных связей различных уровней с учетом формирования зон спроса и предложения.

Действие рыночного механизма определяет состав, численность и характер взаимосвязей участников рыночного процесса. Субъектами рынка являются сельскохозяйственные товаропроизводители все форм хозяйствования, поставщики и потребители из стран ближнего и дальнего зарубежья, заготовительные и перерабатывающие предприятия, кооперативы стран, цеха, модули, оптово-распределительная и логистическая система (аукционы, оптовые рынки, распределительные центры, товарные биржи), система розничной торговой сети и общественного питания, конечные потребители (население, армия).

Адекватное реагирование субъектов внешнего и внутреннего агропродовольственного рынка в условиях повышения степени открытости экономики на конъюнктурные колебания требует научно обоснованного подхода и должно базироваться на адресном и своевременном применении соответствующих законодательных, организационных и экономических инициатив со стороны государства. В частности, роль госу-

дарства должна заключаться в прямом регулировании спроса и предложения путем реализации системы государственного заказа и государственного резерва, поскольку стабильные гарантированные объемы реализации наряду с формированием страхового запаса продовольствия способствуют повышению устойчивости сельхозтоваропроизводителей и поддержанию оптимальных товарных пропорций на рынке.

Материально-техническое оснащение участников рынка обеспечивает развитая регулятивная, торговая, логистическая, информационная, консультационная, платежная инфраструктура. Она способствует рациональному перемещению сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия из сферы производства в сферу конечного потребления. Совершенствование нормативной и правовой базы функционирования агропродовольственного рынка создает необходимые условия для обеспечения соответствия отечественного продовольствия государственным стандартам, участия в международных интеграционных союзах.

Общеэкономической основой функционирования рынка является товарное производство, на котором формируется равновесная цена как денежное выражение стоимости предлагаемой продукции. Движущей силой процесса товарного обращения выступает рыночный механизм и элементы его конъюнктуры: совокупный спрос на продовольствие и сырье для его производства, который определяется уровнем платежеспособности населения, традициями его потребления; предложение продовольственных товаров, характеризующее их объемом, ассортиментом, качеством, ценами; цена спроса, цена предложения; рыночная конкуренция; государственное регулирование, реализуемое в реформировании регионального и федерального продовольственных фондов с целью повышения их значимости и действенности, осуществлении государственных закупок по фиксированным в договорах ценам и в организации территориальных оптовых продовольственных рынков.

На формирование спроса оказывают воздействие параметры субъектов инфраструктурного комплекса в части: удобства расположения, графика работы, ценового диапазона, качества и ассортимента товара, качества сервиса, интенсивности рекламных мероприятий и брендинга, формата торговли; а также социо-культурные условия, которые способствуют снижению потребления углеводов (традиции питания, образ жизни, возраст и др.). Воздействие факторов предложения предопределяется спецификой возделывания сельскохозяйственной продукции, ее хранения и реализации на агропродовольственном рынке. Факторы предложения включают концентрацию и доступность субъектов инфраструктуры на обслуживаемой территории; уровень закупочных цен; используемые системы расчетов; требования к поставкам; уровень обслуживания.

Цена формируется под воздействием затратного, когда цена складывается из производственных затрат, или рыночного механизма, основой которого является конъюнктура агропродовольственного рынка, когда изменение цен на продовольствие происходит под влиянием спроса и предложения. Количественная характеристика спроса определяется числом единиц товара, которое потребители сельскохозяйственной продукции могут и желают приобрести по данной цене в данный момент времени на конкретном рынке. Акт реализации продукта, пользующегося спросом, произойдет только при финансовом подкреплении сделки.

Предложение определяется возможностью продавца продать покупателю требуемый товар по рыночной цене. Цена предложения представляет собой денежную форму выражения стоимости товара продавцом. Цена спроса выступает как денежная форма выражения потребительной стоимости товара со стороны покупателя. Зависимость объемов спроса и предложения товаров на рынке от цен регулируется законом спроса и предложения: при прочих равных условиях, чем ниже цена на товар, тем выше платёжеспособный спрос на него и ниже предложение.

Цена характеризуется единством стоимости и потребительной стоимости продукции агропродовольственного рынка и устанавливается в точке равновесия в месте пересечения кривых спроса и предложения. Равновесие спроса и предложения формирует состояние эффективного функционирования механизма рыночного ценообразования. Инфраструктурные факторы, влияющие на ценообразование продукции агропродовольственного рынка, подразделяются на: действенность нормативно-правового регулирования; наличие развитой конкурентной среды; уровень развития системы ценового мониторинга; регулярность проведения мероприятий ярмарочной торговли; информированность населения о торговой и посреднической инфраструктуре; оптимизация звенности товародвижения; степень сформированности логистических связей; взаимодействие инфраструктурных объектов между собой и другие.

Структура и емкость агропродовольственных рынков различных уровней формируются под влиянием внутренних и внешних факторов, к которым относятся: величина и структура спроса в зависимости от источников его удовлетворения (подкрепленный и неподкрепленный), объем предложения, варьирующийся в зависимости от вида рынка, конкурентной среды, уровня бюджетных ассигнований, структуры потребления. Следует отметить, что агропродовольственный рынок отличается гибкостью экономических отношений и устойчивым ростом спроса и предложения со стороны субъектов рынка по цене, объёму, структуре и качеству продукции при наличии рычагов регулирования доступа отдельных видов импортного сырья и продовольствия [10].

Для ведения конкурентной борьбы за достижение конечной цели — повышение конкурентоспособности своей продукции используют ценовую и неценовую конкуренцию. Ценовая конкуренция предполагает привлечение потребителей за счет снижения цен. Неценовая конкуренция ориентирована

на улучшение потребительских свойств производимой продукции. Приоритет неценовой конкуренции объясняется следующими факторами: законодательные ограничения ценовой конкуренции; усложнение запросов потребителей; меньший уровень затрат на неценовую конкуренцию по сравнению с расходами на ценовую; укрупнение субъектов рынка, и, как следствие, нецелесообразность ценовой конкуренции между ними. В сложившихся условиях не следует игнорировать и ценовые методы, поскольку российский потребитель чувствителен к уровню цен, а предприятия агропродовольственного рынка еще не в полной мере освоили приемы неценовой конкуренции.

К особенностям функционирования сельскохозяйственных рынков следует отнести конъюнктуру, преимущественно отличающуюся превышением предложения над спросом вне зависимости от фазы экономического цикла, что объясняется относительным переизбытком. Рыночное равновесие спроса и предложения наступает в случае падения уровня текущих цен ниже себестоимости. Разогреву рынка препятствуют факторы спроса, которые в фазе экономического подъема сглаживают влияние на рост потребительского спроса на продукты питания, а в период кризиса темпы роста спроса на непродовольственные товары опережают темпы роста спроса на продовольствие. Само по себе стихийное рыночное начало в сельском хозяйстве не способно обеспечить равновесие спроса и предложения без проведения соответствующей аграрной политики, направляющей спрос в сторону растущего предложения. В условиях падения доходов населения роль государства в регулировании рыночного спроса заключается в стимулировании его расширения посредством дифференциации доходов с целью их перераспределения между

группами потребителей в зависимости от степени эластичности спроса продовольствие. Эластичность спроса по цене зависит, во-первых, от уровня развития сельского хозяйства, и, во-вторых, от вида продукта питания. Например, на определенные виды продуктов (хлеб, хлебопродукты, картофель) спрос неэластичен по цене, следовательно, не зависит от колебаний цен на рынке. Развитые агропродовольственные рынки стран Запада характеризуются насыщенным, не эластичным по цене, спросом, что также затрудняет его регулирование путем использования ценового механизма.

Таким образом, удовлетворение потребительского спроса на продукты питания тесно связано с физической и экономической доступностью продовольствия и требует государственного участия в обеспечении устойчивого развития продовольственного фонда страны. Для регулирования рыночной конъюнктуры в целях достижения физиологически обоснованных норм потребления государство использует бюджетное субсидирование розничных цен на продукты питания и/или социально незащищенных слоев населения. Физическая доступность продовольствия определяется наличием в розничной сети объема и структуры продовольственных товаров в соответствии с потребностями населения и поставками спецпотребителям с учетом физиологических норм потребления. Экономическая доступность продовольствия представляет собой возможность покупки продовольствия населением, которая гарантируется поддержанием уровнями равновесных цен на продукты питания и доходов. Продовольственная достаточность характеризуется обеспечением потребностей населения необходимыми продуктами питания в размере потребительской корзины и в соответствии с уровнем покупательной способности.

Примечания:

1. Кундиус В.А. Экономика агропромышленного комплекса: учебное пособие. М.: КНОРУС, 2010. 544 с.

2. Агаркова Л.В., Гурнович Т.Г., Берулава О.С. Обеспечение устойчивости воспроизводственных процессов в растениеводстве // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 5, Экономика. 2010. №2. С. 126-130.

3. Нуралиев С.У. Продовольственный рынок: проблемы становления и перспективы развития. Волгоград: Изд-во Волгоград. гос. ун-та, 2003. 280 с.
4. Фетюхина О.Н. Функционирование и развитие агропродовольственного рынка России в условиях глобализации: теория, методология, практика: автореф. дис. ... д-ра экон. наук. Ставрополь, 2011. 46 с.
5. Агаркова Л.В., Гурнович Т.Г., Безлепко А.С. Проблемы обеспечения устойчивого развития аграрной сферы // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 5, Экономика. 2010. №3. С.103-107.
6. Захарова Е.Н., Кумпилов Б.К. Экологически чистое сельское хозяйство как инновационная ключевая компетенция в системе мер обеспечения конкурентоспособности аграрного сектора // Экономический вестник Ростовского университета. Ростов н/Дону, 2008. Т. 6, №3. Ч. 2. С. 237-241.
7. Агаркова Л. Индикаторы оценки использования производственного потенциала // АПК: экономика, управление. 2007. №4. С. 25-26.
8. Гладилин А.В., Торопцев Е.Л., Гурнович Т.Г. Численный анализ высокоразмерных моделей экономической динамики // Вопросы статистики. 1998. №8. С. 32.
9. Тамов А.А. Продовольственный рынок региона как объект стратегического управления // Никоновские чтения. 2010. №15. С. 88-89.
10. Рудой Е.В. Развитие агропродовольственного рынка Сибири (теория, методология, практика): автореф. дис. ... д-ра экон. наук. Новосибирск, 2011. 48 с.

References:

1. Kundius V.A. Economy of agro-industrial complex: teaching manual. M.: KNORUS, 2010. 544 pp.
2. Agarkova L.V., Gurnovich T.G., Berulava O.S. Ensuring stability of reproduction processes in plant growing // Bull. of Adyghe State University. Economics, 2010. No. 2. P. 126-130.
3. Nuraliyev S.U. Food market: problems of formation and development prospects. Volgograd: Volgograd State University Publishing House. 2003. 280 pp.
4. Fetyukhina O.N. Functioning and development of the agrofood market of Russia in the conditions of globalization: theory, methodology and practice: Author's Summary of Dissertation for Dr. of Economic Sci. degree. Stavropol, 2011. 46 pp.
5. Agarkova L.V., Gurnovich T.G., Bezlepko A.S. Problems of providing a sustainable development of the agrarian sphere // Bull. of Adyghe State University. Economics, 2010. No. 3. P. 103-107.
6. Zakharova E.N. Kumpilov B.K. Environmentally friendly agriculture as innovative key competence of system of measures for ensuring competitiveness of agrarian sector // Economic Bull. of the Rostov University. Rostov-on-Don, 2008. V. 6, No. 3. Part 2. P. 237-241.
7. Agarkova L. Indicators of an assessment of use of production potential // Agrarian and Industrial Complex: Economy and Management. 2007. No. 4. P. 25-26.
8. Gladilin A.V., Toroptsev E.L., Gurnovich T.G. Numerical analysis of high-dimensional models of economic dynamics // Statistics Questions. 1998. No. 8. P. 32.
9. Tamov A.A. Food market of the region as an object of strategic management // Nikonovsky Readings. 2010. No. 15. P. 88-89.
10. Rudoy E.V. Development of the agrofood market of Siberia (theory, methodology and practice): Author's Summary of Dissertation for Dr. of Economic Sci. degree. Novosibirsk, 2011. 48 pp.

ЭКОНОМИКА СЕРВИСА

SERVICE ECONOMY

УДК 33:37
ББК 65.497.4
Г 51

О.Г. Гисина

Старший преподаватель кафедры экономики и управления Новороссийского филиала Московского гуманитарно-экономического института, г. Новороссийск. Тел.: (918) 996 18 13, e-mail: oricca@mail.ru

Т.Г. Тлюстен

Аспирант кафедры экономики и управления Адыгейского государственного университета, г. Майкоп. Тел.: (8772) 59 39 52.

Реализация предпринимательского потенциала как инструмент обеспечения эффективного функционирования учреждения высшего образования (Рецензирована)

Аннотация. В статье ВУЗ рассматривается как корпорация, указываются основные черты такого представления; дана схема функционирования ВУЗа как научно-образовательной корпорации; выделены три группы направлений предпринимательской деятельности высшего учебного заведения; приведена совокупность элементов предпринимательского потенциала ВУЗа и указаны конкретные направления его реализации.

Ключевые слова: предпринимательская деятельность, ВУЗ предпринимательского типа, научно-образовательная корпорация, предпринимательский потенциал ВУЗа.

O.G. Gisina

Senior Teacher of Economy and Management Department, Novorossiysk Branch of the Moscow Economic and Humanities Institute, Novorossiysk. Ph.: (918) 996 18 13, e-mail: oricca@mail.ru

T.G. Tlyusten

Post-graduate student of Economy and Management Department, Adyghe State University, Maikop. Ph.: (8772) 59 39 52.

Realization of enterprise potential as a tool of ensuring effective functioning of higher education institutions

Abstract. This paper conceives of a higher education institution as a corporation. The main lines of such representation are specified. The scheme of functioning of the higher education institution as a scientific and educational corporation is given. Three groups of the directions of business activity of a higher education institution are allocated. The authors show a set of elements of enterprise capacity of the higher education institution and the concrete directions of its realization.

Keywords: business activity, higher education institution of the business type, scientific and educational corporation, enterprise capacity of higher education institution.

Как справедливо отмечал один из виднейших американских футурологов Э. Тоффлер, «неграмотными в XXI веке будут считать не тех, кто не умеет читать и писать, а тех, кто не умеет учиться и переучиваться» [1]. При этом умение учиться, получать знания приобретает колоссальное значение, стано-

ваясь, в том числе, ключевым аспектом в процессе организации эффективно функционирующего бизнеса.

Говоря об эволюции концептуальных подходов к выделению ключевых признаков предпринимательства, можно проиллюстрировать ее основные вехи (см. табл. 1).

Таблица 1

**Эволюция концептуальных подходов
к выделению ключевых признаков предпринимательства [2]**

Год	Автор	Ключевые признаки предпринимательства
1725	Р. Кантильон	Способность рисковать, предвидеть, брать на себя ответственность за принимаемые решения
1826	И. Тюнен	Умение рисковать, принимать нестандартные решения, ответственность
1890	В. Зомбарт	Агрессивность, организаторские способности, решительность, коммуникабельность, готовность к риску
1900	М. Вебер	Рационализм, трудолюбие, расчетливость, бережливость, аскетизм
1934	Й. Шумпетер	Новаторство, способность к инновациям
1940	Г.К. Гинс	Образованность, решительность, находчивость, приспособляемость, рискованность, хозяйственный оптимизм и расчетливость
1990	Л. Якокка	Трудолюбие, решительность и ответственность, рискованность, организованность
1995	К. Татеиси	Умение адаптироваться к окружающей среде, готовность к риску, рационализм, образованность, способность к развитию, умение вести за собой людей

Как видно из приведенного перечня, черты предпринимательства в большей степени соответствуют личностным качествам человека, нежели организации. Однако данное противоречие снимается в ходе применения органистического подхода к изучению предпринимательской структуры в процессе ее жизненного цикла, который рассматривает динамику развития компании по аналогии с развитием живого организма.

При этом И. Адизес связывает процессы организационного развития с соответствующим сочетанием приоритетов в действиях руководства организации, к которым, по его мнению, относятся [3]:

- максимальная ориентация на реализацию миссии организации;
- развитость административной функции;

- предпринимательский стиль;
- организационная интеграция.

Характеристика «предпринимательская», употребляемая по отношению к организации, определяет способ управления и тип связей, установленный в организации, означает предприимчивость, инициативность, инновационность. Таким образом, предпринимательской можно назвать организацию, постоянно иницирующую изменения, которые позволяют ей активно функционировать в новых условиях, создаваемых внешней средой. В этой связи можно согласиться с О.В. Кононовой и Л.В. Ерыгиной, которые отмечают, что вуз предпринимательского типа должен быть способен в полной мере обеспечить исследовательскую и предпринимательскую составляющие своей деятельности на базе стратегического менеджмента, обладающий миссией

и концепцией, в котором поощряются разнообразные инициативы сотрудников, направленные на развитие организации [4, 5].

При этом получает все большее распространение подход к анализу экономической природы крупного вуза (университета) как корпорации. Данный подход базируется на том, что вуз выступает как совокупность бизнес-единиц — кафедр, учебных групп, вспомогательных подразделений, а также формирует собственную сетевую структуру с гибкими линейными связями. Основы подобного подхода были заложены в работах М. Вебера («школа как бюрократическая организация»), Т. Веблена («вуз как предприятие»), Т. Парсонса («вуз как социальная система»), обосновывающих адекватность нормам рыночной экономики ситуацию, при которой вузы подчиняются законам и нормам деловой среды.

Д.А. Алексеев отмечает, что высшее учебное заведение вполне оправданно считать корпорацией, т.к. его ресурс — это совокупность активных равноправных деятелей, имеющих общие интересы и цели, идентифицирующих себя как объединение [6]. Важнейшим признаком вуза как корпорации является то, что он противопоставляет себя внешней конкурентной среде. Черты корпорации находят свое проявление в следующих признаках вуза [7]:

- 1) институциональная и организационная устойчивость;
- 2) специфичность производимого продукта;
- 3) наличие нематериальных ресурсов, являющихся базой организационной конкурентоспособности;
- 4) сетевой характер деятельности;
- 5) иерархическая социальная организация персонала.

Совокупность указанных признаков обуславливает трансформацию университетов в корпоративные образования особого типа, производящие и передающие знания студентам, выступающим как корпоративные клиенты — покупатели на рынке образовательных услуг [8]. В рамках данной концепции вуз выступает как корпорация, эффектив-

ность функционирования которой оценивается прежде всего с точки зрения конкурентоспособности и доходности и измеряется количеством привлеченных студентов, полученных внешних грантов и дотаций, а также востребованностью выпускников на рынке труда [9].

Таким образом, вузы во все большей степени выступают в роли предпринимательских структур, функционирующих на рынке и по его законам. При этом их целью является трансформация экономических ресурсов, направленная на получение конечного продукта, в качестве которого предстает выпускник конкретного высшего учебного заведения. То есть мы можем сделать вывод о том, что целевые ориентиры деятельности современного вуза аналогичны целям деятельности бизнес-структур, функционирующих за пределами образовательной сферы. Схема функционирования вуза как научно-образовательной корпорации представлена на рисунке 1.

При этом, как отмечают М. Киннелл и Д. Макдугалл, вузам, как и прочим экономическим субъектам, угрожает банкротство в случае отсутствия учета в их деятельности изменений, происходящих во внешней среде. Данное обстоятельство, по мнению Ш. Слотера, обуславливает необходимость организации рыночно-ориентированной деятельности высших учебных заведений по привлечению внешних финансовых ресурсов [11].

Для высших учебных заведений предпринимательская деятельность, прежде всего, связана с эффективным использованием всех факторов производства образовательных услуг в целях экономического роста вуза и удовлетворения потребностей сотрудников и обучающихся. Анализ предпосылок трансформации вуза в предпринимательскую структуру позволяет сделать вывод о том, что, с одной стороны, существует потребность в более эффективном использовании ограниченных ресурсов, принадлежащих вузу, а, с другой, — все в большей степени формируются институциональные предпосылки применения рыночных принци-

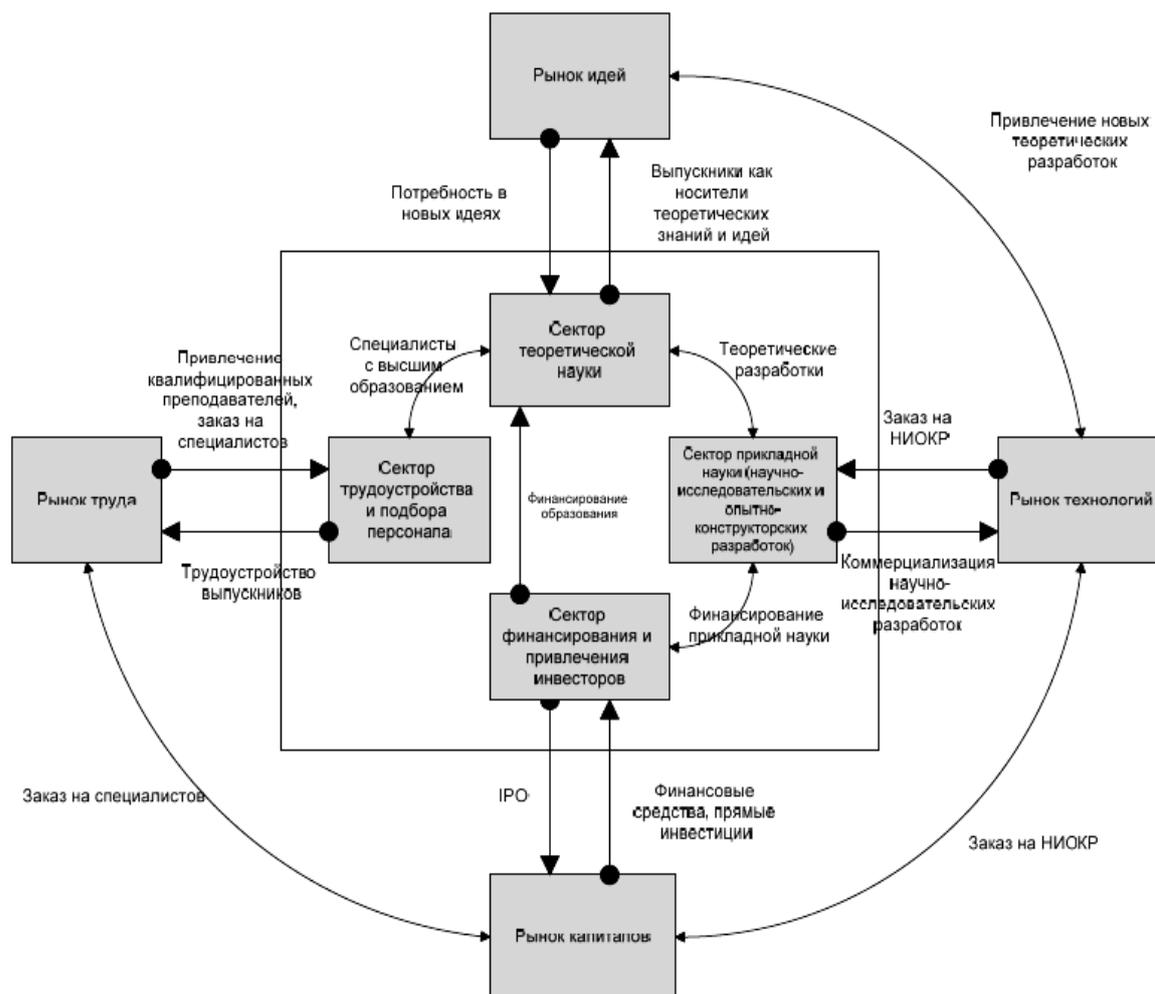

Рисунок 1. Концептуальная модель функционирования вуза как научно-образовательной корпорации [10]

пов к организации функционирования вуза на рыночных принципах.

В этой связи Е. Степкина выделяет три группы направлений предпринимательской деятельности высшего учебного заведения [12]:

1. Деятельность по оказанию платных образовательных услуг (обучение на подготовительных курсах; тестирование школьников и абитуриентов; обучение российских и иностранных студентов на платной основе; консультирование по учебным дисциплинам; углубленное изучение отдельных дисциплин сверх учебной программы; дополнительное образование; обучение по индивидуальным планам; переподготовка и повышение квалификации; обучение по второй и последующим специальностям; подготовка аспирантов и докторантов).

2. Деятельность по оказанию услуг, связанных с профилем основной деятельности (научно-исследовательская деятельность на договорной основе; опытно-конструкторские разработки; создание новых технологий; издательская деятельность; медицинские услуги в вузовских клиниках и т.п.; производство продукции в подразделениях вуза; консалтинговые услуги).

3. Деятельность, не связанная с профилем основной деятельности (сдача имущества в аренду; осуществление вкладов и получение прибыли по ним; привлечение добровольных пожертвований; долевое участие в деятельности других учреждений; торговля покупными товарами, оборудованием; деятельность по предоставлению дополнительных услуг (столовая, книжный магазин и т.п.).

При этом, как отмечает И. Ермоленко, с одной стороны, коммерческое образовательное учреждение должно предоставлять качественное образование, с другой, — получать прибыль. Иногда выполнение одной задачи может наносить вред другой. Эффективно сочетать достижение и первой, и второй цели [13]. С нашей точки зрения, параллельное решение двух отмеченных задач возможно при условии реализации предпринимательского потенциала вуза. Причем данное положение в современных условиях справедливо отнести как к деятельности коммерческих, так и к функционированию государственных учреждений высшего образования.

По мнению О.Н. Булакиной, данный потенциал можно охарактеризовать как способность субъектов предпринимательства выпускать конкурентоспособные товары и услуги, удовлетворяющие образовавшиеся потребности, а также обеспечивать развитие производства посредством его организации, способствовать качественному

и количественному росту потребления [14]. При этом в структуру предпринимательского потенциала входит такой важнейший элемент, как предпринимательские способности, которые, в свою очередь, включают [15]:

— проявление инициативы по соединению других ресурсов для производства товаров либо услуг;

— принятие решений по управлению предпринимательской структурой;

— внедрение инноваций путем совершенствования производства или производства нового вида продукции;

— несение ответственности за экономический риск, связанный со всеми вышеуказанными факторами.

Б.В. Салихов и В.О. Самойлов связывают предпринимательский потенциал с реальной возможностью деятельности, которая обеспечивает инновационное использование ограниченных ресурсов в целях создания требуемых личности и обществу ценностей [16]. Ключевые особенности предпринимательского потенциала представлены в таблице 2.

Таблица 2

Важнейшие особенности предпринимательского потенциала [17]

Особенности	Содержание
Специфическое происхождение	Осознанная потребность изменения и совершенствования предпринимательской среды и (или) своего внутреннего мира
Многогранная Основа	Высокий уровень профессиональной компетентности, широкая область знаний, предпринимательский стиль мышления, духовность, нравственные ориентиры и этические ограничители
Осознанная созидательная направленность	Создание материальных и духовных ценностей, позволяющих удовлетворить общественные потребности
Своеобразный механизм реализации	Нестандартность принимаемых предпринимательских творческих решений, в основе которых лежит постоянная динамика и корректировка целей, поиск оптимальных вариантов их достижения, оценка соотношения целей, средств и результатов созидательной предпринимательской деятельности
Преобразующая роль	Изменение внешнего и внутреннего мира предпринимателя
Наличие дополнительного эффекта	Развитие творческих процессов во всей предпринимательской структуре и осуществление продуктивного творческого взаимодействия между членами предпринимательской структуры

Что касается предпринимательского потенциала вуза, то при анализе его структуры и последующей оценке целесообразно рассматривать

данный потенциал как совокупность ресурсов, компетенций и целевых ориентиров высшего учебного заведения (рис. 2).

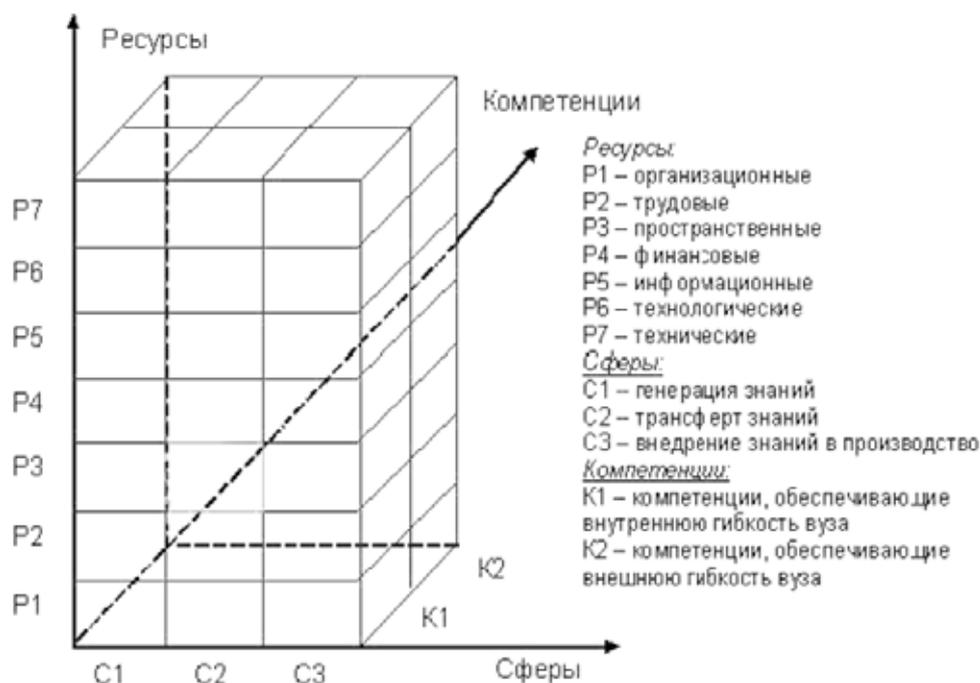

Рисунок 2. Совокупность элементов предпринимательского потенциала вуза [18]

Отметим, что в современных условиях выделяют три группы ограничений, препятствующих реализации предпринимательского потенциала вуза. Во-первых, это физические ограничения, порожденные редкостью ресурсов (финансовых, материальных, информационных). Во-вторых, технологические ограничения, отражающие уровень знаний и практического мастерства преподавателей, трансформирующих исходные ресурсы в конечный продукт вуза — образовательные услуги. Наконец, это ограничения, обусловленные институциональной структурой общества [19].

При этом механизмы реализации предпринимательского потенциала вуза, преодолевающие указанные ограничения, можно подразделить на организационные и самоорганизационные (рис. 3).

К конкретным направлениям реализации предпринимательского потенциала высших учебных заведений можно отнести:

— формирование планов набора студентов и разработки образовательных программ с учетом прогнозных тенденций развития регионального рынка труда;

— организацию двухуровневой системы подготовки специалистов (бакалавриат, магистратура);

— введение кредитной системы, дающей возможность студентам участвовать в формировании индивидуальных программ подготовки;

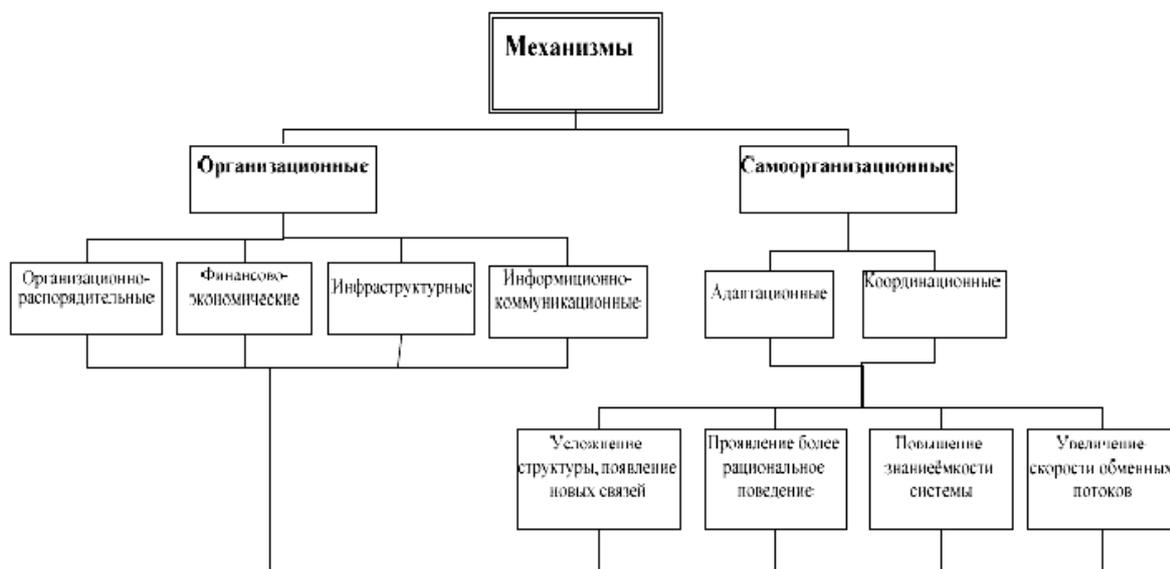
— развитие широкого спектра услуг дополнительного образования;

— организацию специализированных подразделений по взаимодействию с работодателями;

— вовлечение практических работников из профессиональной сферы в образовательный процесс;

— возможность продолжения образования, в том числе с изменением профиля;

— предложение специализированных услуг по диагностике профессиональных наклонностей и развитию навыков планирования карьеры.

Отвратительное качество.
При печати ничего не будет видно

Рисунок 3. Механизмы реализации предпринимательского потенциала вуза

Таким образом, реализация предпринимательского потенциала вуза подразумевает реализацию мероприятий по преодолению ресурсных ограничений в трех областях — генерации знаний, их доведения до студентов и

преобразования знаний в практические способности обучающихся путем внедрения образовательных инноваций, преобразования внутренней среды вуза и процесса его взаимодействия с внешней средой.

Примечания:

1. Цитировано по: Овчинникова М.М. ВУЗ как корпорация: особенности корпоративной культуры ВУЗа // Современная высшая школа: инновационный аспект. 2012. №2. С. 100-101.
2. Невдаха С.В. Предпринимательский потенциал предприятия: понятие и структура // Вестник ТГУ. 2008. Вып. 10. С. 441.
3. Адизес И. Управление жизненным циклом корпорации. СПб.: Питер, 2007. С. 190.
4. Кононова О.В., Ерыгина Л.В. Структура и институциональные формы управления процессом учебно-методической работы инновационного предпринимательского ВУЗа // Вестник Сибирского государственного аэрокосмического университета им. академика М.Ф. Решетнева. 2007. №4. С. 176.
5. Гисина О.Г., Захарова Е.Н. Особенности формирования конкурентоспособности вуза как субъекта рынка образовательных услуг // Бизнес в законе. 2013. №2.
6. Алексеев Д.А. Корпоративное издание в формировании имиджа регионального вуза (на примере комплекса изданий Ухтинского государственного технического университета): дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2005. С. 26.
7. См.: Осипов А.М., Иванов С.В. Университет как региональная корпорация // Социологические исследования. 2004. №11. С. 106.
8. Покровский Н. Корпоративный университет: утопия, антиутопия или реальность? URL: www.russ.ru/culture/education/20040805.html.
9. Сидорова Т.И. Концепция средневекового университета: к проблеме современной интерпретации понятийного комплекса «университет-корпорация» // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2009. №2. С. 94.
10. Поляков А.А., Соломатин А.В. Научно-образовательные корпорации как альтернатива ВУзам в новой экономике // Вестник университета. 2012. №7. С. 18.
11. Slaughter. S. Academic capitalism. Politics, Policies, and the Entrepreneurial University. Baltimore: The John Hopkins University Press, 1997. P. 37.
12. Степкина Е. Что такое «предпринимательская деятельность» вуза? // Высшее образование в России. 2007. №2. С. 35-36.
13. Ермоленко И. Специфика осуществления PR-деятельности в сфере платного образования. URL: www.pr-club.com/PR_Lib/Ermolenko.shtml.

14. Булакина О.С. Методика комплексной оценки предпринимательского потенциала муниципального образования // Известия ИГЭА. 2009. №4. С. 63.
15. Марченко Ю.В. Предпринимательские способности как особый элемент производственного потенциала сельского хозяйства // Научный электронный журнал КубГАУ. 2005. №4.
16. Салихов Б.В., Самойлов В.О. Частная собственность как социально-экономическая основа реализации предпринимательского потенциала // Финансы и кредит. 2006. №15. С. 68.
17. Шубаева В.Г. «Спящие» вулканы. Творческий потенциал предпринимательской структуры // Креативная экономика. 2007. №8. С. 73.
18. Мокронос А.Г., Долженкова Е.В., Маврина И.Н. Предпринимательство как вектор стратегического развития ВУЗа // Образование и наука. 2011. №10. С. 34.
19. Костылева С.Ю. ВУЗ как экономический институт // Вестник ТГУ. 2011. Вып. 10. С. 39.

References:

1. Quoted after: Ovchinnikova M.M. Higher education institution as corporation: features of corporatve culture of the higher education institution // Modern Higher School: Innovative Aspect. 2012. No. 2. P. 100-101.
2. Nevdakh S.V. Business capacity of the enterprise: concept and structure // Bull. of TGU. 2008. No. 10. P. 441.
3. Adizes I. Management of life cycle of corporation. SPb.: Peter, 2007. P. 190.
4. Kononova O.V., Erygina L.V. Structure and the institutional forms of management of educational methodical work of innovative business type higher education institution // Bull. of the Siberian State Space University named after Academician M.F. Reshetnev. 2007. No. 4. P. 176.
5. Gisina O.G., Zakharova E.N. Features of formation of competitiveness of higher education institution as a subject of the market of educational services // Business in the law. 2013. No. 2.
6. Alekseev D.A. The corporative edition in formation of image of regional higher education institution (example of a complex of editions of the Ukhta State Technical University): Dissertation for Candidate of Philology degree. SPb. 2005. P. 26.
7. See: Osipov A.M. Ivanov S.V. University as a regional corporation // Sociological Researches. 2004. No. 11. P. 106.
8. Pokrovsky N. Corporative university: utopia, anti-Utopia or reality? URL: www.russ.ru/culture/education/20040805.html.
9. Sidorova T.I. Concept of medieval university: on modern interpretation of the conceptual "University-Corporation" complex // Bull. of the Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts. 2009. No. 2. P. 94.
10. Polyakov A.A., Solomatin A.V. Scientific and educational corporations as alternative to higher education institutions in new economy // Bull. of University. 2012. No. 7. P. 18.
11. Slaughter S. Academic capitalism. Politics, Policies and the Entrepreneurial University. Baltimore: The John Hopkins University Press, 1997. P.37.
12. Stepkina E. What is higher education institution «business activity»? // The higher education in Russia. 2007. No. 2. P. 35-36.
13. Ermolenko I. Specifics of implementation of PR activity in the sphere of paid education. URL: www.pr-club.com/PR_Lib/Ermolenko.shtml.
14. Bulakina O.S. Technique of a complex assessment of enterprise capacity of municipality // IGEA News. 2009. No. 4. P. 63.
15. Marchenko Yu.V. Enterprise abilities as a special element of production potential of agriculture // Scientific Electronic Journal of KUBGAU. 2005. No. 4.
16. Salikhov B.V., Samoilov V.O. Private property as a social and economic basis of realization of enterprise potential // Finance and Credit. 2006. No. 15. P. 68.
17. Shubayeva V.G. "Sleeping" volcanoes. Creative capacity of enterprise structure // Creative Economy. 2007. No. 8. P. 73.
18. Mokronosov A.G., Dolzhenkova E.V., Mavrina I.N. Business as vector of strategic development of higher education institution // Science and Education. 2011. No. 10. P. 34.
19. Kostyleva S.Yu. The higher education institution as an economic institute // Bull. of TGU. 2011. No. 10. P. 39.

УДК 332.8
ББК 65.441
К 55

Е.А. Кобец

Кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономики предприятия Южного федерального университета, г. Таганрог. Тел.: (918) 531 19 00, e-mail: kobets_ea@mail.ru

А.В. Ханина

Аспирант кафедры инноватики и экономического проектирования Южного федерального университета, г. Таганрог. Тел.: (918) 530 41 44, e-mail: anna_smash@mail.ru

Генезис и тенденции развития сферы жилищно-коммунального хозяйства

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках конкурса поддержки молодых ученых 2013 года, РГНФ 02-160, проект №: 13-32-01218. Название: Организационно-экономический механизм модернизации функционирования предприятий сферы ЖКХ на муниципальном уровне

(Рецензирована)

Аннотация. История развития и совершенствования жилищно-коммунальной сферы позволяет проанализировать ее состояние в современных условиях и государственном устройстве, выявить тенденции развития на различных стадиях ее формирования и определить современные направления повышения эффективности деятельности коммунального хозяйства. В статье проанализированы основные формы возникновения и развития жилищно-коммунального хозяйства в царской России, СССР и современной России. Проведено обобщение основных вышеперечисленных этапов. По результатам анализа выявлены наиболее существенные продвижения в решении вопросов коммунального обслуживания населения, определены недостатки и причины их возникновения.

Ключевые слова: жилищно-коммунального хозяйство, генезис, развитие, реформа жилищно-коммунального хозяйства, концепция, модернизация.

Е.А. Kobets

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of Department of Economy of the Enterprise, the Southern Federal University, Taganrog. Ph.: (918) 531 19 00, e-mail: kobets_ea@mail.ru

A.V. Khanina

Post-graduate student of Innovatics and Economic Design Department, the Southern Federal University, Taganrog. Ph.: (918) 530 41 44, e-mail: anna_smash@mail.ru

Genesis and tendencies in development of housing and communal services

Research was implemented with financial support of RGNF within the 2013 competition of support of young scientists, RGNF 02-160, project No. 13-32-01218
“The organizational and economic mechanism of modernization of enterprise functioning in the sphere of housing and communal services at municipal level”

Abstract. The history of development and improvement of the housing-and-municipal sphere allows us to analyze its state in modern conditions and in a state system, to reveal development tendencies at various stages of its formation and to define the modern directions in increasing efficiency of municipal service activity. In the paper, an analysis is made

of the main forms of emergence and development of housing and communal services in imperial Russia, the USSR and modern Russia. Generalization of the main abovementioned stages is carried out. Based on the results of the analysis the authors show the most essential advances in the solution of questions of public service of the population, shortcomings and the reasons of their emergence.

Keywords: housing-and-communal service, genesis, development, housing and communal service reform, concept, modernization.

Возникновение и последующий процесс развития приводит к определенному состоянию сферы жилищно-коммунального хозяйства (ЖКХ). Жилищно-коммунальное хозяйство в России имеет многовековую историю, начиная с 17 века и до наших дней. Подробное исследование генезиса этого процесса позволит проследить этапы становления, развития и совершенствования жилищно-коммунальной сферы, проанализировать их состоятельность в условиях реалий времени и государственного устройства. Попытка исследования данной проблемы с этой точки зрения, на наш взгляд, является актуальной.

История становления развития сферы ЖКХ в России достаточно исследована учеными, работающими по проблематике жилищно-коммунального хозяйства. Но в тоже время авторами исследований в этой области ни в одной работе не выявлен полный и последовательный перечень всех преобразований в сфере ЖКХ на всех исторических моментах ее создания и развития. Отмечены несоответствия в хронологической последовательности событий и трактовки их сущности. Целью материала, изложенного в статье, является аналитический обзор и обобщение, а также краткий анализ наиболее значимых моментов процесса от периода зарождения ЖКХ и по настоящий период в исторической последовательности.

Одним из приоритетных направлений социально-экономических преобразований в России является создание населению комфортных условий для проживания, отдыха и жизнеобеспечения. Лишь очень небольшое количество жителей страны, имеющих высокие доходы и проживающих в частных домовладениях, могут позволить себе самостоятельно регулировать уровень

своего проживания в сфере коммунальных услуг. Основная часть населения страны зависима от деятельности коммунальных служб и поставщиков энергоресурсов. Желания жителей в основном сводятся к бесперебойности предоставления услуг и снижению их стоимости.

Днем основания структур российского жилищно-коммунального хозяйства считается апрель 1649 года, когда Государь всея Руси Алексей Михайлович утвердил Наказ о Градском благочинии [1]. В нем указано: «Чтобы грязи не было — иметь на каждом дворе дворника», «ведать всякое дворовое дело, починки и прочие дела». То есть, создан надзор на государственном уровне за исполнением функций «Общественного благочиния». Зарождение ЖКХ в царской России началось с указания по приведению в надлежащее состояние домовладений и прилегающих к ним территорий, возложение контроля над домовыми расходами и чистотой улиц на полицейских. В крупных городах проявлена забота об экологии, противопожарной безопасности. Началось строительство мостов, дорог с разделением проезда. Этот период можно считать началом перехода к более цивилизованному устройству системы ЖКХ. В конце столетия образован новый орган самоуправления — городские думы, в ведении которых было множество хозяйственных задач, связанных с жизнеустройством граждан.

К началу 20 века в крупных городах появилось электричество, водопровод и даже центральное отопление. Таким образом, к 1917 году в России происходит стремительное развитие муниципальных образований и жилищного сектора в рамках государственного строя и его возможностей.

Советский период расцвета жилищно-коммунальной сферы начался сразу

после Октябрьской революции. С ноября 1917 года начался процесс централизации управления местным хозяйством под руководством «Главного управления по делам местного хозяйства», который в этом же году был преобразован в «Комиссариат по местному самоуправлению», а далее в 1918 году в «Отдел местного хозяйства НКВД», который начал конфискацию домовладельцев доходного жилья и взимания платы за проживание в нем в пользу государства по «классовому признаку». История развития коммунального хозяйства в СССР до начала 40-х годов двадцатого столетия характеризуется значительными достижениями. Это план ГОЭЛРО, масштабное строительство жилья, создание Роскоммунбанка, парков культуры и отдыха, строительство водопроводов, канализации, водохранилищ, трамвайного сообщения и многих других элементов инфраструктуры коммунального хозяйства. За годы Великой Отечественной войны в СССР в той части, где велись бои, были полностью или частично разрушены жилой фонд и коммунальная инфраструктура. Страна начала восстанавливать заводы, фабрики, дома, транспорт. В советское время самый продолжительный и последовательный этап развития жилищной сферы и коммунальных систем начался в 50-е годы прошлого века. В этот период получил развитие процесс урбанизации, продолжавшийся до 90-х годов.

В 1957 году было принято Постановление ЦК КПСС о переходе к типовому проектированию и строительству. За несколько лет посредством внедрения новых строительных технологий и развития коммунальной инфраструктуры были построены новые микрорайоны во многих городах страны. Благодаря этому, к 1980 году средняя обеспеченность жильем выросла от 10 кв. м на человека до 15,5 кв. м. Но в то же время, дефицит ресурсов, низкая квалификация рабочих-строителей, неэффективное управление сферой жизнеобеспечения городов постепенно начала приводить к застою в отраслях строительства и жилищно-коммунального хозяйства.

Попытки административной системы управления, существовавшей в хозяйственной деятельности СССР, не привели к улучшению ситуации в строительстве и эксплуатации жилья и объектов инфраструктуры. Страна постепенно входила в затяжной экономический кризис, в связи с чем возникли финансовые проблемы в развитии строительной и коммунальной отраслей. Тем не менее, в период существования СССР была сформирована основа инфраструктуры муниципальной сферы, достижениями которой современная Россия пользуется до настоящего времени.

Характерные черты переходного периода в развитии жилищной сферы приходятся на начало 90-х годов. А именно, существовавшая в СССР в течение длительного времени государственная система распределения жилья была разрушена; для населения, предприятий и организаций значительно повысились тарифы на жилищно-коммунальные услуги; началось появление рынка жилья благодаря приватизации государственного и муниципального жилищного фонда; на предприятиях жилищно-коммунальной сферы стали вводиться новые организационно-правовые формы деятельности.

Объемы строительства жилья сократились. Возросшие расходы на оказание жилищно-коммунальных услуг не покрывали затраты на их содержание, т.к. стоимость коммунальных услуг, оплачиваемых населением, была недостаточной. И хотя государство расходовало на сферу ЖКХ 4 % ВВП, в связи с неэффективным их использованием, этих средств на компенсацию содержания жилищно-коммунальной сферы не хватало. Все это, конечно, не отражало полный перечень затронутых вопросов, что указывало на сложность причин, сформировавшихся в самой структуре жилищно-коммунальной сферы, и вызывало необходимость поиска направлений решения этих проблем.

В целях более полной компенсации покрытия расходов владельцев квартир принят Указ «О временном положении «О кондоминиумах» (1993 г.) [2],

закон «О товариществах собственников жилья (ТСЖ)» (1996 г.) [3] и указ «О реформе ЖКХ» (1997 г.) [4]. Эти документы предполагали, что к 2003 году доля населения в оплате жилья достигнет 100 %. Однако, в связи с низким уровнем доходов населения реализация этих планов была отложена Госдумой до 2008 года. Принятая в 2001 году подпрограмма «Реформирование и модернизация жилищно-коммунального комплекса РФ» федеральной целевой программы «Жилище» на 2002-2010 гг. [5]. Впоследствии был принят новый Жилищный кодекс (2004 год) [6], который ввел договор об управлении многоквартирным домом, явившийся новой формой гражданско-правового договора.

С 1 января 2007 г. в Жилищном кодексе появилась возможность для жильцов домов отказаться от услуг государственных и муниципальных ЖЭУ и выбирать один из вариантов обслуживания. Это товарищества собственников жилья (ТСЖ), управляющие компании (УК). В случае, если жильцы дома не создали ТСЖ, муниципалитет на конкурсной основе производит выбор управляющей организации. Если управляющая компания плохо справляется со своими обязанностями, то собрание собственников жилья может самостоятельно расторгнуть договор с такой компанией, выбрать и заключить новый договор с другой компанией. ТСЖ может не выбирать управляющую компанию, а самостоятельно заключать договоры с поставщиками коммунальных услуг.

Переход России к рыночным отношениям коренным образом изменил систему оплаты коммунальных услуг и квартплаты [7]. Вся инфраструктура жилищно-коммунального хозяйства начала работать в режиме рыночного механизма и полностью покрывать свои затраты за счет жителей. Объекты социальной сферы (образование, медицина, культура, спорт, общественные организации и другие) числятся на балансе у муниципалитетов, и поэтому все расходы в сфере ЖКХ данных образований ложатся на плечи городских

властей. Ежегодное увеличение стоимости коммунальных услуг негативно отражается в сознании граждан. Тем более, они видят, что жилищно-коммунальное хозяйство в течение двадцатилетнего периода новой России является «черной дырой», несмотря на увеличение ежегодных финансовых вливаний. Износ жилищного фонда и коммунальной инфраструктуры достиг в большинстве строений 60-70 %, то есть база ЖКХ, заложенная в советское время, до сих пор функционирует, а вместо ее модернизации и замены, в основном используются ремонтные работы. Финансовых ресурсов для этого даже на среднесрочный период явно недостаточно, а формирование их за счет внебюджетных источников трудно реализуемо.

В принятой Концепции среднесрочной программы Правительства РФ реформирования экономики на 1997-2000 год ставились задачи по снижению тарифов и издержек на ЖКУ, развитию конкуренции в сфере ЖКХ, переходу на договорную основу между субъектами потребления, хозяйствования и собственности [8]. Также уделялось внимание укреплению системы адресной поддержки малообеспеченных семей, и разрабатывался план мероприятий по постепенному переходу от бюджетного дотирования к оплате услуг потребителями.

Реализация этой концепции принесла некоторые успехи, особенно в развитии конкуренции между управляющими компаниями, среди которых, к сожалению, выявилось достаточное количество неэффективных и даже криминальных. Таким образом, желание государства переложить свои заботы в сфере ЖКХ на частный бизнес пока не дает ожидаемых результатов [9].

Правительство России, обеспокоенное замедленным процессом реформирования жилищно-коммунальной сферы, разработало целевую программу «Жилище». Подпрограмма «Реформирование и модернизация жилищно-коммунального комплекса Российской Федерации» была разработана в рамках этой целевой программы на 2002-

2010 годы. В связи с реализацией целей программы основополагающей идеей экономической реформы жилищно-коммунального хозяйства можно выделить передачу права распоряжения всеми бюджетными ресурсами от коммунальных предприятий непосредственно гражданам [10]. При этом важным моментом является передача потребителям функций, как заказчика, так и контролера услуг ЖКХ.

К началу 2013 года стало ясно, что не полностью решены следующие задачи, которые были заявлены в рамках Федеральной целевой программы «Жилище»: не искоренено перекрестное субсидирование тарифов; санация жилищно-коммунальных предприятий осуществлена частично; предоставление категориальных льгот к субсидированию малообеспеченных семей затруднено оформлением многочисленных справок и документов; качество предоставляемых жилищно-коммунальных услуг остается на низком и в лучшем случае среднем уровне; выделяемые правительством бюджетные средства для модернизации жилищно-коммунального комплекса, часто осваиваются не в полном объеме.

В связи с этим Правительством РФ принята новая концепция Федеральной целевой программы «Комплексная программа модернизации и реформирования жилищно-коммунального хозяйства на 2010–2020 годы» [11]. Обеспечение к 2020 году собственников квартир коммунальными услугами надлежащего качества и приемлемой стоимостью коммунальных услуг при стабильной работе коммунальной инфраструктуры являются целями данной Программы.

Предполагается решение следующих задач для достижения поставленных целей: стоимость жилищно-коммунальных услуг довести до уровня, приемлемого для большинства населения; обеспечить многоквартирные дома к 2020 году всеми видами коммунальных услуг; обеспечить многоквартирные дома всеми видами надежных и эффективных коммунальных услуг путем реконструкции и модернизации систем коммунальной инфраструктуры

посредством реализации государственных программ по реализации поставок жизнеобеспечивающих коммунальных ресурсов.

В целях обеспечения уровня полного благоустройства к 2020 году многоквартирных домов планируется осуществить следующий комплекс мероприятий: обеспечение эффективного финансирования реконструкции многоквартирных домов; осуществление полного благоустройства и создание современного технического состояния многоквартирных домов с помощью их реконструкции, а также использования полного использования коммунальных ресурсов путем разработки системы требований к данной проблеме; сокращение объемов бюджетного софинансирования для реконструкции многоквартирных домов и переориентация собственников на заемные средства у банков с возмещением процентов по кредитам на эти цели; для повышения благоустроенности многоквартирных домов обеспечить возможность льготного кредитования собственников помещений.

В данной программе большое внимание уделяется обеспечению качественных и надежных поставок коммунальных ресурсов путем всеобъемлющей реконструкции и модернизации инфраструктурных коммунальных систем [12]. Для этого необходимо:

— разработать принципиально новую комплексную систему планирования, необходимую для эффективного развития и модернизации систем коммунальной инфраструктуры;

— разработать механизмы для стимулирования инвестиций в коммунальную инфраструктуру, которые обеспечат повышение надежности и эффективности поставки коммунальных ресурсов, позволяющие формировать долгосрочные экономически обоснованные тарифы, инвестиционные надбавки, методы доходности на инвестированный капитал, использование двухставочных тарифов;

— создание единых баз муниципальных информационных ресурсов, доступных населению, повышение

регламентационных взаимоотношений между ресурсоснабжающими организациями и собственниками помещений в многоквартирном доме в целях взаимного контроля между поставщиками и потребителями коммунальных услуг по их поставке и оплате;

— усилить государственную поддержку для компенсации расходов по уплате процентов по кредитам, а также выделенным бюджетным субсидиям в целях реконструкции и модернизации коммунальной инфраструктуры в сельских поселениях и малых городах;

— разработка мероприятий по повышению финансовой состоятельности товариществ собственников жилья и управляющих компаний и стимулированию авансовой оплаты коммунальных услуг.

В рамках реализации мер для населения по обеспечению доступности стоимости жилищно-коммунальных услуг стоит, в первую очередь, упорядочить регламентацию взаимоотношений между собственниками помещений, товариществ собственников жилья, управляющих компаний и ресурсоснабжающих организаций [13]. В связи с этим необходимо повышение ответственности при заключении договоров ресурсоснабжения с учетом различных форм организации управления многоквар-

тирным домом. Для повышения качества коммунальных услуг государству необходимо создать необходимые условия для роста конкуренции не только между управляющими компаниями, но и ресурсоснабжающими организациями, упорядочить на уровне законодательства в отношении многоквартирных домов определение особенностей энергосервисных контрактов [14].

Программы модернизация сферы ЖКХ на предстоящий временной период разработаны большинством партий, представленных в парламенте страны, а также «Союзом правых сил». Реализация главных задач, поставленных в этих программах, по ряду моментов имеет различные экономические и управленческие подходы, но цель их достижения сводится к единому индикатору — это обеспечение комфортного, надежного, качественного и финансово освоенного функционирования сферы ЖКХ [15].

Реализация принятой концепции развития ЖКХ, предложенной Правительством Российской Федерации [16], находится еще в начале пути, и делать серьезные выводы по ее эффективности пока преждевременно. Тем не менее, на сегодняшний день, налицо отставание реализации многих мероприятий в рамках целевой программы.

Примечания:

1. Портал поддержки предпринимательства в жилищно-коммунальном хозяйстве. URL: http://www.comhoz.ru/content/document_r_CA5916BE-9775-4B1D-B294-C8E2D190EF67.html (дата обращения: 27.03.2013)

2. Об утверждении Временного положения о кондоминиуме: Указ Президента РФ от 23 декабря 1993 г. №2275 // СПС КонсультантПлюс. М., 2013. [Документ утратил силу в связи с изданием Указа Президента РФ 19.10.1996 №1472]

3. О товариществах собственников жилья: Федеральный закон от 15 июня 1996 г. №72-ФЗ // СПС КонсультантПлюс. М., 2013. [Документ утратил силу с 1 марта 2005 года в связи с принятием Федерального закона от 29.12.2004 №189-ФЗ].

4. О реформе жилищно-коммунального хозяйства в Российской Федерации: Указ Президента РФ от 28 апреля 1997 г. №425 // СПС КонсультантПлюс. М., 2013. [Документ утратил силу в связи с изданием Указа Президента РФ 31.01.2007 №114].

5. О подпрограмме «Реформирование и модернизация жилищно-коммунального комплекса РФ» федеральной целевой программы «Жилище» на 2002-2010 гг.: Постановление Правительства РФ от 17.11.2001 №797 // СПС КонсультантПлюс. М., 2013. [Документ утратил силу с 1 января 2006 года в связи с изданием Постановления правительства РФ от 31.12.2005 №865].

6. Жилищный кодекс РФ от 29.12.2004 N 188-ФЗ: [ред. от 05.04.2013] // СПС КонсультантПлюс. М., 2013.

7. Об утверждении Программы Правительства Российской Федерации «Структурная перестройка и экономический рост в 1997-2000 годах»: Постановление от 31 марта 1997 г. №360 // СПС КонсультантПлюс. М., 2013.

8. Кобец Е.А. Конкурентные позиции муниципальных образований // Известия Южного федерального университета. Технические науки. 2008. Т. 87, №10. С. 82-86.

9. Кобец Е.А. Энергосбережение в экономике России: проблемы, пути, решения, первые результаты // Национальные интересы приоритеты и безопасность. 2012. №32 (173). С. 25.

10. Методические подходы к оценке эффективности субъектов муниципального образования / А.Ю. Казанская, Е.А. Кобец, Т.А. Макареня, С.С. Соханевич // Вестник ИНЖЭКОНа. Сер. Экономика. 2009. Т. 32, №5. С. 84-94.

11. Концепция Федеральной целевой программы «Комплексная программа модернизации и реформирования жилищно-коммунального хозяйства на 2010-2020 годы»: [утверждена распоряжением Правительства РФ от 2 февраля 2010г. №102-п] // Гарант: информационно-правовой портал. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/2207682/>

12. Кобец Е.А., Макареня Т.А., Налесная Я.А. Совершенствование процесса управления муниципальными предприятиями в сфере жилищно-коммунального хозяйства // Региональная экономика: теория и практика. 2008. №10. С. 101-109.

13. Кобец Е.А. Оперативные показатели экономической деятельности предприятий — эффективный инструмент региональной политики // Известия Таганрогского государственного радиотехнического университета. 2007. Т. 74, №2. С. 74-77.

14. Тамов А.А., Науменко А.В. Методологические аспекты формирования системы стратегического управления экономикой муниципального образования // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 5, Экономика, 2011. №4. С. 105-109.

15. Кобец Е.А., Кобец С.Н. Газосбережение и развитие газового хозяйства города // Региональная экономика: теория и практика. 2011. №27 (210). С. 40.

16. Кобец Е.А., Защитина Е.К. Повышение трудового потенциала как аспект модернизации экономики страны // Известия ЮФУ. Технические науки. Темат. вып. «Информационные и гуманитарные технологии в управлении экономическими и социальными системами». Таганрог: Изд-во ТТИ ЮФУ, 2012. №8 (133). С. 80.

References:

1. Portal of support of business in housing and communal services. URL: http://www.comhoz.ru/content/document_r_CA5916BE-9775-4B1D-B294-C8E2D190EF67.html (address date: 27.03.2013)

2. On the adoption of Temporary provision on condominium: Decree of the President of the Russian Federation of December 23, 1993 No. 2275 // Legal-Reference System ConsultantPlus. M., 2013. [The document has become invalid in connection with the publication of the Decree of the President of the Russian Federation of 19.10.1996, No. 1472]

3. About associations of owners of housing: The federal law of June 15, 1996 No. 72-FZ // Legal-Reference System ConsultantPlus. M., 2013. [The document has become invalid since March 1, 2005, in connection with adoption of the Federal law of 29.12.2004, No. 189-FZ].

4. About housing and communal services reform in the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation of April 28, 1997, No. 425 // Legal-Reference System ConsultantPlus. M., 2013. [The document has become invalid in connection with the publication of the Decree of the President of the Russian Federation of 31.01.2007, No. 114].

5. On the subprogramme «Reforming and modernization of the housing-and-municipal complex of the Russian Federation» of the Federal Target program “Dwelling” for 2002-2010: Resolution of the Government of the Russian Federation of 17.11.2001 No. 797 // Legal-Reference System ConsultantPlus. M., 2013. [The document has become invalid since January 1, 2006 in connection with the publication of the Resolution of the Government of the Russian Federation of 31.12.2005, No. 865].

6. Housing Code of the Russian Federation of 29.12.2004 N 188-FZ: [edition of 05.04.2013] // Legal-Reference System ConsultantPlus. M., 2013.

7. On the approval of the Program of the Government of the Russian Federation «Restructuring and economic growth in 1997-2000»: The resolution of March 31, 1997, No. 360 // Legal-Reference System ConsultantPlus. M., 2013.

8. Kobets E.A. Competitive positions of municipalities // News of the Southern Federal University. Technical Science. 2008. V. 87, No. 10. P. 82-86.

9. Kobets E.A. Energy saving in economy of Russia: problems, ways, decisions and first results // National Interests, Priorities and Security. 2012. No. 32 (173). P. 25.

10. Methodical approaches to an assessment of efficiency of subjects of municipality / A.Yu. Kazanskaya, E.A. Kobets, T.A. Makarenya, S.S. Sokhanevich // Bull. of INZhEKON. Economy. 2009. V. 32, No. 5. P. 84-94.

11. Concept of the Federal target program «The Comprehensive Program of Modernization and Housing and Communal Service Reforming for 2010-2020»: [it is approved by the order

of the Government of the Russian Federation of February 2, 2010 No. 102-r] // Garant: information — legal portal. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/2207682/>

12. Kobets E.A., Makarenya T.A., Nalesnaya Ya.A. Improvement of management of the municipal enterprises in housing and communal service sphere // Regional economy: theory and practice. 2008. No. 10. P. 101-109.

13. Kobets E.A. Operational indicators of economic activity of the enterprises — the effective tool of regional policy // News of the Taganrog State Radio Engineering University. 2007. V. 74, No. 2. P. 74-77.

14. Tamov A.A., Naumenko A.V. Methodological aspects of formation of system of strategic management of municipality economy // Bull. of Adyghe State University. Economics. 2011. No. 4. P. 105-109.

15. Kobets E.A., Kobets S.N. Gas saving and development of gas economy of the city // Regional Economy: Theory and Practice. 2011. No. 27 (210). P. 40.

16. Kobets E.A., Zashchitina E.K. Increase of labor potential as aspect of modernization of national economy // YuFU News. Technical science. Issue «Humanities and Information Technologies in Management of Economic and Social Systems». Taganrog: TTI YuFU Publishing House, 2012. No. 8 (133). P. 80.

УДК 332.8
ББК 65.441.352
М 15

Т.А. Макареня

Доктор экономических наук, заведующий кафедрой инженерной экономики Южного федерального университета, г. Таганрог. Тел.: (918) 507 03 97, e-mail: tamakarenya@sfedu.ru

С.В. Сташ

Ассистент кафедры инженерной экономики Южного федерального университета, г. Таганрог. Тел.: (928) 61 44 126, e-mail: svstash@sfedu.ru

Определение нормативной потребности в ресурсах на услуги водоснабжения

Данная статья подготовлена в рамках гранта РГНФ №13-32-01218
«Организационно-экономический механизм модернизации
функционирования предприятий ЖКХ на муниципальном уровне».

(Рецензирована)

Аннотация. В статье проанализированы затраты коммунального предприятия на предоставляемые услуги водоснабжения; выявлены статьи затрат и предложены мероприятия по снижению себестоимости услуги водоснабжения для потребителей; рассмотрена система формирования тарифа, предусматривающая определенные статьи затрат, по которой формируется обоснованная цена на услуги; определены направления формирования тарифа, базирующиеся на изучении состава и структуры затрат в динамике за ряд лет; представлены причины, препятствующие объективному подсчету нормативов в ресурсах на услуги водоснабжения; предложен механизм определения нормативов жилищно-коммунальных услуг и затрат, базирующийся на общих нормативах качества обслуживания, трудовых нормативах и техническом составе основных средств.

Ключевые слова: нормативы потребления, услуги водоснабжения, затраты, себестоимость услуги.

Т.А. Makarenya

Doctor of Economic Sciences, Head of Department of Engineering Economics, Southern Federal University. Taganrog. Ph.:(918) 507 03 97, e-mail: tamakarenya@sfedu.ru

S.V. Stash

Assistant Lecturer of Department of Engineering Economics, Southern Federal University. Taganrog. Ph.: (928) 61 44 126, e-mail: svstash@sfedu.ru

Determination of regulatory requirements for water resource services

This paper was implemented with financial support of RGNF grant No. 13-32-01218

“The organizational and economic mechanism of modernization of enterprise functioning in the sphere of housing and communal services at municipal level”

Abstract. An analysis is made of the utility costs for the water supply services. The authors identified cost items and proposed measures to reduce the cost of water services to consumers. The paper examines the formation of the tariff system, which provides certain cost items to form a reasonable price for the services. The directions of the rate formation, basing on a study of the composition and structure of costs in time series are defined. The reasons that hinder the objective counting standards in resources for water supply are

presented. The authors propose a mechanism for determining the standards of housing and communal services and costs, basing on common standards of service quality, labor standards and technical plant in equipment.

Keywords: consumption standards, water services, costs, prime cost of service.

Коммунальные предприятия являются одной из важнейших социальных отраслей экономики, которая обеспечивает население, предприятия и организации необходимыми жилищно-коммунальными услугами и существенно влияет на развитие экономических взаимоотношений в государстве. Однако отраслевые особенности жилищно-коммунального хозяйства и плохо адаптированная к ним система управления не способствуют рациональному использованию затрат.

Доход от деятельности коммунального предприятия определяется по ценам / тарифам на услуги. Принимая во внимание специфику деятельности коммунальных предприятий, можно сделать вывод о том, что увеличить прибыль можно путем уменьшения себестоимости поставляемых услуг. Очевидно, что ее снижение достижимо путем уменьшения затрат на производство услуги [1].

Система предоставления жилищно-коммунальных услуг — это взаимодействие между предприятиями-поставщиками жилищно-коммунальных услуг и потребителями, правила деятельности которых регулируют законодательные акты органов государственной власти [2].

Процесс взаимодействия между предприятиями-поставщиками и потребителями представляет собой обмен средствами и услугами. Он включает в себя обмен информацией о необходимом количестве энергии и материалов, которые используют предприятия коммунального хозяйства из внешней среды. К примеру, для оказания услуг водоснабжения необходимы гидроресурсы.

Услуги электро-, водо- и газоснабжения не могут предоставляться персонально, они предоставляются совокупности потребителей в силу технологических особенностей и развития системы предоставления жилищно-коммунальных услуг в стране.

Рассматриваемые услуги водоснабжения регулируются на муниципальном уровне путем установления тарифов на водоснабжение. Для обеспечения населения качественными услугами, обновления и модернизации основных фондов объектов коммунального назначения необходимо осуществлять регулирование на основе использования административного метода в целях гарантированного предоставления этих услуг [2].

Целью данной статьи является анализ механизма определения нормативов потребления ЖКУ и затрат, а также анализ затрат коммунального предприятия.

Норматив потребления услуг водоснабжения представляет собой усредненную месячную подушную величину коммунального ресурса. Норматив предполагает, что потребитель ежемесячно расходует определенное количество кубометров холодной / горячей воды. Такие нормативы предназначены для потребителей, не имеющих счетчиков, но также могут быть использованы при подсчете бюджетных затрат на компенсации получателям субсидий и льгот.

К основным видам нормативов потребления услуг водоснабжения относятся:

- нормативы на горячее водоснабжение;
- холодное водоснабжение;
- канализование — единственный вариант оплаты данной услуги, поскольку счетчиков для него не предусмотрено.

В каждой из перечисленных категорий есть свои подкатегории, определяемые исходя из уровня благоустройства отдельно взятой квартиры (индивидуального дома) и её технических особенностей. Например, при формировании тарифа на водоотведение берется в расчет наличие в квартире не только холодного, но и горячего водоснабжения.

Существует ряд причин, которые препятствуют объективному подсчету

нормативов потребления услуг водоснабжения:

1. Потери ресурсоснабжающих предприятий оплачивают как по счетчикам, так и по нормативам потребления коммунальных услуг. Эти расходы включаются в себестоимость тарифа, измеряемого в кубометрах.

2. В ряде регионов предпринимаются попытки искусственно увеличить нормативы потребления коммунальных услуг, списывая на них чрезмерно высокие потери коммунальных ресурсов, из-за чего в соседствующих населенных пунктах, имеющих примерно одинаковые условия проживания, нормативы потребления коммунальных услуг могут сильно различаться.

3. Одна из особенностей нормативов потребления коммунальных услуг в нашей стране — колоссальная энергорасточительность [3].

Отрасль жилищно-коммунального хозяйства представляет собой комплекс предприятий, каждое из которых выполняет определенную функцию по содержанию и эксплуатации жилищного фонда, поэтому одной из основных задач управленческого и финансового учета в организациях, оказывающих жилищно-коммунальные услуги, является учет основных средств, затрат на эксплуатацию, калькулирование себестоимости услуг ЖКХ, учет получаемых из бюджета средств целевого финансирования [4].

Реформы, проводимые в сфере жилищно-коммунального хозяйства, направлены, в первую очередь, на повышение надежности оказываемых услуг и снижение их удельного потребления. Снижение расходов на производство услуг — одна из основных задач реформы ЖКХ, которая предусматривает осуществление последовательных действия органов ценового регулирования по формированию экономически обоснованных тарифов на услуги ЖКХ [4].

Формирование тарифа для потребителя предусматривает определенные статьи затрат, по которым формируются обоснованные цены на услуги. Чаще всего причиной резкого увеличения

тарифов являются новые нормативы потребления услуг, изменение в порядке начисления платежей на коммунальные услуги или появление новых правил оплаты труда общедомовых нужд. Проблемы не только в тарифах, а в том, что с их помощью считается. С 1 января 2013 г. плата за коммунальные услуги выросла в 49 регионах а её максимальный рост составил 225% (Мурманская область) [5].

При изменении статей затрат по сравнению с предыдущим периодом по каждой статье дается обоснование увеличения или снижения затрат на основании бухгалтерских документов. Регулирование ведется календарный год, и предприятия, оказывающие услуги, ведут отдельный учет по видам услуг по районам города и городу в целом. [4]

Одним из направлений формирования тарифов является изучение состава и структуры затрат в динамике за ряд лет, что позволяет определить основные потоки резервов снижения себестоимости.

Органами регулирования тарифов на услуги систем водоснабжения и водоотведения являются региональные службы по тарифам (до 2010 года установление тарифов осуществлялось органами местного самоуправления).

Тарифы на услуги водоснабжения, водоотведения и очистки сточных вод устанавливают в соответствии с предельным индексом, установленным федеральным органом исполнительной власти. Предельный индекс, как правило, определяется исходя из прогноза социально-экономического развития Российской Федерации на период регулирования.

Система формирования цены, основанная на ограничении рентабельности предприятий-поставщиков услуг, практически не заинтересована в снижении затрат на услуги и не создает стимулов к повышению эффективности их деятельности, ведь снижение затрат приводит к снижению цены за единицу услуги, в то время как рост затрат предполагает под собой увеличение цены. Как следствие, система жилищно-коммунального хозяйства,

основанная на монополистических принципах, ведет к заинтересованности предприятий в повышении, а не в снижении затрат.

Значительная роль в процессе управления и обслуживания ЖКХ отводится управляющим компаниям, которые, в свою очередь, должны контролировать не только полноту и качество предоставляемых услуг, но и правильно анализировать структуру себестоимости, не допуская увеличения объемов затрат и применения необоснованных коэффициентов, которые могут увеличивать сметную стоимость.

Себестоимость как экономическая категория представляет собой выраженные в денежном эквиваленте затраты предприятий водопроводно-канализационного хозяйства на оказание услуг потребителям.

Себестоимость услуг водоснабжения складывается из следующих затрат:

- обслуживание основным фондов (амортизация, ремонт);

- управление технологическими процессами подъема воды, ее очистки и транспортировки до потребителя.

Себестоимость услуг водоотведения складывается из следующих затрат:

- перекачка сточной жидкости, ее очистка, транспортировка и утилизация;

- использование материальных, топливно-энергетических, трудовых и др. видов ресурсов.

Планирование себестоимости является одним из основных этапов формирования экономически обоснованных тарифов предприятий водопроводно-канализационного хозяйства, позволяющих отказаться от воспроизводства нерациональных затрат [6].

Себестоимость услуг водоснабжения и водоотведения представляет собой элементы затрат, которые включают в себя 7 пунктов.

Рассмотрим отдельно каждую статью затрат.

1. Электроэнергия — одна из наиболее значимых статей затрат. Расход электроэнергии определяется на основании мощности установленного оборудования и количества часов работы,

в соответствии с существующими технологиями. Очевидно, что тарифы на электроэнергию не зависят от предприятия, удельный же расход электроэнергии напрямую связан с его деятельностью. Также значительное влияние на расход электроэнергии оказывает состояние сетей, высокий уровень износа. Помимо знаний о технологических нуждах предприятия и знаний расчетов, необходимо учитывать объективные факторы, которые могут влиять на расход электроэнергии (например, протяженность сетей или плотность населения).

2. Материалы включают затраты на химические реагенты, которые необходимы для очистки воды и обеззараживания сточных вод. Потребность в материалах определяется на основании нормативных данных, в соответствии с рекомендациями лабораторных испытаний и анализа фактических данных. Доза же зависит от физико-химических свойств обрабатываемой воды и требований к качеству очистки.

3. Амортизация — в данной статье затрат отражена сумма отчислений на полное восстановление основных фондов и ускоренная амортизация активной части.

4. Ремонт и техническое обслуживание — на предприятиях ЖКХ создается ремонтный фонд, который отвечает за проведение ремонта сооружений и сетей, имеющих длительный срок использования и высокую стоимость ремонтов. Также сюда включены затраты на капитальный ремонт и аварийно-восстановительные работы, в которых необходимо учитывать оплату труда работникам ремонтных служб и отчисления на социальные нужды, затраты на материалы и запасные части, используемые для ликвидации аварий, горючее и смазочные материалы, общеэксплуатационные расходы и т.д.

5. Оплата труда занимает самый большой удельный вес в структуре затрат и включает в себя затраты на оплату труда и отчисления на социальные нужды работников отрасли «Коммунальное хозяйство», работников аварийно-восстановительных работ, цеховых рабочих, административно-

управленческого персонала и работников вспомогательного производства.

6. Цеховые расходы включают в себя расходы на топливо и смазочные материалы. Для определения данной статьи затрат необходим список транспортных средств и количество единиц техники.

7. Налоги и другие обязательные платежи (НДФЛ, налог на имущество, госпошлина, целевые сборы и т.д.).

Под методом учета затрат на производство и калькулирование себестоимости продукции принято понимать совокупность приемов документирования и отражения производственных затрат, обеспечивающих определение фактической себестоимости продукции и необходимую информацию для контроля за процессом ее формирования [7]. Существующие методы учета затрат можно классифицировать по двум основным направлениям: объектам учета затрат и оперативности контроля за затратами.

Технологические и организационные факторы производства, длительность производственного цикла, количественные и качественные характеристики продукции влияют на выбор способов и приемов учета производственных затрат и калькулирования себестоимости. Так, действующие системы можно классифицировать по объектам группировки как:

- попроцессный метод;
- попередельный метод;
- позаказный метод.

При попроцессном методе учета затрат прямые и косвенные затраты учитываются по статьям калькуляции за весь объем предоставленных услуг. При этом система распределения затрат зависит от характера производства и видов услуг (продукции, работ).

Попередельный метод затрат применяют на предприятиях, для которых характерно разделение технологического процесса на отдельные фазы обработки исходного сырья, и в производствах с повторяющейся, однородной по исходному сырью, материалам и массовому характеру выпуска продукцией.

Сущность позаказного метода заключается в том, что все прямые основные затраты учитываются по статьям каль-

куляции по отдельным производственным заказам, выдаваемым на заранее определенное количество изделий (продукции) данного вида. Объектом учета затрат и объектом калькулирования при этом методе является отдельный производственный заказ, фактическая себестоимость которого определяется после его изготовления [7].

В особенности планирования и учета затрат, включаемых в себестоимость услуг в организациях жилищно-коммунального хозяйства, входит определение служб, выполняющих функции заказчика и их взаимоотношения с организациями жилищно-коммунального хозяйства. Так, например, основные средства инженерной инфраструктуры могут находиться в хозяйственном ведении организации-подрядчика или службы, выполняющей функции заказчика с последующей передачей на обслуживание организаций ЖКХ [7].

Таким образом, калькулирование себестоимости единицы услуг, необходимой для обоснования уровня тарифов, определения прибыли, оценки эффективности технологических, организационных и экономических мероприятий по совершенствованию деятельности организаций жилищно-коммунального хозяйства необходимо рассматривать с учетом специфики производства и реализации услуг. В организациях водопроводно-канализационного хозяйства калькуляционной единицей является один куб.м отведенной сточной жидкости [8].

Согласно методике планирования, учета и калькуляции себестоимости услуг жилищно-коммунального хозяйства, утвержденной в 1999 г., калькуляционные таблицы включают в себя объемные показатели в натуральных единицах измерения и затраты предприятия по установленной номенклатуре калькуляционных статей.

Водоснабжение — объемные показатели в натуральных ед. измерения:

- поднято воды;
- расход на собственные нужды;
- получено воды со стороны;
- подано воды в сеть;
- реализовано воды

Водоотведение — объемные показатели в натуральных ед. измерения:

- пропущено сточных вод;
- пропущено через очистные сооружения;
- передано сточных вод на очистку другим канализациям.

В настоящее время в организациях ВКХ используется поперечный метод учета затрат и калькулирования себестоимости услуг и выделены следующие переделы: подъем воды; очистка воды; транспортировка воды [9, 10].

Достоинство метода заключается в том, что он позволяет определять себестоимость продукции отдельных технологических стадий — переделов.

Существует метод снижения себестоимости, при котором основным направлением является анализ источников образования расходов. Основной принцип — выявление причин и их устранение. Для определения резервов снижения себестоимости важно выяснить, какие издержки занимают в затратах наиболее весомые позиции, и исходя из них, определить приоритетные направления для осуществления мероприятий по снижению себестоимости [4].

Основные направления учета затрат при эффективном использовании оказывают решающее воздействие на результативный показатель, а именно влияют на снижение себестоимости услуги, что в конечном итоге приводит к уменьшению платы за эту услугу.

Так, более эффективное использование предметов труда (оборотные фонды и средства) приведет к экономии следующих составляющих затрат: сырья, материалов, топлива, газо- и водоснабжения, электроэнергии для производственных нужд и др.

Экономия сырья и материалов является главным направлением сокращения себестоимости и важным фактором повышения эффективности производства.

Источником снижения себестоимости, связанным с трудом, который является звеном между предметами труда и средствами труда, является

увеличение заработной платы и средств материального стимулирования. Общеизвестно, что при низкой заработной плате заинтересованность работника на максимальный эффект отсутствует.

Затраты общепроизводственные, транспортные, на охрану труда и НИ-ОКР, на рекламу и транспортировку напрямую зависят от принимаемых руководством управленческих решений, что предполагает под собой высокий уровень квалификации работников, занимающихся организацией производства, труда и управления.

Таким образом, при учете всех этих факторов появляется возможность снижения стоимости услуг, повышая при этом их качество.

Предоставление услуг водоснабжения происходит в общественном секторе экономики, где государство реализует функцию распределения доходов и ресурсов, обуславливая необходимость государственного регулирования и управления.

Институциональный и организационный базис формирования и регулирования сферы ЖКУ учитывает сложившуюся разноуровневую систему регулирования сферы. Авторами предлагается система организационно-экономического механизма, которая должна включать несколько составляющих:

- разработку и формирование тарифов;
- нормативы потребления ЖКУ и затрат;
- управление сферой ЖКУ на муниципальном уровне;
- взаимодействие с клиентами [2].

Все вышеуказанные составляющие представлены на рисунке 1 и необходимы для обеспечения эффективной организационной системы механизма регулирования сферы ЖКУ, т.к. они позволяют учитывать величину потребления услуги и нормировать величину расходов, определить единый механизм формирования тарифов с учетом разноуровневого подхода к их установлению и непосредственный механизм управления ЖКУ муниципального образования [2].

Рисунок 1. Механизм определения нормативов потребления услуг водоснабжения и расчета затрат для обоснования тарифов

Механизм определения нормативов и потребления услуг водоснабжения и затрат базируется на минимальных стандартах, общих нормативах качества обслуживания, нормативах затрат на материально-техническое обслуживание, трудовых нормативах и техническом составе основных средств, что позволяет учитывать степень обеспеченности различными видами ресурсов, уровень износа основных средств и соответственно покрывать издержки, что существенно отличается от подходов по установлению федеральных стандартов стоимости ЖКУ, основным фактором которых является учет динамики заработной платы.

Из всего вышесказанного можно сделать ряд выводов:

1) Определение нормативной потребности в ресурсах на услуги водоснабжения является важной составляющей ценообразования на предоставляемые услуги. Соответственно, для выделенных статей затрат приоритетным направлением является снижение себестоимости.

2) В каждом городе и населенном пункте существует своя управляющая компания (водоканал), определяющая нормативы потребления на услуги исходя из ее себестоимости, определяемой по элементам затрат, которые во многом зависят от внешних факторов.

3) Нормативы потребления услуг водоснабжения необходимо обосновывать исходя из каждой статьи затрат. Так, статья «Оплата труда» должна устанавливать заработную плату всех категорий сотрудников не ниже установленной средней заработной платы по области. Статья «Материалы» должна учитывать степень изношенности основных фондов и протяженность сетей. В статье «Электроэнергия» необходимо учесть замену старого, энергозатратного оборудования на новое, энергоэффективное для снижения издержек. Все эти мероприятия приведут к уменьшению платы за услуги водоснабжения и определяют обоснованность нормативов потребления в ресурсах на предоставляемые потребителям услуги.

Примечания:

1. Бражникова Л.Н., Аллахвердян А.В. Оценка затрат как объекта управления коммунального предприятия // Экономика строительства и городского хозяйства. 2008. Т 4, №2. С. 125-130.

2. Макареня Т.А. Обоснование системы макрорегулирования современной сферы жилищно-коммунальных услуг. Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ, 2008. 188 с.

3. Официальный сайт Ростов-Дом. Архитектура, строительство, ремонт, ЖКХ. URL: <http://rostov-dom.info>. (Дата обращения: 01.05.2013 г.)
4. Казанатов М.Г. Методические аспекты управления затратами в сфере жилищно-коммунальных услуг // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. 2010. №4 (24). С. 1-11.
5. Выступление главы Федеральной службы по тарифам Сергей Новикова. URL: www.rg.ru/2013/02/27/fst.html. (Дата обращения: 05.05.2013 г.)
6. Шаповалов Ю.С. Расчет тарифов на услуги водоотведения. URL: http://www.ieay.ru/nauch/sc_article/2007/01/Shapovalov.shtml. (Дата обращения: 08.05.2013г.)
7. Ерохина О.С., Федорович Т.В. Обоснование метода учета затрат на производство и калькулирование себестоимости продукции в системе управления затратами // Проблемы учета и финансов. 2012. №2 (6). С. 51-58.
8. Сташ С.В., Ефимченко Н.А. Необходимость трансформации управления предприятий сферы услуг водоснабжения // Региональная экономика: теория и практика, 2011. №47 (230). С. 43-51.
9. Сташ С.В., Налесная Я.А. Проблемы и социально-экономическая значимость сферы услуг (на примере водопроводно-канализационного хозяйства) // Известия ЮФУ. Технические науки. 2012. №8. С. 99-106.
10. Сташ С.В., Макареня Т.А., Ефимченко Н.А. Проблемы реформирования и модернизации деятельности предприятий сферы услуг водоснабжения (на примере г. Ростова-на-Дону) // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2012. №35 (176). С. 25-33.

References:

1. Brazhnikova L.N., Allakhverdyan A.V. Assessment of expenses as an object of management of the municipal enterprise // Economics of Construction and Municipal Economy. 2008. V. 4, No. 2. P. 125-130.
2. Makarenya T.A. Justification of system of macroregulation of the modern sphere of housing-and-municipal services. Rostov-on-Don: SKNTs VSh YuFU Publishing House, 2008. 188 pp.
3. Official site of Rostov. Architecture, construction, repair, housing and communal services. URL: <http://rostov-dom.info>. (Address date: 01.05.2013)
4. Kazanатов M.G. Methodical aspects of management of expenses in the sphere of housing-and-municipal services // Management of Economic Systems: Electronic Scientific Journal. 2010. No. 4 (24). P. 1-11.
5. Speech of the Head of Federal Tariff Service Sergey Novikov. URL: www.rg.ru/2013/02/27/fst.html. (Address date: 05.05.2013)
6. Shapovalov Yu.S. Calculation of tariffs for water disposal services. URL: http://www.ieay.ru/nauch/sc_article/2007/01/Shapovalov.shtml. (Address date: 08.05.2013)
7. Yerokhina O.S., Fedorovich T.V. Justification of a method of the accounting of expenses for production and calculation of product cost in a cost management system // Problems of the Account and Finance. 2012. No. 2 (6). P. 51-58.
8. Stash S.V., Efimchenko N.A. Need to transform management of the enterprises in a service sector of water supply // Regional Economy: Theory and Practice, 2011. No. 47 (230). P. 43-51.
9. Stash S.V., Nalesnaya Ya.A. Problems and the social and economic importance of a service sector (based on an example of water and sewer economy) // YuFU News. Technical science. 2012. No. 8. P. 99-106.
10. Stash S.V., Makarenya T.A., Efimchenko N.A. Problems related to reforming and modernization of enterprise activity in a service sector of water supply (using an example of Rostov-on-Don) // National interests: priorities and safety. 2012. No. 35 (176). P. 25-33.

УДК 338.48(470+571)

ББК 65.433(2Рос)

М 35

В.М. Матюнин

Кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента Сибирского института управления (филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ), г. Новосибирск. Тел: (913) 93 77 304, e-mail: ninutam@mail.ru

Тенденции развития туристической сферы в России: проблемы и перспективы (Рецензирована)

Аннотация. В работе проанализированы основные тенденции, существующие в туристической сфере. Дана оценка основных проблем в области транспорта, гостиничного хозяйства, информационной и рекламной политики; с помощью статистических данных определены ключевые направления, по которым необходимо развивать туристическую сферу; сделан вывод о том, что при наличии значительного потенциала в туристической сфере России он используется минимально.

Ключевые слова: туризм, экономика туризма, транспорт, гостиничное хозяйство, информационная политика.

V.M. Matyunin

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of Management Department, the Siberian Institute of Management (Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration), Novosibirsk. Ph. (913) 93 77 304, e-mail: ninutam@mail.ru

Trends in the development of tourist industry in Russia: problems and prospects

Abstract. This paper discusses some aspects of tourism development. An analysis is made of the key trends that exist in the tourist sector. The major challenges in the field of transport, hotel industry, information and advertising policy are estimated. Statistical data are used to identify the key areas in which it is necessary to develop the tourist sector. It is inferred that despite available significant potential in the tourist sector of Russia, it is used minimally.

Keywords: tourism, tourism economy, transport, hotel industry, information policy.

В последние годы туризм является наиболее динамично развивающейся сферой экономической деятельности. Этот общемировой тренд характерен для многих стран и континентов, что заставляет многие государства и регионы пересматривать концепции развития экономики, менять приоритеты социально-экономического развития. За кажущейся на первый взгляд простотой этого вопроса кроется большой клубок проблем и противоречий, с которыми приходится сталкиваться в процессе организации и развития тури-

стической сферы в стране и регионах. В настоящее время следует отметить, что многие регионы России заинтересованы в развитии этой сферы экономических отношений, притом что в некоторых регионах существует мощнейший туристический потенциал, который используется фрагментарно, частично и не в полном объеме на уровне 10-15 %, а в некоторых случаях не рассматривается органами власти регионов в качестве возможной сферы специализации территории. В таком случае это необходимо рассматривать

как существенные экономические потери от неиспользования туристического потенциала.

Путешествие и туризм прямо или косвенно обеспечивают приблизительно 3-5% мирового ВВП, а также мирового экспорта услуг. Согласно оценкам экспертов, общий вклад индустрии туризма и путешествий в обеспечение занятости, включая косвенно поддерживаемые рабочие места, составляет 7-8%. Это значит, что индустрия туризма является очень важным участником глобальной программы развития и играет уникальную роль в формировании динамичного, устойчивого и сбалансированного глобального роста [1].

Доходы от туристической деятельности в мировом масштабе сопоставимы с самыми прибыльными видами бизнеса. В такой ситуации Россия находится на периферии этого основного тренда. Объем капитальных вложений, количество занятого населения, развитие малого и среднего предпринимательства, улучшение транспортной и гостиничной инфраструктуры — все это и многое другое является следствием развития туристической деятельности и формировании туристического продукта в стране и регионах.

Развитие туристического продукта невозможно без следующих составляющих: туристические достопримечательности разного происхождения, туристическая инфраструктура и транспортная доступность. Вместе с тем, следует понимать, что это сложное социально-экономическое явление, и это осознание необходимо для того, чтобы лучше понимать его природу происхождения и основные тенденции его развития, как в рамках страны, так и в мировом масштабе.

Согласно данным Всемирной туристической организации (UNWTO), число международных туристических визитов составило 1 миллиард в 2012 году, а доходы от международного туризма превышают 1 триллион долларов [2]. При этом следует отметить, что ряд обстоятельств — мировой финансовый кризис и политическая нестабильность в ряде регионов

и стран — не позволили достичь этих значений несколькими годами ранее. По данным UNWTO 1 из 12 человек работают в туристической отрасли в странах с растущей или развитой экономикой и тенденция роста занятости в прогнозах сохраняется.

По результатам исследования ВЦИОМ в 2012 году доля туристов в России составила 20%, а расходы на летние путешествия составили 24 481 руб. на одного члена семьи, что на 15% больше, чем в предыдущем 2011 году [3]. Вместе с тем, все еще большой процент населения проводит отпуск дома (52%) или на даче (24%). Эти данные говорят о значительном скрытом потенциале экономического роста туристической сферы и развития туристического продукта за счет стимулирования внутреннего спроса, который может бытькратно выше существующих показателей. Стоит отметить, что ряд показателей все же имеет положительную тенденцию. Так, если сравнивать процент населения, которое проводит свой отпуск дома, то по сравнению 2012 года с 2005 годом этот показатель сократился с 68% до 54%, т.е. наблюдается положительная динамика, но все же недостаточная для исправления ситуации в туристической деятельности в целом. Стоит также отметить, что отдых на Черном море и других городах и селах страны фактически является неизменной величиной и изменяется в пределах одного процента (табл. 1) [3].

Во всех сферах туристической деятельности, как на федеральном уровне, так и на региональном, осуществляется поиск новых форм работы, расширение сферы предложения и углубление его специализации, идет создание новых туристических продуктов.

Существующая тенденция роста туристического потока и увеличение расходов на одного человека с 2007 года по 2012 год на 36,3% по данным ВЦИОМ является позитивным сдвигом в развитии всей туристической отрасли, но все же существуют серьезные проблемы, сдерживающие развитие этого вида экономической деятельности (табл. 2) [3].

Таблица 1

Летний отдых граждан России

Вспомните, пожалуйста, где вы отдыхали этим летом? (закрытый вопрос, любое число ответов)								
	2012 г.	2011 г.	2010 г.	2009 г.	2008 г.	2007 г.	2006 г.	2005 г.
Оставался дома, занимался своими делами	54	52	62	64	62	65	63	68
На даче, садовом участке	24	21	17	15	14	15	17	16
В другом городе, селе России	9	8	8	9	10	7	9	8
На Черном море (Россия)	8	7	7	7	7	7	7	7

Таблица 2

Средние расходы на человека на летний отдых

Оцените, пожалуйста, сколько денег в среднем на человека было потрачено Вами на летний отдых? (открытый вопрос, один ответ, приведена средняя сумма в рублях)						
	2012 г.	2011 г.	2010 г.	2009 г.	2008 г.	2007 г.
Средняя сумма, в руб.	19415	16759	15338	14498	15046	14244
Прирост по отношению к предыдущему году, в %	15,8%	9,2%	5,7%	-3,7%	5,6%	—

К основным проблемам развития туристической деятельности и туристического продукта в России и регионах с туристическим потенциалом можно отнести следующие:

- отсутствие реальной государственной поддержки;
- слабая информационная политика и ее реализация;
- проблемы рекламного и маркетингового продвижения туристического продукта;
- слабая дифференцированность предложения и дороговизна гостиничных услуг;
- неудовлетворительное состояние системы общественного питания;
- низкий уровень развития специализированных видов туризма;
- транспортная доступность территории и региона и качество транспортных услуг;
- низкий культурный уровень и нетерпимость к туристам;
- необоснованно высокая стоимость всех видов услуг, входящих в туристический продукт;
- значительные сезонные колебания и загрузка объектов в мертвый сезон;
- статистический учет и достоверность цифр по туристическому потоку.

В настоящее время одной из основных проблем в развитии туризма является проводимая информационная политика. Большинство СМИ зачастую популяризируют зарубежный отдых вместо отечественного продукта, а количество сюжет об отдыхе за рубежомкратно превышает количество сюжетов о российском турпродукте. При этом необходимо отметить, что страны, привлекающие туристов, тратят на рекламно-информационное продвижение от 30 до 100 млн. евро в год, в то время как в России это значениекратно меньше, да и эффективность расходов до сих пор остается на низком уровне [4]. В связи с этим до настоящего времени не сложилось единой информационной концепции в данной области. Порой отечественные потребители лучше осведомлены о местах и достопримечательностях в других странах, при этом плохо зная географию, историю и туристические места у себя на родине.

Продвижение туристического продукта необходимо также дифференцировать с точки зрения отечественного и зарубежного туриста из-за разницы в восприятии, культурно-исторического опыта, и универсальность здесь неприемлема.

Одним из сдерживающих факторов развития туризма в стране и регионах является гостиничное хозяйство. Данные статистики свидетельствуют о значительном росте числа гостиниц с 2000 по 2011 год — в два раза, росте номерного фонда, единовременной вместимости гостиниц и предоставленных ночевок (см. таблицу). В тоже время коэффициент использования гостиничного фонда имеет тенденцию к снижению с 0,37 до 0,32. Это говорит о недозагруженности объектов размещения, определенном потенциале роста и необходимости пересмотра принципов ведения бизнеса. Для сравнения — в странах Европы этот показатель может достигать до 0,6-0,8 в результате реализации стратегии развития

гостиничных комплексов и сглаживания сезонных колебаний спроса в мертвый сезон за счет корректировки цены. При всех существующих положительных тенденциях стоит отметить высокую стоимость оказания гостиничных услуг в регионах страны и слабую дифференциацию предложения, отсутствием в должной степени сегмента хостелов, который есть во всем мире. В среднем в гостиницах уровня 2-3 звезды стоимость койко-места может составлять от 25-40 евро в день в странах Европы и 50-60 евро за аналогичные услуги в регионах России. Во многом именно этим объясняется слабая загруженность номерного фонда средств размещения (табл. 3) [1].

Таблица 3

Основные показатели деятельности гостиниц

	2000	2005	2007	2008	2009	2010	2011
Число гостиниц	4182	4812	5917	6774	7410	7866	8406
Номерной фонд гостиниц тыс. номеров	183	201	219	247	249	263	284
Единовременная вместимость гостиниц, тыс. мест	346,1	404,4	447,1	498,4	501,2	537,3	585,4
Предоставлено ночевок за год тыс.	46559	51922	58377	63977	53427	60425	67560
Коэффициент использования гостиничного фонда (наличных мест)	0,37	0,35	0,36	0,35	0,29	0,31	0,32

Особо следует остановиться на транспортной доступности и качестве транспортных услуг. Высокая доступность характерна для центральных и южных регионов, средняя для Урала и некоторых регионов Сибири, в других российских регионах доступность оценивается как низкая, а в некоторых случаях как очень низкая [5]. Это связано и с территориальным распределением населения и с государственной политикой в данной области. Развитие всех видов транспорта, строительство дорог, вокзальных комплексов, обновление подвижного состава, все это и многое другое требует огромных капитальных вложений, однако без этой деятельности о развитии туризма не может быть и речи. В настоящее время можно констатировать факт того, что по сравнению с бывшим СССР речные туристические перевозки и региональные авиаперевозки сократились кратно (табл. 4) [6].

Если сравнивать инфраструктуру аэропортов, то здесь отставание колоссально. Из таблицы видно, что из работавших в советское время 1450 аэропортов на данный момент осталось только 304. Основной ущерб в такой ситуации понесла малая авиация, которая обслуживала до 60 % территории страны. Похожая ситуация характерна и для речных пассажирских перевозок. Даже в последнее время, согласно данным статистики, происходит падение пассажиропотока по всем видам транспорта, за исключением воздушного (табл. 5) [1].

В такой ситуации важным фактором в развитии транспортной системы для нужд туристической сферы должна выступать соответствующая политика и система эффективного менеджмента на всех уровнях. Следует отдельно обратиться к зарубежному опыту, особенно в части развития

Таблица 4

Динамика развития гражданской авиации в России

	Показатели	1991	1995	2000	2005	2010	2011	2012
1	Объем перевозок российскими А/К							
	млн.пасс.	88,2	31	21,8	35,1	56,9	64,1	74
	тыс.тонн	1091	442	547	629	926	982	963
2	Объем обслуженных пассажиров в аэропортах, млн.пасс.	98,0		35,5	57,7	94,0	112,0	92,0
3	Количество А/компаний		387	296	182	159	127	125
4	Количество аэропортов	1450	876	533	393	332	315	304
5	Государственные вложения на развитие аэропортов, млрд.руб.			0,02	7,1	24	33	42

Таблица 5

Перевозки пассажиров транспортом общего пользования по отдельным видам сообщения (млн. человек)

	2000	2005	2007	2008	2009	2010	2011
Междугородное сообщение — всего в том числе	329	320	326	315	273	269	261
Железнодорожное	138	134	137	136	117	115	115
Автобусное	175	164	161	150	130	122,2	110,8
Внутреннее водное	1,4	1,3	1,6	1,0	0,9	0,9	0,8
Воздушное (внутреннее, включая местное)	14,6	20,7	25,9	27,9	25,3	30,8	34,6

системы авиакомпаний-дискаунтеров, которые развиваются во многих странах за исключением России. Многие зарубежные компании-дискаунтеры готовы выйти на российский рынок, однако они сталкиваются с множеством проблем и барьеров. Одной из них состоит в том, что большинство аэропортов и инфраструктуры предназначено в основном для национальных перевозчиков. Система обслуживания бортов, работа с багажом и пассажиропотоком зачастую не отвечает международным стандартам. Все это привело к тому, что с рынка ушли отечественные лоукост компании, такие как Авианова и Sky Express, которые занимали неплохие позиции по пассажирооборотам. Все это является следствием неэффективного менеджмента, что влияет на доступность и развитость всех видов авиаперевозок в стране.

За последние несколько лет железнодорожные пассажирские перевозки характеризуются отрицательной динамикой. Это происходит по причине постоянного роста стоимости оказываемых услуг и незначительным ростом сервиса, а также моральной и физиче-

ской изношенностью подвижного состава. Программа обновления подвижного состава в настоящее время реализуется, но темпы ее значительно отстают от существующих потребностей, поэтому потребителям приходится выбирать другие виды транспорта, там где это возможно.

Все перечисленные проблемы в сфере транспорта значительно сдерживают мобильность населения по стране, и это в значительной степени влияет на развитие всей туристической отрасли.

Стоимость туристического продукта является еще одним проблемным вопросом в данной области. Дороговизна отечественного туризма мотивирует потребителя выбирать иностранный продукт, и по соотношению цена-качество наш продукт проигрывает в конкурентной борьбе. Здесь же нужно отметить и тот факт, что многие туристические организации в высокий сезон готовы получать ренту, в то время как в мертвый идет значительный простой и незагруженность туристических объектов и инфраструктуры. К таким последствиям приводят негибкость системы, отрицание международного опыта,

неэффективность менеджмента. Доступность зарубежного туристического продукта выше, несмотря на то, что место назначения находится кратко дальше по сравнению с возможными вариантами отдыха в соседних регионах.

Вместе с тем, в туристической отрасли наблюдается ряд позитивных из-

менений. За последние несколько лет, согласно данным статистики, инвестиции в основной капитал в деятельность гостиниц выросли почти в 7 раз, деятельность прочих мест для временного проживания на такую же величину, а инвестиции в деятельность туристических агентств увеличились в 3 раза (табл. 6) [1].

Таблица 6

Инвестиции в основной капитал в отдельные виды деятельности сферы туризма (млн. рублей)

	2005	2008	2009	2010	2011
Деятельность гостиниц	4327,8	13741,5	12951,7	13354,6	27238,3
Деятельность прочих мест для временного проживания	2505,8	6188,7	4952,8	7314,1	14268,8
Деятельность туристических агентств	502,3	207,6	178,0	235,4	1589,1

Это обусловлено прежде всего тем, что в страну и ряд регионов приходят мировые гостиничные сети, а дополнительным стимулом для развития туризма служит создание особых экономических зон туристско-рекреационного типа.

В соответствии с ФЗ №116 от 22 июля 2005 г. ряд регионов пытается развивать туристическую деятельность в рамках вновь созданных особых экономических зон (ОЭЗ) туристско-рекреационного типа [7]. Как правило, основным элементом привлечения резидентов являются льготы по имущественному, земельному, транспортному налогу и налогу на прибыль. Несмотря на то, что работы по развитию туризма в семи зонах начались в 2007-2008 г. деятельность в них ведется в усеченном виде, часть зон не запущены вообще в виду различных организационных и юридических проблем и отстают от ранее обозначенных сроков ввода в эксплуатацию. В некоторых ОЭЗ все еще продолжают строиться работы и благоустройство территории. Алтайская долина, Байкальская гавань, Бирюзовая Катунь и ряд других ОЭЗ являются пионерными проектами в развитии туристической деятельности. В настоящее время трудно сделать оценку экономической эффективности работы созданных особых зон, так как прошло довольно мало времени с

момента их создания и инвестиционный процесс еще продолжается. В некоторых зонах актуальным вопросом остается привлечение резидентов на территорию и формирование стабильно растущего туристического потока, что даст импульс увеличению веса туристических услуг в общем объеме платных услуг населению.

Вместе с тем, стоит отметить, что удельный вес туристических услуг в общем объеме платных услуг населению составляет всего 1,8-2,0 %, в то время как услуги гостиниц и средств размещения 2,3-2,7 % в зависимости от года [1]. Это обусловлено тем, что значительная доля расходов в сфере услуг формируется в сфере транспорта, ЖКХ, связи, бытовых, банковских и ряде других, что тоже является поводом для того чтобы пересмотреть структуру потребления услуг населением и увеличить эту долю в ближайшей перспективе хотя бы в 2-3 раза.

По итогам 2012 года, согласно данным UNWTO, Россия занимает 5 место (в 2005 году 9 место) по международным расходам на туризм (42,8 миллиарда долларов), уступая лишь Китаю, США, Германии и Великобритании. Совокупная доля рынка этих пяти стран составляет 34 %. В такой ситуации происходит постепенная смена стран лидеров по расходам на туризм (табл. 7) [8].

Таблица 7

Международные расходы на туризм по странам мира (млрд. долларов)

	2005	2010	2011	2012	Доля рынка в 2010
Китай	21,8	54,9	72,6	102,0	9,5
Германия	74,4	78,1	85,9	83,8	7,8
США	69,9	75,5	78,7	83,7	7,8
Великобритания	59,6	50,0	51,0	52,3	4,9
Россия	17,3	26,6	32,5	42,8	4,0

Существующие тенденции как внутри страны, так и в международном масштабе свидетельствуют о значительном потенциале роста туристической сферы. Несмотря на общемировые предпосылки, туризм в России развивается фрагментарно, отсутствует единая государственная стратегия развития этой сферы. Активность малого и среднего бизнеса в этой сфере должна поддерживаться государством, в том числе и через развитие инфраструктурных проектов. Необходимо также понимать, что инвестиции в туристическую сферу являются перспективным направлением деятельности со сроками

окупаемости от 5 до 10 лет, при этом первоначально ориентация должна происходить в среднесрочной перспективе на внутренний туристический поток до тех пор, пока туристическая деятельность не будет соответствовать международным стандартам. До настоящего времени Россия является поставщиком туристов и формирует международный туристический поток, как следствие происходит увеличение расходов. Для некоторых регионов туристическая деятельность может стать приоритетным направлением для развития и смены существующей специализации в среднесрочной перспективе.

Примечания:

1. Туризм в цифрах. 2012: стат. сб. / ИИЦ «Статистика России», Федеральное агентство по туризму. М.: ИИЦ «Статистика России», 2012. 39 с.
2. Risi M. International tourism hits one billion // World Tourism Organization UNWTO. 2012. URL: <http://media.unwto.org/en/press-release/2012-12-12/international-tourism-hits-one-billion> (дата обращения 20.01.2013).
3. Итоги летнего туристического сезона // ВЦИОМ. Всероссийский центр изучения общественного мнения. 2013. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=113104> (дата обращения 10.03.2013).
4. Интервью Заместителя руководителя Ростуризма Евгения Писаревского информационному агентству «Гарант» о реализации Федерального закона «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» (2009 г.) // Федеральное агентство по туризму (РОСТУРИЗМ). — 2009. URL: <http://www.russiatourism.ru/rubriki/-1124140427/> (дата обращения 10.04.2013).
5. Индекс транспортной доступности территории // Информационные ресурсы национальной стратегии и плана действий по сохранению биоразнообразия России. 2013. URL: http://www.sci.aha.ru/biodiv/npd/5_14.htm (дата обращения 20.03.2013).
6. Динамика развития гражданской авиации в России // Ассоциация Аэропорт. 2013. URL: http://www.airport.org.ru/08_02_news.html (дата обращения 15.03.2013.).
7. Об особых экономических зонах в Российской Федерации: Федеральный закон от 22 июля 2005 г. №116-ФЗ: [ред. от 04.03.2013 №21-ФЗ] // СЗ РФ. 2005. №30 (Ч II). Ст. 3127.
8. World's Top Tourism Spenders // World Tourism Organization UNWTO. 2013. URL: http://dtxtq4w60xqpw.cloudfront.net/sites/all/files/pdf/tsen_0.pdf (дата обращения 20.03.2013.).

References:

1. Tourism in figures. 2012: stat. coll. / IITs «Statistics of Russia», Federal Tourism Agency. M.: IITs «Statistics of Russia», 2012. 39 pp.
2. Risi M. International tourism hits one billion // World Tourism Organization UNWTO. 2012. URL: <http://media.unwto.org/en/press-release/2012-12-12/international-tourism-hits-one-billion> (date of the address 20.01.2013).

3. Results of a summer tourist season //VTsIOM. Russian Public Opinion Research Center. 2013. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=113104> (date of the address 10.03.2013).

4. Interview of the Deputy Head of Rostourism Evgeniy Pisarevsky to Garant News Agency about implementation of the Federal law «About bases of tourist activity in the Russian Federation» (2009) // Federal Tourism Agency (ROSTOURISM). — 2009. URL: <http://www.russiatourism.ru/rubriki/-1124140427/> (date of the address 10.04.2013).

5. Index of transport availability of the territory // Information resources of national strategy and plan of action on preservation of a biodiversity of Russia. 2013. URL: http://www.sci.aha.ru/biodiv/npd/5_14.htm (date of the address 20.03.2013).

6. Dynamics of development of civil aviation in Russia // the Airport Association. 2013. URL: http://www.airport.org.ru/08_02_news.html (date of the address 15.03.2013).

7. About special economic zones in the Russian Federation: The federal law of July 22, 2005, No. 116-FZ: [edition of 04.03.2013 No. 21-FZ] // SZ Russian Federation. 2005. No. 30 (Part 2). Art. 3127.

8. World's Top Tourism Spenders//World Tourism Organization UNWTO. 2013. URL: http://dtxtq4w60xqpw.cloudfront.net/sites/all/files/pdf/tsen_0.pdf (date of the address 20.03.2013).

УДК 332.87

ББК 65.441

Н 23

Я.А. Налесная

Кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры инженерной экономики Южного федерального университета, г. Таганрог. Тел.: (8634) 37 17 42, e-mail: jana_n@list.ru

Зарубежный опыт функционирования предприятий сферы ЖКХ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках конкурса поддержки молодых ученых 2013 года, РГНФ 02-160, проект №: 13-32-01218.

Название: Организационно-экономический механизм модернизации функционирования предприятий сферы ЖКХ на муниципальном уровне

(Рецензирована)

Аннотация. Жилищно-коммунальное хозяйство на территории муниципального образования является важнейшей сферой социально-экономического развития. В статье показано, что система функционирования жилищно-коммунального хозяйства требует значительных изменений; значительная часть жилищного фонда в муниципальных образованиях РФ не соответствует нормативам и качественным характеристикам. Изучение опыта развитых стран позволяет сравнить и выявить возможность применения форм и методов функционирования предприятий сферы ЖКХ.

Ключевые слова: жилищно-коммунальное хозяйство, коммунальные предприятия, тарифы, приватизация, акционирование, концессия.

Ya.A. Nalesnaya

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of Engineering Economy Department, Southern Federal University, Taganrog. Ph.: (8634) 37-17-42, e-mail: jana_n@list.ru

Foreign experience in functioning of the enterprises of the housing and communal services

Research was implemented with financial support of RGNF within the 2013 competition of support of young scientists, RGNF 02-160, project No. 13-32-01218

“The organizational and economic mechanism of modernization of enterprise functioning in the sphere of housing and communal services at municipal level”

Abstract. Housing and communal services in the territory of municipality are the most important sphere of social and economic development. The system of functioning of housing and communal services demands considerable changes. The housing stock in municipalities of the Russian Federation remains to be low, its considerable part does not correspond to standards and qualitative characteristics. A study of the experience of the developed countries will allow us to compare and reveal an opportunity of application of forms and methods of functioning of the enterprises in the sphere of housing and communal services.

Keywords: housing and communal services, municipal enterprises, tariffs, privatization, incorporating, concession.

Кризисное состояние жилищно-коммунального хозяйства (ЖКХ) как отрасли сферы услуг обусловлено рядом причин: слабой технической базой отрасли; недостатком мощностей; отсутствием необходимых средств на развитие и текущее содержание и др. Такое состояние ЖКХ в России во многом обусловлено особенностями государственного регулирования. В основе государственного регулирования данной отрасли лежат многочисленные

законы, нормативные акты, инструкции. На федеральном, региональном и муниципальном уровнях отсутствуют последовательные и скоординированные инструменты управления в сфере ЖКХ. Все это приводит к завышению роста стоимости жилищно-коммунальных услуг и неустойчивому функционированию системы ЖКХ.

ЖКХ относится к числу наиболее монополизированных отраслей народного хозяйства РФ. Монополизм в системе ЖКХ не позволяет потребителям защищать свои права, снижает ответственность организаций за предоставление жилищно-коммунальных услуг и их качество, ведет к формированию монопольных цен. Тарифы на услуги естественных монополистов возросли, выявлено увеличение темпов роста тарифов поставщиками ЖКУ на 35–40% в муниципальных образованиях [1, с. 103]. Но свойства коммунальных услуг предполагают возможность развития конкуренции.

В сфере ЖКУ в силу государственного регулирования тарифов на жилищно-коммунальные услуги силы спроса и предложения не действует. Уникальный характер потребления услуг не позволяет потребителям отказываться от услуг или сокращать их потребление при повышении цены услуг либо увеличивать их потребление при снижении цены услуг. Жесткая связь между производством и потреблением услуг, взаимозависимость процессов между собой исключает возможность свободы выбора. Цена на рынке коммунальных услуг не отражает потребительские вкусы и предпочтения, следовательно, отсутствие условий для свободной конкуренции порождает монополию в коммунальном хозяйстве.

Переход коммунальных предприятий на рыночные отношения путем приватизации имущества, его передачи в собственность трудовых коллективов не изменит ситуацию, так как форма собственности в коммунальном хозяйстве не является тем фактором, который ориентирует на эффективность и технический прогресс.

Необходимо провести разделение производственного сектора ЖКХ на

естественно-монопольные и конкурентные виды деятельности. К естественно-монопольным видам деятельности относятся: электроснабжение, теплоснабжение, водоснабжение и водоотведение, которые требуют со стороны администрации муниципального образования жесткого тарифного регулирования, а значит — и постоянного контроля, а также обязательного участия в собственности данных предприятий.

Конкурентные виды деятельности — это управление, содержание и ремонт жилищного фонда, сбор, утилизация и переработка отходов, содержание, техническое обслуживание и ремонт объектов благоустройства и дорожного хозяйства, коммунально-бытовое обслуживание населения, которые предполагают присутствие на рынке жилищно-коммунальных услуг предприятий всех форм собственности. В обязанности администрации муниципального образования входит установление предельного уровня цен на выполнение данного вида работ или оказания услуг, проведение конкурсных торгов, организация контроля качества исполнения работ или оказания услуг. Вследствие этого разделение производственного сектора ЖКХ на естественно-монопольные и конкурентные виды деятельности является основанием для составления планов по изменению форм собственности (приватизации или акционированию) предприятий ЖКХ, что активно используется в развитых странах [1, с. 105].

Органы государственной власти и местного самоуправления в сфере ЖКХ должны предоставлять возможность для проявления деловой активности частных компаний, что, с одной стороны, позволяет получать значительную экономию бюджетных средств, а с другой, — сохраняет ответственность муниципального самоуправления за координацией частных компаний и предпринимателей в сфере городского хозяйства.

Исследование опыта зарубежных стран по рыночному развитию системы жилищно-коммунального хозяйства позволит сопоставить развитие ЖКХ в других странах, а также определить масштаб отставания России от лидеров.

Процесс реформирования жилищно-коммунального хозяйства в свое время пережили все развитые страны мира. Практика функционирования коммунальных предприятий в Скандинавских странах, Словакии, Венгрии, Польше, а также в Китае показывает, что существует множество гибких форм и методов управления объектами публичной собственности с использованием возможностей частной инициативы, частного капитала и рыночной конкуренции. Наиболее эффективными методами в коммунальном хозяйстве оказались концессия, приватизация и акционирование.

В каждой стране имеются свои отличительные особенности приватизации муниципальных предприятий, т.к. приватизация в жилищно-коммунальном секторе отличается сложностью и многообразием форм. Под приватизацией во Франции понимают передачу частным лицам не только собственности, но и контроля над государственными и муниципальными предприятиями и активами, то есть приватизацию без передачи имущественных прав. В этом случае к основным методам приватизации (продажа акций, частные инвестиции в госпредприятия, разукрупнение предприятий, выкуп предприятий их менеджерами или работниками) добавляются аренда и подряд, а также передача государственных и муниципальных предприятий в управление частным менеджерам [2, с. 100].

Так, во Франции приватизация охватила в первую очередь конкурентоспособные отрасли, которые передавались предпринимателям по сравнительно завышенным ценам. В области коммунальных услуг, которые относятся к естественным монополиям, она проводилась по «остаточному» принципу. В целом во Франции государственная политика была направлена на сокращение вмешательства в сферу экономики. Были приватизированы системы водоснабжения (3/4 городского водоснабжения переданы в частные руки), службы по уборке мусора, улиц. В частный сектор переданы коммунальные услуги, отдельные автобусные маршруты [3].

Процесс приватизации сферы городских услуг иногда приводит к росту цен и тарифов, хотя при этом происходит улучшение качества услуг, поэтому во Франции основной формой государственного регулирования деятельности отраслей коммунального хозяйства является регулирование тарифов. Независимо от формы участия частного сектора в работе жизнеобеспечивающих систем, государственная власть несет ответственность за создание нормативной базы и устанавливает тарифы на оплату услуг [2, с. 104].

Также во Франции одной из форм приватизации при сохранении государственной собственности на объекты жизнеобеспечения городов является привлечение частных предпринимателей в виде заключения договоров об обслуживании, об управлении и об аренде.

Но в этом опыте можно увидеть как положительные, так и негативные стороны. К положительным относится то, что частные предприниматели, будучи заинтересованными в получении контрактов и в дальнейшем, выполняют свою работу на более высоком уровне. К негативному опыту можно отнести то, что государство и муниципалитеты при таких формах привлечения фактически отстраняются от управления вверенными им объектами.

Неполная приватизация посредством разумного заключения хозяйственных договоров на управление объектами муниципальной собственности позволяет городским властям продолжать обеспечение конкретной услуги, но при этом перекладывая на частные фирмы производственную деятельность.

Следует обратить внимание на тот важный момент, что для предприятий любых организационно-правовых форм с участием публичной власти общим всегда является то, что в них всегда создаются коллегиальные органы по управлению и контролю за их деятельностью.

В развитых зарубежных странах, кроме приватизации, существуют еще другие гибкие формы и методы управления объектами публичной собственности с использованием возможностей

частной инициативы, частного капитала и рыночной конкуренции.

Концессия — форма государственно-частного партнёрства, вовлечение частного сектора в эффективное управление государственной собственностью или в оказание услуг, обычно оказываемых государством, на взаимовыгодных условиях. Концессия подразумевает, что концедент (государство) передаёт концессионеру право на эксплуатацию природных ресурсов, объектов инфраструктуры, предприятий, оборудования. Взамен концедент получает вознаграждение в виде разовых или периодических платежей [4].

Основной принцип концепции государственно-частного партнёрства (ГЧП) состоит в том, что государство определяет, в каких услугах и инфраструктуре оно нуждается, а частные инвесторы выдвигают предложения, которые должны в наибольшей степени соответствовать требованиям государства [4].

Во Франции, Финляндии, Венгрии, Польше и Словакии выделяются следующие типы концессионных соглашений:

1. *BOT (Build — Operate — Transfer)* — «Строительство — управление — передача». Концессионер осуществляет строительство и эксплуатацию (в основном на праве собственности) в течение установленного срока, после чего объект передаётся государству;

2. *BTO (Build — Transfer — Operate)* — «Строительство — передача — управление». Концессионер строит объект, который передаётся государству (концеденту) в собственность сразу после завершения строительства, после чего он передаётся в эксплуатацию концессионера;

3. *BOO (Build — Own — Operate)* — «Строительство — владение — управление». Концессионер строит объект и осуществляет последующую эксплуатацию, владея им на праве собственности, срок действия которого не ограничивается;

4. *BOOT (Build — Own — Operate — Transfer)* — «Строительство — вла-

дение — управление — передача». Владение и пользование построенным объектом на правах частной собственности осуществляется в течение определённого срока, по истечении которого объект переходит в собственность государства;

5. *BBO (Buy — Build — Operate)* — «Покупка — строительство — управление». Форма продажи, которая включает восстановление или расширение существующего объекта. Государство продаёт объект частному сектору, который делает необходимые усовершенствования для эффективного управления.

Концессионными договорами всех представленных форм устанавливаются основные условия строительства и эксплуатации, обязанности сторон по реализации проекта, формы собственности и инвестиций, структура корпоративных юридических лиц, полномочия, права и обязанности [4].

Удачным опытом развитого концессионного механизма является Латинская Америка. Например, в Аргентине концессии получили широкое распространение в области электроэнергетики. Боливия — одна из развивающихся стран, в которых привлекается частный бизнес для повышения качества и объема водоснабжения и водоотведения в городах. Первый крупный контракт на обеспечение водоснабжением и канализацией в форме концессии сроком на тридцать лет был заключен в августе 1997 года [5]. Важной задачей, поставленной перед концессионером, являлось обеспечение водой и канализацией бедных районов городов, которые к моменту заключения контракта не имели доступа к централизованной системе водоснабжения и канализации и вынуждены были полагаться на альтернативные источники воды, зачастую по завышенной цене. Концессионер также обязан обеспечить качественное обслуживание (качество питьевой воды и очистки сточных вод, давление напора, сроки выполнения заявок клиентов и т.д.) [6, с. 24].

В процессе реализации концессионной схемы в течение двух лет поддерживался хороший ритм работ: 40000 подключений к сети водоснабжения

и 25000 подключений к канализации с доведением уровня сборов платежей до 95% по водоснабжению (80% на момент начала концессии) и 62% по канализации (52% на начало концессии) [6, с.25]. Кроме того, для очистки сточных вод городской сети водоснабжения и водоотведения (абонентами которой являются 50% населения) были введены очистные сооружения лагунного типа. Опыт оператора и глубокие преобразования позволили установить эффективный контроль за качеством питьевой воды, выполнением запросов клиентов и др.

Напомним о необходимости регулирующего органа, который проводит мониторинг и осуществляет контроль за обязательствами концессионера по повышению объема предоставления и качества услуг. Регулирующий орган также обязан утверждать тарифы в течение всего периода действия контракта. Концессия регулировалась относительно независимым государственным органом *Superintendencia de Aguas*.

Стоит уделить внимание и акционированию. Под акционированием как в России, так и на Западе понимается процесс перехода государственного предприятия в акционерное общество. Например в Финляндии 1,4 миллиона домов объединены в 70 000 акционерных обществ — владельцев жилой недвижимости, основная доля которых пользуется услугами компаний по управлению недвижимостью, остальная часть управляется самостоятельно. Управляющая компания отвечает за ежедневное управление согласно договору на управление, в котором оговариваются условия, перечень услуг и тарифы [7]. Жилищно-коммунальные услуги предоставляются либо самостоятельно, либо по договору со специализированными компаниями (ремонтно-строительные, уборка территории, снега, охрана, вывоз мусора и пр.). При этом в Финляндии всеми коммунальными системами владеет город. Что касается конкуренции, то у горожанина есть право и технические возможности выбрать, у кого выгоднее покупать услуги.

Например, водоканал г. Хельсинки — структура, которой полностью

владеет город, но при этом — это коммерческое предприятие со своим бюджетом. В его распоряжении находятся и сети водоснабжения, и канализационные сети, и все водонапорные башни. Предприятие взяло когда-то кредит в 150 млн. евро на 20 лет и постепенно выплачивает его из своих доходов [7].

Опираясь на зарубежный опыт и рассматривая текущее развитие системы организации ЖКХ муниципальных образований в России, можно сделать выводы:

- несоответствие имеющегося жилищного фонда требованиям к потребительским качествам жилья;

- отсутствие современных видов благоустройства и конструктивные недостатки, приводящие к завышенному потреблению энергоресурсов;

- невыполнение требований по содержанию и современному ремонту жилищного фонда;

- в настоящее время широкое применение концессионных механизмов в России сдерживается отсутствием нормативно-правовой базы, регламентирующей взаимоотношения муниципальных образований и компаний-концессионеров;

- необходимо совершенствование законодательства в сфере регулирования тарифов на жилищно-коммунальные услуги.

Не стоит упускать и такой момент, как то, что важнейшей составляющей коммунальных услуг в развитых странах являются информационные технологии. Сбор и обработка информации, взаимодействие коммунальщиков с потребителями и властными структурами происходит в автоматическом режиме. В целом весь процесс личного взаимодействия потребителя и поставщика услуг может проходить через интернет или другие информационные ресурсы [8]. Такой опыт современного развития и модернизации коммунальной сферы позволит использовать передовые технологии, позволяющих повысить уровень технического содержания жилищного фонда и качество коммунальных услуг по водо-, газо-, электро- и тепло-снабжению.

Примечания:

1. Кобец Е.А., Макареня Т.А., Налесная Я.А. Совершенствование процесса управления муниципальными предприятиями в сфере ЖКХ // Региональная экономика: теория и практика. 2008. №10. С. 101-109.
2. Налесная Я.А., Сташ С.В. Проблемы и социально-экономическая значимость сферы услуг (на примере водопроводного-канализационного хозяйства) // Известия Южного федерального университета. Технические науки. 2012. Т. 133, №8. С. 99-106.
3. [Электронный ресурс]. URL: www.ip3.org. (Дата обращения: 23.03.2013)
4. Айрапетян М.С. Аналитическая записка. URL: <http://wbase.duma.gov.ru:8080/law?d&nd=981605628&mark=r981605004>. (Дата обращения: 29.03.2013)
5. Komives K., Brook J., Cowen P. Expanding water and sanitation services to low-income households. The case of the La Paz-El Alto // Public Policy for the Private Sector. 1998. April. Note No. 178.
6. Налесная Я.А. Повышение энергосбережения и модернизация водоснабжения и водоотведения в муниципальных образованиях на примере города Таганрога // Энергобезопасность и энергосбережение. 2012. №6. С. 22-26.
7. EnergySources, PartB: Economics, Planning and Policy: журнал. URL: <http://www.tandfonline.com/toc/uesb20/current>. (Дата обращения: 3.02.2013)
8. Алексеев А., Кристальный Б., Поздняков О. Использование информационно-коммуникационных технологий в модернизации жилищно-коммунального хозяйства в России // Информационные ресурсы России. 2011. №5.

References:

1. Kobets E.A., Makarenya T.A., Nalesnaya Ya.A. Improvement of management of the municipal enterprises in the sphere of housing and communal services // Regional Economy: Theory and Practice. 2008. No. 10. P. 101-109.
2. Nalesnaya Ya.A., Stash S.V. Problems and the social and economic importance of a service sector (the case of water-sewer economy) // News of the Southern Federal University. Technical Science. 2012. T. 133, No. 8. P. 99-106.
3. [Electronic resource]. URL: www.ip3.org. (Address date: 23.03.2013).
4. Ayrapetyan M.S. Analytical note. URL: <http://wbase.duma.gov.ru:8080/law?d&nd=981605628&mark=r981605004>. (Address date: 29.03.2013).
5. Komives K., Brook J., Cowen P. Expanding water and sanitation services to low-income households. The case of the La Paz-El Alto // Public Policy for the Private Sector. 1998. April. Note No. 178.
6. Nalesnaya Ya.A. Increase in energy saving and the water supply and water disposal modernization in municipalities in the case of the city of Taganrog // Energy Security and Energy Saving. 2012. No. 6. P. 22-26.
7. Energy Sources, Part B: Economics, Planning and Policy: journal. URL: <http://www.tandfonline.com/toc/uesb20/current>. (Address date: 3.02.2013)
8. Alekseev A. Kristalny B., Pozdnyakov O. Use of information and communication technologies in housing and communal service modernization in Russia // Information Resources of Russia. 2011. No. 5.

МЕНЕДЖМЕНТ MANAGEMENT

УДК 338.45
ББК 65.301-21
И 23

Н.В. Иванча

Аспирант кафедры менеджмента Северо-Кавказского гуманитарно-технического института, г. Ставрополь. Тел.: (8652) 94 59 75, e-mail: nalogi@ncstu.ru

Проблемы внедрения системы контроллинга на промышленном предприятии (Рецензирована)

Аннотация. В статье рассмотрены основные факторы, определяющие возникновение научных и практических проблем внедрения контроллинга на отечественных промышленных предприятиях.

Ключевые слова: проблемы, система контроллинга, промышленное предприятие, управление.

N. V. Ivancha

Post-graduate student of Management Department, the North Caucasus Humanities-Engineering Institute. Ph.: (8652) 94 59 75, e-mail: nalogi@ncstu.ru

Problems of introducing a controlling system at an industrial plant

Abstract. The paper describes the main factors that determine the occurrence of scientific and practical problems in introducing the controlling system at domestic industrial enterprises.

Keywords: problems, controlling system, industrial plant, management.

В условиях экономического кризиса и высокой подвижности факторов внешней среды принятие управленческих решений становится более сложным и трудоемким процессом. В этой связи у руководства предприятий возникает объективная потребность в адекватной и своевременной информации о текущем состоянии и перспективах деятельности, возникает необходимость формирования новых подходов к управлению. При их внедрении требуется разработка и применение таких механизмов, которые позволят решить усложняющиеся экономические проблемы функционирования посредством разработанной системы информационной поддержки управления бизнес-

процессами по установленным стратегическим и оперативным целям.

Инструментом, позволяющим эффективно разрабатывать и внедрять на промышленном предприятии современные подходы к управлению, является контроллинг. Последний способен эффективно противодействовать негативным влияниям внешней среды и способствует интеграции частных компонентов — целей, задач и функций управления предприятием — в единый комплекс процессов через информационную поддержку и координирование.

Наличие большого объема необработанных данных и возможная их противоречивость обуславливают сложность для адекватной оценки ситуации

и подготовки рациональных управленческих решений. Основными проблемами в этой области являются:

- технологические недоработки при формировании единого информационного пространства предприятия;

- раздробленность и несогласованность управленческих информационных систем хозяйствующего субъекта.

Нейтрализация приведенных дестабилизирующих факторов, снижающих эффективность функционирования, требует принятия комплекса системных мер, направленных на теоретико-методологическое и технико-технологическое совершенствование информационно-аналитической поддержки управленческой деятельности.

В этой связи актуальными задачами являются формирование методологических принципов и создание технологических основ построения систем поддержки управленческих решений на предприятии на базе использования инструментария контроллинга. При этом ключевыми являются проблемы его информатизации, контроллинга внешней среды и информационных технологий.

Контроллинг внешней среды в рамках обеспечения устойчивого развития ориентирован на снижение рисков, связанных с изменчивостью внешней среды предприятия. Основной акцент в рамках этого направления делается на прогнозирование тенденций и использование соответствующих прогнозов при принятии плановых решений, учитывающих динамику рынков, а также использование результатов мониторинга и прогнозов для риск-менеджмента.

Особую роль этот объект контроллинга играет в финансовых задачах. Финансовые риски в силу их глобальности являются существенно более волатильными, чем товарные, хотя в силу трансграничности материальных потоков и последние, особенно сырьевые, становятся все более динамичными. Основными инструментами КВС являются информационные средства для сбора, сопровождения, поддержания целостности, анализа и прогноза баз данных по результатам сделок,

котировочные листы бирж, рыночные котировки товаров и услуг, используемых на данном предприятии. Новые возможности в этой связи открывает Интернет [1].

Важной задачей рассматриваемой подсистемы исследуемого явления выступает оценка контрагентов. Для ее решения необходимо применять следующие инструменты:

- мониторинг финансово-экономических данных о контрагенте;

- публикации в средствах массовой информации о партнерах, клиентах, конкурентах;

- оценки независимых экспертных агентств;

- аналитические материалы о соответствующей отрасли функционирования, регионе, стране;

- рейтинговые отчеты и др.

Отличительной особенностью перечисленного инструментария является высокая стоимость работ и услуг, а также относительно низкая оперативность. В этой связи достаточно актуальными являются инструменты дистанционного анализа контрагентов для контроллинга внешней среды, которые основаны на текущих и исторических данных о субъекте и не предполагают очных переговоров с ним. Эти методы, как правило, существенно менее затратные, не требуют экспертного мнения, но недостатком является потенциально более высокая возможность ошибки оценивания и прогноза, так как соответствующие заключения могут не учитывать определенных факторов и носят вероятностный характер.

Современный перечень рисков предприятий промышленной отрасли имеет широкий спектр, а степень вероятности возникновения определенного его вида различна, так же, как размер вызываемых убытков. В этих условиях одной из ключевых функций контроллинга является учет и оценка рисков. Для ее реализации необходимо:

- определить перечень предполагаемых рисков;

- выявить вероятность появления основных видов и ранжировать их по степени вероятности возникновения;

- провести предварительную оценку масштаба возможного ущерба от негативного воздействия;

- установить допустимый уровень отрицательного влияния;

- осуществлять мониторинг, приоритетно отслеживая те из них, вероятность возникновения которых выше определенного уровня.

Основное условие эффективного управления предприятием — способность своевременно определить опасность кризиса и оперативно предотвратить его. В процессе выполнения этой задачи менеджеры, осуществляя функции планирования, организации, мотивации персонала, контроля и координации, принимают управленческие решения.

Этот процесс имеет циклический характер, начинается с обнаружения несоответствия параметров нормативам или плановым заданиям и заканчивается принятием решений, реализация которых способна ликвидировать выявленное несоответствие.

Таким образом, управление предприятием предполагает необходимость осуществления непрерывного анализа фактического направления развития, упреждая отклонения от целевой траектории. Перечисленным требованиям в значительной степени удовлетворяет контроллинг. С позиции рассмотрения данного явления как научно-методологического подхода к организации управленческой деятельности на промышленном предприятии можно выделить следующие направления его использования:

- повышение уровня технического развития промышленного предприятия;

- проведение работ по модернизации действующих производственных мощностей;

- рост качества производимой промышленной продукции и ее конкурентоспособности на рынке;

- совершенствование управления на основе внедрения современных информационных технологий и систем.

Для обеспечения эффективной работы современного предприя-

тия большое значение имеет система взаимодействия его структурных компонентов, которая, помимо традиционных основных аспектов: административного, финансового и материального (производственно-товарного), — в полной мере требует дополнения информационным (включая коммуникационный компонент) аспектом. Вследствие этого среди направлений контроллинга сегодня целесообразно выделить контроллинг информационных технологий (ИТ-контроллинг) как самостоятельное направление, которое охватывает все основные фазы управления: планирование, контроль и регулирование. Под контроллингом информационных технологий понимают систему внутрифирменного планирования и контроля в сфере информационной и информационно-аналитической поддержки производства и управления, которая позволяет преобразовать стратегические установки в плановые величины и конкретные мероприятия по управлению созданием, развитием и поддержанием функционирования информационных систем на предприятии [2]. Данная подсистема рассматриваемого явления направлена на решение проблем, которые представлены на рисунке 1.

Реализация сервисной функции в части управления информационной составляющей бизнеса посредством ИТ-контроллинга предполагает:

- использование специфических возможностей информационных технологий для бизнес-процессов;

- создание системы информационно-аналитической поддержки принятия управленческих решений;

- осуществление текущего контроля за исполнением плана и важнейших индикаторов информационной системы обеспечения производственной и управленческой деятельности;

- составление сообщений по оценке масштаба отклонений и разработку комплекса корректирующих мероприятий;

- обеспечение информационной функциональной составляющей экономической безопасности предприятия.

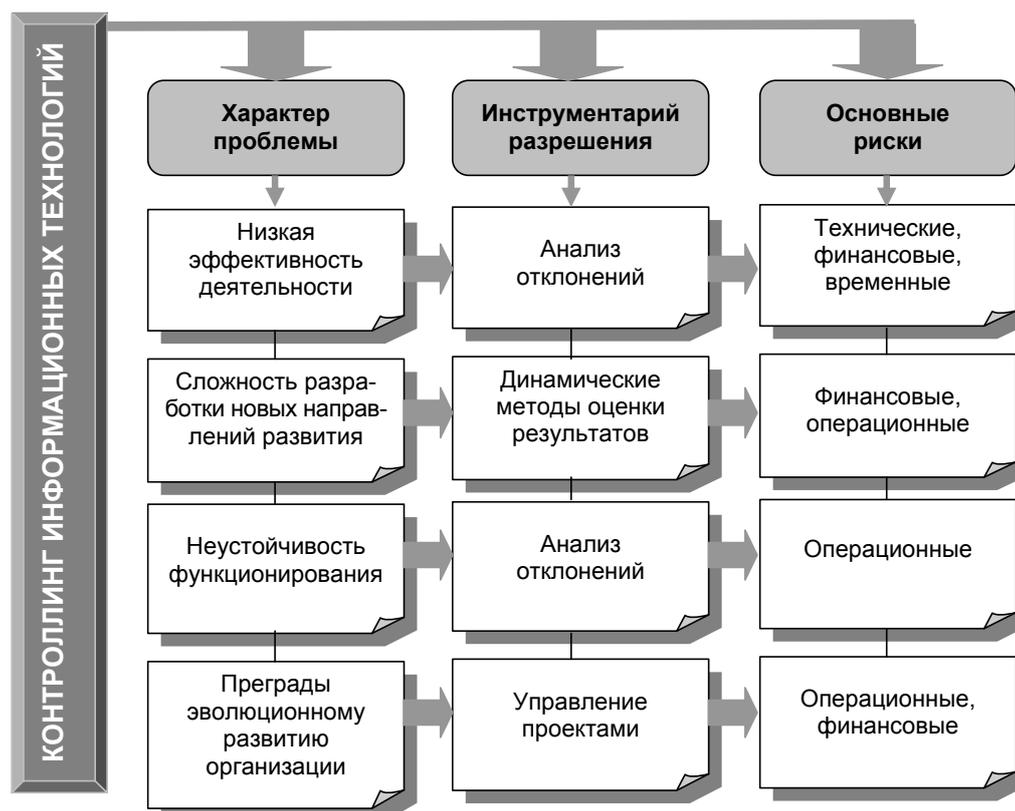

Рисунок 1. Проблемы ИТ-контроллинга: инструментарий разрешения и основные риски

В сферу деятельности ИТ-контроллинга входит разработка инструментов для поддержания и развития стратегического и оперативного информационного потенциала предприятия. Базисными функциями ИТ-контроллинга являются [3]:

- информационно-обеспечивающая, включающая создание, внедрение и поддержание функционирования информационных систем предприятия и их компонентов для поддержки всех основных бизнес-процессов по всем центрам ответственности и технологическим процессам;

- информационно-аналитическая, ориентированная на поддержку подготовки принятия управленческих решений по оперативным и стратегическим вопросам, в том числе на мониторинг внешней среды;

- экономическая, обеспечивающая соблюдение баланса между возможностями современных информационных технологий и требуемыми ресурсами на их внедрение и сопровождение;

- контрольная, включающая анализ уровня достижения целей, в т.ч. анализ отклонений по планам развития.

Подразделения предприятия имеют разнородную структуру, находятся на разном уровне развития, в частности, в областях менеджмента и информатизации. Отсутствие управленческого учета в планировании вносит дополнительные сложности на пути построения концепции контроллинга. Без создания единого информационного пространства, охватывающего предприятия и бизнес-структуры, внедрение системы контроллинга невозможно.

Основными проблемами развития отечественных промышленных предприятий, на решение которых направлена разработка современных систем управления, учитывающих использование контроллинга, являются следующие:

- усложнение архитектуры управления, информационного поля, материальных, финансовых потоков;

- необходимость повышения эффективности функционирования предприятия;

— создание системы обеспечения экономической устойчивости и выявления кризисных ситуаций;

— в связи с усложнением процессов управления предприятием требуется построение специальной системы информационного обеспечения и разработка механизма координации;

— потребность в системах управления, обеспечивающих гибкость и надежность функционирования предприятия;

— трудности, возникающие при внедрении контроллинга в оргструктуру предприятия.

— усложняющуюся конкуренцию на национальных и мировых рынках с интеграцией экономической жизни;

— ограниченность возможностей отдельных инструментов менеджмента, используемых в процессе принятия и реализации решений в динамично меняющихся рыночных условиях;

— сложность применения современных управленческих инструментов, адекватных новым условиям функционирования промышленной отрасли национального хозяйственного комплекса.

Для понимания актуальности внедрения систем контроллинга на предприятиях в условиях продолжающегося глобального финансового кризиса необходимо рассмотреть современное состояние промышленности на макро- и мезо-экономическом уровне. В настоящее время дать оценку эффективности происходящих изменений в промышленном секторе экономики можно в разрезе важнейших видов продукции и экспортно-импортных операций. Прогрессивность его структурных изменений можно оценить на основе установления тенденций производства основных видов продукции машиностроения — оборудования для промышленных предприятий.

Анализ товарной структуры экспорта России показывает, что в последние годы после начала периода экономического подъема принципиальных положительных изменений в структуре промышленного производства не произошло [4, 5]. Имеющиеся положительные тенденции роста объема экспорта

обусловлены, прежде всего, благоприятной внешнеэкономической конъюнктурой цен на энергоносители. В СКФО и Ставропольском крае основными статьями экспорта традиционно являются продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье. При этом следует отметить, что в регионе на первое место по объемам экспортируемой продукции вышли предприятия химической промышленности (более 58% в 2008 г.) с оборотом около 667 млн. долл.

Анализ товарной структуры импорта России показывает сохранение тенденций, когда, начиная с 2000 г., в товарной структуре импорта увеличивается доля машин, оборудования и транспортных средств, а также продукции химической промышленности и каучука. Таким образом, отсутствие структурных изменений в добывающих и обрабатывающих отраслях промышленности привели к тому, что во внешнеэкономической деятельности основной статьей экспорта является продукция с малой долей добавленной стоимости, а импортируются высокотехнологичные товары, производство которых в России практически остановлено.

Выявленные негативные тенденции функционирования промышленности отражаются на деятельности большинства предприятий, входящих в ее структуру. Основные проблемы, препятствующие развитию хозяйствующих субъектов производственной сферы, приведены в таблице 1.

Предприятия-потребители способствуют развитию промышленного производства посредством обеспечения постоянного и широкого спроса. Данное обстоятельство обусловлено следующими факторами:

— усилением процессов развития предпринимательской деятельности;

— приватизацией предприятий народного хозяйства;

— увеличением финансирования государственных предприятий в рамках соответствующих федеральных программ.

Отечественные предприятия-производители промышленных товаров не

Таблица 1

**Проблемы функционирования предприятий
промышленного сектора экономики**

Характер экономической проблемы	Тип хозяйствующего субъекта
Низкая адаптивность к новым условиям хозяйствования промышленного производства	Предприятия-производители промышленной продукции
Производимые товары характеризуются быстрым устареванием, появлением новых видов оборудования, машин, полуфабрикатов вследствие постоянных изменений в технологии, ее усовершенствования и развития	
Спрос на оборудование уменьшается из-за возможности увеличения нагрузки на действующий парк	
Недостаток внешних и внутренних инвестиций	
Неустойчивость, обусловленная низким уровнем материально-технического снабжения	
Недостаточное регулирование со стороны государственных институтов как на федеральном, так и на региональном уровнях	
Неэластичность цены, обусловленная отсутствием равноценных заменителей товаров промышленного назначения	Предприятия-потребители промышленной продукции
Замещение предметов труда требует значительных финансовых вложений	
Завышенные цены на основные средства производства в связи с отсутствием реальной конкуренции	
Разбалансированность системы предоставления денежных ссуд из бюджетов различных уровней для приобретения техники по лизингу	
Высокие ставки по процентам для организаций-потребителей на приобретение оборудования	
Диспаритет цен на промышленную и сельскохозяйственную продукцию	
Разбалансированность численных составов предприятий-производителей и предприятий-потребителей промышленной продукции	Предприятия - потребители и предприятия - производители промышленной продукции
Уход с рынка части организаций из-за невозможности погашения кредитов в период экономического кризиса	
Негативная динамика рыночной конъюнктуры отечественных организаций	
Неразвитость информационного обеспечения промышленных предприятий	

способны адекватно обеспечить возрастающий спрос вследствие ряда причин:

- отсутствия инвестиций;
- неустойчивости, обусловленной низким уровнем материально-технического снабжения;
- недостаточного регулирования со стороны государственных институтов, как на федеральном, так и на региональном уровнях.

Результатом сложившейся ситуации становится возрастающая товарная необеспеченность, которая предопределяется следующими предпосылками:

- существенным разрывом между спросом и предложением;
- низким уровнем развития рынка организаций-производителей;
- установлением завышенных цен на основные промышленные товары

в связи с отсутствием реальной конкуренции;

— монополизацией рынка основными производителями.

В результате проведенного исследования выделены основные факторы, определяющие возникновение научных и практических проблем внедрения контроллинга на отечественных промышленных предприятиях:

— незавершенность исследования условий адаптации зарубежного опыта использования контроллинга к российским условиям;

— разногласия в понимании концепции рассматриваемого явления;

— отсутствие сертификации института контроллинга;

— социально-психологическая неготовность к изменениям, вызванным введением контроллинга в структуру управления;

— склонность российского менеджмента управлять административно-командными методами;

— нечеткость сформулированных принципов внедрения;

— низкое качество нормативно-справочной информации по исследуемой категории;

— приоритет контроллеров-практиков на деятельность в контуре оперативного контроллинга;

— игнорирование системного анализа при внедрении данного инструмента в отечественной практике.

Применение новых инструментов управления предприятиями рассматриваемой отрасли, таких, как контроллинг, позволит разрешить ряд указанных проблем функционирования, способствуя развитию промышленного комплекса России в целом.

Примечания:

1. Информатизация бизнеса: концепции, технологии системы: монография / под ред. А.М. Карминского. М.: Финансы и статистика, 2004. 624 с.

2. Контроллинг: учебник / под ред. А.М. Карминского, С.Г. Фалько. М.: Финансы и статистика, 2006. 336 с.

3. Орлов А.И., Гуськова Е.А. Информационные системы управления предприятием в решении задач контроллинга // Контроллинг. 2003. №1. С. 52-59.

4. Промышленность России. 2008: стат. сб. М.: Росстат, 2009. 378 с.

5. Регионы России. 1990-2008 годы: стат. сб. М.: Росстат, 2009. 884 с.

References:

1. Business informatization: concepts, technologies of system: the monograph / Ed. A.M. Karminsky. M.: Finance and Statistics, 2004. 624 pp.

2. Controlling: the textbook / Eds. A.M. Karminsky, S.G. Falko. M.: Finance and Statistics, 2006. 336 pp.

3. Orlov A.I., Guskova E.A. Information systems of the enterprise management in the solution of problems related to controlling // Controlling. 2003. No. 1. P. 52-59.

4. Industry of Russia. 2008: stat. coll. M.: Rosstat, 2009. 378 pp.

5. Regions of Russia. 1990-2008: stat.coll. M.: Rosstat, 2009. 884 pp.

УДК 338.24
ББК 65.291.2
К 90

Б.А. Кумпилова

Кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и управления Адыгейского государственного университета, г. Майкоп. Тел.: (8772)59-39-52, e-mail: jambot@yandex.ru

С.А. Хатукай

Кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и управления Адыгейского государственного университета, г. Майкоп. Тел.: (8772)59-39-52, e-mail: khatukai@rambler.ru

Современные формы организации управления на предприятиях малого и среднего бизнеса: развитие безъядерных структур

(Рецензирована)

Аннотация. В статье рассматриваются адаптивные структуры управления предприятиями малого и среднего бизнеса как в наибольшей степени соответствующие существующим особенностям динамичной и непредсказуемой внешней среды. Выявляются достоинства и недостатки основных адаптивных организационных структур (кросс-функциональной, проектной и матричной) в современных условиях. В заключение статьи делается вывод о целесообразности внедрения в практику менеджмента малых и средних предприятий безъядерных структур управления.

Ключевые слова: организация управления, организационные структуры управления, малые и средние предприятия, адаптивные организационные структуры, безъядерные организационные структуры.

B.A. Kumpilova

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of Economy and Management Department, Adyghe State University, Maikop. Ph.: (8772) 59 39 52, e-mail: jambot@yandex.ru

S.A. Khatukay

Candidate of Economic Sciences, associate professor of economy and management of the Adygei state university, Maikop. Ph.: (8772) 59 39 52, e-mail: khatukai@rambler.ru

Modern forms of the organization of management in small and medium-sized business: the development of non-core structures

Abstract. The paper deals with adaptive organizational management structures of SME's as the ones which are most appropriate for dynamic and unpredictable external environment. Main advantages and disadvantages of classical adaptive organizational structures (cross-functional, project and matrix) are revealed for contemporary SME's. It is inferred that it is necessary to introduce none-core organizational structures in practice of small and medium-sized business.

Keywords: management organization, organizational structures of management, small and medium-sized enterprises, adaptive organizational structures, none-core organizational structures.

Важнейшей особенностью организации управления предприятиями малого и среднего бизнеса на современном этапе является необходимость обеспечения гибкости и адаптивности организационной структуры, что в условиях повышения сложности и непредсказуемости внешней среды позволит сформировать условия рационального осуществления функций координации и регулирования в рамках замкнутого цикла менеджмента. В то же время российская традиция менеджмента, в том числе в малом и среднем бизнесе, такова, что указанный тип организационных структур, к числу которых необходимо отнести кросс-функциональную, проектную и матричную структуры, достаточно редко внедряется в управленческую практику, что обусловлено в первую очередь низкой склонностью к делегированию полномочий, а также доминирующим представлением о низком уровне ответственности, свойственном персоналу организации. Таким образом, в настоящее время необходимо разработать научно обоснованный подход к организации управления на предприятиях малого и среднего бизнеса, который позволит устранить описанные препятствия в проектировании организационных структур управления и, в то же время, сформировать гибкую и адаптивную структуру менеджмента.

Для решения данной задачи в первую очередь необходимо проанализировать преимущества и недостатки применяемых в настоящее время кросс-функционального, матричного и проектного методов организации управления. Адаптивные структуры управления стали активно развиваться в конце 70-х годов в результате обострения конкуренции среди предприятий и сопряженной с ней необходимостью повышения эффективности и качества функционирования предприятий, а также сформировавшейся потребности в обеспечении быстрой реакции на изменения рынка, так как классические иерархические структуры управления оказались не в состоянии соответствовать предъявленным требо-

ваниям. Анализ практики применения адаптивных структур в формировании систем управления предприятиями малого и среднего бизнеса показал, что внедрение структур данного типа должно сопровождаться изменением взаимоотношений между подразделениями предприятия в первую очередь в части перераспределения полномочий и ответственности. Напротив, при сохранении действующей системы планирования, контроля, распределения ресурсов, стиля руководства, методов мотивации персонала результаты внедрения таких структур могут быть отрицательными [1].

В основе проекта кросс-функциональной структуры организации управления лежит организация работ по рабочим группам, или бригадам. Данный тип организации управления известен достаточно давно (например, в форме организации артелей), однако распространение данная организационная структура получила только в 80-х годах XX века, когда данная структура была противопоставлена классической иерархии управления. Основными принципами формирования данного типа организационной структуры являются соблюдение автономии деятельности рабочих групп (бригад), обеспечение высокой степени самостоятельности рабочих групп в принятии решений, а также развития горизонтальной коммуникационно-координационной сети, формирование коммутационной сети, основанной на приоритете гибких горизонтальных связей и привлечение работников организации, отнесенных в рамках штатного расписания к разным подразделениям, к решению ключевых задач развития организации. Данные принципы нарушают свойственное классическим иерархическим структурам жесткое распределение полномочий и ответственности по производственным, инженерно-техническим, экономическим и управленческим службам, которые образуют изолированные системы со своими целевыми установками и интересами, а также в значительной степени препятствуют закреплению строго определенных

групп работ за определенными сотрудниками. В организации, построенной по приведенным выше принципам, функциональные подразделения могут как сохраняться, так и упраздняться, вследствие чего в организации может возникнуть проблема двойного подчинения: административным и функциональным руководителям. Описанные принципы и ключевые характеристики кросс-функциональной организационной структуры позволили сформулировать ее ключевые преимущества и недостатки. К числу преимуществ данного типа организационной структуры управления следует отнести возможность сокращения численности управленческого аппарата и сопряженного повышения эффективности управления, перспективы гибкого использования компетенций персонала, возможность самосовершенствования работников за счет внутригрупповой работы, возможность применения отвечающих высокой динамике внешней среды эффективных методов планирования и управления, а также снижение потребности в специалистах широкого профиля. Недостатками кросс-функциональной структуры являются усложнение взаимодействия отдельных подразделений, потенциальные проблемы, связанные с координацией деятельности отдельных рабочих групп, возрастающая потребность в квалификации и ответственности персонала, а также необходимость обеспечения высокого качества и эффективности не только горизонтальных, но и вертикальных коммуникаций. Указанные обстоятельства свидетельствуют, что рассматриваемая форма организационной структуры наиболее эффективна в организациях с высоким уровнем квалификации специалистов при их хорошем техническом оснащении, в особенности в сочетании с управлением по проектам, то есть фактически описанная структура соответствует концепции всеобщего менеджмента качества [2].

Следующим видом адаптивной организационной структуры управления является проектная структура, в основе которой лежит реализация концеп-

ции проекта, трактуемого как любое целенаправленное изменение в системе. При формировании проектной организационной структуры деятельность хозяйствующего субъекта рассматривается как совокупность проектов, для реализации которых необходимо эффективно использовать трудовые, финансовые, технико-технологические, инвестиционные, инновационные, креативные и другие ресурсы, которыми распоряжается руководитель проекта. Каждый проект имеет определенную структуру, которая после его исполнения распадается, а ее элементы, включая персонал организации, переходят в новый проект или покидают организационные пределы предприятия в случае, если они привлекались на основе аутсорсинга. Проектная структура управления может быть сформирована как в рамках кросс-функциональной, так и в рамках дивизионной структуры, с той разницей, что определенные данными типами структур объединения персонала и ресурсов существуют не на протяжении существования организации, но только в рамках конечного по времени проекта. Сущность проектной структуры управления определяет ее основные преимущества, которые заключаются в следующем: обеспечивается высокая гибкость структуры управления, позволяющая существенно снизить численность административно-управленческого персонала по сравнению со структурами классической иерархии, кроме того, формируются условия, при которых эффективность ресурсного взаимодействия оказывается максимальной вследствие того, что взаимодействие ресурсов в рамках проекта позволяет получить положительный эффект синергии. В то же время проектная структура управления не лишена определенных недостатков, включающих высокие требования квалификации, личным и деловым компетенциям руководителя проекта, который должен не только управлять всеми стадиями жизненного цикла проекта, но и учитывать место проекта в сети проектов компании; возможность перекрестного распределения ресурсов

между проектами, реализуемыми в одной организации; сложность взаимодействия отдельных подсистем предприятия в случаях, когда одновременно реализуется значительное количество проектов; а также усложнение развития организации. Анализ представленных недостатков свидетельствует, что проектную структуру целесообразно применять на предприятиях, реализующих относительно небольшое количество проектов, что позволит соблюсти норму управляемости 7 ± 2 в отношении количества проектов развития организации.

Третьей используемой в настоящее время адаптивной структурой управления является матричная, которая представляет собой сетевую структуру, основанную на принципе двойного подчинения исполнителей. В рамках матричной структуры работник подчиняется как непосредственному руководителю функциональной службы, так и руководителю проекта либо целевой программы. Менеджер проекта, руководящий соответствующими процессами в рамках матричной структуры управления, взаимодействует с одновременно с двумя группами подчиненных: постоянными членами проектной группы и другими работниками функциональных отделов, которые подчиняются ему в рамках переданных полномочий и ответственности. При этом реализуемые в организации проекты и целевые программы могут воплощаться в жизнь одновременно при условии сохранения необходимого количества ресурсов. Данная структура обладает следующими ключевыми преимуществами: формируется оптимальная ориентация на проектные (или программные) цели и спрос; обеспечивается результативное текущее управление за счет снижения дублирующих расходов и повышения эффективности использования ресурсов; формируются условия эффективного использования компетенций персонала организации; обеспечивается относительная автономность проектных групп или программных комитетов, что способствует развитию у работников навыков принятия

решений, управленческой культуры, профессиональных навыков; повышается качество контроля; обеспечивается эффективность реализации процессного подхода к управлению за счет рационального распределения полномочий и ответственности, а также ресурсов организации посредством четкого определения владельцев процессов; сокращается время реакции на нужды проекта или программы за счет формирования эффективной системы горизонтальных коммуникаций. В то же время внедрение матричной структуры сопряжено с появлением определенных недостатков, в том числе: трудности установления четкой ответственности за работу вследствие двойного подчинения; необходимости постоянного контроля за соотношением ресурсов, выделяемых подразделениям и программам или проектам; возникновения высоких требований к квалификации, личным и деловым качествам работников, работающих в группах, необходимости их постоянного обучения; формирования предпосылок расширения сфер конфликтных ситуаций; возникновения возможности нарушения правил и стандартов, принятых в функциональных подразделениях, из-за оторванности сотрудников, участвующих в проекте или программе, от своих подразделений. Таким образом, опыт показывает, что внедрение матричной структуры дает хороший эффект в организациях с достаточно высоким уровнем корпоративной культуры и квалификации сотрудников, в противном случае возможна дезорганизация управления.

Помимо рассмотренных существуют также многомерные организационные структуры, структуры «без границ», сетевые, виртуальные и некоторые другие организационные структуры, однако в настоящее время отсутствует достаточный опыт их применения, что не позволяет рекомендовать их к использованию. Более того, абсолютное большинство российских организаций имеют линейные структуры управления, вследствие чего переход к многомерным или сетевым в ближайшей

перспективе представляется маловероятным.

В то же время очевидно, что ключевым ресурсом формирования устойчивой конкурентной позиции предприятия малого и среднего бизнеса в российской экономике, отличительной особенностью которой является доминирование предприятий крупного бизнеса, является возможность обеспечить эффективное и адекватное реагирование на происходящие во внешней среде изменения и таким образом сформировать базу удовлетворения потребностей клиентов на более ранней стадии взаимодействия, чем это могут сделать предприятия крупного бизнеса. Реализация такого подхода сопряжена с необходимостью найма работников с высоким уровнем креативного ресурса, а также обладающих надлежащими компетенциями; в свою очередь указанные качества снижают возможность применения для организации деятельности такого персонала структур классической иерархии, в рамках которых подавляется инициатива отдельных работников как по объективным, так и по субъективным причинам. В то же время, как показал проведенный анализ адаптивных структур управления, их применение в современной практике отечественного менеджмента также имеет существенное число недостатков, что не позволяет эффективно использовать их при управлении малыми и средними предприятиями.

Данное обстоятельство диктует необходимость внедрения в управленческую практику организационных структур принципиально нового типа, что в условиях высокой изменчивости и зачастую враждебности внешней среды требует формирования структуры не вокруг определенного организационного стержня, но вокруг комплекса целей и задач, то есть, фактически, оптимальная структура современного управления предприятиями малого и среднего бизнеса должна быть безъядерной. В этом случае будет обеспечено формирование таких преимуществ адаптивных структур управления, как возможность сокращения численности

управленческого аппарата и сопряженного повышения эффективности управления, гибкого использования компетенций персонала и формирование их в результате необходимости обеспечивать выполнение неструктурированных рабочих заданий, возможность самосовершенствования работников за счет внутригрупповой работы, возможность применения отвечающих высокой динамике внешней среды эффективных методов планирования и управления, снижение потребности в специалистах широкого профиля, формирование условий развития лидерства, появление которых является следствием возникновения адхократических тенденций в организации управления. При этом исключается возникновение ряда недостатков, присущих адаптивным структурам. Во-первых, снимается проблема двойного подчинения и связанного с ней нерационального распределения полномочий и ответственности. Во-вторых, снижается уровень конфликтности в случаях привлечения высококвалифицированной рабочей силы со специфическим профилем мотивации, так как при внедрении безъядерных структур удовлетворяется потребность данных категорий работников в самовыражении и самоуважении, наличие которых является катализатором большинства конфликтов в малых и средних предприятиях технологичной направленности.

Таким образом, на современном этапе развития менеджмента одним из наиболее перспективных форматов организации управления является формирование безъядерных структур, применение которых позволяет обеспечить рациональное распределение ресурсов организации при условии устранения большинства присущих адаптивным структурам проблем. Апробация указанных структур должна проводиться на малых и средних предприятиях, так как именно для данной категории организаций быстрая адаптация к изменяющимся внешним условиям, и, в первую очередь, динамичным потребностям клиентов, является основой формирования конкурентного преимущества.

Примечания:

1. Типовые организационные структуры предприятий. URL: http://www.cfin.ru/management/iso9000/iso9000_orgchart.shtml. (Дата обращения: 29.02.2012)
2. Багаутдинов А.Н. Формирование организационной структуры управления предприятием: автореф. дис. ... канд. экон. наук. Казань, 2009.

References:

1. Standard organizational structures of the enterprises. URL: http://www.cfin.ru/management/iso9000/iso9000_orgchart.shtml. (Address date: 29.02.2012).
2. Bagautdinov A.N. Formation of organizational structure of business management: Author's summary of dissertation for Candidate of Economics degree. Kazan, 2009.

УДК 658.114
ББК 65.292.9
М 19

С.В. Малков

*Соискатель кафедры экономической кибернетики Таврического национального университета им. В.И. Вернадского, Украина, г. Симферополь.
Тел.: (+038) 050 424 03 71, e-mail: stanislavm83@mail.ru*

Средства управления предпринимательскими рисками виртуального предприятия (Рецензирована)

Аннотация. В компьютерной сети Интернет функционирует большое количество виртуальных предприятий по оказанию информационных услуг и торговле, которые подвергаются различным рискам, в том числе, порождаемых только в компьютерных сетях. Статья посвящена выявлению новых методов и инструментов управления предпринимательскими рисками.

Ключевые слова: интернет, виртуальное предприятие, риски, предпринимательство.

S. V. Malkov

Applicant for Candidate's degree of Economic Cybernetics Department, Taurian National University named after V.I. Vernadsky, Ukraine, Simferopol. Ph.: (+038) 050 424 03 71, e-mail: stanislavm83@mail.ru

Management facilities of entrepreneurial risks of virtual enterprises

Abstract. There are many e-stores which provide different products and services in the Internet. They run the different risks generated only in computer networks. The main goal of this paper is to describe the different features of business risks in the Internet and the means how to manage these risks.

Keywords: Internet, e-store, risks, entrepreneurship.

Риск является неотъемлемой частью деловой активности, он присущ малому предпринимательству, особенно его инновационному подмножеству. Виртуальные торговые предприятия являются инновационными по своей сути, они вынуждены постоянно использовать новые виды компьютеров или их комплектующих для реализации возможности внедрения новых программ, технологий поиска в Интернет и презентации собственного дела в Сети. В связи с этим для данных предприятий необходимо использовать механизмы управления инновационными проектами, позволяющие применять ситуационный, процессный и системный подходы к управлению рисками.

Целью данной работы является определение особенностей предприни-

мательских рисков в виртуальном пространстве и средств управления данными рисками.

Для управления рисками предпринимательской деятельности необходимо, во-первых, анализировать и устранять внешние и внутренние причины возникновения рисков, во-вторых, использовать функции рисков для совершенствования собственной деятельности, в-третьих, корректировать стратегию и применять гибкую тактику для адаптации к рискам. В зависимости от целей и видов предпринимательской деятельности используются различные методы и механизмы управления рисками. Данные средства используются в зависимости и от видов рисков, которые различные исследователи, например,

А.С. Маловичко, насчитывают более полусотен [1].

Независимо от вида риска, все риски имеют общие свойства и природу происхождения, к которым относятся: неопределенность, случайность, неизвестность и противодействие, а также противоречивость и альтернативность, которые способствуют не только пониманию сути риска, но выходу из сложившейся неблагоприятной ситуации. В случае среднего или крупного предприятия, как традиционного, так и виртуального с территориально разрозненными подразделениями, которые могут создать отдельную службу по предотвращению и минимизации рисков, малые предприятия такой возможности не имеют. Для малых предприятий риск принимает на себя, как правило, один субъект — руководитель и собственник предприятия, который несет ответственность за финансовые и материальные потери, экономическую небезопасность предприятия и неудачу вследствие неверно выбранной альтернативы.

Управление рисками основывается на стратегии риск-менеджмента, основными принципами которой являются принцип масштабности, принцип минимизации, принцип адекватности решения, принцип разумного приятия риска. В зависимости от предсказуемости риска, рекомендуется применять различные формы управления: на основе контроля, на основе экстраполяции, на основе предвидения изменений и на основе гибких немедленных решений. В малом предпринимательстве целесообразно использовать комплексное управление риском, включающее все перечисленные формы. Такое комплексное управление должно осуществляться на всех этапах риска: до его наступления, с предусмотрением возможных убытков и их минимизацией; в момент или период возникновения рисков, с минимизацией возможных убытков; после принятия всех мер по ликвидации или минимизации наступившего риска с концентрацией усилий на оптимизации деятельности предприятия и снижении вероятности наступления риска данного типа.

Методы управления риском можно объединить в четыре группы: уклонение, компенсация, принятие и передача. Н.Н. Каштанов и И.А. Курьяков рассматривают как отдельный метод уменьшение неблагоприятного влияния тех или иных факторов на результаты производства и предпринимательской деятельности в целом. Они также отмечают, что принятие (или овладение) риском целесообразно и даже необходимо, когда потенциальные потери незначительны и делается все возможное для предупреждения или снижения ущерба от воздействия непредвиденных обстоятельств, когда четко выявлены шансы на получение высокого предпринимательского дохода [2]. Все перечисленные методы направлены на минимизацию затрат и убытков предприятий и используются в зависимости от действия факторов риска: соперничества на рынке, угрозы появления новых предприятий с аналогичными товарами или услугами или их заменителями, влияние поставщиков и покупателей, влияние кредитно-финансовых, государственных и местных органов власти, людского потенциала и других. На основе данных факторов выделяются следующие группы рисков: технологические, маркетинговые, управленческие, квалификационные, информационные, ценовые, налоговые, инвестиционные, инфляционные, валютные, кредитные, риски страны, социальные, риски чрезвычайных ситуаций. Для виртуальных торговых предприятий данные риски можно объединить в три большие группы: экономические, финансово-инвестиционные и информационные (включающие маркетинговые и ценовые). В.Г. Лопатовский предлагает следующий алгоритм управления рисками на предприятии: 1) проведение качественной оценки рисков, их систематизации и соотнесение с видами деятельности предприятия; 2) осуществление количественного анализа рисков, включая прогнозирование возможных убытков предприятия; 3) выбор оптимальных методов управления рисками [3]. Для виртуального предприятия, находящегося по непо-

средственным влиянием внешней среды (Интернет), управлять рисками необходимо практически непрерывно из-за возможных кибератак на продавца и покупателя, технических сбоев оборудования и программного обеспечения, а также отслеживания в Сети информации от конкурентов или потребителей, направленной на создание негативного мнения о виртуальном торговом предприятии в случае недобросовестной конкуренции.

При оценке рисков используются различные методы, включая методы имитационного моделирования [4], построение дерева решений с прогнозируемыми факторами риска и построение эконометрических зависимостей факторов риска и получение интегральной числовой оценки, экспертные оценки степени риска, вариантов его возникновения и управления и теоретико-игровой подход [5]. Для того, чтобы наиболее полно охарактеризовать риск и его уровень (степень), необходимо построить систему гипотез с альтернативными вариантами решения, которая в идеале для предпринимателя может быть превращена в экспертную систему. Такое превращение может осуществить только специалист в области рискологии, поскольку, прежде всего, система гипотез требует проверки на истинность, затем следует разработка альтернативных вариантов с применением экономико-математических методов и моделей. Как предлагает А.В. Сигал, управление риском должно осуществляться согласно следующей концептуальной схеме: качественный анализ — количественная оценка — учет и управление риском в принятии решений. Количественный анализ использует такие методы как: метод аналогий, анализ чувствительности, анализ риска убытков, метод имитационного моделирования, статистический метод, экспертные оценки. Теоретико-игровое моделирование экономического риска наиболее адекватно отражает хозяйственные и рыночные ситуации, когда интересы участников не совпадают, и нет необходимости чрезмерно рисковать [5].

Функции рисков, такие как стимулирующая, инновационная, защитная, регулирующая, аналитическая, компенсирующая, социально-экономическая позволяют рассматривать позитивное воздействие рисков на деятельность предприятий. Для виртуальных торговых предприятий стимулирующая функция рисков означает стремление к повышению конкурентоспособности, а именно: расширению ассортимента, введение различных форм платежей и доставки, поиск новых партнеров, улучшение качества презентации товаров в электронном магазине, создание целевых потребительских групп и обществ, организации постоянного диалога с покупателями и учет их мнения в своей работе. Инновационная функция проявляется в необходимости постоянного обновления программного и аппаратного обеспечения, использования новых методов маркетинговых исследований. Защитная функция требует создания дублирующих серверов с базами данных товаров, партнеров и клиентов, использование цифровой подписи и средств предотвращения кибератак. Аналитическая функция требует постоянного анализа ситуации на рынке, действий конкурентов, запросов потребителей, а также анализа внутренней ситуации с кадрами, материальными и финансовыми активами. Компенсирующая функция означает поиск альтернативных коммерческих решений, новых инвесторов, реализации альтернативных и инновационных проектов. Социально-экономическая функция работает для всех видов предпринимательства, поскольку создает рабочие места, повышает уровень квалификации работников и грамотность, в том числе, компьютерную, населения в целом, способствует экономическому росту и развитию информационного общества.

К.Н. Ткачева предлагает организовать управление риском виртуального предприятия в виде следующих этапов: идентификация, управление, мониторинг. Несмотря на то, что она рассматривает виртуальное предприятие как объединение, из предложенных

ею инструментов предотвращения рисков для виртуального предпринимателя можно использовать: стратегические (обеспечение гибкости элементов информационной системы, переносимость и разделение программного обеспечения и информации, возможность конвертирования данных из одних стандартов в другие, объектно-ориентированное программирование; страхование риска и распределение риска во времени); операционные (внедрение качественных программных решений; интеграцию знаний о клиентах, товарах, процессах; авторизацию пользователей и контроль доступа к информационной системе виртуального предприятия; разработку системы ответственности работников за достоверную информацию и за разглашение конфиденциальной информации) и технические (использование качественных аппаратных и программных решений) [3].

С точки зрения поведения предприятия во внешней среде наиболее важным для него является разработка правильной стратегии, которая бы позволяла на всех этапах достижения цели избегать или минимизировать риски. Неверные стратегические решения могут иметь катастрофические последствия для предприятия, поэтому с точки зрения стратегии следует выделять допустимый или приемлемый риск, и при разработке стратегии необходимо определить его границы для предприятия, а также выработать набор мероприятий при критическом и катастрофическом значениях риска (или диапазона границ значений).

Стратегия, разрабатываемая предприятием, направлена, прежде всего, на завоевание и удержание ниши рынка, на получение конкурентных преимуществ, и поэтому любую стратегию можно назвать конкурентной. Вопросы конкуренции в компьютерных сетях в настоящий момент слабо изучены, как и другие теоретические закономерности функционирования Интернет экономики, например, особенности спроса и предложения. Для современного традиционного рынка В.М. Запужляк предлагает к традиционным пяти конкурент-

ным силам добавить еще одну (влияние государственных институтов) и получить концептуальный инструмент для стратегической диагностики конкурентной среды. Классическая модель М.Портера включает: 1) анализ угрозы появления продуктов-заменителей; 2) анализ угрозы появления новых игроков; 3) анализ рыночной власти поставщиков; 4) анализ рыночной власти потребителей; 5) анализ уровня конкурентной борьбы. В настоящее время влияние государственных институтов на виртуальные рынки незначительно, правовая база только начинает формироваться. Но для Интернет, как глобального виртуального рынка, конкурентная среда является своеобразной проекцией среды традиционных рынков, поскольку большинство виртуальных торговых предприятий магазинов являются сопутствующими традиционным магазинам, для которых действуют предлагаемая модель.

Конкурентная стратегия предусматривает, в том числе, средства снижения рыночных рисков, к которым относятся снижение спроса, перенасыщение целевого рынка товарами или услугами, действия конкурентов, циклические изменения в экономике, падение покупательской способности и неплатежеспособность партнеров [6]. Для виртуальных рынков, функционирующих в компьютерной сети Интернет, данные риски также имеют место. Единственный вид риска, которым можно пренебречь на виртуальных рынках, это — перенасыщение, поскольку предложение физических товаров в Сети всегда меньше спроса из-за большого числа покупателей, имеющих равноправный доступ к предлагаемым товарам и услугам. Условное перенасыщение можно рассматривать в случае нескольких магазинов с однотипным ассортиментом, но, поскольку они территориально не концентрированы, то приоритет доступа их зависит от имени сайта-витрины, т.к. от него зависит порядок выдачи пользователю в списке результатов поиска в Интернет. В Украине пока такого длинного списка ответа поисковой системы не существует, следовательно,

говорит о перенасыщении соответствующих сегментов рынка пока рано.

Выводы: 1) виртуальное предпринимательство подвергается рискам, к которым применимы средства управления, аналогичные для традиционных предприятий, но имеющие более сложную структуру управления информационными и техническими ри-

сками; 2) обеспечение экономической безопасности виртуального предприятия требует разработки специальных информационных технологий; 3) реализация средств управления рисками виртуальных предприятий позволяет внедрять новые экономико-математические методы и эффективно их использовать.

Примечания:

1. Маловичко А.С. Ризик-менеджмент підприємств: його цілі, функції, завдання // Формування ринкової економіки в Україні. Львів: ІНТЕРЕКО, 2004. Вип. 13. С. 600-609.

2. Каштанов Н.Н., Курьяков И.А. Подходы к управлению предпринимательскими рисками // СТЭЖ. 2012. №15.

3. Лопатовський В.Г. Організація процесу управління ризиками на вітчизняних підприємствах // Вісник Хмельницького національного університету. 2006. Т. 3, №4. С. 184-188.

4. Песиков Э.Б., Тараненко Е.Ю. Модели и методы оценки и управления риском виртуального издательско-полиграфического предприятия с помощью имитационного моделирования // Известия высших учебных заведений. Проблемы полиграфии и издательского дела. 2010. №3. С. 78-87.

5. Сігал А.В. Задача мінімізації портфельного ризику: ігровий підхід // Моделювання та інформаційні системи в економіці (Машинна обробка інформації): Межвідом. наук. зб. Вип. 64. К. : КНЕУ, 2000. С. 154-159.

6. Агаркова Л.В. Стратегия управления и предпринимательские риски в плодоовощном подкомплексе // Российское предпринимательство. 2007. №11-2. С. 107-112.

References:

1. Malovychko A.S. Ризик-менеджмент підприємств: його цілі, функції, завдання // Формування ринкової економіки в Україні. Львів: ІНТЕРЕКО, 2004. No. 13. P. 600-609.

2. Kashtanov N.N., Kuryakov I.A. Approaches to management of enterprise risks // STEZh. 2012. No. 15.

3. Lopatovsky V.G. Організація процесу управління ризиками на вітчизняних підприємствах // Вісник Хмельницького національного університету. 2006. V. 3, No. 4. P. 184-188.

4. Pesikov E.B., Taranenko E.Yu. Models and methods of an assessment and management of risk of the virtual publishing and printing enterprise by means of imitating modeling // News of Higher Educational Institutions. Polygraphy and Publishing Problems. 2010. No. 3. P. 78-87.

5. Sigal A.V. Задача мінімізації портфельного ризику: ігровий підхід // Моделювання та інформаційні системи в економіці (Машинна обробка інформації): Межвідом. наук. зб. Вип. 64. К. : КНЕУ, 2000. P. 154-159.

6. Agarkova L.V. Strategy of management and enterprise risks in a fruit and vegetable subcomplex // Russian Business. 2007. No. 11-2. P. 107-112.

УДК 69.003

ББК 65.311

С 50

К.В. Смицких

Старший преподаватель кафедры бухгалтерского учета и аудита Владивостокского государственного университета экономики и сервиса, г. Владивосток. Тел.: (423) 240 42 49, e-mail: smitskih@yandex.ru

Т.В. Терентьева

Доктор экономических наук, профессор, проректор по научно-исследовательской работе, заведующий кафедрой бухгалтерского учета и аудита Владивостокского государственного университета экономики и сервиса, г. Владивосток. Тел.: (423) 240 40 02, e-mail: Tatyana.Terenteva@vvsu.ru

Оценка влияния факторов на эффективность деятельности предприятий стройиндустрии *(Рецензирована)*

Аннотация. Строительный комплекс относится к числу ключевых отраслей экономики России и во многом определяет решение социальных, экономических и технических задач ее развития.

В настоящей статье с помощью метода экспертных оценок были проанализированы факторы, влияющие на эффективность деятельности предприятий стройиндустрии. В результате проведенных расчетов каждому фактору присвоена степень влияния на эффективность предпринимательской деятельности.

Так, наибольшее влияние на эффективность деятельности строительных предприятий оказывают объем реализации, ценовая политика, трудовые ресурсы, материальные ресурсы, затраты на производимые товары, работы, услуги, средства труда.

Ключевые слова: факторы, предпринимательская деятельность, эффективность, метод экспертных оценок, строительство.

K.V. Smitskikh

Senior teacher of Accounting and Audit Department, Vladivostok State University of Economy and Service, Vladivostok. Ph.: (423) 240 42 49, e-mail: smitskih@yandex.ru

T.V. Terentyeva

Doctor of Economics, Professor, Vice-Rector for research work, Head of Accounting and Audit Department, Vladivostok State University of Economy and Service, Vladivostok. Ph.: (423) 240 40 02, e-mail: Tatyana.Terenteva@vvsu.ru

Assessment of factor influence on the efficiency of construction enterprises

Abstract. The building complex is among the key sectors of the Russian economy, it defines the social, economic and technical challenges in its development.

In this paper, using the method of expert assessments, the factors affecting the efficiency of activity of construction enterprises are analyzed. As a result of calculations each factor is given the degree of the impact on business efficiency.

It is concluded that such factors as the sales volume, pricing, human resources, material resources, goods, work and service production costs, means of labor, etc. influence greatly the efficiency of construction enterprises..

Keywords: factors, entrepreneurial activity, the effectiveness, the method of expert estimates, construction.

В настоящее время в связи с тесными взаимоотношениями предприятий с рыночной средой перед предпринимателем стоят проблемы как сохранения и повышения эффективности деятельности организации в целом, так и эффективного управления отдельными видами ресурсов.

В то же время рыночная среда представляет собой систему взаимодействия внутренних и внешних факторов, оказывающих влияние на эффективность функционирования хозяйствующих субъектов.

Как показывают реалии сегодняшнего дня, многие малые строительные предприятия не уделяют достаточного внимания оценке своей эффективности, столь важной в условиях хозяйствования.

Одной из главных причин такого положения является отсутствие адек-

ватного механизма оценки эффективности функционирования хозяйствующих субъектов, отражающего также зависимость эффективности деятельности от воздействия различных факторов.

Несмотря на большое количество научных трудов зарубежных и отечественных авторов, рассматривающих данную проблему, их исследования редко направлены на формирование комплексного подхода к оценке, и при этом характеризуются отсутствием исследований влияния факторов на эффективность деятельности малого бизнеса строительной отрасли.

Наличие проблемы также подтверждает проведенный анализ сложившейся экономической ситуации на рынке строительной отрасли, который свидетельствует о нестабильной динамике основных показателей деятельности малых предприятий (рис. 1) [1].

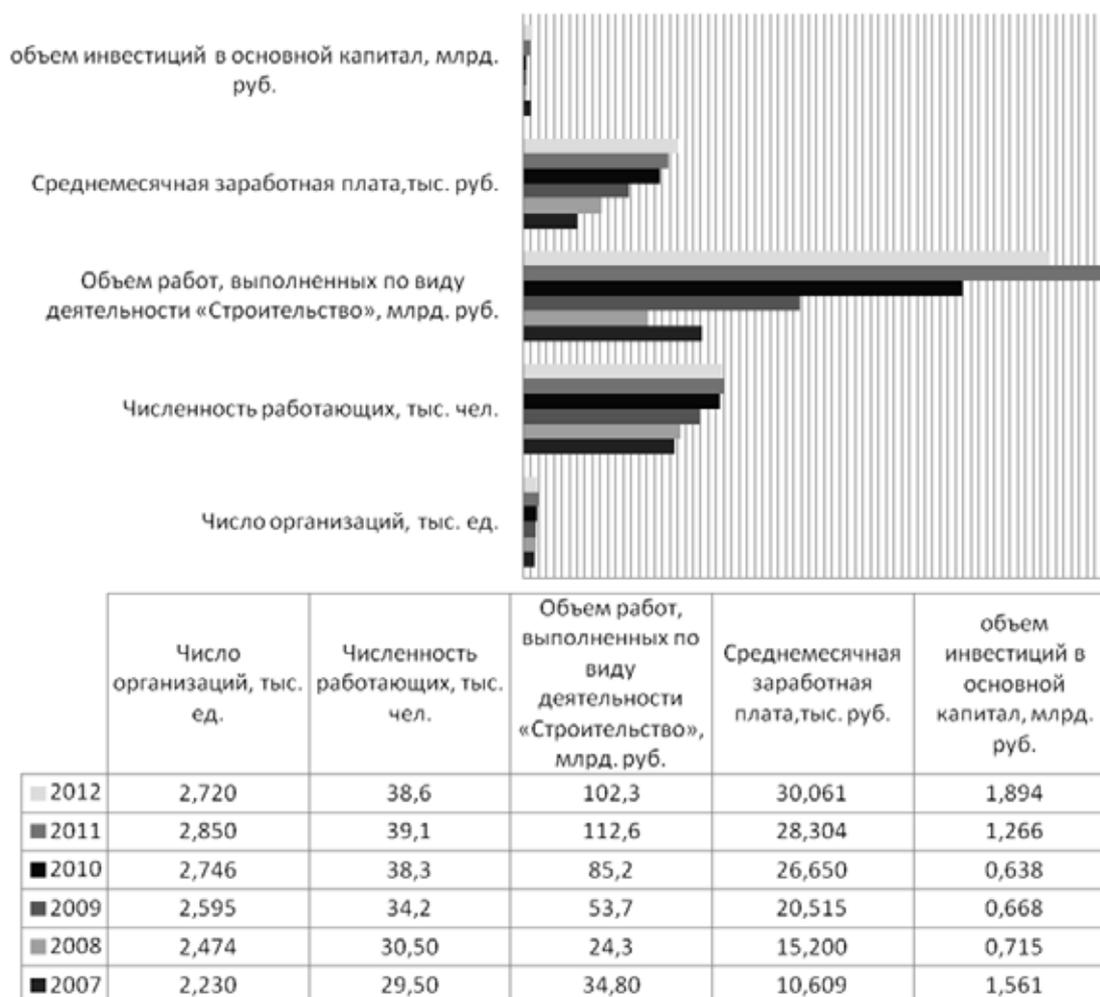

Рисунок 1. Основные показатели деятельности малых предприятий строительной отрасли

Так, по данным службы статистики, по Приморскому краю за последний год численность малых предприятий снизилась на 5%. Во многом это связано с преобладанием крупных предприятий, что не позволяет малому бизнесу в полной мере использовать свой потенциал.

Рост масштабов строительства, связанный с реализацией в крае масштабных федеральных программ в рамках Саммита АТЭС, обусловил увеличение объема оборота: в 2011 г. рост по сравнению с базисным периодом составил 233%. Но уже в 2012 г. наблюдается снижение.

Проведение Саммита АТЭС также предоставило возможность малому бизнесу в 2011—2012 гг. увеличить финансирование основного капитала за счет смешанных источников. Рост объема инвестиций в 2011 г. по сравнению с предыдущим годом составил 98%. Между тем, в целом по показателю зафиксирована отрицательная динамика, что говорит о снижении инвестиционной активности, а также сокращении объема финансирования внеоборотных активов малых предприятий как за счет собственных, так и за счет привлеченных средств.

Динамика среднесписочной численности носит нестабильный характер и во многом отражает степень привлекательности малого бизнеса как работодателя. Исходя из представленного рисунка, можно отследить зависимость между числом предприятий и среднесписочной численностью работников. Например, в 2010 г. наблюдается рост числа предприятий на 6% и численности работающих на 12%.

Но уже в 2012 происходит резкое падение этих показателей на 2—4% соответственно.

Показатель среднемесячной заработной платы является показателем, способным отразить динамику спроса населения на рабочие места, предоставляемые сектором малого и среднего бизнеса. При анализе данного показателя следует учитывать, что он регулируется на высшем законодательном уровне каждой страны в виде установленного размера минимальной оплаты труда. В анализируемом периоде сложилась положительная тенденция в динамике среднемесячной заработной платы.

Таким образом, сохранение данной тенденции может привести к неплатежеспособности предприятий строительной отрасли, снизить поступления в бюджет и, как следствие, ухудшить эффективность функционирования экономики Приморского края.

В настоящий момент как в отечественной, так и в зарубежной теории и практике существует определенное множество подходов к оценке и анализу эффективности предпринимательской деятельности. Одни методики предлагают идею «одного показателя», который бы выступал в роли симбиоза многих важных организационных характеристик бизнеса; другие исследователи утверждают, что необходим расчет разнообразных индикаторов с использованием экспертных, экономико-математических моделей [2].

В таблице 1 представлены основные группы подходов к оценке и анализу эффективности предпринимательской деятельности.

Таблица 1

**Группы подходов к оценке и анализу
эффективности предпринимательской деятельности**

Классификационная группа	Содержание подхода
Многофакторная	Система показателей, характеризующая факторы, влияющие на эффективность, рассмотренная в динамике
Отраслевая	Единый показатель — критерий, позволяющий сравнивать предприятия отрасли
Комплексная	Единый обобщающий показатель, дополненный системой частных

Классификационная группа	Содержание подхода
Многокритериальная	Система основана на выделении требований — критериев эффективности и оценке уровня соответствия им текущих параметров функционирования объекта исследования
Программно-прикладная	Измерительно-аналитическая методика оценки представлена в виде программного продукта
Независимая	Система оценки — как услуга консультационной фирмы

Изучив труды отечественных и зарубежных ученых по проблемам оценки эффективности деятельности и построению системы показателей, автор пришел к выводу о том, что экономическая эффективность предпринимательства должна рассматриваться в органическом единстве со всей системой условий и факторов развития предпринимательства. На рисунке 2 представлены факторы, определяющие эффективность функционирования компаний строительной отрасли.

В данном случае результативность работы компании представлена с позиции эффективности управления экстенсивными и интенсивными факторами. Эффективность управления заключается в выражении одновременно результатов использования как более высокого качества труда и более продуктивных вещественных компонентов, так и более рационального их комбинирования.

При исследовании направлений повышения эффективности деятельности необходимо учитывать значимость влияния выше представленных факторов.

Поскольку информация о каждом факторе является недостаточно полной, обоснование и оценка последствий решений не могут быть выполнены на основе точных расчетов. В связи с этим для определения значимости влияния на эффективность деятельности предприятия каждого фактора в данной статье будет использован метод экспертных оценок.

Экспертные оценки представляют собой точки зрения (мнения, суждения) высококвалифицированных специалистов в определенных экспертных областях, сформулированные в виде оценок объекта в содержательной,

качественной или количественной формах [3].

Существует множество форм организации проведения экспертиз. В данном исследовании за основу проведение экспертизы был взят подход таких авторов, как Мыльник В.В., Титаренко Б.П., Волочиенко В.А. Применение данного метода производится в несколько этапов, представленных на рисунке 3 [4].

1 этап: Постановка цели анализа — получение групповой оценки по результатам ранжирования экспертами факторов по степени их влияния на эффективность деятельности предприятий стройиндустрии, т.е. задача восстановления латентного и своего рода истинного упорядочивания факторов.

2 этап: Подбор экспертов — был использован априорный документационный метод (т.е. оценка объективных характеристик эксперта: образование, стаж работы, должность). В результате были отобраны 17 экспертов с высшим образованием со стажем работы в индустрии строительства более 5 лет, работающие на руководящих должностях.

3 этап: Выбор метода проведения опроса экспертов — выделяют несколько основных форм опроса: анкетирование, интервьюирование, метод Дельфи, мозговой штурм и дискуссию. В данном случае формой опроса экспертов для ранжирования факторов по степени их влияния на эффективность деятельности предприятий строительной отрасли выбрано анкетирование.

4 этап: Ранжирование факторов экспертами. Ранжирование — это представление объектов исследуемого множества в порядке убывания их предпочтительности. Получаемые от экспертов мнения выражены в порядковой шкале, и таким

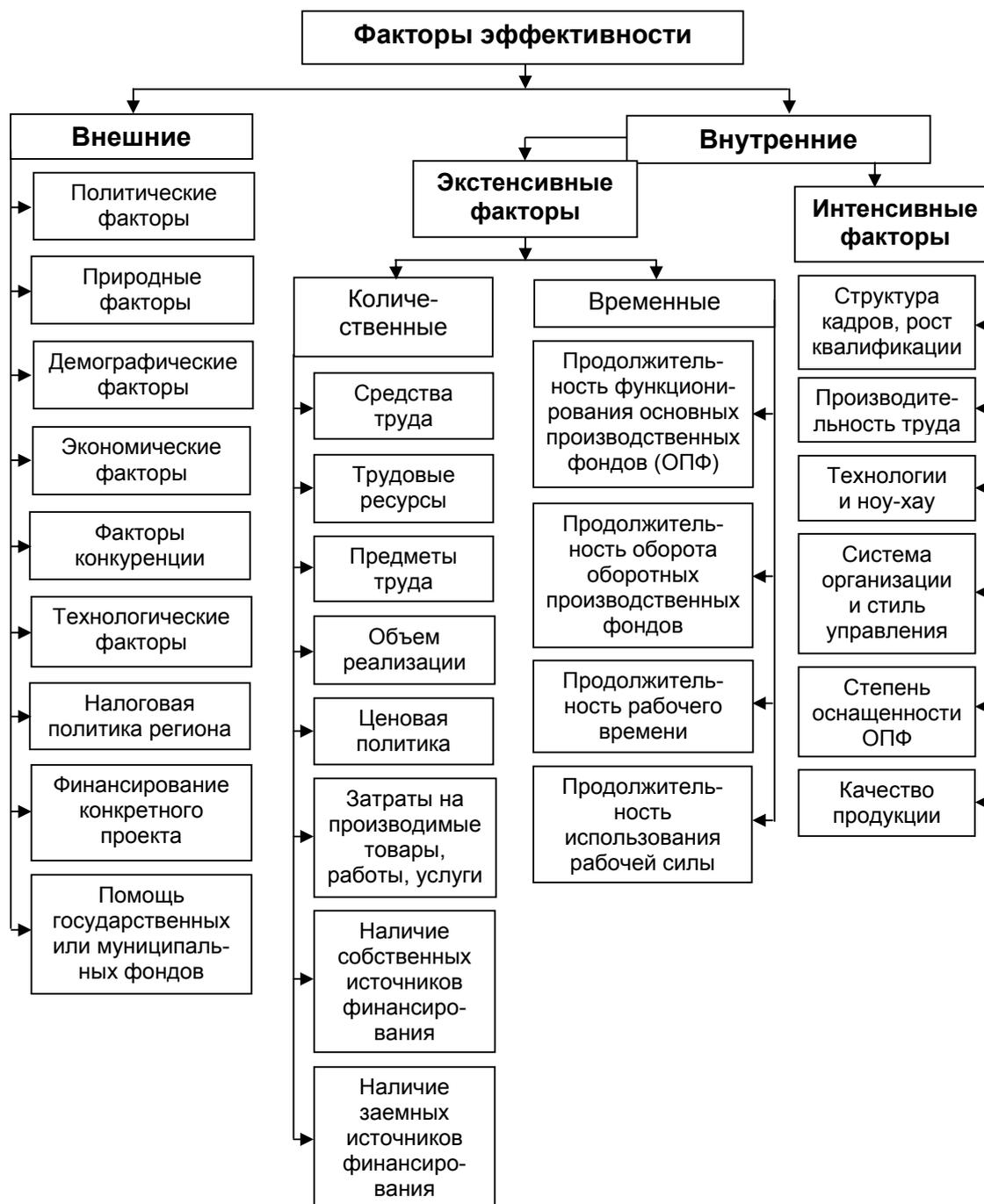

Рисунок 2. Систематизация факторов, оказывающих влияние на динамику эффективности деятельности строительной организации

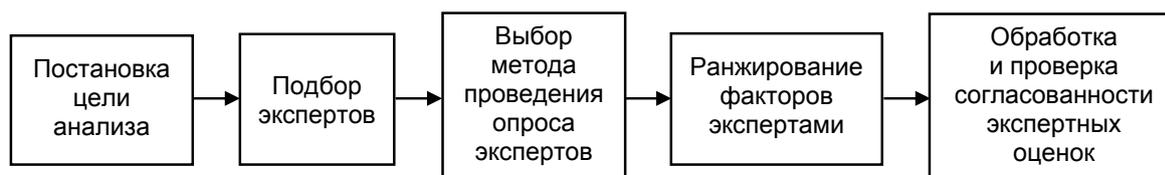

Рисунок 3. Этапы процесса организации и проведения экспертизы

образом эксперт определяет важность одного фактора перед другим. Ранги присваиваются в порядке убывания значимости факторов.

5 этап: Обработка и проверка согласованности экспертных оценок.

Обработка экспертных оценок осуществлялась с использованием методов статистики [5]. В данном случае расчет предполагается производить в нескольких этапах:

1 этап. Расчет среднего ранга и вариации по данным матрицы рангов:

$$a = \frac{1}{2} * m * (n + 1),$$

где a — средний ранг матрицы;
 n — максимальная оценка эксперта;
 m — количество экспертов.

$$S = \sum_{i=1}^n * \left(\sum_{j=1}^n x_{ij} - \frac{n * (m + 1)}{2} \right)^2,$$

где S — сумма квадратов отклонений всех оценок рангов каждого объекта экспертизы от среднего мнения, которое равно:

x_{ij} — ранг, данный i -м экспертом j -му объекту;

n — максимальная оценка эксперта;

m — количество экспертов.

Таким образом, анализ проведенного анкетирования, выполненный с помощью приведенных формул, позволил выделить из вышепредставленных наиболее важные факторы, влияющие на эффективность деятельности предприятий строительной индустрии.

В результате проведенных расчетов каждому фактору была присвоена степень влияния на эффективность предпринимательской деятельности по оценке респондентов (рис.4).

2 этап. Далее был произведен отбор факторов с учетом формулы весового коэффициента. Все факторы, имеющие весовой коэффициент выше весового коэффициента среднего ранга, являются наиболее значимыми, они и будут использоваться в целях настоящего исследования (табл. 2).

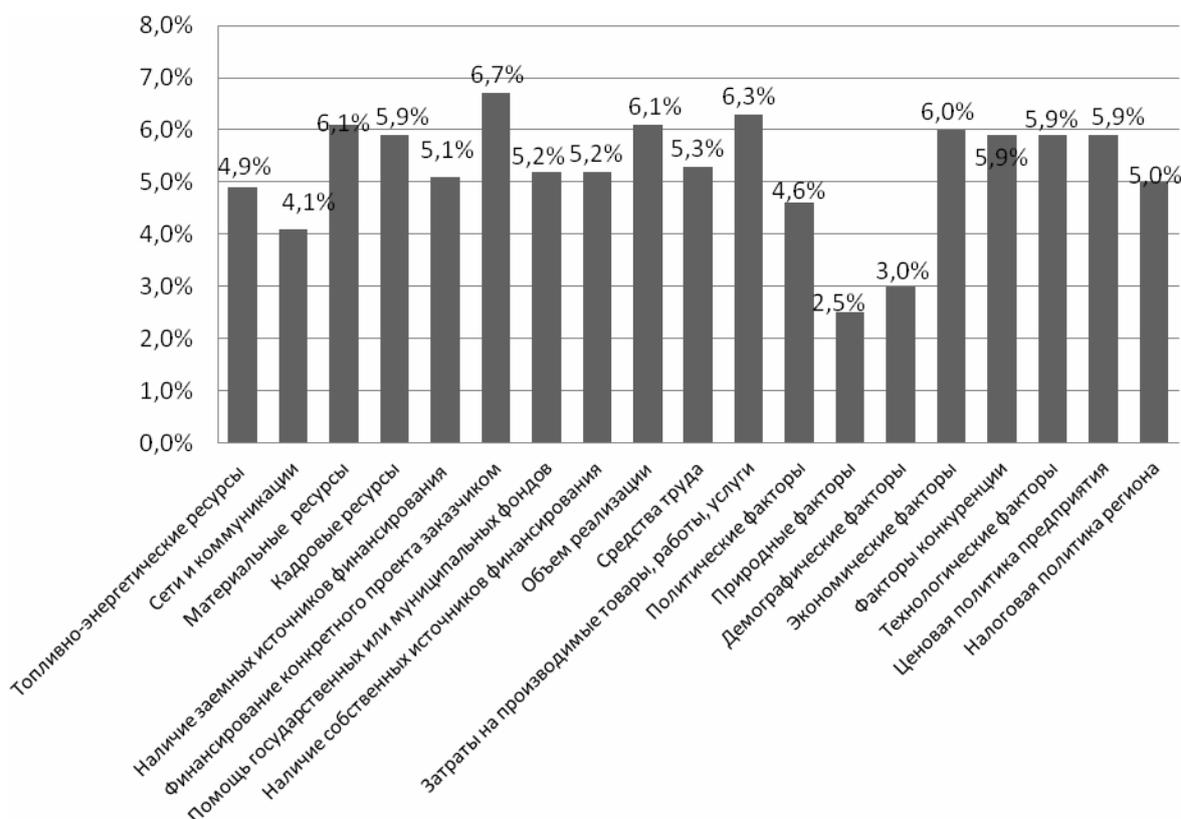

Рисунок 4. Факторы, влияющие на эффективность деятельности малых строительных предприятий по оценке респондентов.

Таблица 2

Факторы, отобранные с учетом значения весового коэффициента

№ п/п	Фактор	Сумма рангов (а)	Квадрат отклонения от среднего (S)	Весовой коэффициент
1	Топливо-энергетические ресурсы	56	25	5,58%
2	Материальные ресурсы	68	289	6,77%
3	Кадровые ресурсы	66	225	6,57%
4	Наличие заемных источников финансирования	57	36	5,68%
5	Финансирование конкретного проекта заказчиком	74	529	7,37%
6	Помощь государственных или муниципальных фондов	58	49	5,78%
7	Наличие собственных источников финансирования	58	49	5,78%
8	Объем реализации	68	289	6,77%
9	Средства труда	59	64	5,88%
10	Затраты на производимые товары, работы, услуги	70	361	6,97%
11	Политические факторы	51	0	5,08%
12	Экономические факторы	67	256	6,67%
13	Факторы конкуренции	66	225	6,57%
14	Технологические факторы	66	225	6,57%
15	Ценовая политика предприятия	65	196	6,47%
16	Налоговая политика региона	55	16	5,48%
	Итого			100,00%

3 этап. Следующий этап предполагает оценить согласованность экспертов.

Для определения согласованности экспертов автором был рассчитан коэффициент конкордации (согласованности) — общий коэффициент ранговой корреляции для группы, состоящей из 17 экспертов.

С этой целью был использован коэффициент конкордации М. Кендалла.

Коэффициент конкордации Кендалла W определяется по формуле:

$$W = \frac{12S}{n^2(m^2 - m)},$$

где n — количество экспертов;
 m — количество факторов.

Коэффициент W изменяется в диапазоне от 0 до 1. Его равенство единице означает, что все эксперты присво-

или объектам одинаковые ранги. Чем ближе значение коэффициента к нулю, тем менее согласованными являются оценки экспертов.

Расчет согласно приведенным выше формулам показал, что $W = 0,95$.

То есть степень согласованности экспертов составляет 95%, следовательно, мнения экспертов достаточно согласованны и могут использоваться при проведении дальнейших исследований.

Таким образом, в результате проведенного исследования была определена (оценена) степень влияния факторов на систему показателей эффективности (рис. 5).

Как следует из представленного рисунка, наибольшее влияние оказывают такие факторы, как объем реализации, ценовая политика, трудовые ресурсы, материальные ресурсы и т.д.

Рисунок 5. Степень влияния факторов на эффективность предпринимательской деятельности

По результатам исследования можно сделать следующие выводы:

1. Эффективность деятельности предприятия стройиндустрии формируется под воздействием различных факторов, которые можно разбить на две группы: внешние и внутренние. При этом эффективность деятельности предприятия представлена с позиции эффективности управления экстенсивными и интенсивными факторами, которые являются внутренними по отношению к компании [6].

Для определения значимости влияния на эффективность деятельности предприятия каждого фактора был использован метод экспертных оценок. Его цель — получение групповой оценки по результатам ранжирования экспертами факторов по степени их

влияния на эффективность деятельности предприятий строительной отрасли Приморского края, т.е. задача восстановления латентного и своего рода истинного упорядочивания факторов. В результате получен высокий уровень согласованности мнений экспертов (коэффициент конкордации Кендалла = 0,95). Так, наибольшее влияние на эффективность деятельности строительных предприятий оказывают объем реализации, ценовая политика, трудовые ресурсы, материальные ресурсы, затраты на производимые товары, работы, услуги, средства труда.

2. Направления дальнейших исследований — разработка интегрального показателя, отражающего эффективность использования всех видов ресурсов под влиянием выявленных факторов.

Примечания:

1. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Приморскому краю. URL: http://primstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/primstat/ru/statistics/enterprises/small_and_medium_enterprises/.

2. Ольше Н.Г., Рой Ж., Ветер М. Оценка эффективности деятельности компании: пер. с англ. М.: Вильямс, 2004.

3. Экономико-математические методы // Кафедра «Информационные системы» URL: <http://emm.ostu.ru/lect/lect7.html> — 23.06.2011.

4. Мыльник В.В., Титаренко Б.П., Волочиенко В.А. Исследование систем управления: учеб. пособие для вузов. М.: Академический Проект, 2003. С. 352.

5. Астафурова И.С. Совершенствование организации и методов оценки рисков стратегии развития судоремонтных предприятий: на примере Приморского края: автореф. дис. ... канд. экон. наук. Владивосток, 2006. 21 с.

6. Управление эффективностью компании // Корпоративный менеджмент: электронный журнал. 2012. №3. URL: http://www.cfin.ru/management/strategy/competit/efficiency_factors.shtml#.

References:

1. Territorial body of Federal service of the state statistics of the Primorsky Territory. URL: http://primstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/primstat/ru/statistics/enterprises/small_and_medium_enterprises/.

2. Olve N.G., Roy J., Wetter M. Assessment of efficiency of company activity: translated from English M: Williams, 2004.

3. Economic-mathematical methods // Information Systems Department. URL: <http://emm.ostu.ru/lect/lect7.html> — 23.06.2011.

4. Mylnik V.V., Titarenko B.P., Volochiyenko V.A. Research of control systems: teaching manual for higher education institutions. M.: Academic Project, 2003. P. 352.

5. Astafurova I.S. Improvement of the organization and methods to assess risks of development strategy of the ship-repair enterprises: an example of Primorsky Territory: Author's summary of Dissertation for Candidate of Economic Sci. degree. Vladivostok, 2006. 21 pp.

6. Management of efficiency of the company // Corporative management: electronic magazine. 2012 . No. 3. URL: http://www.cfin.ru/management/strategy/competit/efficiency_factors.shtml#.

НАЛОГИ И НАЛОГООБЛОЖЕНИЕ

TAXES AND TAXATION

УДК 336.02
ББК 65.261.41-18
В 57

М.П. Владимирова

Доктор экономических наук, профессор кафедры экономики и финансов общественного сектора Международного института государственной службы и управления (МИГСУ) Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Москва. Тел.: (910) 439 14 57, e-mail: mpvladi@mail.ru

Современные реалии применения офшоров как метода международного налогового планирования (Рецензирована)

Аннотация. В статье рассматриваются возможные пути совершенствования контроля над офшорным бизнесом и создания основ для правомерного использования офшоров российскими компаниями как инструмента международного налогового планирования.

Ключевые слова: международное налоговое планирование, офшоры, контроль над применением офшоров, борьба с теневой деятельностью.

M.P. Vladimirova

Doctor of Economics, Professor of Department of Economy and Finance of Public Sector, International Institute of Public Service and Management (MIGSU), the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow. Ph.: (910) 439 14 57, e-mail: mpvladi@mail.ru

Modern realities of application of the offshore business as a method of the international tax planning

Abstract: The paper focuses on possible ways of developing control over offshore business. For this purpose it is necessary to create a legislative basis in Russia to lawfully use offshore schemes as a tool of international tax planning.

Keywords: international tax planning, offshore business, regulation of offshore business, prevention and struggle against shady operations.

Термин «офшорная экономика» в современной российской экономической практике связывается как с перекачиванием денег за рубеж, так и с уводом стратегических активов страны из-под государственного контроля. Таким образом, в сегодняшней действительности подставные юрисдикции стали представлять прямую угрозу национальной безопасности России. Неслучайно в декабре прошлого года премьер-министр, а сегодня Президент Российской Федерации Владимир Пу-

тин, потребовал вывести финансовые потоки стратегических компаний из офшорных зон.

Международная общественность также привлекает свое пристальное внимание к деятельности офшоров. Причем состояние мировой финансовой нестабильности, вызванное мировым финансовым кризисом 2008 года, ставит эту проблему в центр внимания международного сообщества. Такие крупные сообщества, как G20, ОЭСР, МВФ, ФАТФ, правительства развитых

и развивающихся государств держат задачу по борьбе с уклонением от налогообложения и «теневыми» операциями на постоянном контроле.

По данному направлению было предпринято уже немало шагов как на местном, так и на общемировом уровне. Однако говорить о том, что сегодня создана адекватная и совершенная система контроля за офшорным бизнесом, наверное, было бы преждевременным.

Для того чтобы офшоры перестали быть «гонимой до самой низшей границы, за которой уже нет ни правил регулирования, ни законов сдерживания» [1, с.156] и стали использоваться действительно как метод международного налогового планирования без ущерба для экономики стран и нарушения законодательства, нужно продолжить принятие мер по следующим основным направлениям (причем меры должны приниматься комплексно и одновременно):

— ужесточение контроля над операциями с офшорами с целью повышения их прозрачности и борьба с фиктивными сделками;

— борьба с коррупцией, улучшение инвестиционного и налогового климата страны с целью нивелирования возможностей и стимулов для злоупотребления офшорами;

— создание правовой базы для применения офшоров в качестве метода международного налогового планирования.

В рамках первой задачи можно выделить три ключевых направления по повышению прозрачности, провозглашенные G20 в 2011 году [2]:

1) Отчетность для каждой страны

Это предложение предполагает введение обязательства для офшорных компаний по подготовке отчетности в каждой юрисдикции, в которой компания осуществляет свою деятельность, исходя из постулата: «Компаниям нечего скрывать, если они занимаются реальным бизнесом».

Стандарты финансовой отчетности должны выполнять не только техниче-

скую функцию, но и определять «правила игры» для компаний. По мнению G20, более высокая степень прозрачности и детализации отчетности дала бы преимущества налоговым административным органам (особенно в развивающихся странах) и инвесторам. Поэтому G20 предлагает ввести «стандарт финансовой отчетности для каждой страны», в соответствии с которым международная компания должна будет предоставлять следующую информацию в соответствующие органы тех стран, в которых она осуществляет свою деятельность:

1) Наименования всех структур компании, оперирующих в рассматриваемой стране;

2) Подробная информация о финансовых показателях, включая:

— продажи как третьим сторонам, так и участникам группы;

— приобретения как у третьих сторон, так и внутригрупповые транзакции;

— трудовые затраты и количество сотрудников;

— финансовые расходы, включая плату за упрощение процедур третьим лицам и другим участникам группы;

— прибыль до налогообложения;

3) Подробная информация о налоговых расходах;

4) Подробная информация о расходах и чистой балансовой стоимости материальных основных средств;

5) Подробная информация о валовых и чистых активах.

2) Реестры бенефициарной собственности

Данное предложение предполагает полное отсутствие толерантности к теневым операциям и инструментам секретности. По мнению G20, бенефициарные собственники всех компаний, трастов, благотворительных и иных фондов должны быть учтены в государственном реестре. Кроме того, должны вестись реестры банковских счетов, которые будут доступны налоговым, финансовым органам и органам юстиции рассматриваемой юрисдикции.

Если предыдущий пункт кажется логичным требованием к раскрытию

информации публичными компаниями, то второе предложение G20 носит менее однозначный характер. Информация о бенефициарных собственниках и тем более банковских счетах не должна быть открытой, так как мы живем в недостаточно защищенном обществе и существуют риски попадания данной информации в руки мошенников. Хотя международные организации неоднократно подчеркивали необходимость и высокую значимость защиты персональных данных, на практике случаи оказания давления на банки американскими властями и покупки пиратских дисков с информацией об открытых в офшорных зонах банковских счетах серьезно подрывают доверие к современной системе защиты информации.

Таким образом, транспарентность не должна вести к незащищенности и проверка информации о бенефициарных собственниках и банковских счетах должна быть обоснованной и не влекущей за собой негативных последствий для законопослушных частных лиц и компаний.

3) Эффективное налоговое и судебное сотрудничество

И, наконец, последнее, третье предложение, делается под девизом: «Удостовериться, что экономические и финансовые преступления не будут замаскированы». Возможностей и стимулов для коррупции, уклонения от налогообложения и других финансовых преступлений станет гораздо меньше, как только исчезнет безнаказанность. В связи с этим G20 призывает:

- ужесточить и обеспечить применение санкций против налоговых уклонистов и нарушителей закона;

- унифицировать юридическое определение налогового уклонения среди стран G20 и установить его предикативным нарушением, совершенным в связи с отмыванием денег;

- количественно и качественно расширить действия по обмену налоговой информацией с распространением «полезного эффекта» от данных действий на развивающиеся страны;

- пропагандировать среди юрисдикций необходимость возвращения

доходов, полученных от коррупции, привлечения дополнительных ресурсов для проведения расследований случаев коррупции, предоставлять скоординированную, своевременную и эффективную взаимную юридическую помощь (как было обещано во время встречи G8 в мае 2004) и поручить ФАТФ опубликовать список юрисдикций, отказывающихся от сотрудничества с зарубежными судебными системами.

Данное предложение, опять же с оговоркой о незлоупотреблении со стороны властей усилившимися полномочиями по реализации мер контроля, прямо коррелирует со вторым направлением совершенствования контроля за офшорным бизнесом, включающим в себя борьбу с коррупцией, улучшение инвестиционного и налогового климата страны. В России меры по реализации данных задач должны осуществляться как минимум одновременно с мерами по борьбе с теневыми операциями или лучше даже предшествовать им. Дело в том, что именно коррупция, неблагоприятный инвестиционный и налоговый климат создают предпосылки для перемещения бизнеса в офшорные юрисдикции. Таким образом, более логичным представляется бороться именно с причиной, а не следствием.

По данным рейтинга глобальной конкурентоспособности ВЭФ за 2011-2012 гг. [3], у России не очень сильные позиции — всего лишь 66-е место из 142, в то время как ряд финансовых центров фигурирует на первых позициях списка. Для сравнения, у Швейцарии — 1 место, Сингапура — 2-е, Нидерландов — 7-е, Великобритании — 10-е, Гонконга — 11-е, Люксембурга — 23-е. Неудивительно, что эти страны являются более привлекательными для размещения в них капитала.

Сегодня, когда Россия ставит перед собой амбициозные цели по превращению Москвы в международный финансовый центр, особенно необходимо, чтобы условия ведения бизнеса стали сопоставимы с лучшими зарубежными аналогами. Нужно отметить, что не в последнюю очередь России стоит позаимствовать опыт вышеперечисленных

финансовых центров, которые сумели совместить предоставление налоговых льгот для финансовых и холдинговых компаний (хотя бы частично) с участием в таких влиятельных международных организациях, борющихся за контроль над офшорным бизнесом, как ОЭСР.

Эти страны осознали возможность увеличения деловой активности в долгосрочной перспективе путем снижения налоговой нагрузки на хранящийся или циркулирующий через них зарубежный капитал. И России тоже стоит включиться в конкурентную борьбу и попытаться хотя бы вернуть холдинговые и финансовые структуры, созданные российскими компаниями за рубежом. Некоторые шаги в этом направлении уже предпринимаются: либерализован закон о валютном регулировании и контроле, снижена ставка налога на прибыль, введен режим освобождения от налогообложения дивидендов, полученных от компаний за рубежом. По мнению некоторых экспертов, России стоило бы также, подобно опыту офшорных финансовых центров, освободить от налогов доходы от продажи акций и долей в капитале зарубежных дочерних обществ. Тогда владение акциями иностранных компаний российской холдинговой компанией станет оптимальным с точки зрения налогообложения.

Также представители бизнеса отмечают, что для них важна государственная поддержка и уверенность, что устанавливаемые правила игры являются устойчивыми и не ужесточатся и не изменятся в обозримом будущем. Поскольку сегодня этой уверенности российским компаниям не хватает, по мнению экспертов, государственные гарантии смогли бы улучшить ситуацию.

В целом, очень важным фактором успеха является формирование имиджа государства как гаранта прозрачности и стабильности условий ведения бизнеса, в том числе налоговых правоотношений, которые должны формироваться с учетом интересов бизнеса в комплексе [4; 5, с.73].

В качестве еще одной возможной меры по улучшению налоговой ситуа-

ции в стране предлагается введение системы так называемых рулингов [6] — предоставления налоговыми органами предписаний по отдельным сложным вопросам налогового законодательства, которые не могут быть истолкованы однозначно. Это позволило бы бизнесу устранять налоговые риски еще на стадии принятия решений и, безусловно, сократило бы количество неправомερных действий, а также уменьшило бы опасения бизнеса, что впоследствии в ходе налоговых проверок налоговые органы смогут занять непредсказуемую позицию. Кроме того, такая практика внесла бы больше чёткости в налоговые отношения и, следовательно, способствовала бы уменьшению коррупции.

Безусловно, список представленных выше действий не является исчерпывающим, но он выделяет направления для работы, которые не только будут способствовать совершенствованию контроля за офшорным бизнесом, но и будут способствовать созданию более здорового налогового и инвестиционного климата в принципе. Для поддержания международной конкурентоспособности налоговой политики необходимо формирование такой налоговой системы, которая позволяла бы национальному бизнесу занять достойное место на мировом рынке, с одной стороны, и принимала бы во внимание действующие режимы налогообложения в странах-конкурентах, — с другой. Это позволило бы исключить возникновение ситуаций налогового вытеснения национальных капиталов в другие страны и создание неоправданных барьеров на пути привлечения в национальную экономику иностранного капитала [7, с. 184].

Наконец, в качестве третьего направления видится выделение конкретных законодательно регламентированных механизмов международного налогового планирования с использованием офшоров. На текущий момент возможные варианты применения офшоров с целью налогового планирования описываются лишь в пособиях, публикациях и на порталах компаний, предоставляющих услуги по созданию

офшорных фирм. При этом в каждом индивидуальном случае компании, решившей прибегнуть к помощи офшоров с целью международного налогового планирования, необходимо обращаться за помощью к консультанту, т.к. риски выйти за рамки законодательства очень велики. Кроме того, есть некоторая путаница в понятиях «налогового планирования», «налоговой оптимизации» и «налоговой минимизации», и, соответственно, рознятся их интерпретация и отношение к ним.

Так как в России существует федеральный закон «Об особых экономических зонах в РФ», которые по своей сути являются внутренними офшорными зонами, было бы целесообразно ввести общие законодательные нормы, регулирующие применение зарубежных офшоров российскими компаниями с целью международного налогового планирования. Внутренние налоговые зоны в России, тоже еще недавно обладавшие не самой хорошей репутацией, сегодня воспринимаются уже в гораздо более положительном ключе. Целью их создания является развитие высокотехнологичных отраслей экономики,

импортозамещающих производств, туризма и санаторно-курортной сферы, разработка и производство новых видов продукции, расширение транспортно-логистической системы. И этот процесс сегодня активно набирает обороты, о чем свидетельствует, к примеру, высокая популярность проекта Сколково. Также и для компаний, заинтересованных в использовании офшорных механизмов, важно иметь четкое представление о преимуществах и направлениях правомерного применения офшоров с целью налогового планирования и возможных потерях при их неправильном использовании, чему примеров хватает [8, с.70].

Таким образом, сегодня проблематика применения офшоров российскими компаниями требует серьезного внимания и активных действий со стороны государства. И, несмотря на сложившуюся негативную репутацию офшорного бизнеса, существует целый комплекс мер, способный улучшить ситуацию и сформировать цивилизованный подход к использованию офшоров в качестве метода международного налогового планирования.

Примечания:

1. Шэксон Н.. Люди, обокравшие мир. Правда и вымысел о современных офшорных зонах. М.: ЭКСМО, 2012.
2. End secrecy jurisdictions (commonly known as 'tax havens') to clean up the global economy and finance development. A call by global civil society on France as the host of G20 in 2011. 2010. Июнь. URL: www.endtaxhavensecrecy.org
3. Рейтинг конкурентоспособности ВЭФ 2011-2012 // The Global Competitiveness Report 2011-2012: официальный сайт ВЭФ. URL: <http://gcr.weforum.org/gcr2011/>
4. Жуков Б.М., Осин А.А. Регулятивные функции государства в обеспечении интегральной конкурентоспособности регионов // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 5, Экономика. 2012. №2. С. 78-89.
5. Тамов А.А., Добровольский А.Г. Теоретико-методологические аспекты исследования межрегиональной социально-экономической дифференциации в пространстве макрорегиона // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 5, Экономика. 2013. №1. С. 71-76.
6. России нужен рулинг // Российская Бизнес-газета — Налоговое обозрение 2011. 16 авг.
7. Кашин В.А. Налоги и налогообложение. Актуальные проблемы налоговой политики и налогового администрирования: курс лекций: учеб. пособие. 2009. URL: <http://www.nalogkodeks.ru/>
8. Шевчук Д.А. Офшоры: инструменты налогового планирования. М.: ГроссМедиа: РОСБУХ, 2007.

References:

1. Shekson N. The people who have robbed the world. The truth and fiction about modern offshore zones. M: EKSMO, 2012.
2. End secrecy jurisdictions (commonly known as 'tax havens') of to clean up the global economy and finance development. A call by global civil society on France as the host of G20 in 2011. 2010 . June. URL: www.endtaxhavensecrecy.org

3. Rating of competitiveness of VEF 2011-2012 // The Global Competitiveness Report 2011-2012: official site VEF. URL: <http://gcr.weforum.org/gcr2011/>
4. Zhukov B.M., Osin A.A. Regulative functions of the state in ensuring integrated competitiveness of regions // Bull. Adyghe State University. Economics. 2012. No. 2. P. 78-89.
5. Тамов А.А., Добровольский А.Г. Theoretical and methodological aspects of research on interregional social and economic differentiation in macroregion space // Bull. Adyghe State University. Economics. 2013. No. 1. P. 71-76.
6. Russia needs the ruling // The Russian Business newspaper — the Tax review of 2011. 16 Aug.
7. Kashin V.A. Taxes and taxation. Actual problems of a tax policy and tax administration: course of lectures: teaching manual. 2009. URL: <http://www.nalogkodeks.ru/>.
8. Shevchyuk D.A. Offshores: instruments of tax planning. M.: GrossMedia: ROSBUH, 2007.

УЧЕТ, АНАЛИЗ И АУДИТ

THE ACCOUNT, AUDIT AND THE CONTROL

УДК 657
ББК 65.052.231.11
В 57

М.П. Владимирова

Доктор экономических наук, профессор кафедры экономики и финансов общественного сектора Международного института государственной службы и управления (МИГСУ) Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Москва. Тел.: (910) 439 14 57, e-mail: mpvladi@mail.ru

Г.Н. Курбанов

Аспирант кафедры экономики и финансов общественного сектора МИГСУ Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Москва. E-mail: vlmp2012@mail.ru

Современные подходы к начислению амортизации горно-подготовительных работ в системе совершенствования учетной политики и аудита

(Рецензирована)

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные вопросы совершенствования учетной политики и аудита промышленных предприятий, связанных в процессе своей деятельности с промышленной разработкой сырья. Создание амортизационного фонда здесь является важным условием конкурентоспособности как источника данных капиталовложений.

Ключевые слова: амортизация, амортизационный фонд, амортизационные отчисления, промышленная политика, учетная политика, бухгалтерский учет, анализ и аудит, международные стандарты финансовой отчетности, ревизия, финансовый контроль.

M.P. Vladimirova

Doctor of Economics, Professor of Department of Economy and Finance of Public Sector, International Institute of Public Service and Management (MIGSU), the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow. Ph.: (910) 439 14 57, e-mail: mpvladi@mail.ru

G.N. Kurbanov

Post-graduate student of Department of Economy and Finance of Public Sector, MIGSU of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow. E-mail: vlmp2012@mail.ru

Modern approaches to depreciation charge of mountain preparatory work in improvement system of accounting policies and audit

Abstract. This paper deals with topical issues of improvement of accounting policy and audit at the industrial enterprises connected in the course of their activity with industrial development of raw materials. Creation of reserve for depreciation here is an important condition of competitiveness as the data source of capital investments.

Keywords: depreciation, reserve for depreciation, depreciation charge, industrial policy, accounting policy, accounting, analysis and audit, International Financial Reporting Standards, auditing, financial control.

Сырьевые материалы — основа экономики Российской Федерации. Промышленная разработка месторождений создает между участниками рынка жесткую конкурентную борьбу за наиболее перспективные возможности. Перспективные месторождения могут принести значительный доход. Однако для того, чтобы их открыть, разведать, освоить и вести промышленную добычу сырья, необходимы существенные капиталовложения. И в этих условиях немаловажным условием конкурентоспособности организации является создание амортизационного фонда как источника данных капиталовложений [1].

Дадим определение горно-подготовительных работ. Согласно Инструкции Министерства Черной металлургии СССР «по определению и учету вскрытых, подготовленных и готовых к выемке запасов полезных ископаемых на горных предприятиях» (1974 год) «горные работы и выработки при открытом способе разработки полезных ископаемых подразделяются на горно-разведочные, горно-капитальные, горно-подготовительные, вспомогательные и добычные».

Горно-разведочные работы проводятся с целью уточнения контуров залежей, запасов, вещественного состава и физико-механических свойств полезного ископаемого и вмещающих пород, планирования горных работ и решения ряда других задач, связанных с разработкой месторождения.

К результатам горно-разведочных работ относятся разведочные шахтные стволы, камеры для подземного разведочного бурения, разведочные шурфы и др.

Горно-капитальные работы проводятся с целью вскрытия и разработки месторождения или его части.

К горно-капитальным относятся работы по вскрытию месторождения, включая проведение въездных и разрезных траншей, необходимых для обеспечения карьера подготовленными и готовыми к выемке запасами, достаточными для его нормальной эксплуа-

тации в соответствии с техническим проектом.

К горно-капитальным относятся также работы по проведению специальных горных выработок, предназначенных для осушения и гидрозащиты карьерных полей (шахтные стволы, шурфы и т.д.).

Затраты на горно-капитальные работы, на стоимость попутно добытой руды не уменьшаются, но в сметах на их производство указывается возвратная сумма от реализации попутно добытой руды» [1].

Горно-подготовительные работы проводятся с целью подготовки к разработке вскрытой части месторождения.

К горно-подготовительным работам относятся:

— вскрышные работы (кроме горно-капитальных);

— работы по проведению въездных траншей, предназначенных для подготовки запасов на нижележащих горизонтах;

— работы по проведению разрезных траншей;

— работы по выемке пустых пород и некондиционного полезного ископаемого на рабочих горизонтах.

Согласно «Инструкции по планированию, учету и калькуляции себестоимости добычи руды при очистных разработках», утвержденной Комитетом РФ по драгоценным металлам и камням, к затратам на горно-подготовительные работы относится стоимость следующих горных работ и горнотехнических сооружений и построек:

— при разработке месторождений открытым способом — вскрышные работы в карьерах в период эксплуатации, проходка разрезных и временных въездных траншей;

— горнотехнические сооружения и постройки горнодобывающих предприятий на месторождениях с коротким сроком отработки запасов — в пределах срока их износа и не требующих вследствие этого накопления средств на их поддержание и восстановление» [2].

«Вспомогательные работы» проводятся в подготовленной части месторождения. Вспомогательными работами полностью завершается подготовка запасов к производству добычных работ.

К вспомогательным работам относятся:

- работа по зачистке уступов от остатков вскрышных пород;
- работы по подготовке уступов к производству буровых работ;
- работы по строительству автодорог (подъездов) к экскаваторам;
- работы по проведению временных водоотводных каналов.

К добычным работам относятся работы по извлечению полезного ископаемого из готовой к выемке части месторождения.

Добычные работы включают в себя следующие основные производственные процессы: отбойку, погрузку, транспортировку и разгрузку полезного ископаемого» [2].

Более детальная классификация горно-подготовительных работ приводится в «Инструкции по планированию, учету и калькуляции себестоимости добычи руды при очистных разработках», утвержденной Комитетом РФ по драгоценным металлам и камням в 1994 году.

Согласно данной инструкции, к горно-капитальным относятся «работы, проводимые с целью:

- вскрытия месторождения полезного ископаемого;
- для последующей разработки, а также работы по возведению капитальных горно-технических сооружений и зданий.

При открытом способе добычи руды к горно-капитальным работам относятся:

- работы по вскрытию карьера и устройству путей и заездов для выдачи руды из карьера (выездные и съездные траншеи вне контура карьера, постоянные съездные траншеи внутри карьера до ввода его в эксплуатацию);
- сооружения по защите месторождения от водопритоков в контур карьера (система водопонижения и осушения).

При подземном способе добычи руды к горно-капитальным работам относятся:

— горные работы капитального характера (шахтные стволы, шурфы, штольни, квершлагги, штреки и другие горные выработки производственного назначения;

— электровозное депо, клады, специальные вентиляционные, закладочные и водосточные выработки и т.п.), а также сооружения по защите горных выработок от водопритоков;

— горно-технические здания и сооружения (копры шахт и бункеры при них, здания подъемных машин и лебедок, здания компрессорных, трансформаторные киоски, бурозаправочные, вентиляционные помещения и каналы, расходные склады взрывчатых веществ и средств взрывания.

Проведение горных работ и возведение горнотехнических сооружений и построек на небольших месторождениях с коротким сроком отработки запасов относятся к горно-подготовительным работам» [3].

Расходы на горно-подготовительные работы (далее в тексте вскрышные расходы), понесенные на этапе разработки шахты (часто в литературе также именуется как расходы на удаление вскрышных пород) как правило, капитализируются в составе амортизационной стоимости шахты. И с момента добычи минеральных ресурсов, данные вскрышные расходы амортизируются в течение срока использования шахты.

Результаты вскрышной деятельности первоначально учитываются по стоимости приобретения. Стоимость включает в себя те расходы, которые непосредственно относятся к выполнению вскрышных работ.

Дополнительные расходы, не обязательные для производства вскрышной деятельности, как планировалось, не должны быть включены в стоимость вскрышных работ. Такими дополнительными расходами могут быть, например, строительство подъездной дороги в районе, в котором ведутся вскрышные работы.

Менеджменту компаний следует руководствоваться принципами,

изложенными в Международном стандарте финансовой отчетности (IAS) 16 «Основные средства» и Международном стандарте финансовой отчетности (IAS) 38 «Нематериальные активы» при определении расходов, которые могут быть отнесены в состав стоимости вскрышных работ.

По нашему мнению, весьма важно провести анализ формирования стоимости и амортизации горно-подготовительных работ. Это связано с тем, что в сравнении с другими видами проходческих работ стоимость горно-подготовительных работ наиболее существенна.

Интерпретация ПКИ (IFRIC) 20 «Затраты на вскрышные работы в ходе открытой разработки рудника на этапе добычи» предлагает порядок учета затрат на удаление пустых пород (вскрышные работы) на стадии добычи. Согласно данной интерпретации, организации горнодобывающего сектора, которые готовят финансовую отчетность по МСФО, возможно, должны будут списать имеющиеся у них затраты на горно-подготовительные (вскрышные) работы на остаток нераспределенной прибыли на начало периода, если данные активы не могут быть отнесены с идентифицируемым компонентом рудного тела.

Цель и сфера применения IFRIC 20. Затраты на горно-подготовительные (вскрышные) работы, понесенные в период, когда месторождение находится на стадии добычи, часто приносят выгоду в форме текущей добычи и доступа к будущей добыче.

Сложность заключается в том, как правильно распределить затраты на горно-подготовительные (вскрышные) работы между двумя данными активами и, следовательно, правильно определить, что является затратами текущего периода, а что активом, который принесет выгоду в будущем. Цель данной Интерпретации – привести методические рекомендации и разобраться с многообразием подходов, которые используются на практике в настоящее время.

Интерпретация IFRIC 20 применяется только к затратам на вскрышные работы, которые были понесены в ходе открытой разработки рудника на эта-

пе добычи. Она не применяется к подземной добыче или к добыче нефти и газа. Добыча на нефтеносных песках, которую многие считают более близкой к горному делу, чем к традиционной добыче нефти и газа, также не входит в сферу применения рассматриваемой Интерпретации.

Подход к учету вскрышных затрат по новой интерпретации можно представить в виде рисунка 3.

Требования переходного периода, предусматриваемые Интерпретацией, могут иметь огромное влияние на горнодобывающую компанию, которая для отражения отложенных затрат на вскрышные работы применяет общий коэффициент капитализации. Существующее сальдо актива, которое не может быть соотнесено с идентифицируемым компонентом рудного тела, должно будет списываться на нераспределенную прибыль.

Интерпретация ПКИ (IFRIC) 20 дает возможность организации ответить на следующие вопросы:

1. Есть ли соответствие активу?
2. Когда необходимо признавать актив?
3. Как первоначально должен измеряться актив вскрышной деятельности?
4. Как должен измеряться актив вскрышной деятельности в дальнейшем?

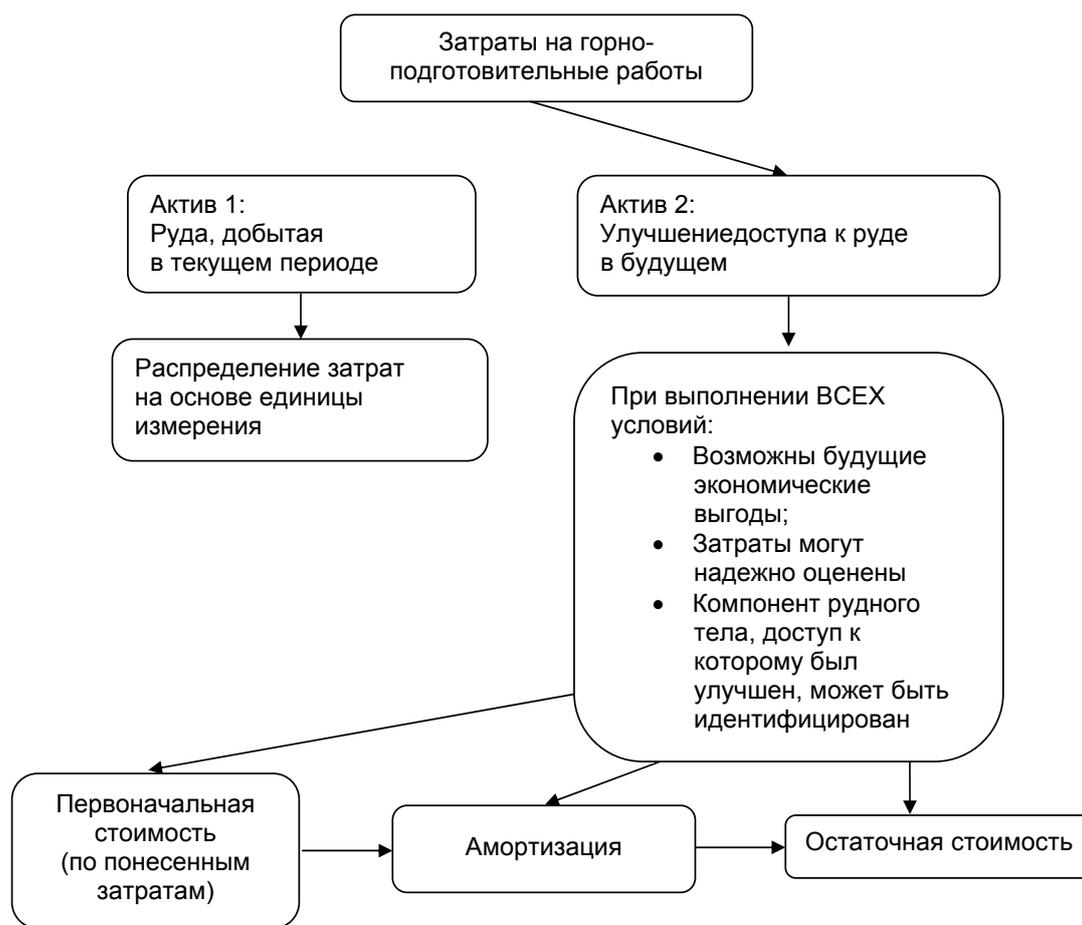
Вскрышная деятельность может создавать экономическую выгоду двух видов:

- произведенные запасы текущего периода;
- улучшение доступа к руде.

Компания должна определить, соответствует ли выгода от вскрышной деятельности какой-либо из указанных категорий.

Экономическая выгода в форме улучшения доступа к руде будет классифицироваться как внеоборотный актив только при выполнении следующих условий:

- существует вероятность того, что будущие экономические выгоды (в форме улучшения доступа к руде), связанные с вскрышной деятельностью, поступят в компанию;

?????

Рисунок 3. Определение активов вскрышных работ (IFRIC 20)

— компания может идентифицировать компонент рудного тела, доступ к которому был улучшен;

— когда затраты, связанные с улучшением доступа к указанному компоненту, могут быть надежно оценены.

Критерии признания МСФО требуют того, что организация должна четко идентифицировать компоненты рудного тела, по отношению к которому были понесены затраты на горно-подготовительные (вскрышные) работы. Если организация не в силах это идентифицировать, то результаты вскрышных работ не могут быть признаны.

На практике формы и размеры рудных тел могут изменяться случайно и не поддаются зависимости, поэтому идентификация компонентов рудного тела становится сложным процессом, требующим обоснованных оценок руководства.

Соответственно, для проведения горно-подготовительных (вскрышных) работ руководству необходимо создать

систему корректного определения компонентов рудного тела.

Затраты на вскрышные работы, связанные с произведенными запасами, учитываются в составе текущих издержек производства в соответствии с Международным стандартом финансовой отчетности (IAS) 2 «Запасы».

Затраты на вскрышные работы, которые создают выгоду в форме улучшения доступа и соответствуют приведенному выше определению актива, должны учитываться как дополнение или усиление существующего актива (актив вскрышной деятельности). Капитализированные затраты классифицируются как материальные или нематериальные в соответствии с характером существующего актива.

Первоначально актив вскрышной деятельности должен измеряться по понесенным прямым затратам. Эти затраты включают «затраты на перевалку, транспортировку пустой породы, потре-

бленные материалы, применяемое оборудование, оплату труда и топлива» [4]

На практике возникают трудности в процессе распределения затрат между теми, которые были понесены при создании будущей выгоды (актив вскрышной деятельности), и затратами текущего периода, связанными с производством текущих запасов.

Компании распределяют общую сумму затрат между произведенными запасами и активом вскрышной деятельности, используя соответствующую единицу измерения добычи. Единица измерения добычи рассчитывается для идентифицируемого компонента рудного тела и применяется для определения величины актива, созданного такой дополнительной деятельностью. Согласно интерпретации IFRIC 20 примером единицы измерения могут быть объем извлеченной пустой породы в сравнении с объемом, ожидаемым при конкретных уровнях добычи.

Организации, в настоящее время применяющие «вскрышной коэффициент», могут найти новое требование похожим на применяемый ими подход, хотя базой для коэффициента будет идентифицируемый компонент, а не полный срок разработки рудника.

Актив вскрышной деятельности учитывается по себестоимости или переоцененной стоимости (согласно МСФО (IAS) 16 «Основные средства») за вычетом амортизации и обесценения. Амортизация начисляется систематически на рациональной основе в течение срока полезного использования соответствующего компонента рудного тела.

Наиболее частой ошибкой на практике является определение срока полезного использования самого рудника, а не компонента рудного тела. Это является наиболее частой распространенной ошибкой. В большинстве случаев срок полезного использования будет меньше, чем срок разработки рудника.

Согласно разъяснениям КРМФО (IFRIC) 20 «Затраты на вскрышные работы на этапе эксплуатации разрабатываемого открытым способом месторождения», «актив, связанный со вскрышными работами, должен аморти-

зироваться на систематической основе в течение ожидаемого срока полезного использования идентифицированного компонента рудного тела, доступ к которому улучшается в результате проведения вскрышных работ. Должен применяться способ списания стоимости пропорционально объему продукции, если только другой метод не является более целесообразным» [4]. Модель применения IFRIC 20 отражена на рисунке 4.

В процессе применения IFRIC 20 финансовый менеджмент компаний зачастую сталкивается с некоторыми проблемными вопросами. Как было указано выше, горно-подготовительные работы в соответствии с IFRIC 20 должны амортизироваться методом единиц производства продукции (потонный метод, unit of production).

Сегодня государственное регулирование деятельности горнодобывающей промышленности, например, осуществляется с помощью федерального закона «О драгоценных металлах и драгоценных камнях» (от 26.03.1998г. в редакции от 21.11.2011 №327-ФЗ).

Согласно данному федеральному закону «Органы государственного контроля над геологическим изучением и разведкой месторождений драгоценных металлов и драгоценных камней, их добычей, производством, использованием и обращением в соответствии с целями и видами контроля осуществляют следующие полномочия:

- 1) проводят ревизии, проверки и обследования во всех организациях независимо от их форм собственности, добывающих, производящих, перерабатывающих, использующих драгоценные металлы и драгоценные камни, а также проверки использования драгоценных металлов и драгоценных камней индивидуальными предпринимателями, осуществляющими операции с драгоценными металлами и драгоценными камнями;

- 2) устанавливают формы учета и отчетности при осуществлении добычи, производства, использования и обращения драгоценных металлов и драгоценных камней, а также порядок предоставления указанных документов;

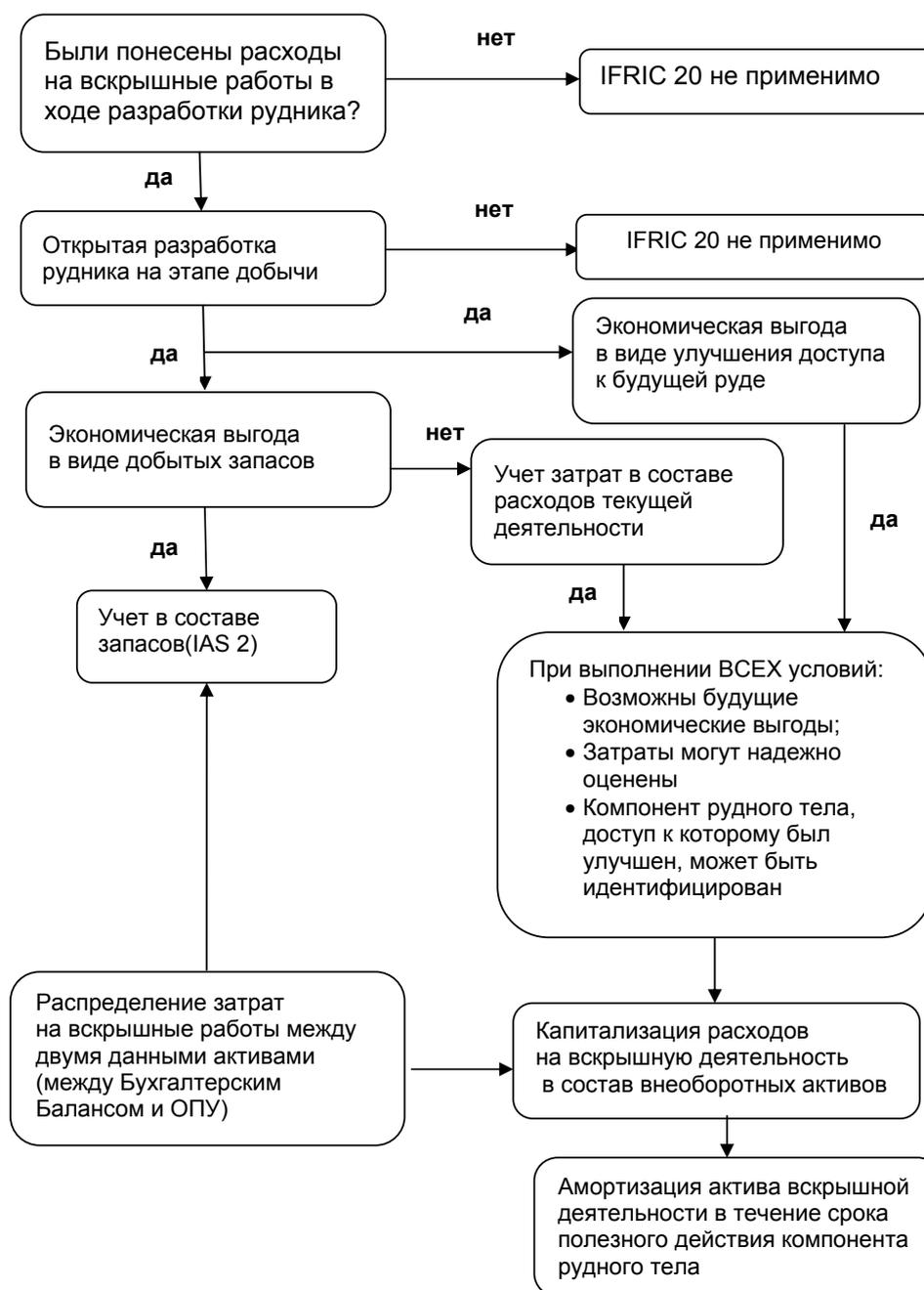

Рисунок 4. Модель применения IFRIC 20

3) направляют должностным лицам контролируемых организаций обязательные для них предписания в письменной форме об устранении выявленных нарушений;

4) в случае обнаружения при ревизиях, проверках и обследованиях признаков преступления или иных существенных нарушений законодательства Российской Федерации передают соответствующие материалы в правоохранительные органы» [5].

Существенным недостатком суще-

ствующего действующего законодательства в области регулирования деятельности предприятий горнодобывающего сектора нам видится отсутствие обязательного ежегодного аудита геологической оценки минеральных ресурсов (запасов) всех месторождений. Целью такой процедуры является повышение эффективности государственного контроля над деятельностью предприятий данной отрасли [6].

На практике отсутствие государственного участия в процессе оценки

запасов повышает потенциальные риски ошибок внешнего аудиторского подтверждения суммы начисленной амортизации, ведь вполне логично, что внешние аудиторы не могут получить уровень необходимой аудиторской уверенности в результатах работы внешнего негосударственного оценщика [7, 8].

В связи с этим нашим предложением по устранению данного аудиторского риска является введение ежегодной обяза-

тельной государственной геологической оценки запасов минеральных ресурсов. Данная государственная оценка даст возможность внешним финансовым аудиторам получить необходимый им уровень уверенности, что, в свою очередь, улучшит эффективность системы финансового контроля над процессом начисления амортизации основных средств и горно-подготовительных работ в компаниях горнодобывающего сектора.

Примечания:

1. Владимирова М.П., Курбанов Г.Н. Амортизационная политика промышленных предприятий: сущность, принципы, инструменты и пути совершенствования в современной экономике: монография. М., 2013. С. 18-21.

2. Инструкции по планированию, учету и калькуляции себестоимости добычи руды при очистных разработках: [утв. Роскомдрагметом 28.02.1994]. П. 2.3 // СПС КонсультантПлюс. М., 2013.

3. Инструкции министерства Черной металлургии СССР по определению и учету вскрытых, подготовленных и готовых к выемке запасов полезных ископаемых на горных предприятиях. М., 1974.

4. Разъяснения КРМФО (IFRIC) 20 «Затраты на вскрышные работы на этапе эксплуатации разрабатываемого открытым способом месторождения», Министерство Финансов РФ, п.15

5. О драгоценных металлах и драгоценных камнях: Федеральный Закон №41-ФЗ от 26.03.1998: [в ред. от 21.11.2011], ст. 27, п. 2 // СПС КонсультантПлюс. М., 2013.

6. Жуков Б.М. Принципиальная схема взаимодействия экономических сторон в процессе капитализации бизнеса // Социально-экономические и технические системы: исследование, проектирование, оптимизация. 2006. №2. С. 18.

7. Владимирова М.П., Курбанов Г.Н. Амортизационная политика промышленных предприятий: сущность, принципы, инструменты и пути совершенствования в современной экономике: монография. М., 2013. С. 91-107.

8. Агаркова Л.В. Отражение в бухгалтерском учете вложений во внеоборотные активы // Kant. 2011. №3. С. 73-78.

References:

1. Vladimirova M.P., Kurbanov G.N. Depreciation policy of the industrial enterprises: essence, the principles, tools and improvement ways in modern economy: monograph. M., 2013. P. 18-21.

2. Instructions on planning, the account and cost accounting of ore production at clearing development: [approved by the Russian State Committee on Precious Metals and Precious Stones 28.02.1994]. Item 2.3 // Legal-reference system ConsultantPlus. M., 2013.

3. Instructions of Ministry of Iron and Steel of the USSR on definition and the accounting of the stocks of minerals that are opened, prepared and ready to dredging at the mountain enterprises. M., 1974.

4. Explanations of KRMFO (IFRIC) 20 «Costs of overburden works at an operational phase of a field developed by open way», the Ministry of Finance of the Russian Federation, item 15.

5. About precious metals and jewels: Federal Law No. 41-FZ of 26.03.1998: [in an edition of 21.11.2011], Art. 27, item 2 // Legal-reference system ConsultantPlus. M., 2013.

6. Zhukov B.M. The schematic diagram of interaction of the economic sides in the course of business capitalization // Social and economic and technical systems: research, design, optimization. 2006. No. 2. P. 18.

7. Vladimirova M.P., Kurbanov G.N. Depreciation policy of the industrial enterprises: essence, the principles, tools and improvement ways in modern economy: monograph. M., 2013. P. 91-107.

8. Agarkova L.V. Reflection in accounting of investments in non-current assets // Kant. 2011. No. 3. P. 73-78.

УПРАВЛЕНИЕ ИННОВАЦИЯМИ MANAGEMENT OF INNOVATIONS

УДК 330.341
ББК 65.011.15
Г 95

Е.А. Гурова

Аспирант кафедры налогов и налогообложения Северо-Кавказского федерального университета, г. Ставрополь. Тел.: (8652) 94 59 75, e-mail: nalogi@ncstu.ru

Активизация информационного ресурса инновационно ориентированной организации (Рецензирована)

Аннотация. В статье рассмотрены теоретические аспекты формирования информационного ресурса инновационного потенциала организации в современных условиях, выделены факторы его активизации в процессе непрерывного анализа направлений развития.

Ключевые слова: ресурсы, информация, инновационное развитие, организация, активизация.

E.A. Gurova

Post-graduate student of Taxes and Taxation Department, the North Caucasus Federal University, Stavropol. Ph.: (8652) 94 59 75, e-mail: nalogi@ncstu.ru

Information resource activation of innovatively focused organization

Abstract. The paper discusses theoretical aspects of formation of information resource of the organization innovative capacity in modern conditions. Factors promoting its activation in the course of the continuous analysis of the directions of development are allocated.

Keywords: resources, information, innovative development, organization, activation.

Современные особенности происходящих глобальных процессов в мировой экономике, отражающие тенденции усиления неопределенности рыночной среды, обуславливают целесообразность уточнения теоретической сущности категорий «информационные ресурсы» и «инновационное развитие». Это относится, прежде всего, к пониманию роли информации в современном развитии инновационно ориентированных компаний.

Для осознания этой роли необходимо проследить отношение человека к природе и ее ресурсам на разных этапах развития цивилизации, месту и значению информации в этом процессе. Выделяют несколько таких этапов:

— раннее развитие цивилизации (бессознательное сосуществование с природой);

— покорение природы, использование ее ресурсов с позиции их бесконечности и неисчерпаемости (экологический романтизм);

— осознанное единство человека и природы (рациональное использование природных ресурсов посредством внедрения инновационных технологий).

На ранних этапах развития цивилизации отношение человека к своему неорганическому телу было во многом бессознательным. Человечество непосредственно присваивало природный материал для удовлетворения своих потребностей, не осознавая себя частью

окружающей его природной среды и не задумываясь об экологических последствиях своей хозяйственной деятельности. Данное обстоятельство обусловили следующие факторы:

- низкий уровень накопленных знаний;

- непонимание всей полноты потенциала природы, который можно использовать для удовлетворения возрастающих потребностей человеческого общества.

Наступление второго этапа взаимодействия человека и природы было обусловлено следующими факторами:

- развитием человеческого общества;

- увеличением численности людей;

- накоплением опыта взаимодействия с природой;

- получением знаний о природных процессах;

- возможностями использования ранее не востребуемых природных ресурсов посредством применения появившейся информации и технологий;

- развитием науки как общественной формы осуществления процесса производства информации и созданием на ее основе необходимых технологий.

Воздействие приведенного обстоятельства предопределяет необходимость изменения отношения общества к окружающей среде, отказ от экологической вседозволенности, нахождение единства с природой. В этих условиях наступает третий период — рациональное использование природных ресурсов посредством внедрения инновационных технологий. Современное расточительное хозяйствование, основанное на расширяющемся вовлечении исчерпаемых природных ресурсов в экономический оборот, не может служить моделью хозяйственного развития, которая была бы приемлема хотя бы в ближайшем будущем, однако из этого не следует, что более приемлемой является концепция ограничения ресурсного потребления.

Автор не является приверженцем концепции ограничения ресурсного потребления, экстраполирующей су-

ществующие тенденции, так как при рассмотрении в долгосрочном периоде очевидна несостоятельность последней. Наиболее эффективный выход из создавшейся ситуации будет состоять не столько в ограничении использования природных ресурсов, сколько в создании альтернативных источников энергии и ресурсов посредством разработки и реализации новых научных разработок, инновационных технологий, современных материалов.

Подтверждая вышеуказанную позицию, можно сослаться на мнение Д. Белла, утверждающего, что революция в области материалов, основанная на понимании квантовой механики, означает, что зависимость человека от природных ресурсов исчезла, и, что не менее важно, можно производить абсолютно новые продукты, основанные на тех свойствах материалов, которые нам необходимы [1].

Несмотря на достаточно длительную ретроспективу изучения, общепризнанного научного понятия информации не существует. Большинство авторов раскрывают лишь некоторые отдельные ее стороны, вследствие чего сложилось множество различных, порой противоречащих друг другу определений.

Г.Р. Громов впервые обосновал ключевую роль национальных информационных ресурсов в социально-экономическом развитии общества в современных условиях. Осознание информации как ресурса появилось в результате переосмысления роли информации в отдельных сферах общественного производства и в рамках программно-целевого подхода, который рассматривает ее как один из видов ресурсов, наряду с рабочей силой, материалами, оборудованием, энергией [2].

К.К. Вальтух под производством понимает сознательно осуществляемое человеком увеличение информационного богатства реального мира. Различие потребительских свойств товара является результатом различий в процессах формообразований. С этой точки зрения, данный процесс — преобразование информации в системе. Результатами любого процесса

являются изменения, приданные исходным состоянием системы посредством меняющейся информации [3]. Ф. Хайек рассматривал информацию в качестве такого же производственного ресурса как труд или сырье. Он указывал на то, что разумное использование ресурсов в общественных масштабах для предотвращения перепроизводства немислимо без информационного обмена между производителями и потребителями, без рациональной организации использования информации. По утверждению Т. Стоуньера, нет ни одного способа производительного приложения труда, который в то же самое время не был бы приложением информации [4].

В условиях усиления роли информационных ресурсов в общественном производстве, перехода мировой экономики на инновационный путь развития, обострения технологической конкуренции между предприятиями определенные виды информации необходимо рассматривать как ресурсы инновационного потенциала развития организации.

По нашему мнению, можно выделить следующие основные факторы, актуализирующие роль информационных ресурсов инновационной деятельности организации:

- усиление процессов глобализации экономики;
- повышение роли информации в общественном производстве;
- увеличение информационной составляющей в функционировании инновационно ориентированной компании;
- предоставление конкурентных преимуществ на рынке инновационных товаров и услуг;
- повышение эффективности других ресурсов инновационного потенциала;
- снижение неопределенности и рисков инновационной деятельности;
- необходимость создания автоматизированной управленческой информационной системы организации.

Качественно новый этап в развитии интернационализации хозяйственной

жизни, начавшийся с конца XX века, назван глобализацией. М. Кастельс рассматривал современную экономику как интеграцию двух основных составляющих — информации и глобализации. Глобальный характер экономики определяется тем, что производство, обмен и потребление благ происходят в мировых масштабах. На макроэкономическом уровне глобализация проявляется в экономической активности государств вне своих границ, а на микроэкономическом уровне — в расширении деятельности предприятий за пределами внутреннего рынка [5].

Для эффективной реализации указанных процессов необходимо широкое информационное сопровождение функционирования предприятий, которое находится в прямой зависимости от информационной прозрачности последних.

А.И. Ракитов подчеркивает, что общество считается информационным, если [6]:

- любой индивид, группа лиц, предприятие или организация в любой точке страны и в любое время могут получить за соответствующую плату или бесплатно на основе автоматизированного доступа и систем связи любую информацию и знания, необходимые для их жизнедеятельности и решения личных и социально значимых задач;
- в обществе производится, функционирует и доступна любому индивиду, группе или организации современная информационная технология;
- имеются развитые инфраструктуры, обеспечивающие создание национальных информационных ресурсов в объеме, необходимом для поддержания постоянно убыстряющегося научно-технологического и социально-исторического прогресса;
- происходит процесс ускоренной автоматизации и роботизации всех сфер и отраслей производства и управления;
- протекают радикальные изменения социальных структур, следствием которых оказывается расширение сферы информационной деятельности и услуг.

Как показывают данные ряда исследований, в общественном производстве отчетливо наблюдаются тенденции увеличения объема информации и создается необходимая инфраструктура, содействующая ее перемещению.

Значение информационной составляющей усиливается в деятельности хозяйствующих субъектов. Организация, по М. Портеру, может быть представлена как совокупность различных видов деятельности, направленных на разработку, производство, маркетинг, доставку и обслуживание своих продуктов. Все виды деятельности объединяются в цепочку создания стоимости. Каждый ценный вид деятельности имеет как физический компонент, так и компонент обработки информации [7].

Приведенные данные отчетливо показывают, что в настоящее время информационные ресурсы распространяются по всей цепочке создания стоимости предприятия и участвуют в следующих видах деятельности:

- внутренней логистике;
- производственном процессе;
- внешней логистике;
- маркетинге;
- управлении персоналом;
- технологическом развитии;
- материально-техническом и инфраструктурном обеспечении;
- финансировании инвестиций за счет внешних источников и собственных средств [8].

По мнению Портера, технологии информационных систем играют важную роль в создании и использовании «сцеплений» между всеми видами деятельности, так как их координация и оптимизация требуют управления обменом информацией об осуществлении разных видов деятельности. Т. Стюарт называет информацию и знание оружием в конкурентной борьбе нашего времени. Согласно его мнению, конкурентные преимущества, получаемые компанией, частично можно считать информационными. Указанные преимущества обеспечиваются посредством [7]:

- компетенции персонала;
- результатов интеллектуальной деятельности.

Исследования, проведенные Р. Земски, доказали, что при повышении уровня образования персонала на 10 % суммарная производительность труда возрастает на 8,6 %. Для сравнения: при таком же увеличении основных фондов производительность труда повышается всего на 3,4 %. Э. Денисон определяет информационные ресурсы как один из перспективных факторов повышения эффективности производства: «По мере накопления знаний, относящихся к производству, растет объем продукции, который может быть получен при использовании данного количества ресурса» [1].

Менеджмент организаций в процессе разработки управленческих решений сталкивается с неопределенностью внешней среды как функции количества информации, которой располагает компания (или должностное лицо) по поводу определенного фактора, а также функции уверенности в ее достоверности.

По мнению Е. Попова, неопределенность, связанная с недостатком информации, приводит к снижению эффективности управления фирмой и потере полного контроля над контрактными процессами. Отсутствие необходимой информации вызывает как прямые потери, так и возникновение упущенных выгод. Использование информационного преимущества — это возможность снижения транзакционных издержек предприятия, упрочения позиции на рынке и повышения эффективности внутрифирменных процессов. Кроме того, стремительное старение оборудования, технологий является причиной возможных кризисных явлений на предприятиях. Признаки этих явлений возникают задолго до того, как наступит банкротство, поэтому ранняя диагностика симптомов кризиса — одна из основных задач управления предприятием. Важным элементом и инструментом анализа состояния предприятий становятся модели раннего предостережения и оценки текущей деятельности предприятий и риска [9]. Любая предпринимательская деятельность сопряжена с риском. Одним из главных

преимуществ, которые дают организованные спекуляции, является снабжение информацией о деловой конъюнктуре, что позволяет более осмысленно прогнозировать изменения рынка.

Последствием несвоевременного выявления и локализации угроз может стать кризис деятельности хозяйствующего

субъекта как тяжелое патологическое состояние, которое ставит под вопрос существование организации и требует разработки комплекса мер по восстановлению рыночно ориентированного равновесия и сбалансированного ее функционирования в соответствии с данными рисунка 1.

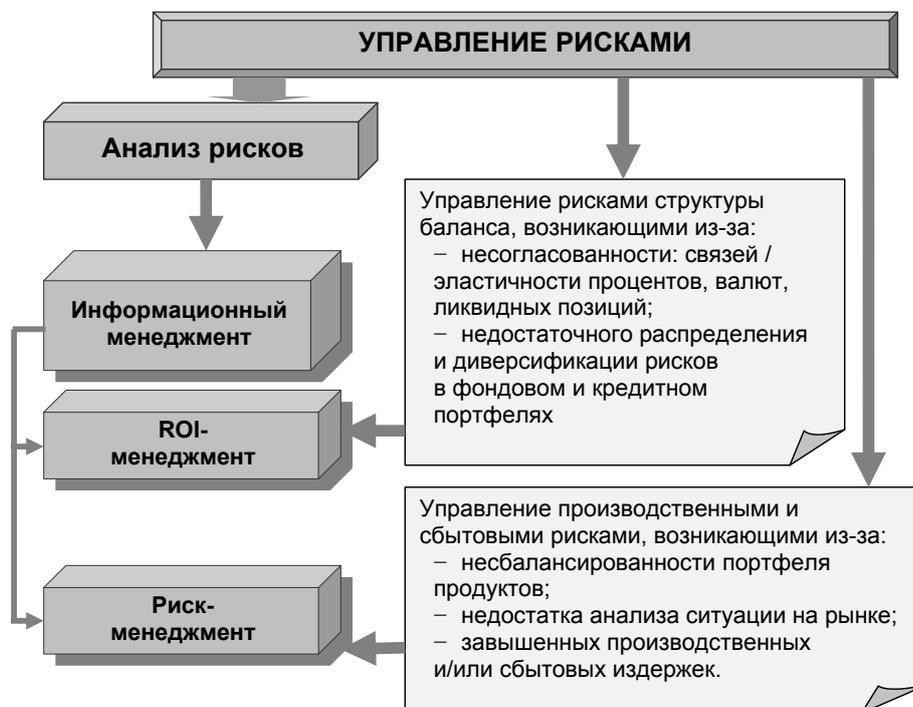

Рисунок 1. Основные элементы структуры управления рисками

В отличие от временных ситуаций падения деловой активности, следующих за прекращением цикла развития и чередующихся с фазой подъема, кризисы способны вызвать функциональные нарушения деятельности предприятия, затрагивая имущественную, техническую, организационную, кадровую составляющую управления.

Реализация предпринимательских способностей контролера осуществляется в процессе прохождения этапов и циклов развития, каждый из которых может быть сопряжен с риском. Существует объективная основа и субъективные причины его возникновения, обусловленные как внешними условиями, так и внутренними факторами организации. В этой связи проблемы оценки экономического и производственного рисков, а также выбора эффективных рациональных управленческих реше-

ний в условиях неопределенности являются характерными элементами рыночной среды.

Новые подходы к внедрению современных систем поддержки принятия управленческих решений призваны:

- обеспечить информационную поддержку управления бизнес-процессами по установленным целям;
- объяснить усложняющиеся экономические проблемы организации и подвергнуть их оперативному анализу;
- проанализировать и предложить возможные решения по реструктуризации и развитию бизнеса.

Для проведения анализа финансово-экономической деятельности организации, без которого невозможно разработать рациональные управленческие решения, применяются финансово-хозяйственные и управленческие системы, обеспечивающие автоматизацию

отдельных направлений функционирования, включая:

- бухгалтерскую отчетность хозяйствующего субъекта;
- подготовку принятия рациональных решений;
- планирование, бюджетирование и процессы контроля их исполнения.

В ходе реализации указанных направлений появляется объективная потребность получения сводных результатов деятельности предприятия. Для этого, как правило, используют корпоративные управленческие информационные системы (УИС), предназначенные для предоставления руководству как можно более детальной информации о функционировании предприятия.

А.М. Карминский в качестве основных требований, предъявляемых к интегрированной автоматизированной управленческой информационной системе (АУИС), выделяет следующие [5]:

1. Открытость АУИС, в том числе:
 - масштабируемость приложений (переносимость на другие объекты);
 - привязка приложений к конкретному пользователю и к конкретным техническим платформам (вычислительным и операционным системам);
 - настраиваемость функциональных возможностей и интерфейсов пользователей в распределенной структуре.
2. Соответствие основным принципам бизнеса:
 - регламентированный автоматизированный документооборот;
 - единство учета, контроля и хранения документов;
 - единство содержательного и формального учета;
 - единство аналитического и синтетического учета;
 - настраиваемость на различные нормативы и виды учета.
3. Обеспечение единого информационного пространства:
 - пространственная распределенность пользователей;
 - функционирование ИС в режиме реального времени;
 - расширенные глобальные телекоммуникационные возможности;

- внутрисистемная информационная связанность;

- множественность интерфейсов, виртуальность и однородность их технической реализации.

4. Настраиваемость на конкретные приложения и пользователей, в том числе спецификаций:

- описания структуры, состава, функций и полномочий;

- пользовательского интерфейса (формы, отчеты, меню);

- передачи данных в интегрированной системе для различных схем коммуникации;

- сервисов (включая защиту информации и регламенты взаимодействия);

- межсистемных интерфейсов.

5. Обеспечение управляемости бизнеса:

- управление стратегией и тактикой развития;

- консолидация сети филиалов и дочерних предприятий и их управляемость;

- управление ресурсами, портфелями активов и пассивов;

- администрирование электронного документооборота.

6. Надежность, защищенность и безопасность:

- резервирование, в т.ч. техническое и информационное дублирование;

- множественность уровней защиты;

- авторизация и избирательный контроль доступа в систему;

- ведение журналов операций и документооборота;

- единый регламент документирования, сопровождения и модификации.

7. Наличие многоуровневой и многоаспектной системы анализа и подготовки принятия решений с гибким и развитым графическим пользовательским интерфейсом.

В современных условиях ведение бизнеса требует возрастающей оперативности. Резкие изменения на рынках, сокращение длительности цикла обращения товаров и услуг, неустойчивость потребительского спроса,

усиление инновационной составляющей производства определяют важность адекватной информационной основы для разработки стратегических решений, а также для осуществления контроля за их реализацией.

По мнению А.М. Карминского, критическими факторами разработки стратегии построения интегрированной автоматизированной управленческой информационной системы организации следует считать [5]:

1. Фактор времени. Возрастающий уровень конкуренции требует, чтобы первые этапы создания ИС были завершены и первые результаты ее эксплуатации были получены через максимально короткий срок после принятия решения о разработке системы и начала ее финансирования. Сама разработка также должна быть завершена в максимально короткий срок. Этот фактор должен быть принят во внимание и в процессе эксплуатации системы, поскольку в условиях возрастающей конкуренции качество управления бизнесом и своевременность доставки информации пользователю для ее скорейшего анализа и принятия решений являются стратегическими факторами успеха.

2. Экономический фактор. Вложения в финансирование разработки могут быть значительными, однако они должны:

- достигать цели разработки и внедрения АУИС;
- в максимальной мере обеспечить выгоду (прибыль) от разработки;
- быть оптимальными по сравнению с другими вариантами реализации.

Для обоснования проекта должен разрабатываться бизнес-план. Требуется также учитывать экономические тенденции: удорожание труда высококвалифицированных специалистов, ин-

тенсивное развитие рынка технических средств.

3. Фактор потенциального изменения и развития. Поскольку ситуация в сфере бизнеса подвержена быстрым, порой скачкообразным изменениям (законодательство, политические решения и макроэкономические, методические и параметрические изменения, появление новых сфер и видов деятельности и т.д.), эти изменения должны легко отражаться за счет модификации и расширения функциональных и технологических возможностей АУИС.

4. Фактор преемственности. В информационном обеспечении всегда используются существующие и функционирующие на предприятии средства, а также положения и ноу-хау.

Активное использование информационной составляющей инновационного потенциала хозяйствующего субъекта позволит:

- повысить уровень технологического развития предприятия;
- ускорить модернизацию действующих производственных мощностей;
- обеспечить рост качества конкурентоспособности новых видов товаров на рынке;
- оптимизировать структуру управления, включая внедрение интегрированной автоматизированной управленческой информационной системы;
- совершенствовать управление на основе внедрения современных информационных технологий.

Таким образом, активизация на современной технико-технологической основе информационного ресурса инновационно ориентированной организации будет способствовать сокращению сроков адаптации нововведений к ее внутренней среде и укреплению экономического потенциала компании в целом.

Примечания:

1. Денисон Э. Исследование реалий в темпах экономического роста. М.: Прогресс, 1971. С. 519.

2. Громов Г.Р. Национальные информационные ресурсы: проблемы повышения эксплуатации. М.: Наука, 1984. С. 14-17.

3. Вальтух К.К. Информационная теория стоимости. Новосибирск: Наука, 1996. С. 133.

4. Хайек Ф. Дорога к рабству. М.: Экономика, 1992. 175 с.

5. Кастельс М. Галактика Интернет: размышления об Интернете, бизнесе и обществе: пер. с англ. Екатеринбург: У-Фактория (при участии изд-ва Гуманитарного ун-та), 2004. 327 с.
6. Ракитов А.И. Философия компьютерной революции. М.: Политиздат, 1991. С. 32-33.
7. Портер М. Конкурентное преимущество: как достичь высокого результата и обеспечить его устойчивость: пер. с англ. 2-е изд. М.: Альпина Бизнес Букс, 2006.
8. Кузьменко В.В., Кузьменко И.П. Внутрифирменный источник финансирования инвестиций // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. 2003. №25. С. 50-57.
9. Попов Е. Транзакционная функция // Общество и экономика. 2007. №9-10. С. 215.

References:

1. Denison E. Research of realities at rates of economic growth. М.: Progress, 1971. P. 519.
2. Gromov G.R. National information resources: problems related to increase of their exploitation. М.: Nauka, 1984. P. 14-17.
3. Valtukh K.K. Information cost theory. Novosibirsk: Nauka, 1996. P. 133.
4. Hayek F. Road to slavery. М.: Economy, 1992. 175 pp.
5. Castels M. The Internet Galaxy: Thoughts about the Internet, Business and Society: translated from English. Yekaterinburg: U-Faktoriya (with the participation of the Humanities University Publishing House), 2004. 327 pp.
6. Rakitov A.I. Philosophy of computer revolution. М.: Politizdat, 1991. P. 32-33.
7. Porter M. Competitive advantage: how to reach a good result and to provide its stability: translated from English 2nd edition. М.: Alpina Business Books, 2006.
8. Kuzmenko V.V., Kuzmenko I.P. Intra-firm source of investment financing // Economy of the agricultural and processing enterprises. 2003. No. 25. P. 50-57.
9. Popov E. Transactional function // Society and Economy. 2007. No. 9-10. P. 215.

УДК 338.45:662.7

ББК 65.305.143.4

Д 36

Е.Ю. Дерюгина

Аспирант Луганского национального университета им. Тараса Шевченко, Украина, г. Донецк. Тел.: +3 809 823 687 81, e-mail: Lemyshka@rambler.ru

Государственно-частное партнёрство как организационная форма внедрения системных инноваций на предприятиях угольной промышленности

(Рецензирована)

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы социально-экономической сущности государственно-частного партнёрства и влияния его механизма на инновационное развитие угольной отрасли; систематизированы категории государственно-частного партнёрства, экономического механизма обеспечения взаимодействия хозяйствующих субъектов в новой экономике по принципу «твой интерес — мой интерес»; рассмотрены объективные трансформации ценообразования в угольной отрасли, которые необходимо «улавливать» механизму государственно-частного партнёрства для обеспечения инновационного развития отрасли.

Ключевые слова: новая экономика, инновации, государственно-частное партнёрство, экономический механизм, ценообразование в угольной отрасли, горная дифференциальная рента, инвестиционный фонд финансирования угольной отрасли, типы инноваций в угольной отрасли.

E.Yu. Deryugina

Post-graduate student of Lugansk National University named after Taras Shevchenko, Ukraine, Donetsk. Ph.: +3 809 823 687 81, e-mail: Lemyshka@rambler.ru

Public-private partnership as the organizational form of introduction of system innovation at enterprises in the coal industry

Abstract. The paper deals with the issues of socio-economic effect of public-private partnership and the impact of the mechanism on the innovative development of the coal industry. Categories of public-private partnership and the economic mechanism of interaction of businesses in the new economy «your interest — my interest» are systematized. Objective transformations of pricing in the coal industry are examined. They should be “caught” by the mechanism of public-private partnership to provide innovative development of the industry.

Keywords: new economy, innovation, public-private partnership, the economic mechanism, pricing in the coal industry, mining, differential rent, investment fund for financing the coal industry, the types of innovations in the coal industry.

В современный период экономического развития Украины актуализируется разработка стратегий социально-экономического развития на долгосрочный период как страны в целом, так и её отдельных регионов, отраслей промышленности. В составе основных инструментов реализации социально-экономических стратегий

развития всё более необходимым становится использование государственно-частного партнёрства как нового, ключевого ресурса устойчивого развития смешанной экономики, её инновационного развития и обеспечения её конкурентоспособности.

Глобализация экономики и усиление рисков глобального кризиса, неста-

бильность внешних рынков, межгосударственная конкуренция и ряд других причин побуждают искать эффективные способы решения экономических проблем, что стимулирует развитие инновационной деятельности. Рецепты, технологии инновационного развития определяются различными парадигмами. Формирование нового технологического уклада и соответствующей инфраструктуры, модернизация за счет сравнительных преимуществ, переустройство всех сфер жизнедеятельности, изменение технологического и, как следствие, социально-экономического уклада общества определяются в литературе как нанотехнологии — первый надотраслевой приоритет [1, 2, 3]. Инновационный путь развития может рассматриваться как первичный и основной метод решения глобальных проблем человечества и, как следствие, метод обеспечения системы международной безопасности.

Важной глобальной проблемой, связанной с социально-экономическими процессами и окружающей средой, т.е. проблемой отношений по линии общество — природа является энергетическая проблема.

По прогнозам специалистов, критический объём невозобновляемых природных полезных ископаемых исчерпывается, что может спровоцировать системный мировой энергетический кризис. Очевидно, что инновационный путь развития экономик стран, направленный на энергоэффективность и энергосбережение, поможет его избежать.

В мире растёт значение угля как источника энергии. Инновационная политика развития угольной промышленности способствует созданию высокопродуктивных, рентабельных, экологических и диверсифицированных угольных производств. Человечество ещё не исчерпало всех возможностей использования угля, и в этом смысле у угольной отрасли большие перспективы.

В последние годы в угольной промышленности проводится активная политика модернизации и технического перевооружения, создания новых конкурентоспособных производств,

что открывает новые возможности для угольных компаний. Однако, наряду с позитивными тенденциями, в отрасли сохраняются существенные проблемы: повышенный риск добычи угля, сложность организации производственного процесса, наличие «дифференциальной горной ренты», невысокая эффективность хозяйственной деятельности, неустойчивый спрос на угольную продукцию, нарастающий дефицит квалифицированных трудовых кадров. Все эти факторы вызывают снижение прибыли угольных компаний и рост себестоимости этого полезного ископаемого.

Так, в отчёте Министерства энергетики и угольной промышленности Украины указывается, что в первом квартале 2013 года на государственных угольных предприятиях выросли убытки от выпуска товарной продукции в сравнении с первым кварталом 2012 года на 52% (до 3,683 млрд. грн.). Также в отчёте указывается, что в марте 2013 года фактическая себестоимость 1 тонны товарной угольной продукции составила 1,533 тыс. грн., что больше на 238,7 грн., или на 18,4%, в сравнении с аналогичным периодом прошлого года [4].

Долгосрочная программа развития угольной промышленности предполагает обоснование проекта развития отрасли как площадки реализации государственно-частного партнёрства в ходе инновационных преобразований [5].

К определению государственно-частного партнёрства исследователи подходят по-разному. Так, согласно экономическому подходу, механизм государственно-частного партнёрства отождествляют с косвенной приватизацией [6]. В данном случае исследователи говорят о перераспределении полномочий между государством и бизнесом в стратегических отраслях, которые не могут быть приватизированы, но для которых у государства отсутствуют средства на развитие. Государство, как правило, не может отказаться от своего присутствия в этих сферах (оборона, социальная сфера, инфраструктура, добывающая промышленность)

и вынуждено сохранять контроль либо над определённым имуществом (оставаться собственником), либо над определённым видом деятельности. С чисто рыночной позиции они непривлекательны и могут исчезнуть, если их активы передать в частные руки. Другая точка зрения не отождествляет государственно-частное партнёрство с приватизацией. Так, М. Джеррард пишет: «Партнёрства создаются и действуют на границе государственного и частного секторов хозяйства, не являясь вместе с тем ни национализированными, ни приватизированными активами и услугами. Таким образом, политически они представляют собой третий путь, с помощью которого правительства могут предоставлять населению некоторые общественные услуги» [7]. Очевидно, что такое понимание представляет такую экономическую систему, где и государство, и частный сектор играют важную роль в производстве, распределении, обмене и потреблении всех ресурсов и материальных благ в стране. При этом в системе регулирования экономики все более значительное место занимает корпоративное регулирование и управление, деловое партнёрство, межфирменные союзы, отраслевые и региональные сети сотрудничества. Они образуют противоречивое единство с конкуренцией, служат наряду с ней неотъемлемым элементом системы экономического регулирования. Государственное регулирование в этой системе является элементом экономического регулирования современного хозяйства: корректирует действие механизмов партнёрства и конкуренции, создаёт условия для их функционирования и нейтрализует связанные с ними негативные тенденции.

Государственно-частное партнёрство рассматривается также как механизм взаимодействия власти и бизнеса в экономической и других сферах общественной жизни — политике, культуре, науке и т.д. Так, М.В. Вилисов считает, что государственно-частное партнёрство — «это правовой механизм согласования интересов и обеспечения равноправия государства и бизнеса в

рамках реализации экономических проектов, направленных на достижение целей государственного управления» [8].

Наиболее полное определение государственно-частного партнёрства, на наш взгляд, даёт В.Р. Партер. Он рассматривает государственно-частное партнёрство как систему отношений, которые складываются между государством и/или территориальной общиной, с одной стороны, и субъектом хозяйствования, который действует на основе частной формы собственности, — с другой стороны, для взаимовыгодного сотрудничества на долгосрочной основе с целью реализации общественно значимых проектов, которые нуждаются в привлечении инвестиций. Конечной целью государственно-частного партнёрства является достижение социального и экономического эффектов, при реализации которых ресурсы обоих партнёров объединяются с соответствующим распределением рисков, ответственности и вознаграждений между ними [9].

Таким образом, государственно-частное партнёрство понимается, как правило, в двух смыслах. Во-первых, это система отношений государства и бизнеса в договорной форме, которая используется в качестве инструмента национального, международного, регионального, городского, муниципального экономического и социального развития и планирования. Во-вторых, это конкретные проекты, реализуемые различными государственными органами и бизнесом совместно на объектах государственной и муниципальной собственности.

Суть взаимодействия в рамках государственно-частного партнёрства состоит в согласовании интересов. При этом очевидно, что если взаимодействие осуществляется, то государство и бизнес нашли общие интересы и точки соприкосновения своих противоречивых интересов. Каждый участник проекта вносит свой вклад в развитие общего проекта. Так, государство обеспечивает правомочия собственности, предоставляет льготы и гарантии, финансовые

ресурсы партнеру. При этом государство реализует свои функции по управлению — планированию, мотивации, контролю, регулированию, соблюдению общественных интересов. Бизнес же обеспечивает гибкость, быструю адаптацию и оперативность в принятии решений, проявляет эффективное управление, новаторские способности.

Государственно-частное партнёрство является относительно новым инструментом экономического развития, поэтому представляется важным рассмотреть его экономическую сущность, взаимосвязь данного инструмента экономической политики и скорости внедрения системных инноваций.

Возникновение такой системы отношений между государством и частными партнёрами является итогом развития социально-экономических отношений, суть и основу которых составляют отношения собственности на средства производства, а также результат борьбы за экономическую власть отдельных субъектов хозяйственной деятельности. Партнёрская модель взаимоотношений в различных сферах помогает найти баланс интересов, необходимый для реализации общественно значимых инвестиционных и инновационных проектов и программ, является одним из важнейших условий успешного социально-экономического развития страны в целом, регионов и отраслей.

Экономисты объясняют причину необходимости внедрения такого механизма недостатками либеральной концепции развития экономики, основным методом реализации интересов в которой является приватизация. Экономисты указывают на ошибочность тезисов: «частная собственность всегда эффективнее государственной собственности», «рынок сам отрегулирует экономику». В результате масштабной смены собственников происходит рассогласование государственных (общественных) целей и частных интересов. Указывают, что неслучайно государственно-частное партнёрство появилось и нашло наибольшее распространение именно в «приватизированной» Великобритании [8].

Вследствие этого на практике совершенно логично возникает так называемая «полуприватизация», с которой часто отождествляют государственно-частное партнёрство (сторонники экономического подхода к данному механизму). Это даёт основание рассматривать такое партнёрство в качестве промежуточной формы между государственной и частной собственностью, а также как своеобразную управленческую альтернативу приватизации [8].

Основной движущей силой экономического развития являются экономические интересы общества, общественное сознание, культура труда и общения, господствующие нравственные установки и традиции, при этом источник экономического прогресса заложен в господствующих производственных отношениях, в соответствующих производительных силах. Устаревшие производственные отношения ослабляют экономические интересы человека, коллектива, предпринимателя. И, наоборот, в условиях соответствия производственных отношений потребностям развивающихся производительных сил экономические интересы выступают ускорителем экономического прогресса. Современная экономика представляет собой смешанную экономику. В современной экономике закон стоимости и его формы: закон конкуренции (внутриотраслевой и межотраслевой), закон цен, закон спроса, закон предложения, закон денежного обращения — действуют ограниченно и в определённом смысле избирательно.

Возникновение такого современного инструмента экономической политики, как государственно-частное партнёрство, является объективным: а именно, такая система отношений обеспечивает последовательное движение экономики от низких точек её неустойчивого равновесия в более высокие точки равновесия.

Механизм образования прибыли поощряет тех, кто осуществляет более прогрессивное производство с точки зрения технологии, техники, качества рабочей силы. Поощряя прогрессивных производителей, такой механизм

обеспечивает их преимущество, то есть издержки на единицу изделия оказываются меньше средней цены в отрасли, и, реализуя изделие по цене, которая отражает среднюю цену в отрасли, предприниматель ещё получает дополнительный доход. Необходимо учитывать, что такой дополнительный доход предприниматель в условиях свободной конкуренции получает за счёт разорившихся производителей, издержки которых оказались выше общественно необходимых в силу определённых обстоятельств.

Если мы говорим о свободной конкуренции как механизме товарно-денежных отношений, то она, поощряя тех товаропроизводителей, которые снижают затраты труда на единицу, «наказывает» отстающих товаропроизводителей, которые могут в итоге разоряться. В каждом цикле успешные товаропроизводители не просто возмещают затраты своего труда, а имеют ещё и избыток, который они не будут потреблять на личные нужды, так сказать, «проедать», а будут направлять его на расширение производства и, следовательно, уходить в развитии вперёд от основной массы производителей. Возникнет момент, когда они столкнутся с необходимостью дополнительной рабочей силы и наймут на работу тех производителей, кто имел затраты труда выше средних и разорился. Эти нанятые на работу разорившиеся ремесленники создают новую стоимость для капиталиста, а он, в свою очередь, конкурирует с другими капиталистами своей отрасли и других отраслей. Цепочка так далее и продолжается: если капиталист лучше других организует производство и использует прибыль на развитие и расширение производства, то он продолжает развиваться и сохраняет избыточную прибыль. В условиях простого товарного производства этот дополнительный доход успешных производителей является результатом не только их деятельности, но и включает в себя через механизм конкуренции часть труда, затраченного на производство товаров «неудачниками-производителями. В условиях капи-

тализма частью избыточной прибыли предпринимателей является труд рабочих неконкурентных капиталистических предприятий. Иными словами, если говорить безотносительно к экономической эффективности, мотивации, то успешные производители и предприниматели получают часть дополнительного (избыточного) дохода за счёт других производителей. С точки зрения общечеловеческой (безотносительно к вопросу увеличения производительных сил), гуманных отношений такое распределение оказывается несправедливым. Развитие производительных сил достигается посредством действия объективных экономических законов, которые, с другой стороны, несправедливы, поскольку негуманны.

В современных условиях, когда крупные компании могут влиять на цены, в целом на экономическую конъюнктуру, избыточный доход, который они получают, не только всё более дегуманизируется, но и становится антимотивацией для экономики в целом и для отдельных её сегментов [10].

Монополии стремятся всесторонне подчинить себе экономику путём присвоения прибавочного труда и необходимого труда рабочих, перераспределяя прибавочную стоимость между предпринимателями в свою пользу, осуществляя неэквивалентный обмен, продавая свои товары на рынках стран по ценам выше стоимости и покупая товары этих стран по ценам ниже стоимости. Таким образом, в результате своего влияния монополия присваивает и ту часть дохода, которая создается в экономике, навязывая условия в том смысле, чтобы получать сверхприбыль. Это становится несправедливым и мотивация себя исчерпывает. Основные массы субъектов, участвующих в производственном процессе, дезориентируются в своей деятельности. Это разочарование связано с пониманием невозможности за счёт своих усилий получить какой-либо эффект. В результате дальнейшее развитие производительных сил становится невозможным, и это приводит к стагнации, процветанию теневой экономики, стремлению

получить «быстрые деньги», к спекуляции. Корпоративное партнёрство является одним из выходов из этого тупика, так как в процессе партнёрства интересы различных производителей ищут общие точки соприкосновения. Мотивация партнёров-производителей строится по принципу: «мне хорошо, если хорошо тебе». Переговоры становятся неременным элементом отношений между участниками рынка. Регулирование производственных отношений средствами гражданского общества, социального партнёрства реально содействует балансу экономических интересов.

Другая сторона проблемы связана с доминированием в поздних индустриальных системах секторов экономики, предоставляющих технические факторы производства, технологии секторов, обслуживающих финансовые потоки, а также тех, кто выходит на конечного потребителя — на домохозяйства. Как правило, сельское хозяйство и ранее возникшие добывающие отрасли, к которым относится и угледобыча, испытывают на себе давление так называемых доминирующих секторов экономики. Это отражается в явлении «ножниц цен»: цены на продукцию доминирующих отраслей завышены относительно средней нормы прибыли, а в недоминирующих отраслях они занижены. Перекос цен может быть преодолен в процессе государственно-частного партнёрства, которое должно дать финансовый источник развития депрессивных отраслей на основе инноваций.

Сегодняшняя система государственной финансовой поддержки предприятий угольной отрасли в Украине не стимулирует предприятия к оптимизации производственных расходов, к увеличению объёмов добычи. В результате почти каждая отдельная шахта не имеет достаточного экономического потенциала для расширенного воспроизводства.

В угольной промышленности Украины износ промышленно-производственных фондов составляет около 60-80%, а около 25% стационарного оборудования работает сверх нормативного срока, требует немедленной

замены и в любой момент может стать причиной аварии. Значительная часть угледобывающих предприятий работает без реконструкции и существенной модернизации 30-40 лет. Техническое оснащение очистных и подготовительных забоев также не удовлетворяет современным требованиям. В общем парке действующего забойного оборудования доля механизированных комплексов и проходческих комбайнов нового технологического уровня остаётся низкой. Особенно актуальным вопрос технического оснащения является на шахтах, разрабатывающих крутые пласты, где большая часть угля добывается при помощи отбойных молотков [11].

С одной стороны, формирование цен на уголь государством не базируется на рыночных принципах, а служит только механизмом для компенсации издержек, что приводит к отсутствию стимулов для повышения эффективности жизнеспособных предприятий и необоснованной поддержке убыточных шахт. Доходы в отрасли распределяются неэффективно, что сдерживает рост отрасли [12]. В то же время ряд авторов указывают на невозможность отпуска цен на уголь вследствие развития цепной реакции роста цен в экономике. Угольная отрасль как сырьевая база находится в начале технологической цепи, поэтому при ликвидации финансовой поддержки угледобывающих предприятий и введении свободного ценообразования произойдет рост цен по цепочке «уголь — кокс — машиностроительная продукция и строительство», а также «уголь — электроэнергия — потребители электроэнергии». Одновременный скачок цен на уголь вызовет рост цен в экономике на многие годы [13]. В экономической теории это явление характеризуется как «эффект храповика». При этом необходимо учитывать, что современный тип экономики — смешанная или «новая экономика» — вносит коррективы в механизм ценообразования. Образуются так называемые «качели цен», когда вектор «ножниц цен» меняется. «Качели цен» обусловлены структурными изменениями общественного производства.

Одним из элементов механизма государственно-частного партнёрства является концессия [14]. В отличие от приватизации, концессия позволяет получить как поступления в бюджет в виде концессионных платежей и налогов, так и создать новые либо реконструировать существующие производственные мощности за счёт инвесторов, при этом сохранить право собственности на такие объекты за государством. Законом Украины №3687 — VIP предусматривается передавать в концессию предприятия ТЭК, которые требуют серьезной модернизации и развития с привлечением достаточно больших финансовых ресурсов, имеющих большой потенциал. Концессия предусматривает двусторонний договор. Концессионер, то есть инвестор, обязывается выполнять в полном объёме взятые на себя обязательства, а концессиодатель, то есть государство, сохранив право собственности на объект, может привлечь инвестиции в отрасль.

Исследователи предлагают включать в цену угля его инвестиционную составляющую как отдельный фонд, необлагаемый налогами. Инвестиционный фонд обеспечивает реальные накопления финансовых ресурсов в необходимых объёмах для воспроизводства мощностей и основных фондов угледобывающего предприятия, выбывающих из-за отработки запасов, физического или морального их старения или по другим причинам. Другим элементом цены называют интегрально-дифференциальную горную ренту по предприятиям с отрицательной горной рентой. Интегрально-дифференциальная горная рента образуется за счёт предприятий, получающих сверхприбыль (как за счёт более благоприятных горно-геологических условий залегания запасов полезных ископаемых в недрах и их отработки, так и за счёт более высокой природной энергоёмкости или калорийности, которыми они обладают) в виде положительной горной ренты.

В литературе имеет место точка зрения о том, что горная рента не должна уходить за пределы топливно-

энергетического комплекса (ТЭК), поскольку главным её назначением является устранение (нивелирование) горно-геологических условий залегания запасов сырья в недрах и в условиях их отработки, с одной стороны, и существенных различий в энергоёмкости и технологическом назначении использования их в национальном хозяйстве; с другой стороны, а также во избежание искусственного и экономически необоснованного завышения цен на продукцию на всех последующих стадиях общественного производства. Лебёдкиным Н.М. предлагается не передавать прибыль от результатов хозяйственной деятельности из наиболее трудоёмкой горнодобывающей промышленности в другие гораздо менее фондо-, трудо- и энергоёмкие отрасли национального хозяйства с существенно меньшей продолжительностью инвестиционного цикла и более короткими сроками окупаемости капитальных вложений [15].

В настоящее время в угольной отрасли реальные рентные отношения не имеют адекватной формы реализации. Действующая единая ставка налога на добычу угля ставит угледобывающие предприятия в неравные условия. Этим налогом не учитывается, что природно-геологические факторы оказывают решающее влияние на выбор метода добычи угля, на экономические и финансовые показатели и эффективность производственно-хозяйственной деятельности угольных предприятий.

Теоретической основой экономической оценки месторождений полезных ископаемых могут являться методы расчета дифференциальной горной ренты. Исходя из сопоставления извлекаемой ценности и затрат на разработку месторождения, рассчитываются граничные кондиции при добыче полезного ископаемого [16]. На наш взгляд, вследствие объективных предпосылок механизма хозяйствования рента не может удерживаться в той или иной сырьевой отрасли, но распределяться и перераспределяться на условиях государственно-частного партнёрства, безусловно, должна. Удерживание дифференциальной ренты в пределах

топливно-энергетического комплекса будет провоцировать рост цен соответственно технологической цепочке и вследствие механизма «ножниц цен».

Участие государства и субъектов хозяйствования в механизме партнёрства не должно сводиться к благотворительности и порождать иждивенчество в экономике. Данный механизм государственно-частного партнёрства призван обеспечить социально-экономическую справедливость и соответственно мотивацию деятельности.

Многообразные формы государственно-частного партнерства базируются на сочетании иерархических принципов управления и контроля над ресурсами внутри производственных объединений, долгосрочных стратегиях в области производства и маркетинга с образованием гибких и автономных производств, ячеек на микроуровне, налаживанием кооперационных связей между фирмами в сфере научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (НИОКР), совместных технологий и новых видов продукции, информационного и инфраструктурного обеспечения. Принципы реализации государственно-частного партнерства состоят в следующем:

— экономической и социальной заинтересованности хозяйствующих партнёров;

— ответственном исполнении партнёрами экономических, социальных, экологических и других договорных обязательств;

— честности партнёров: главная из добродетелей, создающая наибольшие богатства в стране [17].

Государственно-частное партнёрство в секторе нефинансовых корпораций и, в частности, в угольной отрасли предполагает реализацию основных типов инноваций, к которым относятся:

— технические — освоение более производительного оборудования, средств малой механизации, разработка и применение автоматизированных систем контроля и управления;

— технологические — разработка и освоение технологически новых или значительно усовершенствованных процессов и рабочих операций при ведении горных работ;

— организационные — разработка и применение новых или значительно усовершенствованных организационных и управленческих структур, обеспечивающих производственную деятельность;

— управленческие — разработка и применение новых механизмов управления производством, взаимодействием персонала, в основе которых может институционально закрепленные нормы, правила, традиции, направленные на мотивацию к освоению технических, технологических и организационных инноваций [18].

Дальнейших исследований требует оценка взаимосвязи источников, характера и направленности финансовых потоков и механизма государственно-частного партнёрства как открытого экономического механизма [19].

Примечания:

1. Ковальчук М.В. Конвергенция наук и технологий — прорыв в будущее / М.В. Ковальчук // Российские нанотехнологии. 2011. №1-2. С. 13-19.

2. Создание многопрофильных углеперерабатывающих компаний — политика инноваций в угольной отрасли / С.В. Новоселов, А.В. Ремезов, В.Г. Харитонов, В.В. Агафонов // Уголь. 2012. №7. С. 44-46.

3. Татаркин А.И. Стратегическое планирование и развитие предприятий / А.И. Татаркин // Российский журнал менеджмента: XII Всерос. симп. 2011. Т. 9, №2. С. 151-152.

4. Государственные угольные шахты в первом квартале увеличили убытки на 52%. URL: <http://mynews-in.net/news/2013-04-08/3770295.html>

5. Пресс-служба Минэнерго России. Утверждена Долгосрочная программа развития угольной отрасли на период до 2030 года // Уголь. 2012. №4. С. 8-9.

6. Public/Private Partnerships: Financing a Common Wealth. Wash., 1985. P.67.

7. Gerrard M.B. What are public-private partnerships, and how do they differ from privatizations? // Finance & Development. 2001. Vol. 38. №3. URL: <http://www.imf.org/external/pubind.htm>.

8. Виллисов М.В. Государственно-частное партнёрство: политико-правовой аспект // Власть. 2006. №7. С. 13.

9. Партнер В.Р. Государственно-частное партнерство в Украине. Киев: Arzinger, 2009. 176 с.
10. Жуков Б.М., Осин А.А. Регулятивные функции государства в обеспечении интегральной конкурентоспособности регионов // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 5, Экономика. 2012. №2. С. 78-89.
11. Белозерцев Р.В. Оценка влияния факторов внешней среды на функционирование угледобывающих предприятий // Наукові праці ДонНТУ. Сер. Економічна. 2005. Вип. 100-1 Отраслевые проблемы экономики. С. 198-207.
12. Андрищенко С. Итоги 2010 года для угольной промышленности // Дело. 2011.06 января. URL: <http://delo.ua/business/itogi-2010-goda-dlja-ugolnoj-p-149637>.
13. Фесенко І.А., Коваленко Н.В. Розвиток методологічних аспектів управління вугільною промисловістю // Управленческие технологии в решении современных проблем развития социально-экономических систем. — Донецк: ГВУЗ «ДонНТУ», 2011. С. 301-309.
14. Про особливості оренди чи концесії об'єктів паливно-енергетичного комплексу, що перебувають у державній власності / Верховна Рада України; Закон від 08.07.2011 №3687-VIP. URL:<http://zakon1.rada.gov.ua/cgi-bin/laws/main.cgi?nreg=3687-17>.
15. Лебёдкин Н.А. Совершенствование методологии воспроизводства мощностей угольной промышленности России: дис. ... д-ра экон. наук. М., 2010. 328 с.
16. Мартякова Е.В., Скаженик В.Б., Кравченко А.А. Проблемы экономической оценки угольных шахт в современных условиях // Управленческие технологии в решении современных проблем развития социально-экономических систем: монография. Донецк: ГВУЗ «ДонНТУ», 2011. С. 241-249.
17. Янжул И.И. Миллионы и что с ними надо делать. М.: Общество купцов и промышленников России, 2006.
18. Костарев А.С. Планирование инновационных процессов в угледобывающем производственном объединении // Уголь. 2011. №7. С. 43-47.
19. Попов Р.А., Джаримов А.А. Перспективы повышения конкурентоспособности промышленного сектора России в условиях развития процесса глобализации и регионализации экономики // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 5, Экономика. 2012. Вып. 1.

References:

1. Kovalchuk M.V. Convergence of sciences and technologies — break in the future / M.V. Kovalchuk // The Russian Nanotechnologies. 2011. No. 1-2. P. 13-19.
2. Creation of the diversified coal-processing companies — the politics of innovations in the coal branch / S.V. Novoselov, A.V. Remezov, V.G. Kharitonov, V.V. Agafonov // Coal. 2012. No. 7. P. 44-46.
3. Tatarkin A.I. Strategic planning and development of enterprises / A.I. Tatarkin // Russian Journal of Management: XII Russian Symp. 2011. V. 9, No. 2. P. 151-152.
4. The state coal mines increased losses by 52% in the first quarter. URL: <http://mynews-in.net/news/2013-04-08/3770295.html>.
5. Press service of the Ministry of Energy of the Russian Federation. The Long-term program of development of coal branch for the period till 2030 // Coal. 2012. No. 4. P. 8-9.
6. Public/Private Partnerships: Financing a Common Wealth. Wash. 1985. P.67.
7. Gerrard M.B. What are public-private partnerships, and how do they differ from privatizations? // Finance & Development. 2001. Vol. 38. No. 3. URL: <http://www.imf.org/external/pubind.htm>.
8. Villisov M.V. State-private partnership: political and legal aspect // Power. 2006. No. 7. P. 13.
9. Partner V.R. State-private partnership in Ukraine. Kiev: Arzinger, 2009. 176 pp.
10. Zhukov B.M., Osin A.A. Regulatory functions in ensuring integrated competitiveness of regions // Bull. Adyghe State University. Economics. 2012. No. 2. P. 78-89.
11. Belozertsev R.V. Assessment of influence of environment factors on functioning of the coal-mining enterprises // Nauкові праці DONNTU. Сер. Ekonomichna. 2005. No. 100-1 Branch problems of economy. P. 198-207.
12. Andryushchenko S. Results of 2010 for the coal industry // Business. 2011. January 06. URL: <http://delo.ua/business/itogi-2010-goda-dlja-ugolnoj-p-149637>.
13. Fesenko І.А., Коваленко Н.В. Розвиток методологічних аспектів управління вугільною промисловістю // Administrative technologies in the solution of modern problems of development of social and economic systems. — Donetsk: GVUZ «DONNTU», 2011. P. 301-309.

14. Про особливості оренди чи концесії об'єктів паливно-енергетичного комплексу, що перебувають у державній власності / Верховна Рада України; Закон від 08.07.2011 №3687-VIP. URL:<http://zakon1.rada.gov.ua/cgi-bin/laws/main.cgi?nreg=3687-17>.

15. Lebyodkin N.A. Improvement of methodologies of capacity reproduction in the coal industry of Russia: Dissertation of Dr. of Economic Sciences. M., 2010. 328 pp.

16. Martyakova E.V., Skazhenik V.B., Kravchenko A.A. Problems of an economic assessment of coal mines in modern conditions // Administrative technologies in the solution of modern problems of development of social and economic systems: monograph. Donetsk: GVUZ «DONNTU», 2011. P. 241-249.

17. Yanzhul I.I. Millions and what should be done with them. M.: Society of Merchants and Industrialists of Russia, 2006.

18. Kostarev A.S. Planning of innovative processes in coal-mining production association // Coal. 2011. No. 7. P. 43-47.

19. Popov R.A., Dzharimov A.A. Prospects for increasing competitiveness of industrial sector of Russia in the conditions of development of globalization and economy regionalization // Bull. Adyghe State University. Economics. 2012. No. 1.

УДК 330.341
ББК 65.011.151
Ч 68

И.В. Чистникова

Кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и статистики Федерального государственного автономного образовательного учреждения Высшего профессионального образования «Национальный исследовательский университет «Белгородский государственный университет», г. Белгород. Тел.: (905) 040 11 72, e-mail: chistnikova@bsu.edu.ru

Е.В. Никулина

Кандидат экономических наук, доцент, заведующая кафедрой экономики и статистики Федерального государственного автономного образовательного учреждения Высшего профессионального образования «Национальный исследовательский университет «Белгородский государственный университет», г. Белгород. Тел.: (905) 040 11 72, e-mail: nikulina@bsu.edu.ru

Формирование инновационной стратегии развития производства в регионе

(Рецензирована)

Аннотация. В статье обосновывается необходимость формирования инновационной стратегии развития производства в регионе; рассматривается сущность, миссия, задачи, направления и формы реализации мероприятий инновационной стратегии развития производства в регионе.

Ключевые слова: инновационная стратегия, инновации, инновационная политика, развитие производства, инновационное развитие.

I.V. Chistnikova

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of Economy and Statistics Department, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Professional Education «National Research University «Belgorod State University», Belgorod. Ph.: (905) 040 11 72, e-mail: chistnikova@bsu.edu.ru

E.V. Nikulina

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Head of Economy and Statistics Department, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Professional Education «National Research University «Belgorod State University», Belgorod. Ph.: (905) 040 11 72, e-mail: nikulina@bsu.edu.ru

Formation of innovative strategy to develop industry in the region

Abstract. The paper proves that it is necessary to form innovative strategy to develop industry in the region. The authors discuss the nature, mission, goals, directions and forms of realization of measures of innovative strategy on industry development in the region.

Keywords: innovation strategy, innovation, innovation policy, development of industry, innovation development.

В настоящее время обострилась проблема отставания производственного сектора экономики регионов России, ее решение возможно только с помощью инновационных преобразований.

Однако на достигнутом этапе развития экономики страны рыночные механизмы не создают достаточных стимулов для развития инноваций, важную роль должно играть государство посредством

проведения инновационной политики.

Инновационная политика на современном этапе должна занимать особое место в социально-экономической политике региона. Направления инновационной политики региона отражают приоритеты органов власти в сфере инновационной и научно-технической деятельности, а также определяют формы деятельности по достижению высоких научных и технических результатов.

Инновационная политика государства должна быть нацелена на обеспечение повсеместного и непрерывного внедрения результатов научно-технического прогресса в промышленности и в быту [1].

Одной из важнейших целей инновационной политики должно стать расширение производственного сектора в регионах. Одновременно успешное развитие производственного сектора регионов должно сопровождаться инновационным обновлением на основе внедрения новых технологий и новых организационных принципов.

Для ускорения экономического развития страны проводимая инновационная политика должна иметь стратегический вектор. Таким образом, в сложившейся ситуации необходимо формирование инновационной стратегии развития производства в регионах, которая будет нацелена на создание новых и модернизацию устаревших производственных предприятий.

Инновационная стратегия развития производства региона представляет собой комплекс действий долгосрочного характера для достижения качественно нового уровня развития производства.

Инновационная стратегия развития производства региона отличается от обычной стратегии тем, что она строится только на основе решения задач в сфере инновационной деятельности.

Формирование инновационной стратегии развития производства региона подразумевает определение следующих основных параметров:

— уровня инновационного потенциала региона, в том числе высококвалифицированных научных и инженерных кадров, научно-производственной базы;

— целевых ориентиров развития производства в регионе в долгосрочной перспективе (в течение трех, пяти, десяти лет);

— механизмов воздействия на инновационную деятельность и производственный сектор в регионе;

— направлений деятельности по регулированию инноваций в производственной сфере.

Для достижения технологического прорыва в производственной сфере региона и поддержания на оптимальном уровне рисков инновационной деятельности стратегия должна сочетать наступательный и защитный характер.

Наступательная инновационная стратегия развития производства в регионе направлена на разработку новых технологий или использование технологических решений для проникновения на рынок или диверсификации производственной деятельности.

Наступательная инновационная стратегия характеризуется высоким уровнем риска и эффективностью. При наступательной стратегии необходима ориентация на исследования (во многих случаях даже на фундаментальные) в сочетании с применением новейших технологий. Этот вид стратегии требует высокой квалификации при разработке нововведений, умения быстро реализовать новшества и способности предвидеть рыночные потребности [2].

Защитная инновационная стратегия развития производства в регионе направлена на поддержание уровня производства и сохранение позиций на рынке за счет внедрения инноваций.

Защитная (оборонительная) стратегия характеризуется невысоким уровнем риска, достаточно высоким уровнем технических (проектно-конструкторских и технологических) разработок и определенной завоеванной долей рынка. При защитной стратегии предприятия отличаются высоким уровнем техники и технологии производства, качеством выпускаемой продукции, относительно низкими издержками производства и пытаются удержать свои рыночные позиции [2].

Разработанная инновационная стратегия развития производства в регионе должна иметь форму инновационной программы. При этом в процессе формирования стратегии в первую очередь необходимо опередить миссию, цели и задачи инновационных преобразований в производственном секторе региона.

Миссией инновационной стратегии развития производства в регионе может быть повышение уровня жизни населения региона на основе развития производства и эффективного использования интеллектуального потенциала.

В качестве целей инновационной стратегии развития производства в регионе целесообразно определить:

- развитие производственного потенциала;
- расширение производства инновационной продукции;
- расширение возможностей для развития бизнеса в производственной сфере;
- организацию эффективной научно-исследовательской деятельности в производственной сфере.

Задачами инновационной стратегии развития производства в регионе должны стать:

- наращивание инвестиционной активности в производственной деятельности;
- ускоренная модернизация экономики;
- формирование необходимого инновационной экономике человеческого потенциала.

Формирование инновационной стратегии развития производства в регионе возможно на основе проведенного анализа инновационной ситуации. Параллельно следует провести оценку количественных и качественных характеристик инновационного потенциала региона, основными составляющими которого являются трудовые, производственные и инфраструктурные ресурсы.

При этом следует оценить инновационный потенциал региона, в который входят научно-производственная база и квалифицированный персонал.

Разработанные мероприятия инновационной стратегии развития произ-

водства в регионе целесообразно реализовывать в следующих формах:

- формирование и реализация образовательных программ по подготовке квалифицированного персонала для инновационных производств;

- развитие инновационной региональной инфраструктуры, объединяющей организации, деятельность которых направлена на оказание услуг и поддержку инновационных преобразований в производстве (консалтинговые, финансовые, информационные и др. организации);

- налоговое стимулирование инновационных и научно-технических проектов в производственной сфере за счет предоставления льгот по региональным и местным налогам;

- финансовое стимулирование и финансовая поддержка инновационных и научно-технических проектов в производственной сфере;

- финансовая поддержка создания научных комплексов из предприятий, вузов и исследовательских учреждений по разработке и внедрению в производство инноваций;

- обеспечение возможности использования малыми предприятиями инфраструктуры научных учреждений, оборудования, программного обеспечения;

- создание региональной законодательной базы по защите объектов интеллектуальной собственности;

- создание специализированных информационных ресурсов (интернет-порталов, периодической печати, телевизионных и радио программ) о результатах инновационной производственной деятельности, перспективных инновационных проектах.

Для выявления и предотвращения рисков, связанных с выполнением региональной инновационной стратегии развития производства, необходим постоянный контроль за ходом реализации контроля.

В процессе реализации стратегии могут быть применены три типа контроля:

- стратегический контроль подразумевает проверку и оценку дости-

жений в производственной сфере более чем за год;

— тактический контроль предусматривает проведение проверочных работ по результатам, достигнутому в течение 6–12 месяцев;

— операционный контроль призван анализировать и оценивать результаты за период до 6 месяцев.

Для анализа инновационной деятельности региона целесообразно применять:

— метод массовых наблюдений;
— метод статистических группировок и таблиц;

— метод изучения изменения явления (статистические показатели рядов динамики);

— метод сравнения (сопоставление одноименных показателей);

— метод анализа с помощью обобщающих показателей [3].

Особо важное значение имеет стратегический контроль инновационной деятельности в регионе, на основе которого целесообразно осуществлять корректировку инновационной стратегии для дальнейшего производственного роста.

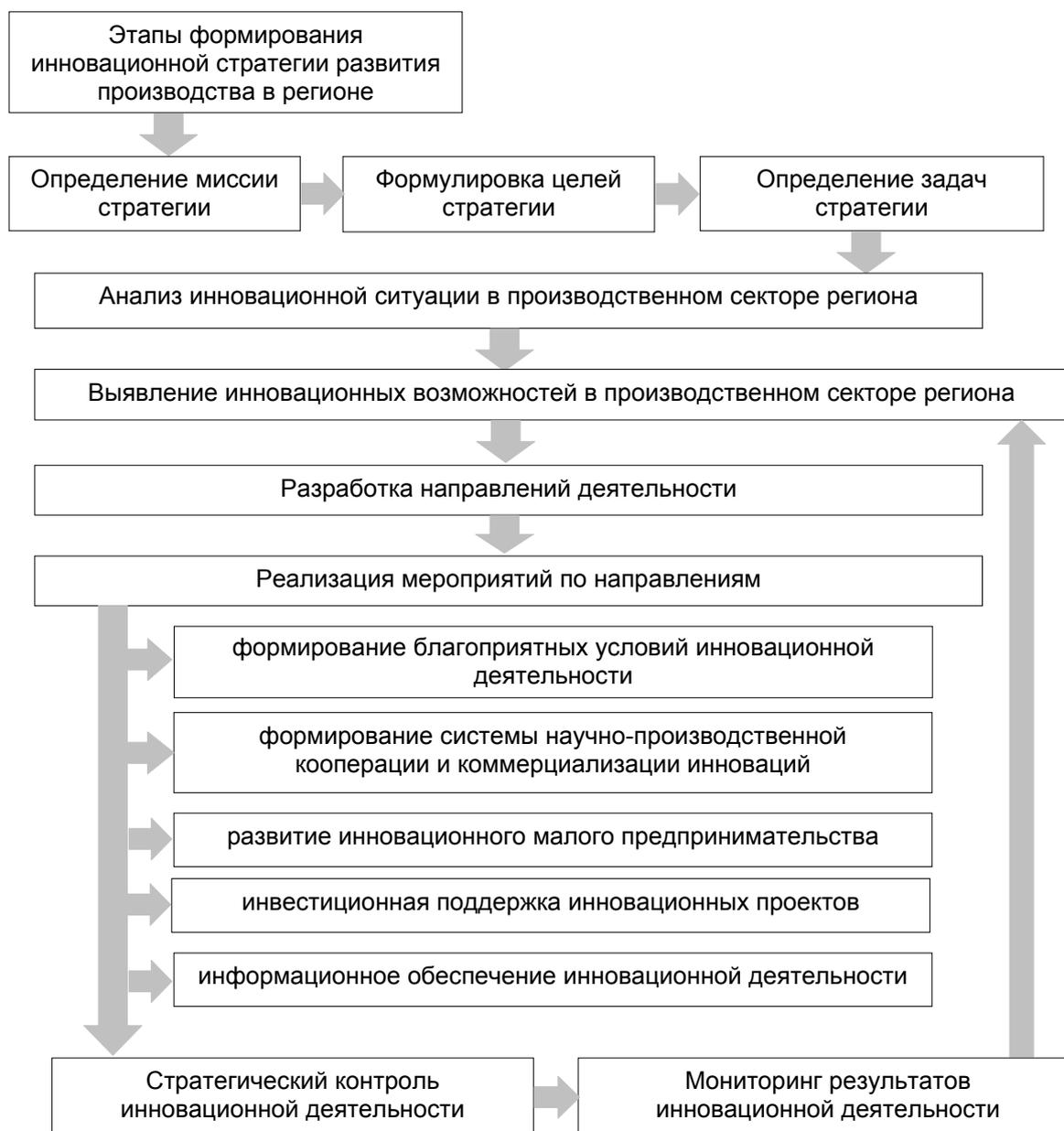

Рисунок 1. Механизм формирования и реализации инновационной стратегии развития производства в регионе

Комплексным результатом реализации инновационной стратегии развития производства в регионе должно стать формирование саморазвивающейся научно-технологической системы, концентрирующей ресурсы на развитии наукоемких, высокотехнологичных и конкурентоспособных производственных структур.

Схематично механизм формирования и реализации инновационной стратегии развития производства в регионе можно представить в следующем виде (рис. 1).

В целом уровень социально-экономического развития и конкурентоспособность региона напрямую зависят от инновационного наполнения секторов экономики. Необходимость

последовательного воплощения комплексной инновационной стратегической программы развития производства обуславливается технологической отсталостью на фоне высокого уровня изношенности основных производственных фондов в регионах России.

Сформированная инновационная стратегия развития производства в регионе должна иметь комплексный характер, объединять разнообразные формы и методы воздействия исполнительной власти на инновационные процессы в производственном секторе. В результате реализации стратегии в регионе ожидается прирост объема промышленного производства и доли инновационной продукции в регионе.

Примечания:

1. Чистникова И.В., Антонова М.В. О проблемах инновационной политики государства // Вестник СевКавГТИ, 2012. №12. С. 168-172.

2. Агарков С.А., Кузнецова Е.С., Грязнова М.О. Инновационный менеджмент и государственная инновационная политика. М.: Академия Естествознания, 2011.

3. Инновационная деятельность региона: сущность, измерители, оценка / Е.В. Никулина, И.В. Чистникова, А.В. Орлова, Ю.В. Лыщикова // Перспективные инновации в науке, образовании, производстве и транспорте ' 2012: сб. науч. тр. Sworld: материалы междунар. науч.-практ. конф. Вып. 2. Т. 23. Одесса: КУПРИЕНКО, 2012. С. 25-29.

References:

1. Chistnikova I.V., Antonova M.V. On problems of innovative policy of the state // Bull. SEVKAVGTI, 2012. No. 12. P. 168-172.

2. Agarkov S.A., Kuznetsova E.S., Gryaznova M.O. Innovative management and state innovative policy. M.: Natural Science Academy, 2011.

3. Innovative activity of the region: essence, measuring instruments and assessment / E.V. Nikulina, I.V. Chistnikova, A.V. Orlova, Yu.V. Lyshchikova // Promising innovations in science, education, industry and transport ' 2012: Proc. Sworld: Materials Intern. Sci. Conf. No.2. V. 23. Odessa: KUPRIENKO, 2012. P. 25-29.

НАШИ АВТОРЫ

**Бершицкий
Юрий
Иосифович,**

доктор технических наук, кандидат экономических наук, профессор, заведующий кафедрой организации производства и инновационной деятельности Кубанского государственного аграрного университета, г. Краснодар, ул. Калинина, 13. Тел.: (861) 221 56 64, e-mail: bershkubgau@mail.ru.

**Бондаренко
Валерий
Владимирович,**

доктор экономических наук, профессор кафедры экономики и финансов Краснодарского филиала Финансового университета при Правительстве РФ, г. Краснодар. Тел.: (861) 268 16 95 (доб. 118), e-mail: v_bondarenko@kubunibank.ru.

**Владимирова
Маргарита
Петровна,**

доктор экономических наук, профессор кафедры экономики и финансов общественного сектора Международного института государственной службы и управления (МИГСУ) Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Москва. Тел.: (910) 439 14 57, e-mail: mpvladi@mail.ru.

**Гисина
Ольга
Григорьевна,**

старший преподаватель кафедры экономики и управления Новороссийского филиала Московского гуманитарно-экономического института, г. Новороссийск. Тел.: (918) 996 18 13, e-mail: oricca@mail.ru.

**Гладилин
Александр
Васильевич,**

доктор экономических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры экономики и технологии управления Северо-Кавказского федерального университета, г. Ставрополь, ул. Пушкина 1. Тел.: (909) 769 29 29, e-mail: Katarina1983@mail.ru.

**Гурова
Евгения
Александровна,**

аспирант кафедры налогов и налогообложения Северо-Кавказского федерального университета, г. Ставрополь, пр. Кулакова, 2. Тел.: (8652) 94 59 75, e-mail: nalogi@ncstu.ru.

**Дерюгина
Елена
Юрьевна,**

аспирант Луганского национального университета им. Тараса Шевченко», Украина, г. Донецк. Тел.: +3 809 823 687 81, e-mail: Lemyshka@rambler.ru.

**Джаримов
Аслан
Алиевич,**

доктор экономических наук, профессор кафедры управления персоналом Адыгейского государственного университета, г. Майкоп, ул. Первомайская, 208. Тел.: (8772) 59 39 53.

**Добровольский
Александр
Григорьевич,**

соискатель кафедры экономики и управления Адыгейского государственного университета, г. Майкоп, ул. Первомайская, 208. Тел.: (918) 454 00 68, e-mail: e-914me@mail.ru.

**Долгих
Юлия
Александровна,**

соискатель кафедры экономики и управления Адыгейского государственного университета, г. Майкоп, ул. Первомайская, 208. Тел.: (918) 488 00 88, e-mail: maju8888@mail.ru.

**Иванча
Николай
Викторович,**

аспирант кафедры менеджмента Северо-Кавказского гуманитарно-технического института, г. Ставрополь, пр. Кулакова, 2. Тел.: (8652) 94 59 75, e-mail: nalogi@ncstu.ru.

- Керашев
Анзаур
Асланбекович,** доктор экономических наук, профессор, проректор по непрерывному образованию и инновационной деятельности, г. Майкоп, ул. Первомайская, 208. Тел.: (8772) 57 07 63, e-mail: kerashev@mail.ru.
- Кобец
Елена
Александровна,** кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономики предприятия Южного федерального университета, г. Таганрог. Тел.: (918) 531 19 00, e-mail: kobets_ea@mail.ru.
- Константиниди
Христофор
Александрович,** кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента и маркетинга Финансового университета при Правительстве РФ (филиал в г. Краснодаре), г. Краснодар, ул. Шоссе нефтяников, 32. Тел.: (918) 217 90 71, e-mail: kx81@mail.ru.
- Корба
Ольга
Александровна** старший преподаватель кафедры креативно-инновационного управления и права Пятигорского государственного университета, г. Пятигорск. Тел.: (961) 49 77 333.
- Королева
Нина
Алексеевна,** кандидат философских наук, докторант кафедры экономики и управления Адыгейского государственного университета, г. Майкоп, ул. Первомайская, 208. Тел.: (918) 383 22 34, e-mail: koroleva-agu@mail.ru.
- Кумпилова
Бела
Анзауровна,** кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и управления Адыгейского государственного университета, г. Майкоп, ул. Первомайская, 208. Тел.: (8772) 59 39 52, e-mail: jambot@yandex.ru.
- Курбанов
Гаджи Нуруллахович,** аспирант кафедры экономики и финансов общественного сектора МИГСУ Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Москва. E-mail: vlmp2012@mail.ru.
- Макареня
Татьяна
Анатольевна,** доктор экономических наук, заведующий кафедрой инженерной экономики Южного федерального университета, г. Таганрог. Тел.: (918) 507 03 97, e-mail: tamakarenya@sfedu.ru.
- Малков
Станислав
Валерьевич,** соискатель кафедры экономической кибернетики Таврического национального университета им. В.И. Вернадского, Украина, г. Симферополь, пр. Академика Вернадского, 4. Тел.: (+038) 050 424 03 71, e-mail: stanislavm83@mail.ru.
- Мартышина
Татьяна Васильевна,** соискатель кафедры экономики и управления Адыгейского государственного университета, г. Майкоп, ул. Первомайская, 208. (8772) 59 39 52 .
- Маницкий
Владислав
Сергеевич,** аспирант Кубанского института международного предпринимательства и менеджмента, г. Краснодар, ул. Кубанская набережная, 3. Тел.: (903) 411 66 55.
- Матюнин
Владимир
Михайлович,** кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента Сибирского института управления (филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ), г. Новосибирск. Тел: (913) 937 73 04, e-mail: ninutam@mail.ru.
- Мокрушин
Александр
Александрович,** доктор экономических наук, профессор кафедры экономики и управления Адыгейского государственного университета, г. Майкоп, ул. Первомайская, 208. Тел.: (8772) 59 39 52, e-mail: mokrushin_alex@inbox.ru.

- Налесная Яна Андреевна,** кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры инженерной экономики Южного федерального университета, г. Таганрог. Тел.: (8634) 37 17 42, e-mail: jana_n@list.ru.
- Никулина Евгения Викторовна,** кандидат экономических наук, доцент, заведующая кафедрой экономики и статистики Федерального государственного автономного образовательного учреждения Высшего профессионального образования «Национальный исследовательский университет «Белгородский государственный университет», г. Белгород. Тел.: (905) 040 11 72, e-mail: nikulina@bsu.edu.ru.
- Омельченко Екатерина Владимировна,** соискатель Северо-Кавказского федерального университета, г. Ставрополь, ул. Пушкина, 1. Тел.: (909) 769 29 29, e-mail: Katarina1983@mail.ru.
- Панеш Каплан Мугдинович,** соискатель кафедры экономики и управления Адыгейского государственного университета, г. Майкоп, ул. Первомайская, 208. Тел.: (8772) 59 37 56, e-mail: panesh_kaplan@mail.ru.
- Попов Андрей Ринадович,** кандидат экономических наук, старший преподаватель кафедры автомобильного туризма и сервиса Московского государственного автомеханического института, г. Москва. E-mail: popovra51@gmail.com.
- Попов Ринад Александрович,** доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой технологии, организации, экономики строительства и управления недвижимостью Кубанского государственного технологического университета, г. Краснодар, ул. Московская, 2. E-mail: popovra51@gmail.com.
- Прохорова Виктория Владимировна,** доктор экономических наук, профессор кафедры производственного и регионального менеджмента Кубанского государственного технологического университета, г. Краснодар, ул. Московская, 2. Тел.: (918) 355 08 80.
- Сайфетдинова Наталья Рафаиловна,** кандидат экономических наук, доцент кафедры организации производства и инновационной деятельности Кубанского государственного аграрного университета, г. Краснодар, ул. Калинина, 13. Тел.: (861) 221 59 90, e-mail: nsarifetdinova@mail.ru.
- Смирнова Елена Викторовна,** кандидат экономических наук, доцент кафедры производственного и регионального менеджмента Кубанского государственного технологического университета, г. Краснодар, ул. Московская, 2. Тел.: (861) 259 63 33.
- Смицких Ксения Викторовна,** старший преподаватель кафедры бухгалтерского учета и аудита Владивостокского государственного университета экономики и сервиса, г. Владивосток. Тел.: (423) 240 42 49, e-mail: smitskih@yandex.ru.
- Сташ Светлана Владимировна,** ассистент кафедры инженерной экономики Южного федерального университета, г. Таганрог. Тел.: (928) 61 44 126, e-mail: svstash@sfnedu.ru.
- Терентьева Татьяна Валерьевна,** доктор экономических наук, профессор, проректор по научно-исследовательской работе, заведующий кафедрой бухгалтерского учета и аудита Владивостокского государственного университета экономики и сервиса, г. Владивосток. Тел.: (423) 240 40 02, e-mail: Tatyana.Terenteva@vvsu.ru.

- Тимошенко Наталья Вячеславовна,** кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и финансов Краснодарского филиала Финансового университета при Правительстве РФ, г. Краснодар, ул. Шоссе нефтяников, 32. Тел.: (861) 215 63 63; (918) 027 99 52, e-mail: nt-40@mail.ru.
- Тлюстен Тимур Габдрашитович,** аспирант кафедры экономики и управления Адыгейского государственного университета, г. Майкоп, ул. Первомайская, 208. Тел.: (8772) 59 39 52.
- Тюпаков Константин Эдуардович,** кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и внешнеэкономической деятельности Кубанского государственного аграрного университета, г. Краснодар, ул. Калинина, 13. E-mail: tupakov@yandex.ru.
- Устюжина Ольга Николаевна,** кандидат экономических наук, старший преподаватель кафедры права и экономики Елабужского института Казанского (Приволжского) федерального университета (Федеральное государственное автономное учреждение высшего профессионального образования «Казанский (Приволжский) федеральный университет»), г. Елабуга. Тел.: (917) 289 09 34, e-mail: tsrs-com@mail.ru.
- Ханина Анна Владимировна,** аспирант кафедры инноватики и экономического проектирования Южного федерального университета, г. Таганрог. Тел.: (918) 530 41 44, e-mail: anna_smash@mail.ru.
- Хатукай Саида Аслановна,** кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и управления Адыгейского государственного университета, г. Майкоп, ул. Первомайская, 208. Тел.: (8772) 59 39 52, e-mail: khatukai@rambler.ru.
- Хилько Нина Александровна,** кандидат экономических наук, доцент Российского государственного социального университета (филиал в г. Анапа). Тел.: (918) 417 97 01.
- Хунагов Рашид Думаличевич,** доктор социологических наук, профессор, ректор Адыгейского государственного университета, г. Майкоп, ул. Первомайская, 208. Тел.: (8772) 57 02 73.
- Хусаинова Светлана Васильевна,** кандидат экономических наук, старший преподаватель кафедры права и экономики Елабужского института Казанского (Приволжского) федерального университета (Федеральное государственное автономное учреждение высшего профессионального образования «Казанский (Приволжский) федеральный университет»), г. Елабуга. Тел.: (917) 392 32 45.
- Чернышов Павел Геннадьевич,** аспирант кафедры экономики и финансов Северо-Кавказского гуманитарно-технического института, г. Ставрополь. Тел.: (928) 01 28 389, e-mail: chernyshov-pg@inbox.ru.
- Чистникова Ирина Вячеславовна,** кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и статистики Федерального государственного автономного образовательного учреждения Высшего профессионального образования «Национальный исследовательский университет «Белгородский государственный университет», г. Белгород. Тел.: (905) 040 11 72, e-mail: chistnikova@bsu.edu.ru.
- Шутилов Федор Валерьевич,** кандидат экономических наук, доцент кафедры производственного и регионального менеджмента Кубанского государственного технологического университета, г. Краснодар, ул. Московская, 2. Тел.: (906) 432 66 92.

OUR AUTHORS

- Bershitsky Yuri Iosifovich,** Doctor of Engineering, Candidate of Economic Sciences, Professor, Head of Department of the Organization of Production and Innovative Activity, Kuban State Agrarian University, Krasnodar. Ph.: (861) 221 56 64, e-mail:bershkubgau@mail.ru
- Bondarenko Valeriy Vladimirovich,** Doctor of Economics, Professor of the Economy and Finance Department, Krasnodar Branch of Financial University at the Russian Federation Government, Krasnodar. Ph.: (861)268-16-95 (add. 118), e-mail: v_bondarenko@kubunibank.ru
- Vladimirova Margarita Petrovna,** Doctor of Economics, Professor of Department of Economy and Finance of Public Sector, International Institute of Public Service and Management (MIGSU), the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow. Ph.: (910) 439 14 57, e-mail: mpvladi@mail.ru
- Gisina Olga Grigoryevna,** Senior Teacher of Economy and Management Department, Novorossiysk Branch of the Moscow Economic and Humanities Institute, Novorossiysk. Ph.: (918) 996 18 13, e-mail: oricca@mail.ru
- Gladilin Alexander Vasilyevich,** Doctor of Economic Sciences, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Professor of the Department of Economy and Technologies of Management, North-Caucasus Federal University, Stavropol. Ph. (909) 769 29 29, e-mail: Katarina1983@mail.ru.
- Gurova Evgeniya Alexandrovna,** Post-graduate student of Taxes and Taxation Department, the North Caucasus Federal University, Stavropol. Ph.: (8652) 94 59 75, e-mail: nalogi@ncstu.ru
- Deryugina Elena Yuryevna,** Post-graduate student of Lugansk National University named after Taras Shevchenko, Ukraine, Donetsk. Ph.: +3 809 823 687 81, e-mail: Lemyshka@rambler.ru
- Dzharimov Aslan Alievich,** Doctor of Economics, Professor of Personnel Management Department, Adyghe State University, Maikop. Ph.: (8772) 59 39 53.
- Dobrovolsky Alexander Grigoryevich,** Applicant for Candidate's degree of Economy and Management Department, Adyghe State University, Maikop. Ph.: (918) 454 00 68, e-mail: e-914me@mail.ru
- Dolgikh Yuliya Alexandrovna,** Applicant for Candidate's degree of Economy and Management Department, Adyghe State University, Maikop. Ph.:(918) 488 00 88, e-mail: maju 8888 @ mail.ru
- Ivancha Nikolay Viktorovich,** Post-graduate student of Management Department, the North Caucasus Humanities- Engineering Institute. Ph.: (8652) 94 59 75, e-mail: nalogi@ncstu.ru.
- Kerashev Anzaur Aslanbekovich,** Doctor of Economics, Professor, Vice-rector for continuing education and innovation activities, Adyghe State University, Maikop. Ph.: (8772) 57 07 63, e-mail: kerashev@mail.ru

- Kobets Elena Alexandrovna,** Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of Department of Economy of the Enterprise, the Southern Federal University, Taganrog. Ph.: (918) 531 19 00, e-mail: kobets_ea@mail.ru
- Konstantinidi Khristophor Alexandrovich,** Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of Management and Marketing Department, Financial University under the Government of the Russian Federation (Branch in Krasnodar), Krasnodar. Ph.: (918) 217 90 71, e-mail: kx81@mail.ru
- Korba Olga Alexandrovna,** Senior teacher of Department of Creative and Innovative Management and Law, Pyatigorsk State University, Pyatigorsk. Ph.: (961) 49 77 333.
- Koroleva Nina Alekseevna,** Candidate of Philosophy, Doctoral Candidate of Economy and Management Department, Adyghe State University, Maikop. Ph.: (918) 383 22 34, e-mail: koroleva-agu@mail.ru
- Kumpilova Bela Anzaurovna,** Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of Economy and Management Department, Adyghe State University, Maikop. Ph.: (8772) 59 39 52, e-mail: jambot@yandex.ru
- Kurbanov Gadzhi Nurullakhovich,** Post-graduate student of Department of Economy and Finance of Public Sector, MIGSU of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow. E-mail: vlmp2012@mail.ru
- Makarenya Tatyana Anatolyevna,** Doctor of Economic Sciences, Head of Department of Engineering Economics, Southern Federal University. Taganrog. Ph.: (918) 507 03 97, e-mail: tamakarenya@sfedu.ru
- Malkov Stanislav Valeryevich,** Applicant for Candidate's degree of Economic Cybernetics Department, Taurian National University named after V.I. Vernadsky, Ukraine, Simferopol. Ph.: (+038) 050 424 03 71, e-mail: stanislavm83@mail.ru
- Martyshina Tatyana Vasilyevna,** Applicant for Candidate's degree of Economy and Management Department, Adyghe State University, Maikop. Ph.: (8772) 59 39 52
- Manitskiy Vladislav Sergeevich,** Post-graduate student of the Kuban Institute of International Business and Management, Krasnodar. Ph.: 8 (903) 411-66-55
- Matyunin Vladimir Mikhaylovich,** Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of Management Department, the Siberian Institute of Management (Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration), Novosibirsk. Ph. (913) 93 77 304, e-mail: ninutam@mail.ru
- Mokrushin Alexander Alexandrovich,** Doctor of Economics, Professor of Economy and Management Department, Adyghe State University, Maikop. Ph.: (8772) 593-952, e-mail: mokrushin_alex@inbox.ru
- Nalesnaya Yana Andreevna,** Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of Engineering Economy Department, Southern Federal University, Taganrog. Ph.: (8634) 37 17 42, e-mail: jana_n@list.ru
- Nikulina Evgeniya Viktorovna,** Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Head of Economy and Statistics Department, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Professional Education «National Research University «Belgorod State University», Belgorod. Ph.: (905) 040 11 72, e-mail: nikulina@bsu.edu.ru

Omelchenko Ekaterina Vladimirovna,	Applicant for Candidate's degree of the North-Caucasus Federal University, Stavropol. Ph. (909) 769 29 29, e-mail: Katarina1983@mail.ru
Panesh Kaplan Mugdinovich,	Applicant for Candidate's degree of Economy and Management Department, Adyghe State University, Maikop. Ph.: (8772) 59 37 56, e-mail: panesh_kaplan@mail.ru
Popov Andrey Rinadovich,	Candidate of Economic Sciences, Senior Teacher of Automobile Tourism and Service Department, Moscow State Automotive Institute, Moscow. E-mail: popovra51@gmail.com
Popov Rinad Alexandrovich,	Doctor of Economics, Professor, Head of Department of Technology, Organization, and Economy of Construction and Management of Real Estate, Kuban State University of Technology, Krasnodar. E-mail: popovra51@gmail.com
Prokhorova Viktoriya Vladimirovna,	Doctor of Economics, Professor of Production and Regional Management Department, Kuban State Technological University, Krasnodar. Ph.: (918) 355 08 80
Sayfetdinova Natalya Rafailovna,	Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of Department of the Organization of Production and Innovative Activity, Kuban State Agrarian University, Krasnodar. Ph.: (861) 221 59 90, e-mail:nsaifetdinova@mail.ru
Smirnova Elena Viktorovna,	Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Kuban State University of Technology, Krasnodar. Ph. 8 (861) 259-63-33
Smitskikh Kseniya Viktorovna,	Senior teacher of Accounting and Audit Department, Vladivostok State University of Economy and Service, Vladivostok. Ph.: (423) 240 42 49, e-mail: smitskih@yandex.ru
Stash Svetlana Vladimirovna,	Assistant Lecturer of Department of Engineering Economics, Southern Federal University. Taganrog. Ph.: (928) 61 44 126, e-mail: svstash@sfnu.ru
Terentyeva Tatyana Valeryevna,	Doctor of Economics, Professor, Vice-Rector for research work, Head of Accounting and Audit Department, Vladivostok State University of Economy and Service, Vladivostok. Ph.: (423) 240 40 02, e-mail: Tatyana.Terenteva@vvsu.ru
Timoshenko Natalya Vyacheslavovna,	Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of Economy and Finance Department, Krasnodar Branch of Financial University under the Government of the Russian Federation, Krasnodar. Ph.: (861) 215 63 63; (918) 027 99 52, e-mail: nt-40@mail.ru
Tlyusten Timur Gabdrashitovich,	Post-graduate student of Economy and Management Department, Adyghe State University, Maikop. Ph.: (8772) 59 39 52
Tyupakov Konstantin Eduardovich,	Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of Department of Economy and Foreign Economic Activity, Kuban State Agrarian University, Krasnodar. E-mail: tyupakov@yandex.ru
Ustyuzhina Olga Nikolaevna,	Candidate of Economic Sciences, Senior Teacher of the Law and Economy Department, Yelabuga Institute of Kazan (Volga) Federal University, Yelabuga. Ph.: (917) 289 09 34, e-mail: tsrs-com@mail.ru

Khanina Anna Vladimirovna,	Post-graduate student of Innovatics and Economic Design Department, the Southern Federal University, Taganrog. Ph.: (918) 530 41 44, e-mail: anna_smash@mail.ru
Khatukay Saida Aslanovna,	Candidate of Economic Sciences, associate professor of economy and management of the Adygei state university, Maikop. Ph.: (8772) 59 39 52, e-mail: khatukai@rambler.ru
Khilko Nina Alexandrovna,	Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Russian State Social University (Branch in Anapa). Ph.: (918) 417 97 01
Khunagov Rashid Dumalichevich,	Doctor of Sociology, Professor, Rector of Adyghe State University, Maikop. Ph.: (8772) 57 02 73
Khusainova Svetlana Vasilyevna,	Candidate of Economic Sciences, Senior Teacher of the Law and Economy Department, Yelabuga Institute of Kazan (Volga) Federal University, Yelabuga. Ph.: (917) 392 32 45
Chernyshov Pavel Gennadyevich,	Post-graduate student of Economics and Finance Department, North Caucasus Humanitarian-Technical Institute, Stavropol. Ph.: (928) 01 28 389, e-mail; chernyshov-pg@inbox.ru
Chistnikova Irina Vyacheslavovna,	Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of Economy and Statistics Department, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Professional Education «National Research University «Belgorod State University», Belgorod. Ph.: (905) 040 11 72, e-mail: chistnikova@bsu.edu.ru
Shutilov Fedor Valeryevich,	Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Kuban State University of Technology, Krasnodar. Ph. 8 (906) 432-66-92

МИНИСТЕРСТВО СВЯЗИ И МАССОВЫХ
КОММУНИКАЦИЙ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ФЕДЕРАЛЬНАЯ СЛУЖБА ПО НАДЗОРУ
В СФЕРЕ СВЯЗИ, ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ
И МАССОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ

ФГУП НТЦ «ИНФОРМРЕГИСТР»

ДЕПОЗИТАРИЙ ЭЛЕКТРОННЫХ ИЗДАНИЙ

РЕГИСТРАЦИОННОЕ СВИДЕТЕЛЬСТВО
№517

От «6» октября 2011 г.

Настоящее свидетельство выдано на электронное научное издание **«Вестник Адыгейского государственного университета: сетевое электронное научное издание»**.

Адрес размещения в сети Интернет: <http://www.vestnik.adygnet.ru>

Учредитель (Издатель): **Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Адыгейский государственный университет»**.

Издание зарегистрировано «6» октября 2011 г. и ему присвоен номер государственной регистрации **0421200053**.

Регистрация действительна в течение 2012 года.

Директор ФГУП НТЦ «Информрегистр»

Печать

Е.И. Козлова

Требования и правила оформления статей для публикации в научном журнале «Вестник Адыгейского государственного университета»

Рецензируемый, реферируемый научный журнал «Вестник Адыгейского государственного университета» вошел в Перечень научных журналов и изданий, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ для публикации основных результатов кандидатских и докторских диссертаций. Учредитель — Адыгейский государственный университет. Индексы журнала «Вестник Адыгейского государственного университета» в общероссийском каталоге: Серия «Экономика» — 32896; Серия «Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология» и Серия «Естественно-математические и технические науки» — 36001; Серия «Педагогика и психология» — 45979; Серия «Филология и искусствоведение» — 82227.

Журнал принимает для публикации статьи по вышеуказанным научным направлениям.

Статьи должны быть посвящены актуальным проблемам науки, содержать четкую постановку цели и задач исследования, строгую научную аргументацию, обобщения и выводы, представляющие интерес своей новизной, научной и практической значимостью.

Статьи, поступившие в редакцию, проходят экспертизу членов редколлегии и направляются на рецензирование, осуществляемое членами редакционного совета АГУ — известными специалистами в данной области знаний. Решением редакционной коллегии статья может быть отклонена, если она не удовлетворяет перечисленным требованиям.

Рукописи, представляемые в Вестник Адыгейского государственного университета, оцениваются исходя из их научного содержания, а не по расовому, национальному или половому признаку, этнической принадлежности, политическим и религиозным убеждениям авторов.

Редактор и редакция не должны раскрывать информацию о представленной рукописи никому кроме соответствующего автора, рецензентов и издателя.

Правила для авторов

Редакция журнала «Вестник Адыгейского государственного университета» просит авторов руководствоваться приведенными ниже правилами. Статьи, оформленные без соблюдения этих правил, возвращаются без рассмотрения.

1. Рукопись должна иметь направление организации, в которой работает автор, выписку решения кафедры или иного структурного подразделения, на базе которого выполнена работа, рекомендовавшего статью к публикации в журнале, отзыв-рекомендацию ученого, который несет ответственность за опубликованные материалы, их научную достоверность и соответствие жанровой специфике.

К рукописи прилагается квитанция об оплате издательских услуг. Плата за публикацию статей с аспирантов не взимается.

2. Объем статьи не должен превышать 8 страниц.

3. Текст статьи должен быть тщательно отредактирован и подписан всеми авторами. В тексте перед началом статьи указываются: УДК, ББК, авторский знак. Перед изложением текста автор должен дать краткую аннотацию на русском и английском языках, ключевые слова (не более 10), а также перевод названия и фамилии автора на английский язык. В тексте аннотации должны быть раскрыты актуальность, цели и задачи исследования; предмет, объект исследования; приведены краткие выводы.

4. Текст статьи печатается на белой бумаге через 1 интервал на одной стороне стандартного листа формата А4, поля 2,5 см со всех сторон. Текст выравнивается по ширине, абзацный отступ — 1,25 см. Гарнитура шрифта Times New Roman, 12-й кегль. Текст и графический материал предоставляется в двух экземплярах. Повторение одних и тех же данных в тексте, таблицах и графиках недопустимо. Рисунки должны быть черно-белыми, штриховыми, выполнены четко, в формате, обеспечивающем ясность передачи всех деталей. Каждый рисунок должен сопровождаться подписью независимо от того, имеется ли в тексте его описание.

5. В конце статьи приводится перечень использованной литературы.

6. Необходимо приложить информацию об авторах (ФИО полностью, ученое звание, степень, должность, место работы, почтовый индекс, адрес, контактный телефон, факс и e-mail каждого соавтора).

7. К твердой копии статьи прилагается электронная версия на дискете или CD-диске: файлы с текстовой частью в формате Microsoft Word (текст, аннотация на русском и английском языках, ключевые слова, подписи к рисункам, сведения об авторах), имя файла должно начинаться латинской фамилией первого автора (например, Ivanov.doc(rtf)); каждый рисунок в отдельном файле (например, IvanovFig1.gif и т.д.).

8. Возвращение рукописи на доработку не означает, что статья принята к печати. После получения доработанного текста рукопись вновь рассматривается редколлегией. Доработанный текст автор должен вернуть с первоначальным вариантом статьи, а также ответом на все замечания.

9. Не принятые к публикации статьи авторам не высылаются. Статьи, отклоненные редколлегией, повторно не рассматриваются.

10. Оформление текста. Для математических и химических формул следует выбирать 12-й кегль шрифта. Буквы латинского алфавита набираются курсивом, буквы греческого и русского алфавитов — прямым шрифтом.

11. При использовании в тексте сокращенных названий необходимо давать их расшифровку; следует ограничиваться общепринятыми сокращениями и избегать новых без достаточных на то оснований.

12. При выборе единиц измерения следует руководствоваться международной системой единиц СИ.

13. В тексте ссылки на цитируемую литературу даются в квадратных скобках в конце предложения перед точкой (начинать с [1], [2], [3] и т.д.). Список литературы следует оформлять в порядке ссылок на нее по тексту, в списке должны быть только те источники, на которые есть ссылки в тексте. Ссылки на неопубликованные работы не допускаются. Для книг: фамилия и инициалы автора, полное название книги, место издания, издательство, год, том или выпуск, общее количество страниц. Для периодических изданий: фамилия и инициалы автора, название статьи, название журнала, год издания, том, номер, первая и последняя страницы статьи.

14. Требования к иллюстрациям, изготавливаемым авторами. Просим предоставлять только графические файлы рисунков.

15. **Плата за публикацию статей с аспирантов не взимается.** Первоочередным правом на публикацию статей пользуются докторанты, аспиранты и соискатели АГУ. Публикация статей преподавателей АГУ осуществляется за счет собственных средств университета. Дополнительные условия публикации статей для лиц, не работающих в АГУ, можно получить у ответственных за выпуски серий журнала.

Серия «Педагогика и психология»

Ответственный за выпуск серии — Чермит Казбек Довлетмизович, доктор педагогических наук, доктор биологических наук, профессор, проректор по учебной работе АГУ. Контактные телефоны: (8772)57-19-67; 59-37-00; 59-37-01. E-mail: demkina72@mail.ru

Серия «Филология и искусствоведение»

Ответственный за выпуск серии — Панеш Учужук Масхудович, доктор филологических наук, профессор, декан филологического факультета. Контактный телефон: (8772)57-00-08. E-mail: sessvetla@mail.ru

Серия «Естественно-математические и технические науки»

Ответственные за выпуск серии — Тлячев Вячеслав Бесланович, доктор физико-математических наук, профессор, зав. кафедрой теоретической физики; Жукова Ирина Николаевна, кандидат физико-математических наук, доцент кафедры теоретической физики. Контактный телефон: (8772)593908. E-mail: vemit@adygnet.ru

Серия «Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология»

Ответственный за выпуск серии — Афасижев Туркубий Индрисович, доктор социологических наук, профессор, зав. кафедрой философии и социологии. Контактный телефон: (8772)593984. E-mail: afasizhev@list.ru

Серия «Экономика»

Ответственные за выпуск серии — Керашев Анзаур Асланбекович, доктор экономических наук, профессор, декан экономического факультета; Захарова Елена Николаевна, доктор экономических наук, зав. кафедрой экономики и управления

экономического факультета. Контактные телефоны: (8772)570763, (928)2759842. E-mail: zahar-e@yandex.ru.

О ПОДПИСКЕ НА ЖУРНАЛ «ВЕСТНИК АДЫГЕЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА»

Стоимость подписки на журнал «Вестник Адыгейского государственного университета» на полугодие составляет 600 рублей (без стоимости доставки). Подписные индексы в Каталоге агентства «Роспечать»: Серия «Экономика» — 32896; Серия «Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология» и Серия «Естественно-математические и технические науки» — 36001; Серия «Педагогика и психология» — 45979; Серия «Филология и искусствоведение» — 82227.

Произвести подписку можно на почте в любом отделении связи.

Научное издание

Рецензируемый, реферируемый научный журнал «Вестник Адыгейского государственного университета», издаваемый тиражом 1000 экз.

Выпуск 2/120/2013.

Технический редактор Серкова Л.Ф.

Корректор Полянская Л.В.

Издательство АГУ

385000, Республика Адыгея, г. Майкоп, ул. Первомайская, 208.

Подписано в печать &&&.2013 г. Бумага типографская.

Формат 60x94 1/8. Усл.-п.л. 31,25. Тираж 1000 экз. Заказ №&&

Отпечатано в типография ИП Солодовников А.Н., ИНН 0105020396

г. Краснодар. Телефон: 8-961-522-32-33. E-mail: andre-sol@mail.ru